

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Собрание сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия
1929–1931. Максим Горький

Ответ на анкету американского журнала
Вы спрашиваете:

«Ненавидит ли ваша страна Америку, и что вы думаете о цивилизации Америки?»

Уже в самом факте постановки таких вопросов и в такой форме заключено нечто по-американски уродливо преувеличенное, раздутое. Не могу представить себе европейца, который способен поставить такие вопросы ради того, чтоб «сделать деньги». Разрешите сообщить, что на первый ваш вопрос – так же как и на всякие иные – я не имею права отвечать от лица всех 150 миллионов граждан моей страны, ибо не имею возможности спросить их: как они относятся к вашей стране?

Полагаю, что даже в тех странах, кровь которых ваши капиталисты превращают в доллары, – на Филиппинских островах, в республиках Южной Америки, в Китае – и среди 10 миллионов цветных людей территории США не найдётся ни одного разумного человека, который присвоил бы себе право сказать вам от имени своего народа: «Да, моя страна, мой народ ненавидит Америку, весь её народ, рабочих так же, как и миллиардеров, цветных так же, как белых; ненавидит женщин и детей, поля, реки, леса, зверей и птиц, прошлое и настоящее вашей страны, её науку и учёных, её великолепную технику, Эдисона и Лютера Бербанка, Эдгара По, Уота Уитмена, Вашингтона и Линкольна, Т.Драйзера и Е.О'Нейля, Шервуда Андерсона, всех талантливых художников и прекрасного романтика Брет-Гарта, духовного отца Д.Лондона, ненавидит Торо, Эмерсона и всё, что есть США, и всех, кто живёт в этих штатах».

Надеюсь, вы не ожидаете, что найдётся идиот, способный ответить на ваш вопрос так безумно, с такой ненавистью к людям и культуре.

Но, разумеется, то, что вы называете цивилизацией США, не возбуждает и не может возбудить у меня симпатии. Я думаю, что ваша цивилизация – это самая уродливая цивилизация нашей планеты, потому что она чудовищно преувеличила все многообразные и позорные уродства европейской цивилизации. Европа достаточно трагически развращена цинизмом классовой структуры государства, но всё же в Европе ещё невозможно такое вредное и бессмысленное явление, как ваши миллиардеры, миллионеры, люди, которые одаряют вашу страну дегенератами. Вы, конечно, помните бостонское убийство двумя богачами мальчишками третьего, – убийство из любопытства? А – сколько у вас таких преступлений из «снобизма», из любопытства? Европа тоже может похвастаться бесправием и беззащитностью своих граждан, но всё же она ещё не дошла до такого позора, как убийство Сакко и Ванцетти. Во Франции было «дело Дрейфуса», тоже очень постыдное, но во Франции на защиту невинного выступили Э.Золя, Анатоль Франс и повели за собою тысячи людей. В Германии, после войны, возникло нечто вроде Ку-клукс-клана – организация убийц, но там их выловили и судили, а у вас это не принято; Ку-клукс-клан убивает, цинически издевается над цветными, над женщинами, и всё это – безнаказанно так же, как безнаказанно расправляются губернаторы штатов с рабочими-социалистами.

В Европе нет такого отвратительного явления, как травля «цветных», хотя она страдает другой позорной болезнью – антисемитизмом; впрочем, болезнью этой заражена и Америка.

Преступность в Европе тоже постепенно растёт, но ещё не доросла до того, что, судя по вашим газетам, творится в Чикаго, где, кроме бандитов биржи и банков, свободно хозяйничают ещё и бандиты с револьверами и бомбами в руках. Невозможны в Европе и те битвы, которые вызвал у вас сухой режим. Невозможен мэр города, публично сжигающий книги английских классиков, как это сделал мэр Чикаго.

Не думаю, что Б.Шоу имел бы право ответить на приглашение в какую-либо иную страну так саркастически, как ответил он на приглашение редактора «Nation» О.Г.Вилларда приехать в Америку.

Капиталисты всех стран одинаково противное и бесчеловечное племя, но – ваши

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma хуже. Они, видимо, более глупо жадны к деньгам. Кстати: слово «бизнесмен» я перевожу для себя словом – маньяк.

Вы подумайте, как всё это глупо и постыдно: наша прекрасная планета, которую мы с таким трудом научились украшать и обогащать, – почти вся наша земля в жадных руках ничтожного племени людей, которые, кроме денег, ничего не умеют делать. Великолепную творческую силу – кровь и мозг учёных, техников, поэтов, рабочих, создающих культуру, нашу «вторую природу», – эти туповатые люди превращают в жёлтенькие кружочки металла и в бумажные полоски чеков.

Что, кроме денег, создают капиталисты? Пессимизм, зависть, жадность и ненависть, которая неизбежно уничтожит их, но вместе с ними может взрывом своим уничтожить и множество культурных ценностей. Ваша болезненно гипертрофированная цивилизация грозит вам величайшими трагедиями.

Лично я держусь, разумеется, того мнения, что истинная цивилизация и быстрый рост культуры возможны только при условии, если политическая власть всецело принадлежит трудовому народу, а не паразитам, живущим за счёт чужого труда. И, разумеется, я советую объявить капиталистов группой людей социально опасных, конфисковать имущество их в пользу государства, переселить этих людей на один из островов океана, и пусть они там спокойно перемрут. Это очень гуманное разрешение социального вопроса, и оно – совершенно в духе «американского идеализма», который есть не что иное, как наивнейший оптимизм людей, ещё не переживших драм и трагедий, в общем именуемых «историей народа».

О «маленьких» людях и о великой их работе
В тёплых водах Индийского и Тихого океанов есть острова, созданные работой ничтожно мелких животных – коралловых полипов. Эти животные начинают свою деятельность иногда с большой глубины, работают десятки тысяч лет, погибают миллиардами единиц, а масса их, продолжая начатое дело, выводит работу свою на поверхность океана, и мощные волны его не могут размыть, разрушить труд ничтожно маленьких существ, безруких, безглазых, но, может быть, как-то, по-своему, разумных. О крепость скал, слепленных работой этих существ из плоти своей, разбиваются железные корабли.

Культурную жизнь на земле начали строить маленькие люди тогда, когда они были, наверное, немногим умнее коралловых полипов.

Кроме жизни, которой природа наградила нас вместе со зверями, птицами, рыбами, насекомыми, вместе с волками и крысами, соловьями и лягушками, ершами и змеями, пчёлами и вшами, – кроме жизни, природа ничего не дала нам, – мы сами взяли и берём у неё всё, что нам необходимо.

Маленькие люди, мы, в древности, питались корнями растений, древесной корой, червяками. Хлеб, сахар и всё, чем питаемся мы теперь, найдено, отнято и обработано нами без помощи природы, силою нашего разума.

«Великие» люди родились не в одно время с «маленькими», – они выросли после, на труде маленьких. Великие люди – это те, у которых лучше, глубже, острее развиты способности наблюдения, сравнения и домысла – догадки, «сметки». Это люди, которые умеют воплощать свои наблюдения над явлениями природы и социальной жизни «маленьких» в руководящие идеи, в формы научных теорий, законов науки и произведений искусства.

Почему люди, имеющие одну и ту же природу, непрерывно враждуют между собой? – спрашивал более чем 2000 лет до наших дней «мудрец» древнего Рима Цицерон. Как случилось, что масса «маленьких» людей раскололась на рабов и господ, на хозяев и рабочих – на два класса, интересы которых совершенно непримиримы?

О том, как это случилось, рассказали рабочим всего мира двое поистине великих людей, которые прекрасно изучили трудную жизнь «маленьких», – это Карл Маркс и Владимир Ленин.

До них на протяжении двух тысяч лет сотни церковных писателей и моралистов, наблюдая ужасы жизни трудового народа, проповедовали и всё ещё проповедуют богатым – необходимость милосердия, бедным – необходимость кротости и терпения, обличали и всё ещё обличают пороки тех и других.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Но, как мы знаем, проповеди милосердия, кротости, терпения не сделали и не делают жизнь рабочих людей легче и не уменьшают пороков, не увеличивают «добродетели».

Маркс был тот первый и настоящий великий человек, который научно и неопровержимо установил, что причина всех несчастий рабочего класса и всего зла жизни – классовое общество, экономическое неравенство, частная собственность и что для рабочего класса выход к свободе только один – уничтожение классового строя, частной собственности и установка жизни на началах коммунизма.

Ленин – величайший вождь, который решительно встал во главе «маленьких» рабочих людей всего мира, решительно позвал их на борьбу за свободу. Следуя его призыву, рабочие России взяли в свои руки, в свою волю власть над своей страной. Этот первый опыт строения рабочими и крестьянами государства для себя имеет мировое воспитательное значение для трудящихся всей земли.

Вероятно, многие из рабочих скажут:

«Всё это мы слышали тысячу раз».

От повторений правда не портится. Одно дело – выслушать, другое – понять и почувствовать. Людей, которым знакомо всё то, что здесь говорится, не так много для страны с населением в 150 миллионов. Таких товарищей, которые, не щадя себя, героически делают великое дело строения социалистического государства, – ещё меньше.

Капиталистический строй преступен тем, что, безжалостно растрачивая рабочую силу на защиту своей власти, заставляя рабочих производить пушки и ружья, из которых собственники в любой момент могут уничтожить тысячи и тысячи тех же рабочих, миллионеры, миллиардеры и прочие «великие» грабители мира сделали труд подневольным, рабским, заразили «маленьких» людей равнодушием к труду, лишили труд радости, убили в нём личное творческое начало.

История культуры рассказывает нам, что в средние века ремесленные коллективы каменщиков, плотников, резчиков по дереву, гончаров умели строить здания и делать вещи изумительной красоты, ещё не превзойдённой художниками-одиночками. Таковы средневековые соборы Европы, таковы вещи, наполняющие музеи Запада и Союза Советов. Рассматривая эти вещи, чувствуешь, что они были сделаны с величайшей любовью к труду. «Маленькие» люди были великими мастерами – вот что говорят нам остатки старины в музеях и величественные храмы в старинных городах Европы.

Человек по натуре своей – художник. Он всюду, так или иначе, стремится вносить в свою жизнь красоту. Он хочет перестать быть животным, которое только ест, пьёт и довольно бессмысленно, полумеханически, производит детей. Он уже создал вокруг себя вторую природу, ту, которая зовётся культурой. Человек – художник, в этом убеждает нас созданное «маленькими» людьми словесное народное творчество: мифы, сказки, легенды, суеверия, песни, пословицы и т. д. Всё это – творчество «маленьких» людей, и во всём этом заложено неисчерпаемо много прекрасной, хотя в большинстве уже устаревшей мудрости, в этом сжат трудовой опыт бесчисленных поколений. Капиталистический строй убил в «маленьких» людях способности художников и творцов, этот строй не давал талантам ни места, ни возможности развернуться, расцвести.

Но вот, как только рабочие и крестьяне сбросили с хребтов своих гнёт собственников, – тотчас оказалось, что «маленькие» люди, люди будничного, «мелкого» труда могут быть вождями армий, организаторами героических отрядов партизан, талантливыми администраторами, директорами фабрик, изобретателями, поэтами, литераторами. Усвоенная нами от буржуазии проклятая привычка искать в человеке прежде всего отрицательных качеств не позволяет нам правильно оценить этот взрыв творческих сил в Союзе Советов. Мы забываем, что живём только одиннадцать лет, и не знаем, как чудовищно много сделано нами за эти годы. Наше невежество, наша социальная малограмотность ослепляет нас, и мы слишком плохо умеем наблюдать и сравнивать. Наше мышление отравлено злыми предрассудками мещанства, – предрассудками, которые для мещанина очень выгодны. Мещане всегда играли и теперь играют на понижение действительной цены рабочего человека. Мещанин ищет в человеке прежде всего дурных сторон, – они полезны мещанству – оно «морально» оправдывает ими свою власть над людьми труда. Трудовой народ для

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma буржуазии – стадо идиотов, негодяев.

Убивая в «маленьких» людях любовь к труду, «великие» мещане убивали в них и сознание человеческого достоинства, сознание значительности «маленьких» в мире. На протяжении тысяч лет «великие» моралисты-пророки, «отцы церкви», писатели усердно занимались тем, что, обличая порочность рабочей массы, недостатки людей, умалчивали о главной причине пороков и о достоинствах трудового народа, о значении его честного великого труда. Нас моралисты убеждают только в том, что, если человеку изо дня в день твердить, что он плох, – это не делает его лучше, чем он есть.

Людей учили: вы – негодяи, вы – дрянь; старайтесь быть лучше. Но им не давали права изменять действительность к лучшему. Было практически выгодно внушать людям, что они – негодяи. Ведь если это так – значит, они сами и виноваты в том, что их жизнь так тяжела, так отвратительна. «Маленьких» людей пытались убедить, что они ничтожны, бездарны, глупы и что всё «хорошее», созданное на земле, создаётся не ими, а силой «великих».

Впервые за всю историю человечества рабочие и крестьяне России, завоевав власть над своей страной, завоевали себе право изменять действительность сообразно своим интересам, право строить государство на основе экономического равенства, – государство, в котором не должно быть бездельников, лентяев, паразитов, хищников и проповедников морали, угнетающей человека.

Власть, установленная трудовым народом Союза Советов, – есть подлинная власть рабочих и крестьян; у этой власти нет личных интересов, она – действительно орган воли трудового народа и воплощение его разума.

Если она иногда ошибается, это нельзя ставить ей в вину, потому что она делает дело, какого никто и никогда не делал. Ей негде и не на чем учиться тому, как практически преодолеть воспитанный веками пагубный инстинкт собственности в десятках миллионов людей, как поставить на ноги эту массу неграмотных и полуграмотных, заражённых анархическим недоверием ко всякой власти и в то же время издавна привыкших, чтоб вопросы жизни её решала власть.

Но, несмотря на всё это, Союз Советов экономически крепнет и развивается как государство социалистическое.

Пред рабоче-крестьянской властью стоит огромная задача, которую никто до неё не решался поставить, – это задача воодушевить, зажечь всю массу рабочего народа сознанием, что только единодушный, честный, упорный, героический труд откроет рабочим и крестьянам широкий путь к справедливости, равенству, свободе, счастью. В коротких словах это значит: перевоспитать полтора миллиона людей, воспитанных в подневольном труде и ещё не понимающих иного счастья, кроме счастья мелкого собственника. Это задача необыкновенной трудности, а разрешают её люди – в большинстве – от станка и от сохи.

Прибавьте сюда ненависть капиталистов всего мира против Союза Советов, – ненависть, которая не брезгует никакими мерзостями для того, чтоб помешать делу создания социалистического государства, – делу, которое не может не вызвать подражания у рабочих и крестьян всей земли.

Не словом, а – делом, деянием создано на земле всё то, чем люди имеют право гордиться, всё то, что привело нас на высоту, которую мы заняли и где нас видит весь трудящийся. В мире ещё не было того уважения к труду, той высокой оценки его, которую он заслуживает. Хищники и паразиты прекрасно понимают значение труда, их «кормильца и поильца», хотя восхваляют его только в лёгком деле накопления денег.

На почве высокой оценки труда и уважения к трудящимся нам дана возможность создать свою, новую мораль. Труд и наука – выше этих двух сил нет ничего на земле. Друг и соратник Маркса – Энгельс прекрасно и верно сказал: «Чем беспощадней и свободнее становится наука, тем больше приходит она в согласие с интересами и стремлениями рабочих».

Окончательная победа рабочего класса – в теснейшем соединении его великого труда с трудом, направленным к той же цели, работников науки, – единственных людей, которые вместе с «маленькими» героями честной, героической, бескорыстной

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Трудовой жизни имеют право на титул великих людей нашего мира.

В нашей огромной стране с каждым годом развивается небывалая работа разума и воли. Трудовой народ взялся за дело, какое до него никто не начинал, – он учится управлять своей страной сам, без «хозяев», он строит в своей стране новое государство – государство для себя.

Рабочие и крестьяне должны точно знать, как идёт эта работа, какие результаты даёт она в деревнях и на фабриках, в каждом районе и округе, в каждой области и республике Союза Советов.

Знать это – не легко, работы – много, она становится всё более разнообразной, а интерес к жизни и поле зрения у большинства рабочих и крестьян уродливо ограничены, уши и глаза у них искусственно замазаны различным лживым, стареньким дрянцом, поэтому всё новое, непривычное люди плохо слышат, плохо видят, плохо понимают.

Есть много «маленьких» людей, которые всё ещё думают, что упорный, великий их труд поглощается, исчезает так же, как исчезал, поглощался до Октябрьской революции, при старом порядке, когда крестьяне и рабочие обогащали помещиков и фабрикантов, расширяя их «собственность» до чудовищных размеров, а сами, несмотря на каторжный свой труд, оставались в нищете, жили бесправными рабами, как пленники в чужой стране.

Многие из «маленьких» людей всё ещё не уверены, что они живут у себя дома, работают только на себя, что, кроме рабочих да крестьян, других хозяев в Союзе Советов – нет и что какую бы мелкую работу ни делал человек, он делает её для себя.

Но «маленьким» людям пора уже знать, что всякий их труд возвращается им же и только им в форме тех достижений, о которых рассказывает этот журнал устами рабселькоров, агрономов, техников и работников науки.

Эти достижения обогащают не кого-либо иного, а именно трудовой народ нашей страны и только его. Именно на труде рабочих и крестьян в Стране Советов создаются научные учреждения, задача которых – сделать землю более урожайной, найти и разработать для этого достаточное количество различных удобрений, улучшить породы скота, развить для деревни более выгодные культуры, уничтожить вредителей хлеба, облегчить работу крестьянина введением в его хозяйство наибольшего количества машин, научить его работать коллективно, дать деревне всё, от чего труд крестьянства становится мощнее, выгодней.

Также и работа на заводах, фабриках, в шахтах и всюду становится легче, продуктивней, для детей трудового народа создаются школы, университеты, рабфаки, – делается всё, чтоб добиться одного: чтоб рабоче-крестьянская масса поняла – власть над страной должна принадлежать только ей, ей она и принадлежит.

Власть эту рабочие и крестьяне могут навсегда закрепить за собою только «орудием всех орудий» – трудовой рукою своей и только разумом, освобождённым от всего, что внушено ему «хозяевами», – разумом, единственным творцом всех чудес на земле.

Оттого, что большинство рабочих и крестьян всё ещё недостаточно ясно понимает разрешающую всю подлюю и скверную путаницу старины силу труда своего, не видит, как и во что преобразует рабоче-крестьянская власть его «мелкий», будничный труд, – от этого у многих «маленьких» людей воскресает вредное тяготение к старинке и, между прочим, к богу, якобы единственному подлинному «хозяину» земли и даже будто бы «создателю» её.

Крестьяне, обученные земными хозяевами «на обухе рожь молотить» и вообще не плохие хозяйственники, не могут всё ещё понять, что владыка небесный – хозяин «из рук вон» плохой.

Сотни лет церковь усердно вбивала в головы рабочего народа, что бог – всемогущ, что в нём «воплощён высший разум» и что всё создано именно этим премудрым разумом. Но ведь и для малого ребёнка ясно, что это сказка.

Не будем говорить о том, что бог, создавший людей будто бы «по образу и подобию

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma своему», создал их разноцветными: белых европейцев, чёрных негров, жёлтых китайцев, красных индейцев Америки, что все люди, говоря на разных языках, не понимают друг друга, да и самого бога понимают различно, а это различие понимания возбуждает среди людей взаимную вражду, кровопролитие, погромы и грабежи. Всё это как-будто не очень мудро и совсем не «хозяйственно».

Но ещё более ясно будет нам, что бог – плохой творец и «хозяин», если мы поставим пред собою несколько простых и вполне законных вопросов, например:

Почему бог создал землю не из одного чернозёма, а из мало плодородных супесей, суглинков, зачем созданы болота, солончаки и бесплодные песчаные пустыни? Почему нужно, чтоб в одной стране выростал только мох, а в другой круглый год земля родит крестьянину хлеб, овощи, плоды? Зачем созданы комары, вши, клопы, мухи, овода, мыши, суслики и всякие другие вредители, пожирающие десятки тысяч тонн зерна? Зачем создано такое обилие сорных, вредных трав, которые зря истощают соки земли? Зачем каменный уголь спрятан глубоко в землю? И вообще – зачем жизнь и труд существ, созданных будто бы «по образу и подобию» разумнейшего, многомилостивого и доброго существа, – зачем их труд так отягчён, а сами они так неразумны, завистливы, жадны, жестоки?

Таких простых и совершенно законных вопросов можно поставить не одну сотню. И на все эти вопросы есть только один ответ: не в боге разум, а – в человеке. Бог выдуман – и плохо выдуман! – для того, чтоб укрепить власть человека над людьми, и нужен он только человеку-хозяину, а рабочему народу он – явный враг.

Всё истинно мудрое – просто и понятно.

Владимир Ленин, человек простых и потому великих мыслей, сказал:

«Религия – дурман для народа».

Вот это – простая, ясная мысль, правду её утверждает вся жизнь трудового народа, вся история постепенного порабощения хозяевами его воли и разума. Эта мысль должна освободить разум крестьян и рабочих от вредного влияния учения церкви, должна внушить рабочему народу сознание его внутренней свободы, его права быть единственным владыкой и устройтезем земли, полным хозяином всех продуктов своего труда.

«Рабочий народ должен овладеть наукой», – многократно повторял Ленин, зная, что наука – высшая, наиболее продуктивная форма труда и что трудовой народ, вооружённый знанием, быстро достигнет своей цели – создать государство равных, без «хозяев», без хищников и паразитов; это государство свободных, здоровых людей уже строится.

Ленин – первый человек, который почувствовал и понял, что слова «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» – это командный крик всей истории трудового народа, понял, что, если рабочие и крестьяне всей земли не хотят выродиться и погибнуть под гнётом непосильного труда, нищеты, болезней, бесправия, – они должны взять власть над землёю и всеми богатствами её в свои крепкие, умные руки.

Вот что следовало бы написать на всех монументах Ленина.

Трудно знать всё, что сделано, что делается и как делается в нашей огромной, богатейшей стране. Но необходимо, чтоб это знали все грамотные крестьяне и рабочие, чтоб это знал каждый из них и чтоб этим знанием своего творчества они делились с неграмотными.

Знание достижений в деле строительства рабоче-крестьянского государства особенно важно и поучительно, потому что оно покажет рабочим и крестьянам рост их силы, размах работы.

Это будет самопознанием трудового народа, так же необходимым, как самокритика, направленная к познанию его ошибок и пороков. Это самопознание должно убедить «маленьких» мастеров великого и нового дела в том, что они вполне способны делать его и что их труд – не пропадает зря, не идёт на откармливание паразитов, а, всё возрастая, обогащает страну, и близко время, когда результаты этого труда облегчат жизнь рабоче-крестьянской массы.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Рабочие и крестьяне должны знать и верить, что «наука и труд – всё перетрут», все цепи прошлого, всё, чем «хозяева» тысячи лет оглушали и ослепляли рабочий народ.

О мещанстве

Мещанин – существо, ограниченное тесным кругом издавна выработанных навыков мысли и, в границах этого круга, мыслящее автоматически. Влияния семьи, школы, церкви, «гуманитарной» литературы, влияние всего, что есть «дух законов» и «традиции» буржуазии, создаёт в мозгах мещан несложный аппарат, подобный механизму часов. Пружину, которая приводит в движение колёсики мещанских идей, приводит в движение сила тяготения мещанина к покою. Все молитвы мещан могут быть сведены без ущерба их красноречию к двум словам: «Господи, помилуй!»

Как требование к государству, к обществу и в несколько развёрнутой форме молитва эта звучит так: «Оставьте меня в покое, дайте мне жить, как я хочу».

Пресса ежедневно напоминает и внушает мещанину, что если он – англичанин, так это значит, что он – лучший человек на земле, если – француз, то и в этом случае он – лучший человек, если он – немец, русский – всё равно: именно он – лучший человек мира.

А в общем этот лучший гражданин «культурного» мира совершенно похож на того дикаря, который, будучи спрошен миссионером: «Чего ты хочешь?» – ответил: «Очень мало работать, очень мало думать, очень много кушать». Мещанин – это патологический случай, когда крепко усвоенная человеком техника мышления прекращает рост его мысли. Бывают случаи, что мещанин, благодаря насилью событий, усваивает идеи, чуждые ему, но они становятся для него источником страданий, как, например, кожные болезни или же камни в почках, в печени. В этих случаях он весьма часто начинает лечиться «болеутоляющими» средствами: религией, пессимизмом, алкоголем, распутством, хулиганством и т. д.

Чтобы всё это не показалось голословным, возьмём пример. Одиннадцать лет тому назад, по воле возмущившихся русских рабочих и крестьян, было прекращено четырёхлетнее массовое истребление народа, устроенное владыками Европы для увеличения своих барышей. Мещане весьма серьёзно, и физически и хозяйственно, пострадали от преступной и кровавой игры банкиров и политических авантюристов. Что же внесли эти страдания в «духовную» жизнь мещан, как изменили они автоматизм мещанского мышления?

Ничего не внесли и нимало не изменили привычную механическую работу выхолощенной мысли. Мещанство осталось убеждённым в том, что религия – основа морали и что без религии государство не может существовать, хотя совершенно ясно, что буржуазное государство – аморально, основано на воровстве, грабеже, на цинической эксплуатации трудового народа. Во время войны они считали вполне естественным призывать в помощь мерзкому делу взаимных убийств своего бога, который заповедал им: «Не убивай» и «Возлюби ближнего твоего, как самого себя».

После войны «гуманизм» мещан остался таким же «человеколюбием» на словах и вне действительности, каким он был до войны; он ещё способен немножко покричать в защиту личности, но вполне равнодушен к страданиям и угнетению масс. И вообще страшный урок войны совершенно не изменил психику мещанства, так же как не изменил он привычек комаров, лягушек, тараканов.

Капиталистические государства Европы деятельно готовятся к новой войне. Военспецы единогласно утверждают, что новая война будет по преимуществу химической и что её разрушение, её ужасы неизмеримо превзойдут ужасы и разрушения войны 1914–18 годов. В итальянской газете «Маттино» от 15 января писатель по военным вопросам – и, кажется, генерал – Дуэ рассказывает со слов адмирала Браветта:

«Генерал-инженер Бурлоен рассчитал, что, применяя аэропланы, достаточно 500 тонн газа фосгена, чтобы десять тысяч гектаров, то есть площадь, занимаемая Парижем, была совершенно отравлена в полчаса.»

Полковник Блох говорит:

«Бомба в 500 кило фосгена, проникнув в дом, убьёт всех его жителей. Взорвавшись, такая бомба образует облако в 100 тысяч кубометров, и оно будет иметь мгновенно

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma поражающее действие. Если взять улицу в 30 метров ширины и 100 метров длиной, она будет отравлена от мостовой на 35 метров вверх. В случае благоприятного(!) ветра будут отравлены на протяжении километра все незаконопаченные дома.»

Генерал Фрие, начальник химического снабжения армии САСШ, заявляет:

«Бомба в 450 кило люизита сделает необитаемыми десять кварталов Нью-Йорка, а сотня тонн этого прелестного продукта отравит всё живое, воду и пищу во всём Нью-Йорке больше чем на неделю.»

Лорд Нальсбург 11 июля в палате лордов сообщил, что 40 тонн арсена убили бы всё население Лондона.

«Разрабатываются также и способы бактериологической войны. Ищут быстро размножающегося микроба и сыворотку против него. Таким образом, заражённый народ должен будет просить сыворотку для лечения, а изобретатели сыворотки, заразившие его, поставят свои условия народу, который они заразили, например, чумой.»

Европейская пресса нередко сообщает такие и подобные сведения о будущей войне. Европейское мещанство, конечно, читает эти статьи и должно бы понять, что ведь газами-то будут отравлять его, его детей, жён, стариков.

Если б на одной из площадей Лондона, Парижа, Берлина небольшая группа воров, бандитов стала бы публично обсуждать вопросы о том, какой квартал и как лучше ограбить, мещанство, вероятно, попыталось бы так или иначе помешать скромным намерениям этих «социально опасных» граждан. Но несравнимо более разрушительным намерениям людей, несравнимо более преступных и социально опасных, которые публично обсуждают проекты поголовного истребления десятков миллионов людей, – этим намерениям мещанство не мешает.

Не будем говорить о «гуманизме». Казалось бы, что инстинкт собственников и чувство самосохранения должны вызвать у мещан тревогу, страх; казалось бы, что органическое тяготение мещанина к покою должно заставить его кричать: «Не хочу войны!» Но он не кричит.

Когда Советская власть предложила правительствам Европы проект немедленного разоружения, а затем разоружения в четырёхлетний срок, – мещанство как-будто не слышало этих предложений. Оно, разумеется, слышало, но автоматизм его мысли, ограниченной и подавленной традициями, заставил его отнестись к этому простому, ясному и в полном смысле понятия гуманному предложению как к несбыточному, фантастическому.

Также несбыточным и фантастическим мещанство видело многое, например: пароход Фультона, электрическую лампочку Яблочкова и бесчисленное количество различных завоеваний свободного, дерзкого разума, той силы, которая творит культуру, обогащает жизнь.

Основной лозунг мещанина: «Так было – так будет». Звуки этих слов напоминают механическое качание маятника. Мещанство действительно вырождается. Оно, как рыба, «загнило с головы».

фантастической, недостижимой считает мещанство и цель, которую поставили перед собою революционно мыслящие рабочие и крестьяне Союза Советов: создать трудовое государство, свободное от хищников и паразитов. Советская пресса, усердно выметая вековой «сор из избы» на улицу, снабжает мещан обильными запасами «духовной пищи», и мещанин, питаясь гнилыми отбросами, оживает, ухмыляется, подмигивает единомышленнику, нашёптывает: «Не удаётся. Наша правда верх берёт».

Они могут радоваться: ведь это они насорили и продолжают сорить всякой дрянью; могут гордиться: хлам, гниль, грязь и всё, что рабоче-крестьянская власть обязана выметать железной метлой, – это действительно их мещанская «правда», это продукты их векового творчества.

Несмотря на веру в милость божию и на уверенность в райских прелестях «потустороннего бытия», несмотря на весь свой фальшивенький словесный «идеализм», мещанин – сугубый «материалист» и прежде всего заботится о земном, экономическом благополучии: «очень много кушать, очень мало работать, очень мало

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma думать». Поэтому он шепчет, бормочет, стонет: «Сахару стало меньше, яиц стало меньше, масла стало меньше...»

Он, конечно, забыл о том, что всего вообще стало меньше ещё в 1916 году и что почти всё «пищевое довольствие» исчезло в годы, когда белые генералы и «духовные вожди» мещанства, стремясь «спасти Россию», истребляли её рабочий народ и разрушали его хозяйство. Мещанству как будто неизвестно, что, например, поход Наполеона на Москву был детской забавой в сравнении с походами Корниловых, Деникиных, Колчаков, Врангелей и других озверевших патриотов, которых вдохновляли высококультурные «патриоты собственных поместий» и различные «идеалисты» частной собственности. Того факта, что разрушенное семилетней войною хозяйство страны восстанавливается в объёме более широком и в формах, технически более совершенных, чем оно было до 1914 года, – этого мещанин не хочет видеть. Равнодушный ко всему, что не задевает лично его, замкнутый в круге привычных оценок, он шипит: «Было больше.. Стало меньше». И ещё крепче закрывает он глаза на тот факт, что в Союзе Советов быстро растёт количество разумных людей, культурных работников, выдвигаемых рабоче-крестьянской массой. Это явление всячески невыгодно для него и, разумеется, враждебно ему.

Русский мещанин издревле воспитывался в недоверии к разуму и даже во вражде к нему. Об этом усердно заботилась церковь, и этому, отчасти, способствовала литература. Начиная с «Переписки» Гоголя и до наших дней, мы, среди крупнейших писателей русских, не много найдём людей, которые ценили бы творческую силу разума по его действительно грандиозным заслугам перед человечеством. Л.Н.Толстой ещё в 1851 году писал в «Дневнике»: «Сознание – величайшее зло, которое только может постичь человека». Позднее, в письме к Арсеньевой, он заявил: «Ум, слишком большой, противен». Вся его моральная философия пронизана этим убеждением, отразилось оно и в его колоссальной работе художника. Достоевский тоже враждовал с разумом, гениально и ехидно раскрывая перед людьми сокрушительные силы внеразумного, силы инстинктов. Для Леонида Андреева мысль была врагом человека, причём он понимал её как «начало чувственное», как особый вид эмоции. Один из талантливейших современных писателей влагает в уста героя своего такие слова: «Мысль – вот источник страдания. Того, кто истребит мысль, человечество вознесёт в памяти своей».

Разумеется, автор не отвечает за чувства, мысли и действия своих героев, если автор не подсказывает, не навязывает героям свои чувства и мысли, – как это делал, например, Л.Андреев, – а объективно изображает логическую неизбежность развития этих чувств и мыслей, как это умели делать Стендаль, Бальзак, Флобер. Здесь речь идёт не о том или ином авторе, а о весьма существенном факте: враждебное отношение к мысли выражается в то время, когда подлинно и глубоко революционная мысль, организуя волю нового класса, осваивает бытие как разумное деяние, как труд и творчество, как процесс, цель которого – перестроить всю культуру, всю жизнь на основах коллективизма. И вот, рядом с этим процессом, отчётливо выясняется течение, враждебное разуму. Нередко в книгах, написанных тоном почтения, даже симпатии к революции, чувствуешь, может быть, невольное и бессознательное, стремление писателя понизить роль мысли, показать её бессилие против «сверхразумного» или «подсознательного». Если это делается хорошо, это – поучительно и, значит, полезно. Но, видимо, существует какой-то закон, по силе которого огромное большинство книг пишется плохо. В этих книгах, благодаря технической слабости делателей их, особенно легко заметно влияние мещанства: тут оно вырабатывает «изнутри» своего тоже ядовитый газ, хотя и не сильно действующий, но всё-таки способный отравлять, особенно молодёжь.

Есть немало книг, читая которые, вспоминаешь старинный анекдот: лысый спросил длинноволосого: «Почему вы отрасли такие пышные волосы?» – «У меня под ними череп тоже голый».

Ответ не очень остроумный, но правдивый. Есть люди, которые обрастают грубой шерстью революционных фраз не потому, что хотят прикрыть внешнюю оголённость черепов своих, а чтобы скрыть, иногда от самих себя, пустоту своих душ. Весьма вероятно, что именно о книгах таких людей пишет один рабкор из Донбасса:

«Развернёшь книгу, прочитаешь десятка два страничек – скучно. Слова – наши, а ядра нет в них. У меня такие книжки – пыль вдали, колокольчик звенит, Александр Захарыч едет. Был у нас, в Липецком уезде, становой пристав, Александр Захарыч, добряк, пьяница, выпьет с нами, молодёжью, в городки поиграет, а потом ещё выпьет и начнёт царя ругать, да и нас: «Чёртовы души, бунтовали бы скорей, а так

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma – ни то ни сё, живёшь в тревоге». Конституции ему хотелось, говорил, что при ней и царю легче бы жилось.»

Я привёл эту выдержку из письма не потому, что она показывает интересную и образную игру мысли одного из людей рабочей массы, а для того, чтобы указать: массовый человек уже начинает очень тонко чувствовать недостаток искренности в книге. Конечно, это не новость, но не мешает напомнить об этом ещё раз. Да, мещанство растёт, оперяется, и всё чаще получаешь письма, в которых люди жалуются:

«Жить в атмосфере победно наступающего мещанства тягостно»; это пишет беспартийная старая литераторша, она – не первая из среды беспартийных чувствует, что мещанин весьма сильно портит атмосферу. Другой корреспондент, тоже беспартийный, забавно ворчит: «Гимн сочинили, просят пожалеть «торговку частную», такая пошлость».

Постепенно мещанство обзаводится своей литературой, которая «героизирует» мещанина. Это делается очень просто: автор берёт ничтожнейшего Акакия Акакиевича из «Шинели» Гоголя, снабжает его психологией Ивана Ильича или героя «Мысли» Л. Андреева и, поместив такого искусственного человечка в современную обстановку, как-будто создаёт новый характер. Мещанин читает и наслаждается: «Вот какие у меня могут быть «глубокие переживания». Уже десятки раз воскрес в новых книгах старый знакомый Макар Девушкин и множество прочих «униженных и оскорблённых», но страдающих не столько по Достоевскому, сколько потому, что «патоки – мало, яиц – мало, масла – мало».

Всё чаще появляется в современной литературе излюбленная мещанством «неповторяемая личность» – человек, который жаждет абсолютной свободы выявления своего «я» и не хочет иметь никакого отношения к действительности, презираемой им. Прочитав книжку о герое, сделанном из материала наших великих мастеров слова, современный мещанин впадает в некий священный восторг перед самим собою и пишет кому-нибудь письмо, изображая себя так:

«Весь мой жизненный путь индивидуален, неповторяем, неподражаем, ведь больше никто в мире и в жизни не повторит его, этого пути, этих этапов, как и до меня никто не проделал.»

И ещё хорошо, если этот троекратный «непо...» выразит восторг перед самим собою только в письме: иногда он пишет целую книгу, в которой можно найти такие откровения:

«...Моё творчество было для меня выше опьянения от вина, сильней любви, слаще сна.»

Не смущаясь сомнительной грамотностью этой фразы, он продолжает:

«Я не могу уверять скептиков, которые считают художника обыкновенным человеком, в том, что в минуты опьянения «творчеством» я становился выше обыкновенного человека и всё знал. О, если б я был законодатель! Я написал бы такую статью закона, которая давала бы преимущественные права художнику мчаться в поездах и аэропланах, чтоб острым глазом пронизать пространство земли.»

Автор не способен заметить, как смешно и наивно столь сильно выраженное стремление к мимолётности и верхоглядству его нелепого героя, к которому он, автор, относится положительно. Критика тоже не замечает этого, авторы уже почитают себя «аристократами духа», великодушные издатели думают, что всё это очень хорошо, и предлагают читателю всё больше и больше словесной соломы, а критики, поглощённые междоусобной бранью и выпрямлением идеологической линии, плохо видят, как в литературу лезет «стопроцентный» мещанин.

Хотя ложь ещё живёт, но совершенствуется только правда. Ложь укрепилась на тех позициях, которые созданы ею давным-давно, она не развивается, не становится хитрее и всё более очевидно обнаруживает свою хиленькую пошлость. Вот уже прошло лет пятьдесят, а буржуазная мысль не создала никаких новых «систем социальной философии», – систем, которые с достаточной для буржуазии убедительностью утверждали бы, что именно она, буржуазия, создана природою, богом, историей для власти над миром. После отчаянной и неудачной попытки Ф. Ницше доказать, что жизнь – бессмысленна, ложь – необходима и в том, что «человек человеку – волк»,

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
ничего противоестественного, ничего позорного нет, книга Шпенглера «Закат Европы» и книги, подобные этой, откровенно рассказали об интеллектуальном и волевом истощении буржуазии и установили факт механичности, инертности её движения по пути к окончательному вырождению. Доказательств этого факта много и помимо указанных в «Закате Европы». В западноевропейской литературе всё более определёнными становятся влияния, раньше совершенно чуждые ей, например: Толстого, Достоевского и осмеянного Ибсена. Его «Нора», «Женщина с моря» и другие женщины всё чаще становятся героинями романов и драм Англии, Франции, Германии, а это свидетельствует о том, что «основа государства» – крепкая буржуазная семья – расшатывается. Всё чаще литераторы Запада изображают «свободную женщину», которая смело разрывает мещанские традиции ради самостоятельной жизни. Это – «эмансипация» не на словах, а на деле; женщина становится во главе крупных торговых учреждений, идёт в журналистику, в политику, в спекулятивные авантюры. В Германии доктор философии Элеонора Кюн проповедует «гинекократию» – власть женщин. А рядом с этим растёт половое распутство, однополая «любовь» почти признана естественным явлением, издаются журналы, пропагандирующие её, легально существуют клубы и рестораны «гомосексуалистов», возрастает преступность среди крупной буржуазии, растут и самоубийства в её среде. Обо всём этом буржуазная пресса равнодушно сообщает почти каждый день. И так же, как это начинается среди нашего мещанства, западноевропейские писатели сочиняют своих героев из материала таких художников и мудрецов, каковы Стендаль, Бальзак и другие, кто давно и прекрасно видел ложь буржуазной действительности. Следует отметить рост критического отношения к современным условиям социального быта, – рост, особенно быстрый у литераторов САСШ.

Правда растёт и совершенствуется как правда науки, быстро ведущей людей труда к власти над силами природы, и как правда сознания трудовыми массами их социального первенства и сознания их права на политическую власть. Против этих двух творческих сил, которые в ближайшем будущем Союза Советов должны слиться в одну, – против этой силы древняя социальная ложь ничего не может выдвинуть, ничем не может оборониться, кроме пушек и ядовитых газов, – последние надо понимать как таковые и как «идеологию» мещанства.

Идеология и мораль мещан направлены к тому, чтобы возможно туго и крепко связать волю и разум человека, направленные в сторону коллективизма. У нас эта мораль разрушается, исчезает; очень грубый и болезненный процесс: человеку приходится бороться против среды и против себя самого. Отсюда возникает печальное, но, видимо, неизбежное явление: у людей одной цели, товарищей по работе на будущее заметны небрежность в отношениях друг к другу, чёрствость, недооценка взаимных достоинств и злостное, слишком торопливое подчёркивание недостатков. Коллективисты по убеждениям часто действуют слишком индивидуалистически в личных отношениях к товарищам, а особенно к женщинам. Это, разумеется, от мещанства, это – его болезненное наследство. Но человек не в силах переродиться за десять лет и выработать в этот срок новую мораль, новые «правила поведения».

Однако мне кажется, что уже и теперь пора бы начать выработку биосоциальной гигиены, которая, может быть, и станет основанием новой морали. Началом этого процесса должно быть сознательное стремление к более тесному и дружескому единству людей, пред которыми стоит грандиознейшая задача – перевоспитать несколько десятков миллионов мелких хозяйчиков в культурных работников, в сознательных строителей нового государства. Надо ли говорить о том, что дело критики, публицистики – заняться именно развитием этой гигиены, делом очеловечения людей, борьбой против возрождения отравляющей мещанской «идеологии», против героизации «униженных и оскорблённых» мещан?

Героем наших дней является человек из «массы», чернорабочий культуры, рядовой партиец, рабселькор, военкор, избач, выдвигенец, сельский учитель, молодой врач и агроном, работающие в деревне крестьянин-«опытник» и активист, рабочий-изобретатель, вообще – человек массы! На массу, на воспитание в ней таких героев и должно быть обращено главное внимание.

Об этом даже несколько неловко напоминать, но, мне кажется, следует напомнить. У нас издаётся тысяча, а может быть, и более журналов, количество их всё растёт, между ними есть немало параллельных по материалу и задачам. В огромном большинстве эти журналы не доступны пониманию массового читателя, для которого до сего дня всё ещё не написана совершенно необходимая «История гражданской войны» и не менее необходимая «История развития сословий в России». Пора бы

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
ознакомить массового читателя с ходом развития науки, техники.

На тощеньких брошюрках нельзя уже воспитывать людей: они относятся к брошюркам пренебрежительно, требуют «толстую книгу, посолиднее». Журналов для массового читателя мало. То, что дают «Рабочая» и «Крестьянская» газеты, на мой взгляд, – отлично, но следует идти дальше. Для деревни необходим журнал, который знакомил бы её с бытом современного Запада, с жизнью его буржуазии, освещал бы, рядом с этим, и быт трудящихся. Массе нужно очень много. Я утверждаю, что ей дают книг слишком мало. Ей не нужна сладкая пища литературного красноречия, ей необходим сытный хлеб ясно и чётко сказанной правды о жизни современного мира, о борьбе трудового народа за лучшее будущее во всех странах.

Товарищ Жига, организуя «очеркизм», доказывает этим, что он хорошо понял потребность массового читателя в знаниях о жизни в Союзе Советов. Вероятно, «механические граждане» не упустят случая упрекнуть меня в том, что я «против свободы слова, личности» и других священных традиций. Да, я против свободы, начиная с той черты, за которой свобода превращается в разнузданность, а, как известно, превращение это начинается там, где человек, теряя сознание своей действительной социально-культурной ценности, даёт широкий простор скрытому в нём древнему индивидуализму мещанина и кричит: «Я такой прелестный, оригинальный, неповторяемый, а жить мне по воле моей не дают». И ещё хорошо, если он только кричит, потому что когда он начинает действовать по воле своей, так в одну сторону он становится контрреволюционером, а в другую – хулиганом, что почти равноценно – подло и вредно.

Товарищам, наверное, не понравится указание моё на обилие премудрых советских журналов, не доступных массам и, я думаю, довольно убыточных. Ну, что ж делать? Факт болезненного бумажного ожирения замечен не мною одним, и не первый я говорю о том, что масса обслуживается литературой недостаточно умело и успешно. Я помню:

Дай, Гиз, побольше нам журналов:

Плодят читателей они, –

но не кажется мне, что журналы наши в достаточной степени считаются с уровнем понимания массового читателя и способны оплодотворить его знаниями в той мере, как следовало бы.

А вот полемику они плодят весьма успешно, но, даже будучи сравнительно грамотным человеком, не всегда понимаешь: в чём дело? Почему товарищ Z, полемизирует с товарищем X, как с врагом? Откуда у обоих этот странный и неуместный тон личного озлобления, и почему они так яростно поливают друг друга кипятком самолюбия?

Почему пред лицом врагов необходимо демонстрировать разноречия даже терминологического характера в форме, которая обнаруживает у полемистов явный недостаток уважения друг к другу, а вместе с этим и недостаток культуры?

Преодо мною ряд книг на темы о литературных распрях. Старые марксисты, полемизируя с буржуазной критикой, разоблачая её тенденции, умели делать это в тоне спокойном, отчего их статьи весьма много выигрывали в силе убедительности. Нельзя сказать, чтоб молодые критики следовали этому примеру, «выпрямляя идеологическую линию» друг друга, – линию, которая в основе своей обладает качеством совершенной прямоты и ясности. В задоре своём молодая критика упускает из виду, что многословное красноречие её часто затемняет «основную линию» и что полемика её тоже мало доступна пониманию массы молодёжи, особенно провинциальной. Всё чаще слышишь жалобы на «непонятность», «спутанность», «противоречия» литературной критики.

«Они там, в Москве, разговаривают по-семейному, будто, кроме них, никого на свете нет», – пишет с Урала «начинающий» литератор. Другой – иронизирует: «Каждый утверждает, что он – самый правоверный марксист; получается, что все правоверны, о чём же спорить?»

Таких заявлений не мало. Одно из них особенно характерно: «Для нас, рабкоров, трудно разбираться в десятках статей, нам бы дали какой-нибудь вадемекум вроде «Азбуки» Бухарина по основным вопросам литературной истории, тогда нам легче будет разобраться в противоречиях субъективных».

Не будет ли практичнее и полезнее, если критики начнут разрешать групповые

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
разноречия и мелкие споры на конференциях, а не на страницах журналов, где так часты и всегда неуместны статьи, написанные «в состоянии запальчивости и раздражения»? Мне кажется, что созыв небольших конференций критиков и писателей для товарищеских бесед по вопросам литературы вообще диктуется «духом времени».

Президиуму Серпуховского вечернего рабфака имени М. Горького
Дорогие товарищи!

Получил ваше бодрое, дружеское письмо. Разумеется, очень обрадован его боевым тоном. Это вот и есть тот крепкий, твёрдый голос подлинных хозяев своей жизни и страны своей, – тот голос, которого давно ждала наша страна.

«Скрывать не нужно, нам трудно», – пишете вы. Я это знаю, товарищи, знаю, что вы идёте на учёбу после рабочего дня», учитесь «недосыпая», знаю, что вам даже поест – некогда.

Но знаю и то, что эта трудная жизнь должна и будет становиться всё легче. Всё, что вы делаете, вся ваша работа – это работа на вашу свободу, а не работа на чужой, враждебный вам класс. И чем энергичнее двинете вы работу строения своего государства, тем скорее облегчится ваша жизнь. Надо твёрдо помнить, что всё, что сделано вами, не пройдёт мимо вас, а вернётся к вам.

А ещё надобно помнить вам, передовой молодёжи рабочего класса, что вы держите экзамен на творцов новой жизни, создателей бесклассового социалистического общества, вы держите этот экзамен перед лицом трудового народа всего мира.

Непоколебимо убеждён, что вы сдадите экзамен этот, и когда ваша энергия окончательно овладеет всем хозяйством Союза Советов, когда вы глубоко и прочно утвердите основы социалистической жизни, – в этот момент рабочие всего мира назовут вас учителями и вождями своими. Это будет момент окончательного банкротства буржуазных государств, полного разрушения их.

Они разрушаются уже, и разрушаются быстрее, чем это кажется нам. Физическая сила, на которую опираются они, становится всё менее надёжной. Наука, которая технически защищает, экономически обогащает буржуазию, ныне начинает пугать её. Немецкие газеты внушают молодёжи: не стремись в университеты, это грозит тебе безработицей в будущем. В Испании университеты закрыты до октября 1930 года – это для того, чтобы напугать неутомимо бастующих студентов. Признаки распада, разрушения буржуазии выражаются, конечно, не только в этом, а и в том, что буржуазные правительства вступают в союз с католической церковью и т. д.

Реакция принимает везде более мрачный, средневековый характер, – это особенно сказывается в различных мелочах буржуазного быта, о котором у нас мало пишут. Реакция эта – реакция отчаяния, судорога агонизирующего общества. Мне кажется, что в прошлом никогда ещё реакция не принимала таких бездарных и отвратительных форм, какие теперь принимает она в Европе и Америке.

И вот, товарищи, в то время, когда «высоко культурный» класс зовёт на помощь себе чёрную армию католических попов, когда он закрывает университеты для своих же детей, – вы десятками тысяч, не считаясь с труднейшими условиями жизни, дружно стремитесь овладеть наукой, последним и самым сильным оружием, которым владеет буржуазия.

Это ваше стремление – исторически необходимо для окончательной победы рабочего класса.

Богатейшая наша страна нуждается в сотнях тысяч работников науки, – вы это знаете. Вы знаете, что наш крестьянин должен увеличить урожайность земли до возможного предела и что этому может помочь только наука. Она уже начала прекрасно помогать, как мы видим по работам опытных сельскохозяйственных станций.

Стране нужны десятки тысяч инженеров, врачей, агрономов, учёных исследователей сил и свойств материи, необходимы литераторы, журналисты, художники красок, мастера слова, которые чувствовали бы жизнь так же бодро, как чувствуете её вы, товарищи.

Вы и должны преобразовать себя в ту новую, бодрую, непобедимую армию работников

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyта науки, героев труда, – ту силу, которая преобразует все изжитые, изгнившие основы жизни.

Так оно и будет. Победите – вы.

Вы, товарищи, вероятно, знаете, что в Москве Госиздатом печатается журнал «Наши достижения». (Кстати: после того, как у нас заговорили о необходимости подсчёта наших достижений во всех областях рабоче-крестьянской деятельности и решено печатать итоговый журнал, газеты Италии тоже завели у себя отдел: «Наши достижения».) Вот вы коллективно бы написали для этого журнала о том, как вы себя чувствуете, как работаете, чего достигаете.

Речь на открытии II Всесоюзного съезда Союза воинствующих безбожников
Товарищи, я скажу несколько слов о том, что мне не нравится в борьбе, которая вами начата и которая могла бы идти, по моему мнению, значительно успешнее, дать гораздо больше результатов, если бы приёмы, методы борьбы были несколько изменены. Насколько я знаком с тем, что делается в той области, где вы боретесь, мне кажется, что многие к этой важной и ответственной работе относятся несколько казённо, слишком хладнокровно, как к делу обычному, тогда как это дело совсем не обычное, а глубоко важное: приходится вытравлять из жизни то, что внедрялось в течение 20 веков. В работе вашей чувствуется некоторая казёнщина и этакое хладнокровие, холодок. Это – одна сторона. Но есть и другая – это маленькое хулиганство, которое вторгается в работу. Вместо того, чтобы дать желательные нам результаты для вящего развития масс, мы получаем то, что видим: рост сектантства и прочее. Со стороны врагов действуют эмоции, действует пафос, это – огромная сила. С нашей же стороны пафоса как-будто не чувствуется, а если и чувствуется, то он выражается в формах, которые не столь убеждают, сколь раздражают. Это – плохо. Я знаком с антирелигиозной литературой. Должен сказать, что она меня не удовлетворяет. Мне кажется, что она недостаточно солидна, что с этим оружием, слишком легковесным, нельзя выступать, то есть, конечно, можно выступать с ним, но нельзя надеяться, что победишь столь тяжело вооружённых людей, как попы, людей учёных, хитрых, прекрасно знающих свой материал, материал своей самозащиты – евангелие, библию, богословские науки и т. д. А то, что в наших руках в качестве противоядия всему этому, – это легковесно. Я полагал бы, что следует написать историю происхождения религии более солидную, чем те очерки, которые у нас есть. Они легковесны, а надо дать более серьёзное, научное оружие, надо его хорошо знать, вообще должно быть знакомо то оружие, с которым против вас выступает враг. Ведь одной логикой этих людей не победишь. В них крепко сидит традиция – штучка, которую словами не скоро прошибёшь. У врага огромное количество всяких текстов в памяти. Когда вы будете им говорить только от себя и Маркса, они вам скажут: «А я верю так», – что вы сделаете против этого? Против эмоций должна быть выдвинута такая же зарядка, такая же энергия и такая же ненависть, потому что в той любви, которую проповедают церковники, христиане, – огромное количество ненависти к человеку. Религия давно стала человеконенавистничеством. Хорошо написано в книгах, красиво, но, когда из этих книг переходит в жизнь то, что там написано, вы прекрасно знаете, какие получаются последствия для рабочего народа.

Несомненно, что многие возвращаются к религии по мотивам эстетическим, потому, что в церкви поют хорошо. И действительно, наша русская церковная музыка есть нечто глубоко ценное, это действительно хорошая музыка. Почему-то до сих пор никто не догадался написать к этой музыке хорошие, красивые слова, которые можно было бы слушать не в качестве вечерни, обедни, всенощной, а как и когда угодно. Почему не сделать этого? Ценность музыки несомненна. А что касается слов, то чего другого – слов у нас сколько угодно. Почему бы не издать библию с критическими комментариями? Против нас действуют от библии. Библия – книга в высокой степени неточная, неверная. И против каждого из тех текстов, которые могут быть выдвинуты противником, можно найти хороший десяток текстов противоречивых. Библию надо знать.

Критическое издание библии с комментариями было бы хорошим орудием в руках безбожников. Дело не в том, чтобы ломать церкви, а в том, чтобы люди забыли о церквях, чтобы туда никто не ходил, – вот чего нужно добиваться. Нужно помнить, что в болезненном процессе устранения из нашей жизни религиозных предрассудков грубыми средствами действовать нельзя. Я думаю, что действительность за меня. Ведь факт рецидивов в этой области, факт религиозных настроений имеется. Я думаю, что это довольно часто вызывается тою же причиной, которая заставляет больных уходить от неумелого врача к невежественному знахарю. Вот сейчас в

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyua президиум поступила записка, в которой сказано: «Горе тому, кто пререкается с создателем». Это написал кто-то из вашей среды. Это, конечно, анекдотическая штука, что из среды безбожников идёт такая записка.

(Голос: «Провокация попов.»)

Может быть, это провокация попов, но она идёт через какого-то человека, сидящего здесь, среди вас. Я не хочу сказать этим, что здесь много людей, которые бы подписались под таким текстом, но один есть.

И вот этот один человек говорит, что пререкается с создателем – горе. Это один из старых текстов, это от пророка Исайи. Этими словами церковь грозила нам десятка два веков. Но мы спорим против церкви, и спорим фактами. Весь тот быт, который мы создаём сейчас, насквозь антирелигиозный. Во всём, что сейчас делается в нашей стране, что строится маленькими людьми, массами, – во всём этом сказывается ясно антирелигиозная воля, иногда, может быть, достаточно ясно не осознанная. Ясно – религии нет места в том огромнейшем процессе культурного творчества, который с невероятной быстротой развивается в нашей стране. Кто может быть сильнее нашей воли и сильнее нашего разума? Наш разум, наша воля – вот что создаёт чудеса. Кто создал богов? Мы, наша фантазия, наше воображение. Раз мы их создали, мы имеем право их ниспровергнуть. (Аплодисменты.) И должны ниспровергнуть. На их место нам не надо никого, кроме человека, его свободного разума. Всё, что мы делаем сейчас, вся Страна Советов является результатом нашей энергии, нашей воли, и это – мы видим – уже создаёт и создаст чудеса. (Бурные аплодисменты.)

Предисловие к брошюре о дне индустриализации

Авторам этой брошюры пришла в голову хорошая мысль: подытожить те факты, которые красноречивей всяких слов говорят о взрыве трудового энтузиазма, который вызван в среде партийцев и беспартийных рабочих идеей товарища Слободчикова – маляра с Пролетарского завода.

Энтузиазм этот неоспоримо свидетельствует о необыкновенно быстром росте в рабочей массе сознания ею своей исторической задачи: создать своё свободное, технически совершенно вооружённое государство трудящихся. Этот энтузиазм должен уничтожить колебания той части рабочих, которая ещё не изжила в себе инстинктивного тяготения к старым формам государства, к частному хозяйству, выгодному только для хищников, для паразитов – для буржуазии, той части рабочих, которая всё ещё сомневается, что путь, избранный её товарищами – коммунистами, – единственно верный путь к освобождению рабочего и крестьянина из тисков нужды, из цепей прошлого.

Ленинская идея социалистического соревнования, идея дня индустриализации, рождённая в голове и сердце простого рабочего, пробудившие энтузиазм сотен и тысяч строителей жизни, – разве это не признак роста классового самосознания трудящихся, разве это не радостное событие?

Рабочий народ иногда устаёт, но никогда не ошибается. Если он в прошлом опускал руки и головы, так только потому, что копил силы для нового удара. Удар этот нанесён, власть – в руках трудового народа, и теперь нет сил, которые смогли бы вырвать из рук его завоёванное им.

Силы рабочего класса всё растут, об этом говорит всё то, чего он достиг, что построил за краткий срок – 8 лет.

А растут ли силы врагов рабочего класса? Они могут расти только на почве несознательности рабочих, на почве непонимания ими своей задачи и непонимания того факта, что только честный, упорный труд способен развязать все тугие узлы жизни, уничтожить всю грязь, весь хлам прошлого.

Социалистическое соревнование и учреждение дня индустриализации как ежегодного праздника трудящихся – неоспоримое доказательство того, что сознание рабочим классом своей силы, своего значения – это сознание выросло и всё растёт, горит всё ярче, освещая путь к полной победе.

Да здравствует рабочий класс Союза Советов!

Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Это – наказ истории, лозунг эпохи. Для достижения этой цели Советской властью открыты и открываются различные вузы и техникумы; для достижения этой цели партия вооружает рабоче-крестьянскую массу политической грамотностью, организует в массе сознание её классовых интересов, внушает рабочим и крестьянам точное понимание их исторической задачи: создать своё, свободное, социалистическое государство.

В Стране Советов развивается огромная и трудная работа по индустриализации, работа по коренному изменению приёмов и форм сельского хозяйства. Работа эта не развивалась бы так быстро и успешно, если бы низы рабочей массы не чувствовали, что они делают своё хозяйское дело – строят своё государство, создают свою культуру. Обогащая страну индустриально, трудовые массы ставят перед собою к разрешению такие небывало сложные и трудные задачи, как пятилетка. Простой «низовой» работник-маляр товарищ Слободчиков самосильно выдвигает превосходную идею «дня индустриализации», и я видел, какую восторженную встречу единодушно устроили ему 2500 рабочих Ленинграда в отличном зале Дома культуры за Нарвской заставой.

Всё это делается в условиях непрерывной травли Страны Советов, в постоянных судорожных наскоках на неё извне со стороны европейской буржуазии, которая видит последнее прибежище и спасение своё в фашизме, хотя фашизм неизбежно и быстро уничтожает всё самое лучшее и ценное, что создано буржуазией на рабском труде рабочего класса.

Передовые партийные и беспартийные силы нашей страны расходятся на строительство нового государства при наличии непрерывного и злостного, сознательного и бессознательного «вредительства» внутри страны, при наличии бюрократической канители, равной саботажу, под шумок злого и отравляющего многих шипения «механических» граждан, при наличии зоологической ненависти мещанства, временно оживлённого нэпом, при колебании направо и налево в своей рабочей среде, при условии малограмотности массы и её некультурности, которая выражается в пьянстве, прогулах, хулиганстве, в небрежной работе, плохом качестве продукции, при условии всё ещё недостаточно ясного, неглубоко проникшего в сознание масс того факта, что всякий труд в стране рабочих и крестьян – труд рабочих и крестьян на самих себя и по мере того, как растёт этот труд, – богатеет их государство, а не кто-либо иной.

Но при всех этих тяжёлых условиях страна всё-таки растёт и всё-таки движется вперёд с быстротой, изумляющей каждого честного и непредубеждённого человека.

К тому, что сказано выше, нужно прибавить следующее: наш рабочий класс принял от буржуазии технически нищенское оборудование фабрик и заводов, изработанные машины, варварские навыки жизни, города и сёла, разрушенные сопротивлением командовавшего класса силе истории – воле рабочего класса, олицетворяющего эту силу. Но вот в Ленинграде я видел символическую «пристройку»: к электростанции в 20 тысяч сил пристраивается другая, в 90 тысяч. Эта другая строится, конечно, по последнему слову электротехники, и рядом с этой «пристройкой», как назвал её один из строителей-рабочих, станция в 20 тысяч сил вызывает впечатление ребёнка, которого ведёт за собою взрослый человек. Таких «пристроечек» уже не мало в Стране Советов, и все они убедительно говорят о великих успехах труда Советской власти и рабочего класса. Рядом с этой серьёзнейшей и солидной поправкой к прошлому необходимо знать и помнить о таких новых грандиозных и успешных затеях, каковы быстро растущая электрификация страны, Днепрострой, Волго-Дон-канал, Турксибская дорога, механизация и расширение ленинградского порта, расширение порта в Мурманске, лесные разработки и организация лесного хозяйства в Северном крае, широкий рост сельскохозяйственных коллективов, Сельмашстрой, гигантские совхозы, «Магнитный» завод на Урале, организация судо- и тракторостроения, множество новых заводов и фабрик, введение в сельское хозяйство целого ряда новых культур и т. д. Всего не перечислишь, хотя и следовало бы, – мы слишком плохо и мало знаем о том, что делаем. Особенно плохо знает об этом рабочая масса, создающая из плоти своей мастеров индустриализации страны.

Ещё хуже знает она, как необходимо для неё создавать мастеров культуры и как мало забот о том, чтобы эти мастера явились в срок возможно краткий. Вооружение индустриальное требует одновременности с вооружением интеллектуальным, – вооружением разума, организацией творческой революционной воли. Культурный человек создаётся медленно, с великим трудом, – об этом убедительно говорит нам вся тяжёлая история развития буржуазной культуры, хотя эта культура и росла на

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma чужом труде. Но рабочий класс наш растёт быстро, как это доказывают среди множества фактов особенно – два: комсомол и пионерство. Комсомол достаточно определённо заявил и заявляет о своей жизнеспособности и своём жизнотворчестве. Но я бы сказал, что пионерство, на развитие которого обращается недостаточно внимания и – на мой взгляд – затрачивается мало средств, – пионерство растёт ещё быстрее и обещает ещё больше того, что уже дал комсомол. Не пережив тех труднейших дней и лет, которые пережиты большинством комсомольцев и, до известной степени, не могли не расшатать нервы некоторой части комсомола, – пионеры обещают дать рабоче-крестьянскому государству сотни и тысячи нервно и морально здоровых, удивительно талантливых работников. Я буду говорить об этом в другом месте, а теперь вернусь к моей теме: рабочий класс должен создать из плоти своей мастеров культуры.

Две силы наиболее успешно содействуют воспитанию культурного человека: искусство и наука. Рядом с естественными науками не менее – если не более – могучим средством воздействия на разум и волю человека служит художественная литература. Едва ли кто решится отрицать это, кроме различных изуверов и людей, которые, исповедуя, что «бытие организует сознание», как будто не видят, не верят, что сознание в свою очередь обладает силою создавать новую действительность, хотя наша пооктябрьская действительность должна бы убеждать в этом даже слепых и глухих.

У нас в области оценок воспитательного значения художественной литературы не всё благополучно. Особенно заметно это в провинции. Вот пример: редактор «Советской Сибири», краевой газеты, курс, – бывший анархист, как мне сказали, – организовал гонение на художественную литературу, и один из его сторонников, некто Панкрушин, заявил, что «художественная литература реакционна по своей природе». Это, конечно, провинциальное истолкование теории покойника «Лефа». С моей точки зрения, – не цеховой, а с точки зрения человека, который лет пятьдесят наблюдал и до сего дня наблюдает революционно-воспитательное значение литературы, – Панкрушин не только малограмотный парень, а человек, которого я считаю себя вправе назвать бессознательным «вредителем» в области культурной работы. Далее: при газете организована литературная страница. Но некий товарищ Гиндин заявляет литкружку: «Партия и Советская власть не для того дали бумагу, чтобы печатать на ней стихи и рассказы». Литературная страница ликвидируется.

Рабочий класс не может и не должен признавать таких мудрецов, весьма похожих на вредителей культурной работы, мастерами культуры. А таких «вредителей», занимающих более или менее командные должности в прессе, журналистике и т. д., у нас не мало. Люди эти не знают или забыли вполне определённое отношение к художественной литературе В.И.Ленина, Маркса, Энгельса и многих наших большевиков, организаторов партии, её духовных вождей. Забыли они и майскую резолюцию ЦК партии в 1925 году.

В одном из наших журналов товарищ И.Ломов поместил статейку: «Пятилетний план беспартийного культурничества». Как всегда в статьях молодых критиков, в этой статье весьма много цитат, и все они доказывают, что Госиздат, печатая классиков, делает дело вредное для рабочего класса. Кроме цитат, в статье нет ничего, что исходило бы непосредственно из опыта автора. А мне кажется, что автору следовало бы знать ещё что-нибудь, кроме цитат. Например: отчёты библиотек, – в этих отчётах цифры говорят о положительном отношении рабочей массы к литературе старых писателей. Едва ли товарищ Ломов сумеет доказать рабочему вред для него, например, «Бориса Годунова», «Мёртвых душ», «Крестьян» Бальзака, «Мужиков» Чехова, «Мещанского счастья» Помяловского, «Деревни» Бунина и ещё полсотни или сотни таких же правдивых повестей о недалёком прошлом. Обилие и неосновательность слишком субъективных оценок товарищей Ломовых, Панкрушинных, Гиндиных только усиливают словесный хаос, анархизируют движение по прямой и кратчайшей к определённой цели – к воспитанию из рабочей массы мастеров культуры. В мире пока ещё гораздо больше оценок, чем действительных и неоспоримых ценностей, и поэтому против каждой цитаты можно выдвинуть десятка два-три цитаты, опровергающих её.

Товарищ Ломов цитирует: «Наш пролетариат достаточно крепок» и считает эти слова отражением «лживой либеральной теорийки». Если товарищ Ломов – рабочий, его вывод крайне странен. Очевидно, он, Ломов, не верит, что его класс «крепок», и боится, что классики свернут голову его класса направо. Но товарищ Ломов, видимо, забыл, что наш рабочий класс – хозяин в своей стране, что он строит в ней социалистическое государство, вооружает её новейшей промышленной и

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma сельскохозйственной техникой и что всё это силою своей повёртывает голову рабочего класса налево.

Не видит он и того, что в классиках читателя–рабочего увлекает не идеология, а – фабула, внешняя занимательность книги, обилие в ней содержания, наблюдений и знаний, её словесное изобразительное мастерство, то есть как раз всё то, чего ещё нет и пока не может быть у большинства молодых писателей вследствие их малого знакомства с техникой литературной работы. Фадеев, Шолохов и подобные им таланты пока ещё – единицы. Но, как мы видим, рабочий класс совершенно правильно оценил их достоинства художников слова.

Отрицателям художественной литературы и воспитательного значения классиков надобно понять и пора понять, что идеология буржуазных гуманистов становится для рабочего класса всё более и органически непонятной и что это происходит вполне естественно. Так и должно быть, ибо новая, творимая самим рабочим классом действительность всесторонне и глубоко чужда идеологии изжитого, бескровного, лишённого волевых импульсов гуманизма. И совершенно неосновательно товарищ Ломов оспаривает наличие в рабочем классе «иммунитета», то есть органической неспособности заражаться болезнями класса ему чуждого. Что он – рабочий класс – ещё болеет этими болезнями, – верно, но что он успешно излечивается от них, – ещё более верно. И если б не излечивался, так не был бы там, куда уже дошёл, и не сделал бы того, что уже сделал.

Вопрос об отношении к литературе классиков сводится к вопросу о мастерстве. Всякая работа требует мастера. Старинная пословица совершенно правильно отметила, что «всякое дело мастера боится, а иной мастер – дела боится». Для того чтобы не бояться дела, нужно хорошо изучить материал, овладеть им. Боятся дела только те, кто его не знает или плохо знает. Такие люди, будучи испуганы сложностью дела, конечно, не способны развивать его и стараются упростить. Результат упрощения обыкновенно таков: «Сбил, сколотил – есть колесо! Сел да поехал – эх, хорошо! Оглянулся назад – одни спицы лежат».

К разряду упрощителей принадлежат люди бездарные, бесталанные, а также «рвачи», людишки, которые спешат занять видные места, паразиты, которых рабочий класс, к сожалению, уже развёл около себя и в своих рядах.

Должны ли выдвигенцы рабочего класса, молодые литераторы, учиться делу живописи словами у старых мастеров? Совершенно ясно, что должны, потому что им необходимо усвоить и освоить приёмы работы, «секреты» мастерства. Рабочие–ленинградцы приобрели образцовое оборудование американского хлебозавода, а затем, изучив технически совершенные машины, решили строить такие же своими руками. Нисколько не удивит меня, если они ещё более усовершенствуют эти машины. Создавая «пристроечку» в 90 тысяч сил к станции в 20 тысяч сил, рабочие пригласили немецких мастеров ставить котлы. Немцы поставили первый котёл в шесть месяцев. Второй, при помощи русских рабочих, был поставлен на месяц скорей. Третий, четвёртый котлы поставлены были ещё скорей, и рабочие сказали мне, что последний, шестой котёл они поставят в пять недель. Вот что значит учиться мастерству, и вот откуда мы должны брать аналогии и уроки, – из области творчества классового, а не из мутной, непродуманной «отсебятины», не из страха перед работой, не от мещанского анархизма!

У нас чрезвычайно много критики, которая не имеет ничего общего с самокритикой критиков, – с критикой личного, индивидуального поведения, с критикой своих мнений и сомнений. Люди, научившиеся мало–мальски грамотно писать и более или менее ловко нанизывать цитаты из чужих книг одна на другую, – эти люди уже воображают себя чем–то вроде «духовных вождей» рабочего класса. Преждевременно. И немножко неумно. Необходимо очень долго и усердно учиться, для того чтобы получить право осторожно советовать. А советуя, следует помнить, что не всё знаешь и что чем больше живёшь, тем труднее знать всё в наше время, когда действительность изменяется с такой бешеной скоростью.

У нас накопилось и накаплиется всё больше живого, практического дела. В массе его на одном из первых мест – задача вооружения молодых, начинающих писателей знанием мастерства, знанием литературной техники. Молодые писатели находятся в драматическом положении, – они хотят учиться, им необходимо знать приёмы словесного творчества. Учит их – некому. Редакторы журналов возвращают им рукописи с такими отметками: «Слабо, не пойдёт», «Слабовато, но есть хорошие

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma места», «Учитесь, работайте над собой», «Неоригинально, много шаблона», «Учитесь технике».

Все эти слова ничего не говорят начинающим авторам, это не учёба, а фабрикация обиженных и недовольных. Получив из редакции две-три рукописи с такими рецензиями, автор начинает считать редактора чужим человеком и даже врагом своим. Он пишет кому-нибудь такие нелепости о редакторе:

«Сидит в мягком кресле редакции, целый день чай пьёт да с машинистками кокетит, вытаращив сытые глаза, а мы для него – как нищие на паперти для попа.»

Автору неизвестно, что перед редактором нечеловеческая задача – прочитать сотни рукописей и что физически невозможно прочитать все их с должным вниманием. А рабочий класс всё-таки обязан иметь своих мастеров слова, романистов, рассказчиков, драматургов, фельетонистов, сатириков и юмористов, работающих для эстрады, откуда необходимо поскорее вышибать старенькую мещанскую пошлость.

О бесчеловечии

О том, до чего бесчеловечна христианско-буржуазная «культура», красноречиво и неоспоримо говорит признание буржуазией неустрашимости войн, признание неизбежности массового истребления людей как «закона жизни».

Есть умники, которые утверждают, что война будто бы воспитывает в человеке бесстрашие, волю и ещё какие-то ценные качества. Мы знаем, что организованная буржуазией отвратительная бойня 1914–18 годов истребила несколько десятков миллионов рабочих и крестьян и на крови избитых воспитала несколько тысяч бесстыднейших паразитов и хищников: «шиберов», «нуворишей», «акул».

Утверждение, что «война родит героев», воспитывает бесстрашных, говорит лишь о том, что буржуазные философы и моралисты не видят разницы между бесстрашием и бесстыдством, бесчеловечием.

Наше время совершенно явно обнаруживает, что бои между буржуазными государствами, помимо прямой своей цели – ограбить экономически обессиленного врага, – действительно создают «бесстрашных» людей – защитников беззаконной, бесчеловечной власти в «мирное время». Мы видим этих людей в организациях фашистских, как, например, «Стальной шлем» немцев и подобные же в других государствах.

Известно, что «мирное время» всё более определённо принимает характер непрерывной и ожесточённой войны хозяев против рабочих.

Кроме того: морально разлагаясь, буржуазия воспитывает всё большее количество воров, мошенников, бандитов. Банкир родит бандита – вот что рассказывает нам современная «книга бытия», и это – неоспоримо.

Рост преступности в буржуазных государствах требует всё большего увеличения штатов полиции, куда требуются именно «бесстрашные» люди, способные не только избивать и убивать рабочих, но и сражаться с разбойниками. В Берлине организованы специальные «команды нападения» для защиты обывателей от бандитов. С.Ш.Америки страхуют обывателя от мошенничеств и грабежей. В 13 году эти страховые общества уплатили премии ограбленным два миллиона долларов, в 1920 – четыре с половиной, в 27-м – около семнадцати миллионов. Чикаго, огромный, богатый город, находится вполне во власти бандитских организаций: о росте преступности говорил президент Гувер в сенате. Разумеется, не только одна Америка так усердно фабрикует преступников против жизни, а главное, против «священной собственности» мещан. Европа не отстаёт от неё в этом прогрессе. «Бесстрашные» люди крайне необходимы буржуазии.

Надо ли напоминать о том, что война выгодна для промышленников, изготовляющих руками рабочих орудия и оружие для взаимного истребления рабочих же и крестьян?

Всё это и многое другое, неопровержимо доказывая циническое бесчеловечие буржуазии, преступность самого факта её существования, – говорит и о росте её безумия, её идиотизма, осуждающего её на неизбежную гибель.

Я всю жизнь был «пацифистом». Война вызывала у меня только отвращение, стыд за людей и ненависть к зачинщикам массовых убийств, к разрушителям жизни.

Но после той героической войны, которую победоносно провёл голодный, босой, полуголый наш рабочий и крестьянин, после того как рабочий класс, строя новое, своё государство в невероятно трудных условиях, показал и показывает себя умным, талантливым хозяином, – после этого я тоже убедился в неизбежности смертельного боя. И, если вспыхнет война против того класса, силами которого я живу и работаю, – я тоже пойду рядовым бойцом в его армию. Пойду не потому, что – знаю: именно она победит, а потому, что великое, справедливое дело рабочего класса Союза Советов – это и моё законное дело, мой долг.

День индустриализации

Чем глубже и шире охватит рабоче-крестьянскую массу сознание необходимости для неё совершеннейшего технического вооружения страны Социалистических Советов, – тем скорее будет выполнен боевой завет Владимира Ильича Ленина: «догнать и перегнать» индустрию капиталистов Европы и Америки.

На этом поле битвы «догнать» уже значит – победить, а «перегнать» значит – уничтожить.

Чем лучше, ревностнее, честнее будут работать наши фабрики и заводы, – тем всё более лёгкой будет жизнь рабочих, светлее, культурнее «быт», богаче наша страна, быстрее будет расти уверенность рабочего в своей всё побеждающей силе, – в силе своего труда, который был, есть и всегда будет единственной основой культуры.

Рядом и вместе с этим крестьянство, вооружаемое машинами, быстро поймёт явные выгоды коллективизации, по-новому, более разумно, отнесётся к своему труду, своим полям, повысит урожай, освободится от каторжной работы и от тех бытовых пережитков, которые затрудняют культурный рост деревни.

Разоружить зоологический крестьянский индивидуализм можно, только вооружив крестьян машинами – трудом рабочих рук, рабочего разума.

Ленинская идея социалистического соревнования – одна из крупнейших идей этого человека, действительного вождя всей мировой массы трудового народа. Как все его идеи, она – проста. Она требует только одного: усилить напряжение труда рабочих на самих себя, на своё государство, где только они – хозяева, работать честнее, лучше, чем они работали на капиталистов.

Социалистическое соревнование требует также решительной и быстрой перемены к лучшему небрежнейшего и постыдного отношения к рабочим-изобретателям. Если подсчитать всю ту пользу, которую уже принесло изобретательство рабочих рабоче-крестьянскому государству, то есть самой же массе трудящихся, – мы получим ослепительную цифру в миллионах рублей. Мы увидим, что вместе с работниками науки наши изобретатели, развивая и совершенствуя науку и технику, успешно освобождают Страну Советов, то есть её рабочих и крестьян, от зависимости иностранного капитала, от необходимости ввозить к нам из-за границы продукты иностранных промышленников.

Факты отвратительного, казённого, бюрократического отношения к изобретателям всем известны. Им не должно быть места в стране, организующей социалистическое соревнование, в стране, где простой низовой рабочий маляр выдвигает такую прекрасную идею, как «День индустриализации», – день, которому следует придать значение ежегодного праздника.

Мы слишком дёшево ценим такие факты, как выступление маляра Слободчикова, а ведь они говорят нам о действительном преображении рабочего, который ещё не так давно – в массе своей – был покорным и немым рабом бесчеловечных владык.

Я знаю, помню, что мы не веруем в «героев» и не от них ждём «освобожденья». Но я вижу, что в наш мир пришли иные, новые герои – герои иного характера, иных целей. Этим героев родит и выдвигает трудовая масса, и они не требуют преклонения себе. Но надобно мнать и помнить, что необходимо внимание к их работе. Посылая их далеко вперёд себя как пионеров индустрии, как разведчиков путей к социализму, рабочая армия, партия и Советская власть должны создавать для них атмосферу сочувствия к ним, к их труду. Это – в интересах рабочего класса и Советской власти, не понимать этого – преступно.

Добьёмся мы освобожденья

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Своею собственной рукой!

Так! Но наши герои труда и науки – это пальцы могучей руки рабочего класса.

О том, как надобно писать для журнала «Наши достижения»

В капиталистическом государстве, разорвавшем людей на взаимно враждебные классы, рабочие и крестьяне трудятся на фабрикантов и помещиков. Трудом рабочих и крестьян укрепляется власть хозяев, которые живут, кидаясь роскошью, создавая из пота и крови трудящихся бессмысленные многомиллионные капиталы, заботясь не о том, чтобы облегчить труд, а только о том, чтобы заплатить за труд дешевле. Государство капиталистов совершенно равнодушно к тому, что в тяжких условиях труда рабочие вырождаются, что среди них вместе с ростом нищеты растут пороки, болезни, растёт преступность. Из множества этих пороков особенно пагубны привитые капитализмом зависть и жадность. Они зародились на почве «инстинкта собственности», на почве звериного стремления человека создать для себя независимый уголок в жизни и урвать более сытный кусок хлеба для себя и своей семьи. Это хищническое стремление образовало обширный слой мелких собственников – «мещанство». Капиталисты окружили себя мещанами, как дворовыми собаками, и, бросая им кости со своего стола, выкормили себе покорных рабов, усердных идеологических и физических защитников власти хозяев, защитников «священного института собственности» и паразитов рабочего класса. Так же, как и капиталист, мещанин питается потом и кровью рабочих. Капиталистическое государство – организация крупных и мелких воров и грабителей; они становятся всё более откровенно наглыми и бесчеловечно жестокими в отношении к рабочему классу и нищенски живущему крестьянству. В капиталистическом государстве рабочие и крестьяне бессмысленно трудятся на крупную и мелкую буржуазию в явный вред себе, для упрочения власти хозяев, для укрепления своего рабства.

В государстве рабочем, социалистическом все его работники трудятся друг для друга. Труд каждого из нас есть труд для всех, и труд всех – для каждого из нас.

Это надобно хорошо сознавать, и только тогда, когда этот факт будет осознан, у нас вырастет, образуется новое, необходимое отношение друг ко другу – отношение истинных, честных социалистов. Надобно продумать, понять очень простой факт: все области и формы труда одинаково нам – государству рабочих и крестьян – необходимы, и все они государственно, социалистически равноценны. Для жизни каждого из нас необходима работа крестьянина в поле, для крестьянина необходима работа инженера, техника, литейщика, слесаря, токаря, создающих машины, которые облегчают каторжный труд крестьянина; для каждого из нас необходима работа шахтёра, добывающего металлы и топливо из-под земли, электротехника, который даёт нам свет. Жизнь каждого из нас зависит от людей, которые обувают, одевают нас, вооружают наш разум, нашу волю и наши руки – «орудие всех орудий», учат нас грамоте, поработают и организуют для нас различные силы природы, открывают пред нами тайны её и сокровища, скрытые в земле, картинно, образно рассказывают нам о нас же, о наших радостях и печалях, о преступлениях наших друг против друга, о наших глупостях, ошибках и пороках, а также о героическом, великом труде нашем, который всё более быстро обогащает Страну Советов. Ткачиха и швея, учительница и актриса так же необходимы каждому из нас, как плотник и столяр, кузнец и каменщик, так же, как учёный, который защищает наше здоровье, как изобретатель, который создаёт новые аппараты, инструменты, машины, как все те работники нашего мира, которые развивают, обогащают наши знания, наш разум, организуют нашу волю на борьбу против всего, что мешает нам создавать здоровую, лёгкую, красивую жизнь, социально справедливые формы и условия государственной жизни. Мы все – борцы единой трудовой армии, цель её – именно в том, чтобы завоевать, создать

совершенно иные, новые формы и условия жизни, новые отношения друг к другу. Эти отношения могут быть созданы лишь тогда, когда мы по-новому переоценим значение труда, решительно изменим отношение к труду.

Труд – основа культуры. Всё в мире создано и создаётся трудом, – это известно, это понятно, это особенно хорошо должен чувствовать рабочий. Но всё ещё плохо сознаётся и чувствуется тот совершенно новый факт, что в Стране Советов труд должен служить не для накопления денег, не для того, чтобы – как это делается в государствах капиталистов – превратить пот, кровь и мускульную силу рабочих в золото, хранить его в бездонных карманах буржуазии, тратить его на вооружение для защиты своей власти над миром, для организации всемирного истребления рабочих и крестьян, тратить на бессмысленную и отвратительную роскошь, тратить –

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma в конце концов – на организацию всевозможных преступлений против трудового народа.

Есть пословица: «Не в деньгах – счастье», эту пословицу давно пора изменить так: «Несчастье мира – в деньгах». В Стране Советов цель труда – снабдить всё население страны всеми продуктами труда, которые необходимы для того, чтобы все люди были сыты, хорошо одеты, имели бы удобные жилища, были здоровы, пользовались бы всеми благами жизни, в Стране Советов цель труда – развитие культуры, развитие разума и воли к жизни, создание образцового государства работников культуры. В Стране Советов каждый излишне заработанный рубль должен возвратиться в общегосударственную кассу для того, чтобы снова послужить культурным потребностям всех рабочих и крестьян, для того, чтобы ускорить процесс обогащения всей страны, процесс индустриализации её. У нас все рабочие и крестьяне работают друг на друга и каждый – на всех, а не для своего личного накопления дрянненьких, грязных бумажек, которые служат для капиталистов орудием порабощения рабочих, причиной развития зависти, жадности, роста преступления и вырождения трудового народа.

Необходимо понять, что всякий труд в Союзе Советов – государственно необходим и общественно полезен не как труд, создающий «удобства жизни» для «избранных», а как труд, который строит «новый мир» для всей массы рабочих и крестьян, для каждой из единиц этой массы. При таком понимании нового значения труда мы оценим каждого труженика как «своего человека», который работает для всех, а он должен понять, что все работают на него.

До Октябрьской, социальной революции огромное большинство рабочих и крестьян было заинтересовано только тем, чтобы не умереть от голода. Лишь незначительное меньшинство рабочих интересовалось общим ходом развития производства, которое росло за счёт их труда. В наши дни необходимо, чтобы каждый рабочий и крестьянин хорошо знал всё, что создаётся, строится коллективной силой всей рабочей массы на полях и на фабриках всего Союза Советов.

Журнал «Наши достижения» неоднократно говорил о том, почему рабочие и крестьяне должны знать всё, что делается ими, весь процесс и все результаты великого труда, быстро обогащающего нашу страну. Знать это они должны потому, что они хозяева в своей стране. Плох тот хозяин, который не имеет достаточно ясного представления о том, как растёт его хозяйство.

По своей основной цели журнал «Наши достижения» должен быть не только журналом для массы, но журналом, который создаст сама же масса в лице своих грамотных представителей: рабселькоров, крестьян-опытников, начинающих писателей и различных «выдвиженцев» из массы. Журнал должен быть зеркалом, которое последовательно, ежемесячно отражает рост и ход государственной работы всех сил Союза Советов.

Изданные в текущем году книги журнала цели этой не осуществили. Деятельного сотрудничества передовых единиц массы редакция не могла организовать, большинство статей журнала писалось не теми людьми, на труд которых редакция рассчитывала. Печатались главным образом статьи «хозяйственников». Хозяйственникам писать статьи для массы – некогда, и они не умеют писать с достаточной простотой. Они пишут или сухо, казённо, как пишутся отчёты, или же слишком «мудрёными» словами. В общем они плохо пишут потому, что плохо понимают, для кого пишут, – они недостаточно определённо представляют себе читателя.

Писатель должен вполне определённо и ясно видеть лицо того существа, на внимание которого он рассчитывает. К современному массовому читателю нельзя обращаться с таким, например, набором слов: «Комплекс этих и равноценных фактов не может не возбуждать героизм и энтузиазм трудовой массы».

В этих словах два отрицания, поставленные рядом, только путают понимание читателя, и хотя слова говорят о массе, но направлены мимо неё. Бесплезно для читателя соединять такие слова, как, например: «Действительность императивно диктует», или: «Прыжок через барьеры, нагороженные моралью культуристов на арене социальной педагогики, обязателен для волюнтариста».

Попробовав пережевать эту словесную мякину, читатель – молодой рабочий – сердито спрашивает: «Волюнтарист, это кто такой? Представляется вроде козла, что ли?»

Грамотные люди форсят своим знанием иностранных слов, очевидно, не зная, что наш язык достаточно богат и мы вполне точно, вполне свободно можем всё сказать своими словами, прибегая к помощи чужезычных только изредка, очень осторожно. Обращаясь к массе, следует твёрдо помнить, что она ещё безграмотна или малограмотна и что людей, которые щеголяют своим косноязычием, она имеет законное право послать ко всем чертям. Стремление расцветить действительность красивыми словами – вполне естественно, действительность достойна этого. Но, повторяю, красивыми словами достаточно богат и наш язык. Следует помнить и о том, что глаголы украшать и прикрашивать – различны по смыслу своему. В стремлении прикрашивать есть кое-что от «старого мира», когда слово работало на богатого Лазаря, страстного любителя «красивой жизни» и творца всяческих пакостей. Иногда кажется, что этот Лазарь и пакости-то творил так бессмысленно только для того, чтобы наиболее резко подчеркнуть «эстетику» противоречия своей «культурной», «красивой жизни» с безобразнейшей грязью действительности, созданной им.

«Чем ночь темней – тем звёзды ярче», а кто же из богатых лазарей, будучи болотным огоньком или гнилушкой, не видел себя яркой звездой на земле?

Подлинная красота, так же как подлинная мудрость, очень проста и всем понятна. Авторы очерков, присылаемых в редакцию журнала «Наши достижения», тоже пытаются писать «красиво». В большинстве случаев это выходит неудачно, потому что недостаточно просто и ясно. Пишут, например, такое: «Эфемерно торчат трубы фабрики». С понятием «эфемерности» соединяется лёгкость, прозрачность, воздушность. Кирпичную трубу нельзя назвать лёгкой, прозрачной, и хотя она «торчит» в воздухе, а всё-таки не воздушна. Один рабкор, изображая ответственного работника, написал, что он: «снова поскакал по степи на своём булатном коне». Рабкору, забрав его слишком крикливую и, видимо, лицеприятную, льстивую статейку, указали, между прочим, что конь, наверно, был буланый, а не «булатный». Обиделся рабкор, наговорил грубостей и объяснил: «А булатным конём я назвал автомобиль, это надо понять». Нет, это нельзя понять, товарищ! Скачут блохи, сверчки, кони, но, если скачет автомобиль, это – плохо! Таких ошибок из пристрастия к слову «красивому» – сотни. Почти общим недостатком очерков является их многословие. Нагромождается 30–50 слов там, где достаточно десятка, и смысл того, что хотел сказать автор, утопает в мусоре лишних слов. Писать надобно кратко и ясно, «чтобы словам было тесно, мыслям – просторно». Экономия слов лучше всего достигается образностью. Бывает, что ошибается и редакция. Например, автор пишет: «А секретарь фабкома служит при директоре флюгер-адъютантом». Ему заметили, что «флюгер» – штука, показывающая направление ветра. Но он убийственно ответил: «При царе были флигель-адъютанты, а при рабочем классе развелись «флюгер-адъютанты».

Пишут – плохо. Но так как у нас всему научаются быстро, редакция «Наших достижений» уверена, что и писать статьи для массового журнала у нас выучатся скоро.

Как же следует писать в журнал «Наши достижения»?
Разрешите повторить то, что уже говорилось.

Задача журнала «Наши достижения» – рассказать широким массам рабочих и крестьян СССР о той громадной стройке, которая повсеместно кипит в нашей стране. Рассказывая о великой работе «маленьких людей», показывая удачные образцы этой работы, «Наши достижения» весь материал строят на действительных фактах.

Факты, цифры, живые люди с именами и фамилиями – вот основа всех корреспонденции в «Наши достижения». Но, выставляя такое требование, редакция «Наших достижений» отнюдь не желает, чтобы ей писали сухие отчёты «по протокольным материалам», в которых нет ни одной живой строки, нет ярких красок, а везде разлита зелёная скука, способная убить всякий интерес читателя. Сухоотчётные, протокольно-канцелярские материалы нам тоже нужны, но не в форме статей для журнала. Такие материалы могут быть нами использованы для заметок в отделе «Хроника».

Не нужно пользоваться для статей «Наших достижений» «красотами» языка фельетонов. Надо пытаться создать свой тон, не «весёленький» и «бойкий», а бодрый, серьёзный, простой. Затем: если будут умиляться и восторгаться авторы, – это, конечно, хорошо для них, но для журнала будет лучше, когда авторы научатся

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
вызывать восторг у читателей.

Основное, что нам нужно, – это живой очерк, насыщенный фактами, убедительными и легко понятными. Осю очерка, по возможности, всегда должны быть живые люди, будут ли это одиночки-строители, борцы или творческий коллектив. В нашем журнале отображению живого человека-творца, умеющего работать в интересах целого коллектива, отводится виднейшее место. Наши корреспонденты должны об этом помнить, и тогда они смогут всегда дать примерно то, что нужно «Нашим достижениям». Нам необходимо выработать свой тип статей, тип упрощённого очерка, сжатого, фактического, без излишних украшений от беллетристики, без крикливых газетных заголовков, вроде «Интервенция в жизнь», «Поднятая целина» и т. д. Авторы пишут не для критиков, не для профессиональных читателей, потомков гоголевского Петрушки, а для не очень грамотных, но весьма серьёзных людей, работников на земле и на фабрике. Люди эти вовсе не требуют, чтобы авторы щеголяли перед ними «красотой стиля», «богатством образов», лирикой, остроумием, философией. Этим людям необходимо знать: что сделано и делается в их стране такими же руками, как их руки? Журнал «Наши достижения» должен быть журналом для массы, иначе он не нужен. Авторам весьма помогло бы в их работе, если бы они попытались воспитать в себе чувство «дружелюбия» к массе. Мне думается, что в стране, где начата в массе такая широкая и всесторонняя работа, чувство восхищения перед этой работой и чувство дружеского внимания к рабочей массе может быть очень искренним. Но эту искренность не часто встречаешь в статьях. Должно быть, десяти лет ещё мало для того, чтобы воспитать её.

Если автор умеет писать красочно, если он умеет найти особенные слова, которые свежо, по-особенному выразят его мысль, его личные впечатления, – пусть он это делает. Но автор должен помнить, что, во-первых, пишет он для неискушенного читателя – рабочего и крестьянина, значит не нужно козырять красивенькими словами, а во-вторых, не следует подменять действительные, хотя бы и скромные, краски сусальной позолотой, кричащей фразой, дешёвой «красивостью». При описании достижений не надо разбрасываться, пытаться «объять необъятное», сказать обо всём понемногу. Лучше выделить основное и на нём сосредоточить внимание.

В корреспонденциях в «Наши достижения» желательно показывать пути достижений. Это значит, что в краткой форме надо рассказать о тех препятствиях, которые мешали и, возможно, мешают росту успехов в том или ином деле. Но эта сторона корреспонденции не должна быть самодовлеющей, – она должна только более ярко оттенять успехи, предостерегать от ошибок, которые сделаны по неопытности другими. Основное для журнала – достижения. Если кто умеет описать героический труд, пусть пытается сделать это. Это описание оживит материал, зарядит трудовым пафосом читателя, даст ему уверенность в себе, сделает его работу более осмысленной, производительной. Но не следует действовать лирикой там, где нужны факты в простом и точном изображении. В изображении трудовых процессов лирика у всех звучит фальшиво, – это потому, что труд никогда не лиричен, а в существе своём он – эпика, он – борьба, преодоление различных сопротивлений инерции. В труде, если хотите, есть даже элементы трагизма – как и во всякой борьбе. В ряду задач журнала стоит задача моральной помощи крестьянам-активистам – партийцам и беспартийным – в их борьбе против хозяйственного опыта кулака. Журнал должен и может дать активисту материал для агитации за Советскую власть. Таким материалом служит не только практическая, но и научно-исследовательская работа опытных станций, учёных специалистов. Всегда и везде – как можно больше фактов, которые читатель при желании может сам проверить. Нужно, чтобы крестьянин-активист, «опытник» всё более убеждался в решающем значении коллективизма, машины и науки для сельского хозяйства, убеждался в том, что рабочий работает на него всё более успешно, в том, что всё, что делается на фабриках и заводах, делается, в конечном итоге, для реорганизации деревни, для облегчения её нищенской жизни и каторжного труда. Нужно фактами доказывать, что в мире нет другой, кроме советской, государственной организации, которая служила бы интересам только одного класса трудящихся на земле и фабрике, и при этом служила бы так честно, усердно и успешно. Нужно проникнуться сознанием необходимости всестороннего культурного нажима на деревню.

Присылаемый в «Наши достижения» материал должен быть оригинальным, нигде не напечатанным и не должен параллельно направляться в другие издания. Все цифровые данные необходимо тщательно проверить, все меры приводить только в метрическом выражении. На очерк желательно получить две-три хороших фотографии.

Журнал дорог, и редакция понимает, что дороговизна – препятствие, мешающее

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma журналу широко проникнуть в массу. С января 1930 года журнал будет выходить ежемесячно, книгами такого же размера, но не дороже 50 копеек за книжку.

Пионерам
Что такое пионеры?

Пионерами были названы люди, которые заселяли новые, только что открытые земли.

Пионерами называют многих знаменитых работников науки: Луи Пастера – основателя бактериологии, Кюри – открывшую радий, профессора Докучаева, который, исследуя русские почвы, открыл путь для новой науки – геохимии. Пионером можно назвать Карла Маркса – он осветил всю историю человечества новым светом и указал рабочему народу всего мира единственно прямую дорогу к свободе. Владимир Ленин, первый, кто смело повёл рабочий класс по дороге, указанной Марксом, тоже может быть назван пионером.

Всякая общественная работа, которая расширяет и углубляет рост общечеловеческой культуры и служит интересам трудовых классов, имела, имеет и будет иметь своих пионеров.

Поэтому можно сказать, что пионеры – это люди, которые создают и вносят в жизнь новое, полезное, и люди, которые углубляют и расширяют новое, полезное.

Наш рабочий класс и бедняцкое крестьянство, идущие по пути Маркса – Ленина, тоже являются отрядом пионеров, потому что этот отряд первый во всём трудовом мире смело начал строить свободное, своё, социалистическое государство.

Вы, ребята, дети, братья и сёстры пионеров социальной революции, дети строителей нового мира, вы тоже вступаете в новую землю, только что открытую для вас, вы заселите её как хозяева всех её сокровищ, как свободные работники на самих себя.

Пред вами – прекрасная, героическая работа: продолжать начатое отцами величайшее, героическое, справедливое дело. Вы уже начинаете делать его, и начинаете так хорошо, что скоро можно будет вычеркнуть из памяти старую поговорку: «Яйца курицу не учат». Вы уже начинаете учить ваших отцов жить и работать более разумно, чем они живут и работают. Эти ваши уроки особенно заметны и полезны в деревне, где старинные привычки жизни и работы ещё крепко держат в своём плену разум людей. В деревне люди всё ещё плохо верят в силу разума, который может разрушить всё, что мешает людям жить хорошо, который только и может создать всё, что необходимо для справедливой, здоровой, лёгкой жизни. В деревне всё ещё плохо понимают выгоду коллективного труда, а только этот труд может уничтожить в людях жадность, зависть, вражду.

Отцов нельзя винить за то, что они иногда хуже, чем дети, понимают великое историческое дело борьбы против инстинкта частной собственности. Отцы ваши жили невероятно мучительной и тяжёлой жизнью, старый капиталистический порядок жизни приучил людей смотреть друг на друга как на врагов, приучил каждого, как зверя, прятаться в свою нору, свою избу. Тьма и ужас прошлого возникли на почве частной, индивидуальной собственности. Инстинкт собственности – главный враг людей и причина всего горя, всех несчастий жизни.

Передовой отряд рабочего класса – партия коммунистов – учит людей: уничтожьте мелкое, личное хозяйство, почву, на которой вырос капитализм – несчастье всего мира, основа всех пороков и преступлений. Боритесь против бесчеловечья капиталистических, классовых форм жизни, стройте своё социалистическое государство, и тогда будет убит инстинкт собственности, и только тогда наступит действительное братство и равенство, а труд людей будет и легче и богаче результатами.

Вам, ребята, необходимо принять это учение, если вы не хотите, чтобы жизнь снова вернулась в тот мрак и ужас, в котором трудовой народ жил тысячелетия!

Вы должны всё видеть, всё изучать, вооружаться знаниями и не брезговать никаким трудом.

Вы, пионеры, должны смело и прямо идти по дороге, открытой перед вами Лениным.

Вперёд, пионеры!

О викторине Арефьеве

О Викторине Арефьеве я могу сказать немного. Он редко бывал в Красновидове; являлся обычно к ночи или ночью, приходя пешком с пристани «Лобышки». М.А.Ромась, весьма строгий конспиратор, побеседовав с ним, отправлял его ко мне, на чердак, там Арефьев спал и сидел, не выходя на улицу села, целый день, а ночью исчезал, спускаясь к Богородску в лодке с рыбаком Изотом или уходя на «Лобышки». Ромась сообщил мне, что Арефьев выслан из Саратова или должен был уехать оттуда, избегая ареста, – не помню точно. Вероятнее – последнее, потому что Арефьев обычно являлся в Красновидове или из Казани или из Саратова, и я думаю, что он служил связью между народовольцами этих городов.

Помню, что при первой встрече он мне определённо не понравился, – говорил со мной докторально, заносчиво и щеголял своей начитанностью. В следующий раз я примирился с этим, поняв, что за щегольство мною принято естественное желание человека, много знающего, поделиться радостью знания. Особенно возбудил мою симпатию его интерес к фольклору, он отлично знал поволжские говора¹, у него были интересные записи песен пензенских татар, записок «дубинушки» и целое исследование о саратовской «Матане», предшественнице современной «частушки». Мне кажется, что эта работа его печаталась в «Саратовском дневнике», редакции Сараханова, в 1891 или 1892 году. Лет десять спустя в кружке Мережковских искали рифму к слову «дьявол», нашёл, кажется, Сологуб: «плавал». И мне вспомнилась запись Арефьева:

Милый мой по Волге плавал,
Утонул, паршивый дьявол!
К запискам своим он относился небрежно. Однажды забыл их в лодке Изота, в другой раз его тетрадь оказалась под моей койкой. Был он человек живой, размашисто открытый, богатый словом, с широким полем зрения и умением тонко, точно наблюдать.

Как-то будучи в Казани, я встретил его у геолога Северцева или Сибирцева, и мы решили идти в Красновидове пешком. Вышли на утренней заре. В памяти моей очень светло и выпукло лежат сорок пять верст этого пути в непрерывной беседе с человеком, которому и природа и люди говорили больше, чем в ту пору я умел видеть и слышать. Он обладал небольшим голосом, отличным слухом и безошибочно передавал мелодии народных песен. Лицо у него было чёткое, из тех, какие – увидав один раз – долго не забываешь и хочешь видеть ещё. Лицо его хорошо освещали очень яркие и умные глаза; особенно ярко блестели они, когда Арефьев смеялся. Смеяться – любил, это – верный признак хорошего человека.

Года через два – если не ошибаюсь – я встретился с ним в Нижнем у И.И.Сведенцова, мрачного народовольца, автора очень скучных рассказов. Это была последняя встреча. Он, кажется, имел какое-то отношение к «народоправцам». Это я заключаю по тому, что он очень подробно рассказал мне о провале типографии Ромася в Смоленске. И в этот раз он вызвал у меня впечатление человека крепкого, решительно идущего к своей цели, влюблённого в песни, навсегда преданного народу своему и готового на всякий бой, на любую работу ради лучшего будущего.

Хорошая книга

ГИЗ выпустил на книжный рынок роман К. Горбунова «Ледолом». Автора можно поздравить – он написал интересную книгу. Просто, без молодецкого щегольства словами, без вычурных, затейливых фраз он изобразил Октябрь в деревне. На мой взгляд – наша молодая, революционная литература впервые так удачно подошла к этой жгучей теме.

Автор хорошо видит тяжелую драму борьбы коллективистов с индивидуалистами, бедняков с кулаками и достаточно уверенно владеет искусством рисовать характеры. Кулак Силаев, его сын Яшка, хитрый паразит Тараканов, писарь сельсовета глупенький Калдин, добродушный бездельник, приятель и слуга кулаков предсельсовета Окулов и вообще все представители деревенской контрреволюции показаны Горбуновым без тех преувеличений, которые из живых и страшных своей озлобленностью людей делают каменных истуканов. Тёмные люди Горбунова – живые люди, они в книге чувствуют, хитрят, действуют именно так беспощадно, как в действительности, и читатель убеждается, что борьба с ними тоже должна быть беспощадной. Но так как отрицательные явления и характеры всё ещё преобладают в нашей действительности – рисовать их легко, и литература делает это достаточно умело. Труднее изобразить характеры людей, вызванных к жизни для того, чтоб

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma бороться против звериного сопротивления не способных к новым формам хозяйства, не способных к приятию культуры. Горбунову удалось и это.

Герой его книги – пастух, бывший красноармеец, человек из той академии бойцов, о которой секретарь комячейки с гордостью сказал: «Красная Армия переделывает человека на сто процентов».

Наверное, каждый красноармеец прочитает с глубоким интересом книгу, которая рассказывает о работе и борьбе одного из товарищей. Пастух Гасилин показан простым человеком, но на всю жизнь заряженным сознанием революционной необходимости бороться до конца. Он – не красноречив, скромн, деловит.

«Дело ясное и короткое, – говорит он беднякам деревни. – Подлюю эту шайку надобно гнать из совета кувырком по ступенькам. Я вас к тому и зову. Не поверите – один пойду».

Читатель верит, что этот человек вполне способен идти один против всех. Иногда он человечески устаёт, даже теряется, унывает. Враг – силён, хитёр, друзей – мало. Но – мужественный человек в конце концов побеждает. Убить его не успели и не посмели.

Убили другого – сторожа сельсовета, героического скорохода Федосеича, – фигуру тоже чётко изображённую. Характеры бедняков очень удались Горбунову. Хорошо написаны и женщины: Анка, обманутая сыном кулака, фимка, его любовница. И очень памятна мрачная фигура Гуляша, наёмного убийцы. Вообще книга Горбунова хороша и своевременна как нельзя более. От неё крепко веет духом бодрости, уверенностью в победе. И хочется, чтоб её прочитали сотни тысяч молодёжи.

Кроме указанных её достоинств, она весьма убедительно говорит о том, что молодые наши литераторы могут хорошо понимать действительность и не отстают от неё. Могут – когда они этого хотят.

Ответ

Эта статья – посильный мой ответ на письма, присланные мне различными лицами за истекший год. Ответить на каждое письмо я не имею физической возможности. Не отвечаю – и не буду отвечать – на письма антисемитов, контрреволюционеров и вообще негодяев. На мой взгляд, ответа заслуживают только те молодые люди, которые вследствие культурной малограмотности и кожного раздражения, вызванного у них толчками и щипками неустроенного быта, предъявляют к текущей действительности слишком повышенные требования, удовлетворить которые она ещё не может.

Думаю, что они – люди неплохие, но жажда жизни непременно «хорошей» и обязательно «для себя» ослепляет их и они не видят, не понимают, что исторический процесс, который развивается в Союзе Советов, быстро развивается именно в направлении благоустройства «хорошей жизни». Но, если мои корреспонденты останутся на той зыбкой, болотистой почве малограмотного, безответственного, индивидуалистического «критицизма», на которой они стоят, рискуя увязнуть по уши, если они не найдут в себе силы воли сойти с этой мёртвой точки, – думаю, что «хорошая» жизнь обойдёт их, что она вообще – не для них.

Жизнь наша была бы легче, отношения между людьми – лучше, если б люди знали и помнили, что в мире нет другой творческой силы, кроме сил человеческого разума, человеческой воли. Представление о том, что вне человека существуют иные, разумные силы, возникло из первобытного хаоса природы тогда, когда разум был ничтожно вооружён опытом и поэтому сам ничтожен. В ту пору, если камень оторвался от горы и покотился вниз, человек не понимал, какой силой камень приведён в движение, ему казалось, что все виды и формы движения возбуждаются на земле и над землёй силами, понять которые ему не дано. Испуганный одними явлениями природы, обласканный другими, он обоготворил всё, чего не понимал, обоготворил даже и смерть – силу, прекращающую всякое, видимое глазом, движение.

Некоторые из моих корреспондентов философствуют на тему о «главном»: о любви и смерти, особенно беспокоит их смерть, «поставленная поперёк дороги всему живому».

Я весьма близко знал десятка два неглупых людей, которым казалось, что размышления о смерти делают их ещё умнее. Различные настроения вызывали они у

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
меня, но скажу откровенно, что наиболее безобидным для философов было сожаление
о времени, которое они бесплодно тратили на попытки осветить ночную тьму
искрами, которые сыплются из глаз при ударе лбом о каменную стену.

Мне кажется, что «страсть к работе умозрительной», Направленная в эту сторону,
притупляет «познавательную способность» и отводит «умозрителя» в тёмный угол,
где юный философ неожиданно для себя умозаключает: «Кончил писать, и кажется,
что это написано не мною, комсомольцем, марксистом, а чёрт знает кем».

Я думаю, что философствовать следует не «умозрительно», а осмотрительно, не по
книжкам, а опираясь на факты непосредственного опыта, оперируя богатейшим
материалом действительности, в которой развивается «великое дело нашего века» –
строится «новый мир». Причём следует знать и помнить, что действительность эта
отживает сроки, предназначенные историей для неё, и что в области
«философической» весьма многое предусмотрительно заготовлено именно для того,
чтоб затруднить развитие «великого дела нашего века».

Если юные человеки начнут думать о том, что через полсотни «лет им нужно будет
удалиться с земли в землю, «во тьму и холод мирового пространства», или
«куда-то», – как пишут они, – это значит, что человеки уже отходят от жизни. А
так как жизнь – ревнива, бездельникам – не мирволит, то юноши не должны
обижаться, если она проводит их в дебри метафизики подзатыльниками. Жизнь,
несмотря на внешние уродства её, созданные пороками людей, биологически здорова,
полнокровна, она требует сильных, смелых, способных оплодотворить её, а
рукоблудов и языкоблудов беспощадно отменяет прочь.

Мне кажется, что из всех философских «систем оценки взаимоотношений человека и
мира» самая лучшая и верная та, которой ещё нет, но которая строится. Какова она
будет – не знаю, и гадать об этом – не моё дело.

О «любви» не стану говорить. Однако замечу, что в области половых отношений
молодёжь допускает – на мой взгляд – такую упрощённость, за которую упрощенцам
придётся, со временем, заплатить очень дорого. Искренно желаю, чтобы сроки
суровой расплаты за грубость и срамоту упрощённости наступили возможно скорее.

Кстати – о собаках. У собак весьма полезно учиться чувству дружбы к человеку, но
во всём остальном люди не должны бы подражать своим четвероногим друзьям.

Как все явления нашего мира, смерть есть факт, подлежащий изучению. Наука всё
более пристально и неумолимо изучает этот факт. Изучать – значит овладевать.

У смерти есть свои заслуги перед жизнью, – она уничтожает всё изработанное,
отжившее, бесплодно обременяющее землю. Укажут, что смерть не щадит детей, силу,
которая ещё не развилась, и часто убивает взрослых, которые ещё не успели
изработать силы свои. Нередко люди, прекрасно одарённые, социально ценные,
умирают в молодости, а пошляки и болваны живут до глубокой старости, попугаи –
до ста лет и более. Всё это – так. Но эти печальные факты объясняются вовсе не
«слепой, стихийной, непобедимой силой смерти», а нездоровыми и гнусными
условиями социально-экономического характера. Причиной преждевременной смерти
людей социально ценных служит обыкновенно физическое переутомление, а оно
является результатом хищнического, «хозяйского» отношения к человеку только как
к рабочей силе, которую надобно «использовать» скорее, чтоб её не использовал
другой хозяин. Известно, что десятки тысяч рабочих и служащих преждевременно
изнашиваются и погибают от цинически подлой и – весьма часто – бессмысленно
напряжённой эксплуатации их сил.

Люди умирают от холеры, тифа, малярии, туберкулёза, чумы и т. д. Но ведь не
обязательно, чтоб в «культурных государствах» существовали микробы, возбуждающие
эти болезни. Не обязательно, чтоб вокруг великолепных городов существовали
плотные кольца грязных окраин, где дома набиты людьми, как выгребные ямы
мусором. Роскошные гостиницы не так социально важны, как важны хорошие больницы.
Очень неловко повторять азбучные истины, но, видимо, это необходимо делать в
интересах малограмотных людей.

Сторонникам и защитникам «культурной» власти капиталистов приходится убеждать
самих себя в том, что если вошь кусает задницу, так в этом виновата не вошь и не
задница, а – «закон природы». Нет, виновата именно мещанская задница, привыкшая

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma сидеть спокойно, удобно и на мягком, – ведь это ею созданы и охраняются условия, допускающие существование вшей, блох, микробов, нищеты, грязи, безграмотности, суеверий, предрассудков и всего, чем болеет мир трудовой бедноты, непрерывно работающей для удобства мещанской задницы.

Но вот в Союзе Советов лишь только начали улучшать социальные условия воспитания детей и охраны материнства, а уже детская смертность немедленно понизилась и всё понижается. А здоровье рабочих становится прочнее благодаря системе отпусков, «домам отдыха» и т. д.

Известно, что «культурные государства» великодушно не щадят средств на производство ружей, пушек, танков, аэропланов, взрывчатых веществ, ядовитых газов и всего, что предназначается для массового истребления людей. Стоимость человекоубийства всё возрастает, поглощая тысячи тонн золота, добытого рабочими, собранного в форме налогов с людей, которые за это будут расстреляны, взорваны, отравлены, потоплены в морях.

Фабриканты пушек, пулемётов, динамита, иприта и прочих прелестных вещей, назначенных для массового убийства, готовятся к будущей международной бойне так же усердно, – но, разумеется, более солидно и обдуманно, – как средневековые бароны Европы, решив ограбить богатый Восток, готовились к завоеванию Иерусалима, к «освобождению гроба господня». Разница та, что для современных «рыцарей без страха и упрёка» Иерусалим помещается на тех улицах городов, где сосредоточены банки, а «гроб господень» – в сейфах.

Вот – работа на смерть, вот куда должны направить своё внимание и своё тяготение к философии молодые люди, чрезмерно чувствительные к неудобствам жизни в Союзе Советов, – к неудобствам жизни, которая только что начинает строиться в новых формах. Мне кажется, что чувствительность к личным неудобствам, обидам, несчастиям у многих юношей развита слишком болезненно. Это плохой признак, это признак слабо развитой жизнеспособности. Жизнь требует людей сильных и выносливых.

А смерть не так вредна тем, что она убивает не доживших до полной затраты сил на дело жизни, – здесь люди могут ограничить силу и работу её, если они будут более внимательно и бережно относиться друг к другу, если начнут более щедро тратить средства на охрану здоровья, на гигиену, санитарию, на изучение причин болезней. Наука победила оспу, холеру, дифтерит, чуму – эпидемические заболевания, от которых преждевременно погибали десятки тысяч людей. Медики становятся всё более опытными и удачливыми борцами против смерти.

Смерть вредна тем, что, внушая людям страх перед нею, вынуждает некоторых тратить ценные силы свои на «умозрительное» философское исследование «тайны смерти». Не философия даже горчичника не выдумала, а горчичник и касторовое масло в деле борьбы против смерти значительно полезнее философии Шопенгауэра или Э.Гартмана.

Смерть вредна тем, что из страха перед нею воображение людей создало богов, «потусторонний мир» и такие бездарные выдумки, как рай и ад. Но мы давно уже достигли того, что «смертные» люди наши – горные инженеры, шахтёры, кузнецы – искуснее подземного бога Вулкана, а электротехники – могущественнее и полезнее для жизни, чем Юпитер, бывший владыка молний и громов.

«Потусторонний мир» находится в тёмной области наших эмоций, которые всё ещё не очень сильно отличаются от эмоций первобытного человека, потому что страх смерти главенствует над ними вместе с хаотической работой «инстинкта продолжения рода», безрассудная деятельность которого тоже возбуждается страхом смерти. Если же «потусторонний мир» существует где-то во вселенной, мы его, наверное, откроем, установив сначала междупланетное сообщение в нашей солнечной системе, а затем сообщение между мирами. Но – с этим можно не торопиться, сначала позаботимся благоустроить жизнь на земле.

Надо ли говорить о том, что «рай» – очень глупая выдумка жрецов и «отцов церкви», выдумка, назначение которой заплатить людям за адовы мучения на земле мыльным пузырьком надежды на отдых в другом месте? Кроме этого, рассчитывается, что мечта о райском благополучии в небесах несколько затемнит и даже погасит в глазах бедняков соблазнительно радужный блеск жизни богатых на земле.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Смерть вредна тем, что на страхе перед нею основаны религии. В начале сознательной жизни первобытных людей, когда религиозное творчество было их попыткой организовать хаос явлений природы и воплотило эти явления в образы человекоподобных богов, – это народное творчество, не заключая в себе ничего устрашающего, имело определённо социально полезное значение, способствовало развитию мысли, фантазии, воображения и до сей поры не утратило своей ценности как «художественного» творчества.

Жрецы и церковники, уничтожив религиозное творчество как искусство, создали из религиозных представлений народа бездарные и устрашающие системы морали. Этим они надолго задержали свободное развитие мысли, миропознания, фантазии, воображения.

Особенно пагубное влияние на рост культуры имело христианство, наполнившее мир демонами, в которых оно превратило древних, созданных человеком человекоподобных богов. Оно же создало десятки тысяч невежественных монахов, которые, в страхе перед силою демонов, проповедовали людям отречение от мира, заражали их мрачными суевериями, а тех, чья мысль противоборствовала изуверскому аскетизму и уродующему гнёту церкви, признавали пленёнными демонами, еретиками, колдунами, ведьмами и жгли их живыми на кострах. Ни одна из религий, кроме христианства, не додумалась до установления «святой инквизиции», которая, действуя на протяжении почти семисот лет, сожгла на кострах не одну сотню тысяч «еретиков» и «ведьм» и несколько сот тысяч подвергла менее тяжким карам. Несмотря на прославленный «гуманизм» христианства, инквизиция была уничтожена Наполеоном Бонапарте в Испании только в 1800 году, а в Италии – в 1808, но и после этого её пробовали восстановить. Изуверская, беспощадная борьба христианской церкви против науки – самое позорное явление в истории Европы – ещё и до наших дней не освещена с достаточной полнотой и ясностью. Моральное одичание культурных людей, привитое им церковью, всего лучше видно на таком факте: в годы империалистической бойни христиане-немцы молились: «Боже, накажи Англию!» О том же и тому же богу молились англичане, французы, русские, молились «богу любви» о помощи в деле человекоубийства.

Надеюсь, что на вопросы некоторых моих корреспондентов о «ценности», о «необходимости» религии, о «религии как основе житейской морали» и, наконец, как «утешении», я ответил достаточно определённо. Что касается «утешения», так я уверен, что наиболее полно утешает человека его разумный труд.

Вообще же всё в нашем мире очень просто, все задачи и тайны разрешаются только трудом и творчеством человека, его волею и силой его разума.

И всё осложняется, затемняется только «лукавым мудрствованием» умников, которые хотят оправдать позорную действительность и примирить людей с нею.

Нам пора признать, что, кроме разума человека, иных разумных сил в мире не существует, что наш, земной, мир и все наши представления о вселенной организованы, организуются только нашим разумом. Вне его воздействия существуют: движение ледников, ураганы, землетрясения, засухи, непроходимые болота, дремучие леса, бесплодные пустыни, звери, змеи, паразиты, вне человека существует только хаос и безграничное пространство, наполненное хаосом звёзд, – хаосом, куда разум человека, его инстинкт познания внёс и вносит стройный порядок так же успешно, как строит он порядок на своей земле, осушая болота, орошая пустыни, прорезывая горы дорогами, истребляя хищных зверей и паразитов, «хозяйственно упорядочивая» свой земной шар.

Возможно, что мы тоже не так понимаем сущность сил природы, но мы уже не подчиняемся им, а властвуем над ними, и они покорно служат нам. Если это не может «утешить» пессимистов, их может утешить уже только логический и практический вывод из их чувства недоверия к силам культуры, из их отвращения к жизни. История культуры говорит нам, что знания, которые выработаны трудом людей, накоплены наукой, всё растут, становятся глубже, шире, острее и служат опорой для дальнейшего бесконечного развития наших познавательных способностей и творческих сил. Отсюда следует, что для быстрого и успешного роста культуры мы должны хорошо знать её историю.

Люди, на письма которых я отвечаю, плохо знают прошлое или совсем не знают его, или же не хотят знать, – последнее определённо указывает на крайнюю степень

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma упадка воли к жизни. Люди, которые заявляют, что в «прошлом человеку жилось легче и свободней», что «Толстой прав, отрицая культуру», что «книжность создаёт только гордость», что «Гоголь начал самокритикой, а пришёл всё-таки к богу», – всё это люди ненормальные, нездоровые, с моей точки зрения. Количество таких людей как будто растёт, хотя это кажется, может быть, только потому, что их жалобы становятся болезненнее и громче. Все эти жалобы говорят о судорожном припадке индивидуализма, и все они очень удачно оформлены в письме одного крестьянина или мещанина из города Нижнедевицка: «В колхозах, вижу, нет свободы моей свободной душе, и лучше уйду в бродяги, чем туда».

«Свободной души» у этого человека нет и никогда не могло быть, потому что человек издревле живёт в борьбе против человека, а не за человека и против природы. Это не новая и очень простая мысль, но кажущаяся наивность некоторых мыслей говорит о их крепкой правдивости. Человек, живущий в постоянном напряжении всех сил и способностей для самообороны от людей, не может быть внутренне свободен так, как должен быть свободен. Социальные условия, которые отводят человеку только три позиции – угнетателя, угнетённого или примирителя непримиримых, – такие условия необходимо уничтожить.

Подлежит уничтожению всё, что, так или иначе, в форме препятствий физических со стороны природы и классовой структуры государства или насилий «идейных», – например, насилие церкви, – всё, что затрудняет свободное развитие сил, способностей людей, развитие процесса культуры, должно быть уничтожено. Дело это успешно начато рабочим классом, именно этим началом и вызываются к жизни агонические судороги индивидуализма.

Нельзя отрицать, что индивидуальная деятельность давала и даёт блестящие результаты в различных областях науки, техники, искусства, – давала и даёт в тех случаях, когда эта деятельность совершенно совпадала, совпадает с направлением «традиций», вкусов, интересов командующего класса – буржуазии.

Но каждый раз, когда личность шла против интересов, навыков, мысли, «традиции» всемирного мещанства, она не находила себе места в среде его, – «личность» изгоняли, сажали в тюрьмы, сжигали на кострах. Участь Сократа и Галилея постигла десятки и сотни индивидуальностей, которые пытались поколебать устойчивые основы быта и мысли. В этом гонении на людей неугодливых, а потому – неугодных, мировое мещанство с полной откровенностью обнаруживало всю глубину отвратительного двоедушия, совершенно необходимого ему как приём самозащиты и укрепления своей власти над миром.

Известно, что мещанство по существу своих мыслей, чувствований глубоко индивидуалистично. Оно и не может быть иным, потому что индивидуализм его создан «священным институтом частной собственности», коренной основой мещанского общества. Вся и всякая философия мещанства имеет целью своей укрепление и оправдание этой основы как единственной, которая будто бы ведёт людей по пути к «братству, равенству, свободе», к «мирному сотрудничеству классов».

Лживость этой философии убедительно обнаружена учением Маркса, доказана такими фактами, как общеевропейская война 1914–1918 годов, как фашизм, допущенный и допускаемый недостаточной организованностью рабочего класса Европы, сильно отравленного мещанскими влияниями.

Двоедушие и лживость мещанского индивидуализма совершенно ясны в его отношении к личности. Мещанство вообще задерживает и уродует нормальное развитие индивидуальных сил и способностей. Рост личности в классовом государстве ограничен сложной системой гнёта национальных и классовых интересов, системой религиозно-философских и «правовых» идей. Эта система преследует цель развития в человеке свойств «общественного животного», но достигает противоположного: большинство людей она воспитывает действительно домашними животными меньшинства, а меньшинству эмоционально сильных личностей облегчает пути и приёмы угнетения большинства.

Активность сильных проявляется главным образом в процессах хищнического накопления капитала, то есть в грабеже узаконенном, затем в преступлениях против общества, преследуемых законом, то есть в мелком воровстве, бандитизме, убийствах, и, наконец, в половой разнузданности, – она даёт широкий выход энергии в тех случаях, когда энергия не находит иного применения, не поглощается иной тратой её.

У людей менее сильных давление сложной системы классового гнёта, действуя на их эмоции, на «подсознательное», вызывает недоумение и страх перед жизнью, заставляя их думать так же, как думал первобытный наш предок, создатель всех богов и религий, заставляя думать, что вне человека существуют враждебные ему и неодолимые «силы фактов». Преклонение пред фактом делает человека пассивным.

У других раздражённые противоречиями жизни эмоции задерживают, затемняют рост сознания, но это не мешает таким людям думать, что их «сознание уже опередило процесс бытия», – такое умонастроение ещё более углубляет раскол человека с действительностью, делает его анархистом и позволяет ему говорить злые нелепости:

«С пятнадцати лет жизнь играет со мною, как кошка мышью, и теперь я ненавижу всех обучающих людей, я умнее их и очень жалею, что защищал их на фронтах с винтовкой, не щадя себя.»

Это – крик человека, уже одичавшего в бесплодной борьбе «за себя».

Капиталистический, классовый строй государства делит людей на угнетающих, угнетённых и примирителей непримиримого, – это так давно и неоспоримо доказано, что напоминать об этом излишне. Однако приходится напоминать, потому что многие молодые люди, торопясь занять в жизни удобное для них место, должно быть, не понимают, что торопливость эта возвращает их к прошлому – в трагический цирк, на арене которого так отвратительно, так цинично бушует капиталистическая действительность, – в цирк, где гуманисты и примирители играют роль лирических клоунов.

Знаменитый математик Эйнштейн признан учёными всего мира человеком гениальным, надо думать, что он понимает современную действительность. И вот он напечатал в английской газете «Sunday Dispatch» статью, в которой, между прочим, есть такая оценка большевизма:

«Большевизм – изумительный эксперимент. Не исключена возможность, что социальная революция направится в сторону коммунизма. Большевицкий опыт заслуживал, чтобы его произвели.»

Основное течение новой истории направлено против индивидуализма за преобразование жизни на коллективных, социалистических началах. Это не «выдумка большевиков», это естественный логический результат развития общечеловеческой культуры. Большевики рождены историей, они «законные» её дети, она создала, воспитала их и выдвинула на первое место как организаторов и вождей рабоче-крестьянской массы.

Прошлое достаточно убедительно показало нам, что зоологический, животный индивидуализм – основа мелкого частного хозяйства – послужил и служит отравленной, гнилой почвой для развития паразитов и хищников, озверевших от безумной страсти к наживе, способных ради пользы своей уничтожать десятки миллионов рабочих и крестьян на войне и ежедневно уничтожающих десятки тысяч непосильной работой, недоеданием, голодом, болезнями.

Созданная гением Владимира Ленина и энергией его товарищей, партия – мозг рабочего класса – взялась за работу небывалой, колоссальной трудности: она строит социалистическое общество действительно равных людей. Условия, в которых она повела и ведёт свою работу, таковы:

живой материал, талантливый по природе своей, но малограмотный или вовсе безграмотный, глубоко некультурный, глубоко анархизированный самодержавием Романовых и уродливо некультурным русским капитализмом;

крестьянство, – 85 процентов населения страны, – веками приученное «на обухе рожь молотить», «лаптем щи хлебать», задавленное нищенским бытом, каторжной работой, суеверное, пьяное, окончательно разорённое войной империалистической и гражданской войной, – крестьянство, которое даже и теперь, после десяти лет революционного влияния города, сохранило в большинстве своём психологию мелкого собственника, психологию слепого крота;

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma многоглаголивая, на протяжении сотни лет решавшая вопросы «социальной этики», безвольная интеллигенция, которая встретила Октябрь пассивным саботажем, активным сопротивлением с оружием в руках и частью продолжает до сего дня «словом и делом» бороться против Советской власти, сознательно и бессознательно вредительствуя;

мелкое мещанство множества провинциальных городов, армия покорнейших холопов капитала, армия мародёров, привыкших жульнически обирать рабочих и крестьян;

нищенски оборудованные фабрики и заводы, к тому же полуразрушенные гражданской войной; полное отсутствие машиностроительных фабрик;

зависимость от иностранного капитала при неисчислимом обилии сырья, которое капиталисты, в стремлении скорее нажить миллионы, не учились обрабатывать, а предпочитали грабить и разбазаривать народное достояние;

огромнейшая страна с ничтожным количеством железных дорог, со взорванными мостами, разбитым подвижным составом, не связанная шоссейными дорогами.

Сверх всего этого – активная, неутомимая и подленькая ненависть мировой буржуазии.

Это – далеко не полный перечень тяжёлого наследства, которое досталось рабочему классу и его партии.

Кроме того, ещё существуют люди, которым вчера жилось настолько спокойно и уютно, что культурные достижения сего дня возбуждают в том их органе, который они называют «душой», только лисью или волчью вражду. Им было бы приятней, если б новая действительность была процентов на сто хуже, чем она есть, потому что для них – «чем лучше – тем хуже». И есть люди, так хорошо отшлифованные прошлым, что факты настоящего скользят по коже их языка, не задевая ни ума, ни сердца.

Наконец, нужно прибавить сюда весьма солидное количество глупцов, лентяев, «рвачей», двоедушных «друзей пролетариата» и много других паразитов его.

В тесном окружении таких условий, таких людей, на почве, заболоченной древней тиной, грязью, гнилью, Советская власть развила работу, успешность которой очевидна, неоспорима, изумительна.

«Жизнь наша становится всё больше жестокой», – сообщают мне «Двое», формируя этими словами жалобы многих. Это говорят люди, плохо знающие прошлое, но это – возможно, потому что партия обязана действовать и действует со всей решительностью, необходимой для вождя армии, окружённой врагами, – вождя, твёрдо уверенного, что бойцы армии в силах разбить врага.

По какой-то странной случайности большинство мнений, упрёков и жалоб моих корреспондентов – малограмотно. Объяснить малограмотность молодостью едва ли можно: пионеры – молодежь, но их социальная грамотность как будто эмоционально выше грамотности людей возраста за 20 лет. Иногда кажется, что тот или иной жалобщик нарочно «валяет дурака». Например:

«Рабочие должны изжить классовую психологию прежде всего в самих себе.»

Иными словами: рабочий класс должен идеологически разоружиться. Это настолько глупо, что даже не удивляет. Примечательно, что ни один из корреспондентов не пишет о необходимости для рабочего класса изжить мещанские навыки и вкусы, отказаться от мещанской психологии, всё ещё свойственной ему.

Весьма часто жалуются на то, что не находят для себя места в вузах. «Нас не пускают учиться», – пишут они.

Это – не совсем верно. Вернее, что дети рабочих тоже далеко не все имеют возможность попасть в вузы, а – необходимо, чтоб они учились все. Необходимость эта оправдывается опасностью, что дети других классов, пройдя вузы, вступят в жизнь «интеллигентами», а затем, по примеру дедов и отцов, займутся «добрым делом» примирения непримиримостей, начнут решать вопросы «социальной этики» и вообще «предадутся мечтам» о том, как хорошо было бы, если б люди стали «умными»,

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyта добрыми». Это – в лучшем случае, но ведь может быть и гораздо хуже. Корреспондентам моим следовало бы понять, что они живут в годы войны и что лицемерно, глупо требовать «милосердия» на поле битвы, во время боя.

Человек, наверное, будет идеально хорош тогда, когда в мире не останется ни одного раба, ни одного побеждённого, но для того, чтоб не было побеждённых и рабов, нужно беспощадно драться против людей, которые привыкли жить трудом рабов.

В том, что люди должны быть добрыми, кроткими, людей убеждали в течение двух тысячелетий и более. Проповедь гуманизма давно уже обнаружила свою полнейшую бесплодность. В конце XIX века христиане культурной Европы с наибольшим восторгом встретили Фридриха Ницше, который искренно ненавидел всякую гуманность как проявление слабости командующего класса.

«Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю», – сказано в евангелии. Марк Твен нашёл, что это сказано по адресу английских капиталистов, они действительно «наследили» кроваво и тяжко во всех странах света. Нет, лучше не будем говорить о гуманизме при наличии капитализма, который заботливо подготавливает новую всемирную бойню. К тому же «война родит героев», а «герои украшают человечество». Да, чудесно украсили человечество рождённые войною 14–18 годов подлинные герои её, спекулянты всех наций – «шибера», «нувориши», «акулы». Люди эти, высосав из крови рабочих, крестьян огромные богатства и продолжая весьма спокойно править силой и волей рабочих масс, организуют для большего укрепления власти своей «фашизм», старую средневековую форму гнёта над людьми труда, а рабочий класс «гуманно» терпит всё это, рискуя быть временно отодвинутым в кровавый мрак средневековья.

Если б мои корреспонденты и вообще советские граждане проснулись однажды утром убеждёнными, что дело рабочего класса есть действительно «величайшее дело нашего века», если б они могли объективно оценить всё то, что уже построено волею рабочих Союза Советов, и всё, что строится, – граждане почувствовали бы себя более здоровыми людьми. Вероятно, это дало бы им силу работать «не за страх, а за совесть».

Но убеждения вырабатываются не во сне, а суровой явью. Эта явь будет относиться всё менее благосклонно к людям, которые не видят, не чувствуют в жизни ничего, кроме самих себя, не умеют наблюдать, не хотят учиться и, совершенно не зная прошлого, не могут понять высокой ценности настоящего, не чувствуют, что основной смысл творчества рабочего класса, лучшая, наиболее разумная и здоровая энергия его направлены – в конце концов – именно к полному освобождению человека.

Карл Маркс свёл все «истины» к одной конкретной правде, которую должен осуществить рабочий класс – новая историческая сила. Карл Маркс сказал:

«Высшее существо для человека – сам человек, следовательно: необходимо уничтожить все отношения, все условия, в которых человек является принижённым, порабощённым, презренным существом.»

О сказках

В мире нет ничего, что не может быть поучительным, – нет и сказок, которые не заключали бы в себе материал «дидактики», поучения. В сказках прежде всего поучительна «выдумка» – изумительная способность нашей мысли заглядывать далеко вперёд факта. О «коврах-самолётах» фантазия сказочников знала за десятки веков до изобретения аэроплана, о чудесных скоростях передвижения в пространстве предвещала задолго до паровоза, до газо- и электромотора.

Я думаю, что именно фантазия, «выдумка» создала и воспитала тоже одно из удивительных качеств человека – интуицию, то есть «домысел», который приходит на помощь исследователю природы в тот момент, когда его мысль, измеряя, считая, останавливается перед измеренным и сосчитанным, не в силах связать свои наблюдения, сделать из них точный практический вывод. Тогда на помощь исследователю является домысел: «А может быть, это вот так?» И, дополняя разорвавшуюся цепь своих наблюдений звеном условного допущения, учёный создаёт «гипотезу», которая или оправдывается дальнейшим изучением фактов, – и тогда мы получаем строго научную теорию, или же факты, опыты опровергают гипотезу.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma

В художественной литературе фантазия, выдумка, интуиция также играют решающую роль. Мало наблюдать, изучать, знать, необходимо ещё и «выдумывать», создавать. Творчество – это соединение множества мелочей в одно более или менее крупное целое совершенной формы. Так создавались все величайшие произведения мировой литературы, все крупнейшие «типы» – Робинзон Крузо, дон-Кихот, Гамлет, Вертер, Карамазовы, Обломы, Безухие и т. п., – типы, более или менее отжившие, но всё же живущие среди нас.

Среди великолепных памятников устного народного творчества «Сказки Шахразады» являются памятником самым монументальным. Эти сказки с изумительным совершенством выражают стремление трудового народа отдаться «чарованью сладких вымыслов», свободной игре словом, выражают буйную силу цветистой фантазии народов Востока – арабов, персов, индусов. Это словесное тканье родилось в глубокой древности; разноцветные шёлковые нити его простёрлись по всей земле, покрыв её словесным ковром изумительной красоты.

Учёные специалисты установили, что сказки китайцев были собраны и уже напечатаны за 2200 лет до нашей эпохи – до «рождества Христова», как говорилось раньше, – и что в этих сказках есть много общего по темам, по смыслу со сказками индусов и европейских народов. Это утверждение даёт мне право думать, что вопрос о распространении сказок правильно решают те специалисты, которые – как наш знаменитый Александр Веселовский – объяснили тематическое сродство и широчайшее распространение сказок заимствованием их одним народом у другого. Заимствование – не всегда искажение, иногда оно дополняет к хорошему лучшее.

Едва ли возможно сомневаться в том, что процесс заимствования и дополнения древних сказок особенностями быта каждой расы, нации, каждого класса играл значительнейшую роль в развитии культуры разума и народного творчества. Люди знакомятся с новыми вещами не только непосредственно видя и осязая вещи, но и по рассказам о вещах. Вероятно, сказки должны были способствовать развитию некоторых ремёсел: гончарного, кузнечного, ткацкого, оружейного и прочих. Ручные ремёсла переходят в искусство, как говорят нам музеи.

Думаю, что найдётся и ещё немало доказательств культурного влияния сказок. Историки культуры, а также искусства мало и неясно говорят о широте и силе культурного влияния сказок.

Особенно значительно и неоспоримо влияние устного творчества на литературу письменную. Сказками и темами сказок издревле пользовались литераторы всех стран и всех эпох. Роман Апулея «Золотой осёл» заимствован из сказки. Сказками пользовался Геродот. Италия пользуется ими, начиная с XIV века, в «Декамероне» Боккаччо; влияние сказок совершенно ясно в «Пентамероне», «Гектамероне», в «Кентерберийских рассказах» Чосера. Сказками пользовались Гёте, Жанлис, Бальзак, Жорж Занд, Додэ, Коппе, Лабуле, Анатоль Франс, Кармен Сильва, Андерсен, Топпелиус, Диккенс – всех не вспомнишь. У нас сказки использованы целым рядом крупнейших писателей, в их числе – Хемницером, Жуковским, Пушкиным, Львом Толстым. Формальная, сюжетная и дидактическая зависимость художественной литературы от устного творчества народа совершенно несомненна и очень поучительна.

Лично я должен признать, что на мой интеллектуальный рост сказки действовали вполне положительно, когда я слушал их из уст моей бабушки и деревенских сказочников. Особенно поразил меня и поднял мою оценку сказок и их значения тот факт, что они печатаются. Лет двенадцати я прочитал «Новые арабские сказки», какое-то провинциальное издание XVIII века. Тогда я думал, что всё напечатанное в книгах – правда.

Я убеждён, что знакомство со сказками и вообще с неисчерпаемыми сокровищами устного народного творчества крайне полезно для молодых начинающих писателей. Не одним только мною замечено, что они, в большинстве своём, покорно и безусловно подчиняясь действительности, фотографируя её стихами и прозой, делают это крайне сухо, малокровно, холодненькими словами, а время требует пафоса, огня, иронии. Разумеется, сказки не могут дать человеку того, что органически чуждо ему. Думаю, что учитель арифметики может быть только очень плохим поэтом. Но сказки помогли бы сильно развить фантазию писателя, заставить его оценить значение выдуманного искусства, а главное – обогатить его скудный язык, его бедный лексикон, который он часто безуспешно и почти всегда уродливо пытается обогащать

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiұta «провинциализмами», «местными речениями» или придуманными «на скорую руку» мертворожденными словечками.

Я горячо приветствую издание «Академией» первого перевода сказок «Тысячи и одной ночи» с Арабского подлинника. Это – солиднейшая культурная заслуга переводчика и хорошее, вполне своевременное дело издательства.

Предисловие к книге писем и речей крестьян о Советской власти

В этой книге собраны речи людей, которых уже не надобно тащить за шиворот к делу строения лучшей жизни, – они сами хорошо понимают, что эта великая и трудная работа должна быть делом их свободной воли, их разума.

Они поняли, что Советская власть действительно – их власть, что работает она только в пользу трудового народа, что других интересов у неё нет и не может быть. Они видят, что ошибки власти объясняются крайней трудностью работы, которую никогда ещё нигде и никто не пробовал делать.

Задача рабоче-крестьянской власти и коммунистов, рабочих и крестьян, заключается в том, чтоб убедить весь трудовой народ Союза Советов в такой простой правде: тысячи лет буржуазия оболванивала рабочего человека – подлинного хозяина земли и всех её сокровищ, – доказывая ему при помощи церкви, полиции, чиновников и тюрем, что государство может существовать только тогда, когда рабочим народом будут командовать помещики, фабриканты, банкиры и цари, что сам бог помещиков и фабрикантов установил их власть на земле, так же как на небе – ангелов и архангелов, и что поэтому рабочий народ должен покорно кушать трудовой хлеб свой «в поте лица», а буржуазия свой лёгкий хлеб – с маслом.

Оболваненный этим учением, рабочий человек тоже заразился страстью создавать своё, личное, хотя бы и нищенское хозяйство и жить за счёт пота и крови такого же нищего, как сам он.

Вытравить из десятков миллионов рабочих и крестьян эти кулацко-мироедские навыки, эту мещански жадную, завистливую и жестокую «душу» – вот какова задача Советской власти и всех, кто искренно идёт с нею.

Надобно на деле показать оболваненным людям, что коллективное хозяйство – легче и выгоднее единоличного; надобно убедить людей в том, что частная, хотя бы и мелкая, собственность всегда будет источником образования собственности крупной, которая обращает рабочих людей в тупых рабов. Надобно внушить десяткам миллионов трудового народа, что он сам и может и должен быть полным хозяином своей страны, что он должен овладеть наукой, которая облегчит его труд и увеличит силы, что он должен знать своё прошлое – историю своего порабощения. Надо, чтоб он знал: он первый в мире начал строить своё, свободное рабочее государство, что он работает теперь на себя и обязан работать честно, за совесть, что на его примере, на его работе учится трудовой народ всего мира – его могучий друг – и что Советскую власть ненавидит буржуазия всей земли – его подлый враг, – вот она какова задача Советской власти и каждого сознательного рабочего, крестьянина.

Решение этой задачи дело сложное и трудное.

Разрешению её мешает и сам трудовой народ своей малограмотностью, своим непониманием того, что только разумный коллективный труд может разорвать железную паутину прошлого, которая крепко опутала разум и волю рабочих и крестьян; мешает своим недоверием к разуму, который раньше служил на пользу богатых и во вред беднякам; мешает ленью, воспитанной подневольным трудом; мешает жадностью и завистью, привитой в кровь ему буржуазией; мешает пьянством своим и воровством, и недостатком рабочей, дружеской солидарности, и своим стремлением пожить сейчас же, сегодня, буржуазной, сытенькой, спокойненькой, подленькой жизнью.

При наличии таких помех естественно, понятно и оправданно, если Советская власть для того, чтоб поставить человека на правильный путь к лучшему или чтоб ускорить его движение по этому пути, будет применять и принуждение.

«Человеколюбивые» мещане скажут, что толчок к свободе – тоже насилие над человеком, но тут – как везде – они скажут такую же ложь, как та ложь, которую они говорят, порицая гражданскую, классовую войну, но признавая неизбежность международных кровавых побоищ, которые истребляют десятки миллионов самых

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma здоровых рабочих и крестьян для обогащения фабрикантов пушек и ружей.

Эта книга – хороший подарок всем честным людям, кто искренно желает добра трудовому народу. Она красноречиво убеждает их в том, что среди крестьянства растут союзники, которым вполне и сердечно понятна трудная задача Советской власти и которые хорошо видят, где друг и кто враг.

Их отповедь кулакам – хорошее свидетельство политического роста крестьянства. Таких людей у нас должны быть и будут – миллионы. Их не истребить выстрелами «обрезов» из-за угла.

Молодая литература и её задачи

В Мурманске некто сказал мне: «Здесь хорошо читать Джека Лондона». Этими словами выражена очень верная мысль. На суровом берегу Ледовитого океана, где зимой людей давит полярная ночь, от человека требуется величайшее напряжение воли к жизни, а Джек Лондон – писатель, который хорошо видел, глубоко чувствовал творческую силу воли и умел изображать волевых людей.

Действительность в Союзе Советов требует от каждого строителя «нового мира» напряжения всех сил, всех способностей, разумеется, не только в Мурманске, а на всём пространстве Союза, на каждой точке его. В какой степени наша молодая литература согласно отвечает запросу жизни на силу, на бодрость духа? Мне кажется, что критика должна рассматривать явления текущей литературы, исходя от вопроса: насколько та или иная книга способна воспитать в человеке волю к творческой, культурно-революционной жизнедеятельности?

Ни литераторы, ни критики вопроса этого сознательно твёрдо никогда не ставили, опасаясь придать «свободному искусству» дидактический, поучительный характер и тем нарушить его сомнительную «свободу». Однако в мире нет книги, которая не учила бы чему-нибудь.

Если мы возьмём всемирную литературу в её мощном целом – мы должны будем признать, что во все эпохи в литературе преобладало и, чем ближе к нам, тем всё усиливалось критическое, обличительное и отрицательное отношение к действительности. Удовлетворялись действительностью, соглашались с нею, хвалили её только пошляки, литераторы не крупных талантов, чьи книги уже забыты. Та художественная литература, которой справедливо присвоено имя «великой», никогда не пела хвалебных песен явлениям социальной жизни. Боккаччо, Рабле, Свифт, Сервантес, Лопе де Вега, Кальдерон, Вольтер, Байрон, Гёте, Шелли, Пушкин, Лев Толстой, Флобер и другие люди этого роста и значения – вот создатели «великой литературы», но – никто из них не сказал действительности утверждающее и благородное «да»!

Это – величайшая заслуга великих художников. Беспощадно ярко освещая пороки жизни, недостатки людей, они воспитывали жажду лучшего, они – учили. Карл Маркс признавал, что многому научился у Бальзака. По романам Эмиля Золя можно изучить целую эпоху. Анатоль Франс не оставил ни одной из основных идей буржуазного государства, не показав, как противоречив, лицемерен и бесчеловечен их смысл, и когда, в день его похорон, несколько литераторов выпустили брошюру «Пощечина мертвецу» – это была бессильная и жалкая месть францу за его прекрасную работу разрушения.

Текущая литература Европы и С.Ш.Америки принимает характер всё более резко обличительный. Может ли она быть иной, может ли сказать действительности утверждающее «да»? После Оскара Уайльда и при Бернард Шоу нет места для благодущия Диккенса; талантливому шуту и тоже талантливому, но пошлого примирителя О'Генри сменил Синклер Льюис, и нет ни одного немца, который решился бы прославить мещанство так, как это сделал Юлиус Штинде в «Семействе Бухгольц» – книге, которая так понравилась Бисмарку и долгое время была евангелием мелкого «бюргерства».

Впечатление, вызываемое современной художественной литературой Европы и Америки, таково: литераторы работают с материалом нездоровым, работают с идеями, которые совершенно утратили значение сил, способных организовать опыт в формы утешительные; «количество явлений социально отрадных быстро уменьшается в нашем мире». Слова в кавычках взяты мною из письма одного журналиста, отчётливо знакомого с тем, о чём он говорит: его слова убедительно подтверждаются фактами и цифрами. На днях в одной из эмигрантских газет было напечатано:

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma

«Вышел многозначительный статистический отчёт. Вот его выводы: если по числу самоубийств Англия до войны 1914–18 гг. занимала, среди других держав, менее почётное и видное место, то теперь пробел этот заполнен. После великой войны число самоубийств в Англии и в Уэльсе увеличилось на 80%, так что процент этот был в 1928 г. уже не 7,5 на 100 000, как в 1918 г., а 12,4. И число самоубийств всё растёт. Об этом говорят следующие цифры: в 1918 г. в Англии и в Уэльсе уходили добровольно из жизни 7,5 на 100 000, в 1919 – 8,8, в 1920 – 9, в 1921 – 9,9, в 1922 – 10, в 1923 – 10,3, в 1924 – 9, в 1925 – 10,5, в 1926 – 11,4, в 1927 – 12,5 и в 1928 – 12,4.»

А через несколько дней в той же газете читаем:

«Один из английских учёных бьёт тревогу: всё увеличивается число душевнобольных. Так, в 1859 г. на 535 нормальных людей приходился один сумасшедший. К 1891 г. один ненормальный уже приходится на 312 человек, а в 1926 – на каждые 150 человек.»

Во Франции катастрофически уменьшается население, как заявил Шарль Ламбер, депутат.

«По переписи марта 1926 г. население Франции составляло 40 743 851 человек. Если из этих 40 миллионов вычесть 1 795 100 жителей возвращённого Эльзаса, то окажется, что население Франции уменьшилось по сравнению с 1911 годом на 2 миллиона 221 775 человек.»

Положение настолько серьёзно, что необходимо в срочном порядке, искусственным образом, добиться прироста населения.»

К этим безотрадным фактам надо прибавить увеличение преступности, рост проституции, легализацию гомосексуализма в Германии и целый ряд других явлений, столь же мрачных. Разумеется, что эти объективные причины и придают современной литературе пессимистическую или, в лучшем случае, скептическую окраску. Вывод отсюда может быть сделан только один и – не новый: буржуазия, сохранив механическую, хозяйственную инерцию, утрачивает волю к жизни, литература, «зеркало жизни», отражает этот процесс.

В Союзе Советов поднят, поставлен на ноги, приведён в движение весь трудовой народ. Его передовые отряды, приступив к делу промышленного и культурного возрождения страны, внесли в жизнь поразительный энтузиазм, который преодолевает все препятствия на путях новой исторической силы к цели, которую она пред собой сознательно поставила. Если б рабочая масса не создала в себе самой этого потока энтузиазма, такого напряжения энергии, – она не достигла бы таких неоспоримых и блестящих успехов в деле организации страны за ничтожный срок в 12 лет и при условии ненависти к ней извне мировой буржуазии, изнутри – остатков «старого мира».

Этот процесс возрождения огромной страны с населением не «культурным», воля которого была беспощадно подавляема в течение веков церковью и государством, которое искусственно воспитывалось в духе пассивного отношения к жизни, – этот небывало быстрый процесс отражён и отражается молодой литературой нашей очень слабо.

Главной причиной такой слабости является, на мой взгляд, тот факт, что внимание литературы обращено главным образом на то, что отмирает, а не на то, что начало жить и действовать.

Литератор ведёт себя пред лицом издыхающего старого, как молодой, не уверенный в силе своего знания врач у постели смертельно больного старика, – врач размышляет: умрёт или не умрёт?

И, может быть, не для того, чтобы утешить умирающего, но чтоб решить свой личный вопрос, он говорит безнадежно больному, что условия, в которых больной привык жить, ещё существуют: целы старинные уездные городишки, и не совсем исчезла уютная старинка, в которой можно было жить безответственно. Вообще – существует целый ряд «отрицательных явлений», они даже преобладают над явлениями характера противоположного, и на путях людей, идущих к новой жизни, громоздятся различные

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiu.ru
препятствия. Это, разумеется, правда, и указание на бытие всякой мерзости
считается служением правде.

Так оно и было в ту пору, когда литератор, прекрасно видя уродливость
действительности, не мог никуда выйти из её порочного круга, так оно и есть в
тех странах, где этот порочный круг не разорван.

У нас революция разорвала этот круг, открыв выход из него в новую
действительность, к новой правде, которую создаёт рабочий класс и
социалистически чувствующая жизнь часть крестьянства.

Рабочий класс весьма суров в прямоте своих требований к искусству, он не может
смотреть на него иначе, как на оружие борьбы за него или против него.

Он – суров, ибо к этому обязывает его ряд причин, из них особенно властны две:
величие и сложность задачи, которую он призван разрешить, и враждебное окружение
разлагающейся старины, – он знает, что старина эта прилипчива, как заразная
болезнь, и чувствует, что сам он ещё не совсем свободен от её наследства.

Рабочий класс говорит: литература должна быть одним из орудий культуры в моих
руках, она должна служить моему делу, ибо моё дело – общечеловеческое дело.

Этот голос – голос новой истории. Хорошо ли слышит его молодая литература? Я бы
сказал: плохо слышит. Плохо, потому что, пассивно подчиняясь старой традиции
обличительного и отрицательного отношения к действительности, она недостаточно
ясно отражает вторую действительность, изображая старую правду – не замечает
новой, не замечает в хаосе разрушенного старого то новое внутри человека, что
уже родилось, будет жить века и не уничтожится, а только изменится на лучшее.

Людей, которые чувствуют и сознают себя свободными творцами и владыками жизни,
всё ещё мало. Разумеется, их всего больше в Союзе Советов, и я надеюсь, что это
не требует доказательств.

Я думаю, что литература наша всё ещё плохо видит, плохо понимает этих людей и
ещё мало способна поддерживать, развивать их волю к творческой
жизнедеятельности. Литературе не хватает духа бодрости, духа героизма, тогда как
действительность уже героична.

Возможно, что я ошибаюсь, но мне кажется, что в тоне рассказов этого сборника
ясно звучат бодрые ноты. Описывая, как она голодала, героиня одного из рассказов
описывает это лишь для того, чтоб сказать, как хорошо – чёрт возьми – было ей,
когда она поела. Мне нравится это. Наверное же, критики, которые даже
невооружённым глазом видят на солнце пятна, найдут в этом сборнике молодых
писателей много недостатков. Это – профессиональная обязанность критиков, они
убеждены, что именно в этом – смысл их ремесла. Я же ищу в каждом явлении его
положительные качества, в каждом человеке – его достоинства.

Поэма в прозе

Капиталисты С.Ш.С.Америки славятся в Европе своим умением хозяйствовать; у себя
дома американские капиталисты гордятся и хвастаются этим умением.

Чикаго – после Нью-Йорка – второй город Штатов по богатству и по количеству
жителей; в то же время Чикаго – самый оригинальный из всех городов мира.
Оригинальность Чикаго в том, что население его одновременно и с поразительным
успехом грабят не только банкиры – как везде, – но и бандиты, организованные как
нигде.

По существу дела, банкир разнится от бандита только тем, что бандитизм считается
деянием уголовно наказуемым и преследуется законом, а банкиризм не только
пользуется покровительством закона, но банкиры сами законодательствуют, то есть
создают законы, облегчающие труды банкиризма по ограблению населения.

В течение нескольких лет город Чикаго фактически находился во власти бандитских
организаций, которые делали всё, что хотели, всё, к чему обязывала их профессия,
применяя в работе своей револьверы и пулемёты лучших систем, понемногу
расстреливая друг друга, а особенно охотно – граждан Чикаго.

Но в прошлом году американизированный чех Антон Чермак, избранный мэром Чикаго,

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma заявил, что он истребит бандитов – то есть людей, способных грабить и убивать, – понемногу. Он действительно посадил в тюрьму Аль-Капоне – главаря одной из бандитских организаций, и этот герой, прославленный журналистами всех стран, человек, которому приписывается 22 убийства, устраивает в тюрьме роскошные банкеты для заключённых.

Здесь можно вспомнить о губернаторе Фуллере, об убитых им Сакко и Ванцетти, о невинно осуждённых мальчиках-неграх и ещё о многом, но – это, пожалуй, вне границ темы. Тема – американские хозяева.

На днях в Чикаго состоялось законодательное собрание штата, но банкиры и промышленники «закрыли его, не успев рассмотреть ни одного финансового законопроекта». Этим актом они оставили Чикаго без денег и вынудили Чермака опубликовать такое воззвание:

«Боже, спаси Чикаго!

Я буду вынужден закрыть все городские учреждения. Я предпишу училищному отделу закрыть все городские школы. Я закрою водопровод, канализацию и все городские службы. Без денег мы не можем существовать. Выхода из положения нет, и я вынужден объявить общий расчёт всем городским рабочим и служащим. Пусть все политические деятели провалятся в преисподнюю. Будь они прокляты. Они боятся принять какое-либо решение, они не хотят брать на себя никакой ответственности, потому что приближаются выборы и они не хотят рисковать своими карьерами. Я не мог выставять себя и моих помощников в роли идиотов. Какой нам смысл числить в ведомостях чиновников, которым мы не можем заплатить? Списки служащих проще выбросить в мусорную яму. Многие умрут голодной смертью. Они будут жертвами эгоистичных интересов проклятых политиков!»

Из этого происшествия мы видим, как анархически хозяйствуют капиталисты и на какие анархически административные меры вынуждают они своих приказчиков. Вопль главы города Чикаго так хорош, что его следовало бы переложить в стихи, но у нас так много пишется плохих стихов, что я предпочёл прозу.

Цели нашего журнала

Какую задачу ставит перед собою редакция журнала «Литературная учёба»?

В нашей стране развивается процесс, небывалый нигде и никогда. Суть процесса в том, что десятки миллионов безграмотных и малограмотных людей, воспитанных в покорном подчинении стихийным силам природы, во мраке древней веры в демонов, ведьм и домовых, во мраке старинных суеверий, устрашающих сказок, религиозных предрассудков, – эти массы тёмных людей ныне переходят к реальной жизни современного мира, к действительности, самосильно создаваемой разумом и волею простых, рабочих людей.

Древняя тьма жизни нашего крестьянства тает, исчезает при огнях электричества, в тишину и печаль наших полей властью вторгается голос радио, сообщая простыми словами о жизни всего мира, о культурном и промышленном росте нашей страны, соху заменяет трактор, косу и цеп – комбайн, – и древние, тёмные люди начинают убеждаться, что все чудеса на земле создаёт только человек. Женщина деревни ещё вчера была почти домашним животным, ценилась лишь как грубая рабочая сила, а сегодня она принимает всё более деятельное участие в создании нового быта, в строении рабочего государства.

Всё старинное, устоявшееся в течение тысячи лет, колеблется, ломается, все наиболее разумные, жизнеспособные люди, объединяясь, становятся врагами старины, смело начинают жить по-новому, возбуждая в древнем человеке удивление, недоверие, страх, дикую вражду.

Это, в сущности, даже не «переход», а головоломный прыжок, потому что в этом процессе нет последовательности, постепенности, – людей приподняли от земли, вытряхнули из привычного старого мира, поставили пред лицом мира нового, и люди видят, что новый этот мир сказочно быстро растёт, а создают его свои же простые, рабочие люди. Это и есть революция, какой ещё не было нигде и никогда.

Революция вызвала к жизни тысячи молодёжи, которая мучается желанием писать и пишет: стихи, рассказы, романы; пишет, в огромном большинстве случаев,

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma технически безграмотно и неудачно даже тогда, когда в стихах и рассказах молодого писателя чувствуется и знание действительности, и умение наблюдать, и своеобразное отношение к людям, к явлениям жизни.

Количество начинающих писать растёт с каждым годом всё обильнее, и так оно и должно быть. Многие из них торопятся печатать свои стихи и рассказы, а напечатанной тощей сборничек стихов или рассказов – перестают учиться. Это очень плохо, – литература от этого не выигрывает, а торопливый писатель обеспечивает себе бестолковую и несчастную жизнь «непризнанного таланта» или графомана – человека, страдающего болезненным зудом к малограмотному пустословию. Многие думают, что труд литератора прост, лёгок и скорее всякого иного труда может дать хороший заработок, сделать их заметными в массе людей, одарить вниманием и славой. Для всех таких людей журнал наш не нужен так же, как и они не нужны для литературы.

Журнал наш издаётся для тех начинающих писать, которые чувствуют, что они по опыту жизни – и даже как бы по природе своей – предназначены для бесед с миром, что они в силах сказать людям нечто своё о жизни – показать людям то, чего они не видят или что они плохо видят.

Стремление к литературной работе есть в основе своей естественное и здоровое стремление человеческой единицы к слиянию с людской массой путём отражения, изображения словом неисчерпаемого разнообразия явлений внутренней и внешней жизни людей. Для того, чтоб изображать эти явления ясно, выпукло, убедительно, требуется всестороннее и глубокое знание жизни в прошлом, знание текущей, творимой людьми действительности и знание языка – обширный запас слов, которыми формируются наблюдения, впечатления, чувства, мысли.

Подлинное словесное искусство всегда очень просто, картинно и почти физически ощутимо. Писать надо так, чтоб читатель видел изображённое словами, как доступное осязанию. Такое мастерство возможно лишь тогда, когда писатель сам отлично знает то, что он изображает. Если он пишет недостаточно просто, ясно, значит – он сам плохо видит то, что пишет. Если он пишет вычурно, значит – пишет неискренно. Если пишет многословно, – это тоже значит, что он сам плохо понимает то, о чём говорит.

Мы оставляем в стороне вопрос о литературном таланте, о врождённом даровании, это вопрос неясный, нерешённый, и решать его – не наше дело. Мы говорим о способности к литературному труду, эта способность заметна у весьма многих начинающих писать рабселькоров, рабочих, крестьян. Развиться ей мешает недостаток у молодёжи исторических знаний, знаний прошлого, а также весьма узкое знание современной действительности в нашей огромной, безгранично интересной стране, и, наконец, мешает крайне плохое знание родного языка – и речевого и, особенно, литературного.

Доказывать человеку необходимость знания – это всё равно, что убеждать его в полезности зрения. Литератор должен знать особенно много, и только тогда он сумеет хорошо изобразить то немногое, к чему сводится его личный опыт, – изобразить в формах достаточно простых, ярких и картинно убедительных. Кроме этого, он должен непрерывно изучать свой родной, богатейший язык.

Наша задача – учить начинающих писателей литературной грамоте, ремеслу писателя, технике дела, работе словом и работе над словом. Это – нелёгкая задача. Как мы будем разрешать её, это читатель увидит из предлагаемой ему первой книги журнала.

Мы надеемся, что он, в свою очередь, поучит нас тому, как лучше мы должны учить его.

Редакционный коллектив журнала не считает себя непогрешимым учителем и мудрецом, он хочет быть другом начинающего литератора, он товарищ начинающего, несколько более опытный в ремесле литератора.

Литератор – глаза, уши и голос класса. Он может не сознавать этого, отрицать это, но он всегда и неизбежно орган класса, чувствилище его. Он воспринимает, формирует, изображает настроения, желания, тревоги, надежды, страсти, интересы, пороки и достоинства своего класса, своей группы. Он и сам ограничен всем этим в своём развитии. Он никогда не был и не может быть «человеком внутренне

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma свободным», «человеком вообще».

Такой совершенно свободный «человек для всех» – Человек Человечества – возможен только в будущем, когда свободному росту его сил и способностей не станет препятствовать искажающее давление идей и эмоций национальных, классовых, религиозных.

А до той поры и пока существует классовое государство, литератор – человек определённой среды и эпохи – должен служить и служит, хочет он этого или не хочет, с оговорками или без оговорок, интересам своей эпохи, своей среды. И, если исторически необходимым стремлениям его класса, его группы препятствует государство, церковь, враждебный класс, – литератор идёт против государства, церкви, класса, рискуя своей свободой, не щадя своей жизни. Он человек действительности более, чем всякий другой человек, если только он, работая над нею как над своим материалом, позаботился всесторонне изучить её.

Но действительностей – две. Одна – действительность командующих, «власть имущих» классов, которые во что бы то ни стало утверждают свою власть над человеком, начиная с малолетства его в семье, затем в школе и церкви, не брезгуя и не стесняясь массовыми убийствами непокорных. В этой действительности сосредоточено всё самое лучшее и социально ценное, что накопило человечество веками труда и творчества, эта действительность обладает всеми изумительными достижениями науки, искусства, техники. Это – «культурная» действительность.

Другая – действительность подвластных, покорённых и покорных – безрадостная жизнь в непрерывном, тяжёлом труде, в нищете, ведущей к физическому вырождению. Ужас и позор этой действительности слишком хорошо известны.

В течение многих веков философы, богословы, учёные социологи пытались примирить эти две резко различные, совершенно непримиримые действительности, но они, всё более различаясь, становятся всё более глубоко враждебны одна другой.

В наше время по этому поводу уже не философствуют, а – изредка и понемножку – дерутся, чаще же торгуются, как делают это, например, вожди социал-демократов Европы, люди, которые убеждают хозяев немножко уступить, а рабочих – поменьше спрашивать.

Есть много людей, которые, видя обострение классовой вражды и понимая, что маленькие драки угрожают разрастись до размеров гражданской войны, – до «социальной революции по-русски», – боятся, что за этой войной последуют: гибель наций, гибель европейской культуры и прочие ужасы. Этот страх заставляет идолопоклонников культуры доказывать возможность мирного сотрудничества классов, доказывать, что только путём эволюции, постепенного и медленного развития политико-экономических отношений люди могут придти к «благоденственному и мирному житию».

Кроме страха перед социальной революцией, никаких иных оснований для проповеди этой – нет. Пролетариат Европы перестаёт верить в дружеское сотрудничество баранов и волков, буржуазия не обнаруживает упадка своей воли к власти. Наоборот: воля её, видимо, весьма укреплена сознанием лёгкости, с которой она, борясь между собою, выдвинула на бойню многомиллионные массы рабочих и крестьян, а в их числе и социал-демократов. И, снова рассчитывая на глупость, на неорганизованность трудового народа, она готовится повторить своё преступление против него, снова намерена столкнуть силы рабочих и крестьян Европы в междоусобной войне для защиты её интересов, её алчности и жадности, для укрепления её власти над рабочим классом.

Вот таковы те две действительности, в которых родился, воспитался, живёт и работает литератор.

Рабочий класс Союза Советов, взяв в свои руки власть над страной, решил уничтожить эти две непримиримые действительности, насыщенные кровавым цинизмом, наглейшей ложью, лицемерием, жестокостью и позором, решил уничтожить их и создать третью действительность подлинного социального равенства, которая должна исключить из жизни причины основных пороков людей: инстинкт собственности, зависть, жадность и страх перед будущим, – страх за жизнь. Именно такая действительность создаётся в Союзе Советских Социалистических Республик волею,

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
разумом, энтузиазмом коммунистов – рабочих и крестьян.

Необходимым условием создания такой действительности является диктатура рабочего класса, чей труд всегда был основой роста и развития культуры. Главное содержание культуры, суть её и смысл – наука, техника, искусство. А в искусстве – наиболее доступная пониманию масс и поэтому наиболее мощная, как средство культурного воспитания, художественная литература.

Отсюда ясно, как велика может быть в жизни роль писателя и как строги должны быть его требования к самому себе, к своей работе.

Опытный и даровитый литератор-интеллигент, обладая профессионально изощрённым умением наблюдать, давно уже и отлично видел, – видит и в наши дни, – отвратительные противоречия двух действительностей. Он умеет и смеет изображать, обличать грязный, циничный, отвратительный порядок жизни, основанный на беспощадном угнетении людей хищниками и паразитами. Свифт, Рабле, Вольтер, Лесаж, Байрон, Теккерей, Гейне, Верхарн, Анатоль Франс и немало других – всё это были безукоризненно правдивые и суровые обличители пороков командующего класса; у нас, в прошлом, – Грибоедов, Гоголь, Лев Толстой, Салтыков-Щедрин и несравнимый ни с кем Александр Пушкин, человек совершенно изумительного таланта. Современная литература не богата столь крупными талантами, но она в массе своей продолжает работу критики действительности с неменьшей правдивостью, зоркостью и не менее сурово. Общий тон её становится всё более мрачным и безрадостным, всё более резко отрицательным по отношению к жизни и нравам буржуазии. Двадцать лет тому назад были бы невозможны книги такого типа, как «Эльмер Гантри» и «Эрроусмит» Синклера Льюиса, «Разгул» С.Адамса – в С.Ш.Америки, как книги Толлера, Ремарка, Эрнеста Глезера, И.Бехера – в Германии, Гексли, Голсуорси и других – в Англии.

Почти все наиболее честные и талантливые литераторы Европы и С.Ш.Америки, единодушно порицая условия жизни капиталистического государства, прекрасно видят, как буржуазная действительность мучает и уродует человека. Их искренно и более или менее глубоко волнует беззащитное положение человеческой единицы в капиталистическом государстве, они все защищают право личности на свободу. И, увлечённые рыцарским делом защиты личности, всегда немножко рисуясь благородством своим, они не замечают, что личность, к сожалению, выучилась страдать и жаловаться гораздо лучше и делает это с большей охотой, чем она учится борьбе против условий, вызывающих её страдания, её жалобы.

Иногда некоторые из современных литераторов Европы приезжают на две-три недели, на месяц к нам в Союз Советов, в огромную страну с населением в полтора-два миллиона, в страну, которая пережила героическую трагедию гражданской войны, в страну, где её рабочий класс решительно начал новое и невероятно сложное дело действительного освобождения человека от искажающего гнёта национальных, классовых, религиозных идей, суеверий, предрассудков.

Вместе со своим широким, но, видимо, не очень глубоким знанием отвратительных явлений буржуазной действительности, вместе со своим радикализмом литераторы-иностранцы привозят национальное чванство людей «старой культуры», привычки благовоспитанных мещан к «умеренности и аккуратности» и весь багаж старинных, глупеньких предубеждений европейца против России.

Прошлого русского народа, его истории они не знают, настоящее знают только в освещении своей прессы, которая не имеет оснований освещать нашу, современную действительность объективно и правдиво. Тот факт, что грамотный русский знает Европу лучше, чем грамотный европеец Россию, – им неизвестен.

Зрение всех людей организовано так, что люди прежде всего замечают и подчёркивают недостатки, пороки и вообще – слабые места «ближнего» своего. Это замечается и подчёркивается не потому, что люди страстно жаждут видеть ближнего украшенным всеми добродетелями и всячески сильным человеком. Этого желают только на словах, на деле же и приятно и полезно видеть ближнего уродом, бездарным, глупым и вообще – существом, которое вполне оправдывает беспощадное, цинически жестокое отношение к нему, – существом, которое требует самых суровых мер для его воспитания.

Такое отношение к человеку издревле и весьма прочно установлено религией,

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma философией, учением о праве, и основная цель такого отношения совершенно ясна, – цель эта – оправдать необходимость власти «культурного» меньшинства, то есть европейского мещанства, над большинством, то есть над сотнями миллионов трудового народа.

Наши молодые писатели, если они хотят честно работать в деле строительства нового мира, должны хорошо понять суть и смысл такого отношения к людям, должны иначе организовать своё зрение, – а если они не сумеют сделать этого, они пойдут по той же дороге, которой шли отцы христианской церкви и буржуазные моралисты.

Зрение иностранных наблюдателей советской действительности останавливается не на фактах новой стройки, а на мусоре разрушаемого старого. Так как старого у нас больше, то и мусора больше. Одноэтажные, отрпанные временем, дряхлые, полугнилые домики Москвы и других городов ещё долго будут кислотно преобладать над огромными, разумно построенными зданиями. Воспитанные веками привычки людей тоже не скоро исчезнут. Мещанская заносчивая грубость, чванство мелкого чиновничества, пренебрежительное его отношение к человеку исчезнет тоже не завтра. Подлость, мерзость, нахальство, хулиганство и всяческая разнузданность пустила у нас корни так же глубоко, как и в «культурной» Европе. Всё это – так, и всё это вполне естественно.

Но под этим наследством прошлого, над ним, среди него есть уже немало такого, чего никогда и нигде не было. Оно не заметно искажённому зрению европейца, да и наша собственная близорукость недостаточно ясно различает его. Ещё вчера мы тоже были мещанами, не менее противными, чем любой европейский мещанин, да и сегодня остаёмся в большинстве таковыми же. Но мы начинаем хорошо понимать, что мещанство – позор и несчастье мира, и мы уже не закрываем глаз на тот факт, что социализм у нас строится всё ещё индивидуалистами в окружении 125 миллионов древних индивидуалистов «от земли». И тем не менее мы всё-таки успешно вводим в жизнь именно социализм. Молодым литераторам нашим следует видеть и понимать это.

Иностранные соглядатаи, всесторонне и подробно в течение нескольких недель изучив нашу сложную действительность, возвращаются в свои насиженные гнёзда, и там наиболее честные из них пишут глупости, а бесчестные пишут ложь и клевету. Ложь и клевета пишутся не только потому, что этого требует и за это хорошо платит буржуазная пресса, а и потому, что сами литераторы, будучи не в силах понять всё, что они видели, чувствуют вражду к тому, что поняли. Вражду вызывает у них факт диктатуры рабочего класса в Союзе Социалистических Республик.

Многовековое тяжёлое прошлое воспитало людей уродливыми индивидуалистами. Самый лживый, лицемерный и самый влиятельный из всех «учителей жизни» – церковь, проповедующая «любовь к ближнему, как к самому себе», в прошлом жгла десятки тысяч людей на кострах, благословляла «религиозные» войны, «варфоломеевские ночи», «сицилианские вечерни», бесчисленные кровавые погромы; в настоящее время она водит людей на битвы друг против друга с крестом в руках, а на кресте – по её учению – был распят за любовь к людям сын божий. Нет лжи более откровенной и отвратительной, чем ложь христианской религии.

Настоящее всё более наглядно учит людей, что в капиталистическом государстве, где неизбежна ожесточённая борьба за власть, за уютный угол, вкусный кусок хлеба, – в этом государстве «человек человеку» действительно «волк» и ничем другим не может быть. Большинству людей, воспитанных и воспитываемых буржуазной действительностью, так же органически трудно представить себе жизнь иной, чем она есть, как трудно волу или кроту вообразить себя оленем или орлом. Только рабочий класс понимает, что старый мир грозит ему одичанием, вырождением и что его необходимо разрушить.

Но даже люди, радикально критически настроенные против жестокой, пагубной, грозящей людям гибелью власти капиталистов, даже они всё-таки не могут понять, что диктатура рабочего класса – необходимое условие строения нового мира. Они соблазнены богатством, красотой и удобствами материальной культуры мещанства, они относятся к ней идолопоклоннически.

Соблазн – понятен; тот факт, что людям очень нравится жить удобно и красиво, ещё не рисует их плохо, – плохо то, что каждый считает только себя заслуживающим житейских удобств. Преклонение пред старой культурой – тоже естественно, когда в основе его живёт чувство органической связи настоящего со всем лучшим и

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma социально ценным, что сделано в прошлом, когда человек понимает, что цена культуры неисчислимо высока, что это цена крови и жизни миллиардов людей, которые несколько тысячелетий работали для того, чтоб создать сокровища науки, искусства, техники – вооружение, необходимое нам для дальнейшей борьбы за создание рабочего государства, культуры для всех, культуры, которая уничтожит человека, расы, нации, класса и создаст Человека Человечества.

Дело явной исторической необходимости, дело построения на фундаменте лучшего в прошлом нового будущего, новой действительности, единой для всех и лишённой основного, непримиримого экономического противоречия, – это дело возбуждает у идолопоклонников культуры страх за неё, чувство недоверия к творческим силам рабочего класса и вражду к нему. Страх за культуру, какими бы красивыми словами ни прикрывался он, – в существе своём есть страх лишиться материальных удобств жизни.

Неправильная и враждебная оценка сил и способностей рабочего класса может быть «добросовестным заблуждением» людей социально малограмотных. Среди литераторов есть люди, которые слишком влюблены и углублены в своё мастерство и смотрят на жизнь равнодушно, только как на материал для книг. Действительность для них безразлична, если она не царапает им кожи, не бьёт их, не вышибает из привычной и удобной позиции бесстрастных зрителей драм и трагедий жизни. Выбитые из этой позиции, они начинают жаловаться, злиться, немножко клеветать и вообще – словесно хулиганить. Но – люди этого типа и сродных с ним постепенно уходят и скоро уйдут из жизни.

На смену им являются молодые писатели. Они должны хорошо понять значение и цель своей эпохи. Эта эпоха по глубине и широте исторического процесса, который созрел и развивается в ней, – значительнее, трагичнее и будет – не может не быть! – плодотворной более всех эпох пережитых.

Дело наших литераторов – трудное, сложное дело. Оно не сводится только к критике старой действительности, к обличению заразительности её пороков. Их задача – изучать, оформлять, изображать и тем самым утверждать новую действительность. Нужно учиться видеть, как в чадном тлении старой гнили вспыхивают, разгораются огоньки будущего. У молодых писателей есть что сказать о новых радостях жизни, о разнообразном цветении творческих сил в стране. Они должны искать вдохновений и материалов в широком и бурном потоке труда, создающего новые формы жизни, им следует жить как можно ближе к творческой воле нашей эпохи, – воля эта воплощена в рабочем классе.

Молодые писатели должны знать, что история вполне убедительно доказала бесплодность борьбы за свободу единицы и властно диктует необходимость борьбы за освобождение всего трудового народа. Особенно хорошо надо понять, что действительность создаётся человеком, и, если она плоха, – в этом никто не виноват, кроме нас.

Коварные удары, злые крики, стоны и шёпоты людей старого мира не должны смущать – это судороги и бред умирающего.

Правда трагедии и комедии одинаково поучительна, так же как правда лирики и сатиры.

Человек, уши которого заткнуты ватой

К дискуссии о детской книге

В тридцать седьмом номере «Литературной газеты» помещена статейка Е. Флериной, председателя Комиссии по детской книге Наркомпроса РСФСР. Титул – громкий.

Статьйка титулованного автора имеет целью своей поддержать и оправдать скандальное выступление некоего Д. Кальма против работников по книге для детей и против работы ГИЗа по изданию детской литературы. Малограмотность и лживость Д. Кальма возбудили справедливое негодование всех работников по детской литературе и Президиума ЛАПП, так что о Д. Кальме не стоит говорить, он получил хороший урок, и можно надеяться, что редакция «Литературной газеты» в будущем отнесётся к его наездническим выходкам более осмотрительно.

В газете, которая именуется «литературной», нельзя печатать такие глупости, как заявление Кальма: «Маршак в книге «Три зверолова» повторяет приём из книги Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Надобно знать, что «Двенадцать стульев»

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma напечатаны в 1928 году, а «Три зверолова» – в 1923-м.

Но крайне интересно выступление Е. Флериной в защиту Д. Кальма. Статья титулованного бюрократа озаглавлена: «С ребёнком надо говорить серьёзно». Слово в слово так же озаглавлена была осмеянная, помнится, Шелгуновым или Далиным-Линевым одна статейка в «Наставлении учителям сельских школ Казанской губернии», написанном инспектором оных школ Малиновским в конце восьмидесятых годов. Сущность статейки Е. Флериной сводится к такой фразе:

«Тенденция позабавить ребёнка – дурачество, анекдот, сенсация и трюки даже в серьёзных общественно-политических темах – есть не что иное, как недоверие к теме, неуважение к ребёнку, с которым не хотят говорить серьёзно о серьёзных вещах.»

Утверждаю, что фраза эта – малограмотна. Что значит «недоверие к теме»? Почему ребёнку нашей эпохи нельзя рассказывать анекдоты о царских министрах народного просвещения Толстом, Делянове, о гимназических учителях самодержавного строя, анекдотов о попах, о глупости некоторых наших современников, о «гуманизме» собак и так далее? Что подразумевает автор под словами «трюк и сенсация», какое отношение имеют эти понятия к текущей детской литературе? Если журнал «Ёж» сообщает детям о том, что в культурной Англии около сотни детей сожгли живыми в кино и что это были дети рабочих, это – «сенсация»?

Но суть этой фразы скрыта, конечно, не в этой путанице Флериной, а в отрицании ею «тенденции позабавить ребёнка». Не верю, чтоб Наркомпрос отрицал эту тенденцию. Ребёнок до десятилетнего возраста требует забав, и требование его биологически закономерно. Он хочет играть, он играет всем и познаёт окружающий его мир прежде всего и легче всего в игре, игрой. Он играет и словом и в слове. Именно на игре словом ребёнок учится тонкостям родного языка, усваивает музыку его и то, что филологи называют «духом языка». Если б Флериная относилась к детям действительно серьёзно и продуманно, она не решилась бы отрицать за детьми права забавляться. Будь бы Флериная более осведомлена в той области, которую она, если не по совести, то по должности обязана знать, она вспомнила бы, что не один Пушкин учился русскому языку по песенкам и сказкам своей няньки, а что и Лесков, и Г. Успенский, и многие дети, впоследствии творцы русского литературного языка, постигали красоту, силу, ясность и точность его именно на забавных прибаутках, поговорках, загадках у нянек, солдаток, кучеров, пастухов. Не забыла бы Флериная и того, что никогда ещё дети не нуждались так в обогащении языка, как нуждаются они в эти годы, в наши дни, когда жизнь всесторонне изменяется, создаётся множество нового и всё требует новых словесных форм. Та детская литература, которую создают люди, подобные С. Маршаку, отлично удовлетворяет эту важную потребность, и нельзя позволять безграмотным Кальмам травить талантливых Маршаков.

Упорные попытки буржуазных педагогов и буржуазной семьи «серьёзно говорить о серьёзном» с детьми от пяти до десяти лет или внушали детям на всю жизнь органическое отвращение к серьёзному, или воспитывали их покорнейшими и безличными слугами общества и капитала. В первом случае здоровые дети, инстинктивно прозревая ложь «серьёзного», становились в оппозицию ему и даже уходили прочь от своих в стан классовых врагов своей семьи, своего общества и государства, во втором они играли роль кирпичей и цемента – материала, которым буржуазия чинила и чинит трещины своих крепостей. Это так хорошо известно, что неловко напоминать об этом. Об этом весьма убедительно говорит Артур Голичер в книге «Жизнь современника», – с ним, Голичером, «серьёзно говорили о серьёзном», и он проклинал эту систему воспитания, ибо она изломала всю его жизнь.

У нас – иная действительность, более счастливая для детей, и она будет развиваться всё более счастливо для них. Буржуазия стремилась воспитывать своих детей консерваторами, охранителями всего, данного прошлым. У наших ребят прошлого нет, если не говорить о наследственно, биологически воспринятом от родителей. Наши ребята уже в возрасте октябрят начинают принимать участие в практической работе по строению будущего. Разумеется, эта работа – ещё полуигра, полузабава, но всё же в известной степени – работа. Однако было бы и вредно и даже преступно втискивать детей в «серьёзное», слишком грубо насилуя их неорганизованную и податливую волю. Задача нашей социальной педагогики – воспитать мастеров, а не чернорабочих культуры, как в прошлом воспитывали и обучали детей рабочего класса, воспитать не рабов житейского дела, а свободных творцов и художников. Творец, художник должен обладать, кроме научных знаний,

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma развитым воображением, способностью интуиции. «Тенденция позабавить ребёнка» не есть «недоверие, неуважение к нему», она педагогически необходима как средство, как гарантия против опасности засушить ребёнка «серьёзным», вызвать в нём враждебное отношение к «серьёзному». И в то же время эта тенденция необходима как возбудитель воображения, интуиции.

При той быстроте, с которой бурно разрушается старое, так могуче строится новое, следует хорошо помнить, что сегодняшнее «серьёзное» через пять лет будет менее серьёзным, а через десять лет вообще едва ли уцелеет. Дети растут для будущего. В настоящем, как известно, не мало всякого старого хлама, грязи, плесени, пошлости. Полезно и необходимо высмеять пред детьми, опорочить пред ними этот хлам, возбудить в них органическое отвращение к нему. Но было бы вредно и преступно фиксировать внимание детей на этом, на таком «серьёзном». Это значило бы отравлять их той грязью, которую развели на земле деды и отцы. Чем меньше они воспримут мерзостей из прошлого и настоящего, тем здоровее, светлее, разумнее будет будущее, тем скорее наступит оно.

Вопрос, задетый Флериной, – серьёзнейший вопрос о приёмах воспитания детей. Флерина решает его категорически, но это решение чеховского «человека в футляре», – человека, уши которого заткнуты ватой.

Письма начинающим литераторам

I

Начинать рассказ «диалогом» – разговором – приём старинный; как правило, художественная литература давно забракела его.

Для писателя он невыгоден, потому что почти всегда не действует на воображение читателя.

К чему сводится работа литератора? Он воображает – укладывает, замыкает в образы, картины, характеры – свои наблюдения, впечатления, мысли, свой житейский опыт. Произведение литератора лишь тогда более или менее сильно действует на читателя, когда читатель видит всё то, что показывает ему литератор, когда литератор даёт ему возможность тоже «вообразить» – дополнить, добавить – картины, образы, фигуры, характеры, данные литератором, из своего читательского, личного опыта, из запаса его, читателя, впечатлений, знаний. От слияния, совпадения опыта литератора с опытом читателя и получается художественная правда – та особенная убедительность словесного искусства, которой и объясняется сила влияния литературы на людей.

Начинать рассказ разговорной фразой можно только тогда, когда у литератора есть фраза, способная своей оригинальностью, необычностью тотчас же приковать внимание читателя к рассказу.

Вот пример. Летом этим на волжском пароходе какой-то пассажир третьего класса произнёс:

– Я тебе, парень, секрет скажу: человек помирает со страха. Старики – они, конечно, от разрушения тела мрут...

Конец фразы я не слышал и человека – не видел; это было ночью, я стоял вверху, на корме, он – внизу.

Начинать рассказы речью такого оригинального смысла и можно и следует, но всегда лучше начать картиной – описанием места, времени, фигур, сразу ввести читателя в определённую обстановку.

В рассказе «Баба» я, читатель, не вижу людей. Какой он – Прохоров? Высокий, бородатый, лысый? Добродушный, насмешливый, угрюмый? Говорит он плохо, нехарактерно, стёртыми словами: «Баба останется бабой» – это пророчество следовало бы усилить словом «навсегда», чтобы чувствовалась устойчивость взгляда Прохорова на бабу. Для оживления смысла таких стёртых слов, – для того, чтобы яснее видна была их глупость, пошлость, – писатель должен искать и находить слова. Ему не мешало бы дать пяток, десяток насмешливых словечек, он мог бы назвать Анну «крысавица», вместо «красавица». Фраза автора: «Рабочий завода, проработав более сорока лет на одном заводе» – плохо сделана: слово «завода» – лишнее, «рабочий, проработавший» слишком рычит, проработать сорок лет «на одном заводе» – многовато, была революция, была гражданская война, завод, наверное,

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma стоял в это время. Там, где не соблюдается точность описаний, там отсутствует правда, а наш читатель правду знает. «Рубцы на спине» токаря нужно было объяснить, – рубцы могут быть результатом хирургической операции, чирьев, удара ножом в драке и, конечно, порки.

«Громогласно против» – эти слова как будто указывают, что Прохоров способен говорить довольно оригинально, «по-своему», на то же указывает и его привязанность к слову «стандартный». Но автор, намекнув на эту способность Прохорова, не развил её. Не сделал он этого потому, что смотрит на токаря не как на живого человека, а как на мысль, которую надо оспорить, опровергнуть. Писатель должен смотреть на своих героев именно как на живых людей, а живыми они у него окажутся, когда он в любом из них найдёт, отметит и подчеркнёт характерную, оригинальную особенность речи, жеста, фигуры, лица, улыбки, игры глаз и т. д. Отмечая всё это, литератор помогает читателю лучше видеть и слышать то, что им, литератором, изображено. Людей совершенно одинаковых – нет, в каждом имеется нечто своё – и внешнее и внутреннее.

На картине встречи Анны следовало остановиться подробнее. Старые рабочие высмеивали Анну, конечно, больше и более ядовито, более насмешливо, чем это показано автором. Предубеждение против равноправия женщины в жизни и в труде коренится в самцах очень глубоко, даже и тогда, когда самцы «культурны». У нас оно, к чести нашей, менее резко выражено, чем, например, в Италии, Испании, Франции и в Германии; работа женщин во время войны и в тяжёлых условиях послевоенного времени несколько поколебала это древнее предубеждение. Но и у нас змея ещё не переменила кожу.

У молодёжи, вероятно, было иное отношение к «бабе». Автор не ошибся бы, отметив у одного парня – желание понравиться Анне, приписав другому – защиту её из желания противоречить старикам, заставив третьего – побалагурить. Это очень оживило бы сцену.

Анну читатель не видит. Какая она: рыжая? высокая? толстая? курносая? как ведёт она себя в этой сцене?

Не может быть, чтоб все сразу удивились и замолчали. Через несколько минут снова все удивляются, когда «забегал резец, обтачивая конусную шестерню с особыми причудами к какой-то машине». Читателю неясно: куда автор относит «причуды» – к процессу работы Анны или – к шестерне? И было бы лучше, если бы не «всякий видел уменье, ловкость» Анны, а видел это сам автор и сумел бы показать читателю. Анна «незаметно улыбалась» – для кого незаметно? Если автор заметил эту улыбку, – её должны были заметить и рабочие, тогда она послужила бы поводом для кого-нибудь из них отозваться на эту улыбку так или иначе и этим снова оживить сцену. Улыбка была бы оправданна, если б автор подробнее и картинно изобразил уверенность и ловкость работы Анны.

Эту сцену тоже следовало развить, расширить, показать читателю настроение Прохорова, его боязнь «осрамить» себя. Он должен был или усилить своё отрицательное отношение к бабе, или же, наоборот, – сконфуженно, мимоходом сказать ей несколько слов в таком смысле: «Не выдай, не подгадь!» Это он мог бы сказать ей с глазу на глаз, а при товарищах – повторить своё: «Баба и останется бабой».

«Смертельно раненный волк» и «вонзить зубы в врага» – эти слова совершенно неуместны и не украшают рассказа. Они – не в тоне рассказа, потому что крикливы. Рассказ вообще весь написан небрежно, без любви к делу, без серьёзного отношения к теме. Язык автора – беден. В двух фразах автор трижды говорит: «с напряжением работая», «напрягая все силы», «напрягая силы», это – плохо. На той же странице волк «напрягает последние силы».

«Как ни в чём не бывало прошло два месяца» – что это значит? Два месяца времени ни на кого и никак не влияли, ничего не изменили? Даже часа нет такого, который не внёс бы в жизнь нашу каких-то изменений.

«Праздношатаи гремели раскатистым смехом, посылая по его адресу всевозможные остроты». По адресу смеха?

«Бывает, что и баба дело знает и мужику рекорд побивает», – такой «старой русской пословицы» – нет. Рекорд – слово нерусское и новое. «Пришкандыбал» –

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma слово уместное в речи, но не в описании, да и в речи не следует часто употреблять такие словечки, – язык наш и без них достаточно богат. Но у него есть свои недостатки, и один из них – шипящие звукосочетания: вши, шпа, вшу, ща, щей. На первой странице рассказа вши ползают в большом количестве: «прибывшую», «проработавший», «говоривших», «прибывшую». Вполне можно обойтись без насекомых.

Тема рассказа – очень значительна и серьёзна, однако, как уже сказано, автор этой значительности не чувствует. Разумеется, редакция отнюдь не ставит этого в вину ему, – у нас даже признанные и даровитые литераторы то и дело сгоряча компрометируют, портят, засоряют очень важные и глубокие темы хламом торопливых, непродуманных слов. Тема рассказа «Баба» – один из эпизодов массового и властного вторжения женщин во все области труда и творчества, на все пути строительства новой культуры, нового быта. Сказано: «Без активного участия женщины невозможно построить социалистическое государство». Это – неоспоримая истина. Она обязывает искреннего социалиста изменить своё, всё ещё древнее и не только пошлое, но и подлое отношение к женщине как существу, которое «ниже» мужчины. Эта оценка женщины особенно усердно и успешно вкоренялась в сознание людей обоего пола церковью, монашеством.

Существует только одно и чисто зоологическое основание для такого предрассудка: во всём животном мире самец – за некоторым ничтожным исключением – физически сильнее самки. Других оснований для «унижения» женщины – нет. Талантливых и «великих» женщин меньше, чем таких же мужчин, лишь потому, что, как известно, женщины не допускались к общественной работе. Но вот мы видим, что женщины горных племён Кавказа, туземных племён Сибири, Средней Азии, Китая, – женщины, которые ещё вчера считались только рабынями и почти рабочим скотом, сегодня обнаруживают способности к работе культурно-революционной.

Факт массового вторжения женщины во все области труда, создающего культурные ценности, может и должен иметь глубочайшее значение уже потому, что, веками приученная к мелкой и точной работе, она окажется более полезной в тех производствах, которые требуют именно строгой точности и куда внесёт своё, тоже веками воспитанное в ней, стремление украшать.

Писатель обязан всё знать – весь поток жизни и все мелкие струи потока, все противоречия действительности, её драмы и комедии, её героизм и пошлость, ложь и правду. Он должен знать, что каким бы мелким и незначительным ни казалось ему то или иное явление, оно или осколок разрушаемого старого мира, или росток нового.

Автор рассказа «Баба» не знает этого, так же как и автор новеллы «Любовь».

Не совсем понятно, зачем автор этот наименовал свой рассказ «новеллой». Новелла – краткая повесть и требует строго последовательного изложения хода событий. «Любовь» – не удовлетворяет этому требованию. Так же, как «Бабу», её начинает неудачная фраза – вопрос забойщика.

«Вы знаете и, наверное, помните». Один из глаголов этой фразы – лишний: то, что мы знаем, мы помним, а того, что нами забыто, мы уже не знаем.

Вопрос забойщика остаётся без ответа, автор начинает описывать место, где сидят забойщик и его слушатели. Сидят они в «нарядной»; для читателя, незнакомого с работой шахтера, не сразу ясно: что такое – нарядная? Можно рядиться в праздничное платье и – на работу. Писать следует точно и обязательно избегать употребления глаголов двоякого значения. Последовательность изложения немедленно, вслед за вопросом забойщика, прерывается спором о любви, и весь этот спор, вплоть до начала рассказа Черенкова, – совершенно не нужен, ибо ничего не дает читателю.

Этот автор грамотнее и бойчее автора «Бабы». Но всё же лучше писать «в шинелях английского покроя», чем «в английского покроя шинелях».

Забойщик Черенков рассказывает о некоем чрезмерно удачливом Мише, который сворачивает четыре роты – батальон – белых солдат, «сводит с ума всех мобилизованных солдат и даже добирается до младшего офицерского состава».

Читатель должен бы восхищаться подвигами Воронова, но – читатель сомневается.

«Гм? Белое офицерство было весьма натаскано в политике. Существовал «Осваг».

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyua («Осведомительное агентство» – контрреволюционная белогвардейская разведка.)
Любой белый офицер должен бы прекратить Мишу...»

Но когда читатель знакомится, как Миша повёл себя с девчонкой, подосланной контрразведкой для уловления его, и как бездарно вела себя эта контрразведка, – читатель ощущает желание сказать автору:

«Ты – ври, но так, чтоб я тебе верил».

До конца эта «новелла» дочитывается с трудом. В конце к «новелле» пристроена мораль, или, как говорит забойщик Черенков, – «соль». «Отдавать за любовь, за женщину всё – партию, товарищей, революцию – глупо и недопустимо в такой же степени, как и безобразно».

В разных вариантах мораль эта повторяется автором трижды. Пишет автор бойко – но небрежно. Примеры: «...она закатывала такие истерики и так вопила, что он» – прятался от неё, кричал на неё? – Нет: «что он лишил её блестящего заработка и теперь, мол, должен содержать её, что он и мысли о том, чтобы бросить её, забывал».

Это непростительно небрежно.

«Мы молчали, собираясь с мыслями и оценивая правильность завязавших спор сторон».

Автор достаточно грамотен и, конечно, сам заметил бы погрешности языка, если бы относился к делу с должным увлечением. Но увлечения делом, любви к нему не чувствуется у автора «новеллы», пишет он «с холодной душой». В форме очень наивной он поставил вопрос: что значительнее – личное счастье единицы или историческая задача рабочего класса – революция, строительство нового мира? Автор не показал, как сам он «оценивает правильность завязавших спор сторон», он вообще ничего не показал, и этим вызывает у читателя такое впечатление, что большой вопрос поставлен автором равнодушно и только из любопытства или «от скуки жизни». Мне кажется, что, пожалуй, вернее всего – последнее. В недоброе старое время большие вопросы довольно часто ставились «от скуки жизни». Например, знакомый мой лесник говорил мне: «Сижу я тут в сторожке, как суч в дупле, людей вокруг – ни одной собаки, днём выпиться – ночью не спится, лежишь вверх носом – звёзды падают чёрт их знает куда!»

И – спрашивал:

– А что, брат, ежели звезда на рожу капнет?

В другой раз он же заинтересовался:

– Не нашли средства покойников воскрешать?

– Зачем тебе покойники?

– У меня тётка больно хорошо сказки рассказывала, вот бы мне её сюда!

Было ему в ту пору лет пятьдесят, и был он так ленив, что даже не решился жениться, прожил свои годы холостым.

Такие люди, как тот лесник, встречались нередко, писатели-«народники», считая их «мечтателями», весьма восхищались ими. На мой взгляд – это были неизлечимые бездельники и лентяи. С той поры прошло четыре десятка годов, и вот, уже в двенадцать лет рабочий народ страны нашей встал на ноги, взялся за великое и трудное дело создания социалистического государства, постепенно разрушает старое, творит новое, жизнь полна драм, полна великих и смешных противоречий, явились новые радости, и ползает по земле нашей тени радостей. Новые скорби; для многих – старое дорого и мило, новое – непонятно и враждебно, люди горят и плаваются, растёт новый человек. Странно, что в такие дни живут люди, способные писать равнодушные «новеллы» и ставить вопрос: что лучше – вся жизнь, со всем разнообразием её великих задач, её драм и радостей, или жизнь «с хорошей бабой», с бабой, ради которой «ничего не жалко»?

Бытие таких «новеллистов» можно объяснить только их зелёной молодостью и

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma слепотой, а причина слепоты – малограмотность.

II

Так как Ваш рассказ Вы не прислали мне – судить о достоинствах или недостатках его я, разумеется, не могу.

Указание Ваше на «несправедливое» отношение московских журналов к начинающим писателям совершенно не обосновано в Вашем случае. «Беднота» нашла Ваш рассказ «неплохим» – и только, но это ещё не значит, что рассказ хорош. «Крестьянская молодёжь» подтвердила отзыв «Бедноты», указав Вам, что над рассказом «надо поработать». А Вы пишете: «Получилось очень странно: «Беднота» – хвалит, «ЖКМ» – ругает», тогда как Вас не хвалят и не ругают, а справедливо говорят Вам: учитесь работать!

Вы, «начинающие», жалуетесь на редакторов крайне часто и в большинстве случаев действительно несправедливо. Вам надо знать, что в старое время, до революции, редакторы журналов получали за год несколько сотен рукописей, огромное большинство которых было бездарно, но все они, в массе, были формально более грамотны, чем рукописи современных начинающих. В наше время редакторы получают тысячи рукописей, тоже в огромном большинстве бездарных, да к тому же – и безграмотных. По личному опыту моему и писателей моего поколения, я должен сказать, что отношение старых редакторов к нам, «начинающим», было несравнимо небрежнее и равнодушнее, чем отношение редакторов советских. В частности, это моё убеждение подтверждается товарищеским отношением к Вам со стороны редакции «Бедноты» и «ЖКМ».

Стихи я понимаю плохо и, может быть, поэтому Ваших стихов не могу похвалить. В стихотворении «После дождя» в одной строфе у Вас – пруд, в другой – он превратился в озеро. Это не оправдано Вами. Думаю, что «над прудом» и «не будет» – не рифмы или очень плохие рифмы. Не понимаю, что значат строки:

Жизнь моя – радость минутная
Бело свежей мглы.
«Щей» в стихах – не люблю, так же как и «вшей» и «ужей».

Далее. Вы жалуетесь на то, что, будучи «беспартийным коммунистом» по убеждениям Вашим, не можете попасть ни в комсомол, ни в один из вузов, как «сын бывшего попа».

Это, конечно, тяжёлое положение, и не один Вы протестуете против такого отношения со стороны рабоче-крестьянской власти к выходцам из буржуазных классов.

Но, к сожалению, недоверчивое и суровое отношение рабоче-крестьянской власти к этим выходцам совершенно оправдывается поведением весьма многих выходцев. До поры, покуда работу Советской власти и партии коммунистов они, выходцы, рассматривали как социальный опыт, который, казалось им, может быть и даже наверное, не удастся, – они служили делу рабочего класса покорно, как собаки, комнатные и цепные. Но теперь, когда им становится ясно, что строительство социализма в Союзе Советов уже не только удачный опыт, а – великое, практически быстро растущее дело, смелое начало всеобщего мирового движения массы трудового народа, когда им ясно, что назад, к старым порядкам, пути закрыты, – они трусливо бегут туда, где ещё остались старые хозяева, где ещё можно послужить собаками, получая кусок более жирный и не беря на себя той великой ответственности перед пролетариатом всех стран, которую мужественно взял на себя рабочий класс Союза Советов.

Они бегут, предавая всё и всех, что и кого могут предать, непримиримым врагам рабочих и крестьян. Таких предателей – не мало. Сейчас двое из них наполняют прессу европейской буржуазии и газетки эмигрантов подленькой и грязной болтовнёй о том, как они несли свою собачью службу единственно законным хозяевам земли – рабочим и крестьянам.

Совершенно естественно, что факты такого гнусного предательства не могут не вызвать у крестьян и рабочих недоверия к выходцам из среды буржуазии. Точно так же естественно и неизбежно, что за подлость некоторых должны потерпеть многие искренние друзья и товарищи рабочего класса. Но они должны винить за свои страдания не рабочий класс, а предателей рабочего класса.

чем более глубоко и широко будет осуществлять наш рабочий класс свою историческую задачу – тем дальше будут отскакивать от него люди неискренние, – люди, механически приспособившиеся к нему, к его работе. Но тем однороднее, крепче будет рабочий класс, тем более мощно станет влияние его партии на массу.

III

Рассказы Ваши прочитал.

Вы прислали два черновика; оба написаны «на скорую руку», непродуманны и до того небрежны, что в них совсем не чувствуется автор тех двух очерков, которые я Вам обещал напечатать и которые подкупили меня своим бодрым настроением.

Хуже того – в «Обгоне» и «Вызове» не чувствуешь ни любви к литературной работе, ни уважения к читателю, а если у Вас нет ни того, ни другого – Вы не научитесь писать и не быть Вам полезным работником в области словесного искусства.

Талант развивается из чувства любви к делу, возможно даже, что талант – в сущности его – и есть только любовь к делу, к процессу работы. Уважение к читателю требуется от литератора так же, как от хлебопёка: если хлебопёк плохо промешивает тесто, если из-под его рук в тесто попадает грязь, сор, – значит хлебопёк не думает о людях, которые будут есть хлеб, или же считает их ниже себя, или же он – хулиган, который, полагая, что «человек не свинья, всё съест», нарочно прибавляет в тесто грязь. В нашей стране наш читатель имеет особенное, глубоко обоснованное право на уважение, потому что он – исторически – юноша, который только что вошёл в жизнь, и книга для него – не забава, а орудие расширения знаний о жизни, о людях.

Судя по тому, как Вы разработали тему рассказа «Обгон», Вы сами относитесь к действительности нашей очень поверхностно.

Тема рассказа – нова и оригинальна: мать, ткачиха, соревнуется с дочерью; на соревнование вызвала её дочь, но мать, работница более опытная, победила дочь. Победа матери требовала от Вас юмористического отношения к дочери, это было бы весьма поучительно для многих дочерей и сыновей и было бы более правдиво. Победа эта не могла не вызвать со стороны старых рабочих хвастовства перед молодёжью своим опытом, – это Вами не отмечено. Вы догадались, что соревнование должно было повлиять на домашние, личные отношения матери к дочери, но не договорили этого. Перед Вами была хорошая возможность показать на этом, сравнительно мелком, факте взаимоотношения двух поколений. Вы этой возможности не использовали. В общем же Вы скомкали, испортили очень интересную тему, совершенно не поняв её жизненного значения.

Как всё это написано Вами? Вы начинаете рассказ фразой:

«Вечер не блистал красотой».

Читатель вправе ждать, что автор объяснит ему смысл этой странной фразы, расскажет: почему же «вечер не блистал»? Но Вы, ничего не сказав о вечере, в нескольких строчках говорите о посёлке, которому «не досталось своей невеликой части кудрявой весны». Каждая фраза, каждое слово должно иметь точный и ясный читателю смысл. Но я, читатель, не понимаю: почему посёлку «не досталось невеликой части весны»? Что же – весну-то другие посёлки разобрали? И – разве весна делится по посёлкам Иваново-Вознесенской области не на равные части?

Далее – через шесть строк Вы пишете:

«Нестерпимая тишина была прижата сине-чёрным небом и задышалась в тесноте».

Почему и для кого тишина «нестерпима»? Это Вы забыли сказать. Что значит: «тишина задышалась в тесноте»? Может быть, так допустимо сказать о тишине в складе товаров, но ведь Вы описываете улицу посёлка, вокруг его, вероятно, – поля, а над ним «сине-чёрное» небо. В этих условиях достаточно простора и «задышаться» тишине – нет оснований.

Все девять страниц рассказа написаны таким вздорным языком. Что значат слова: «довольно ответственно заявила»? «Особенно рачить было не для кого». Может быть, Вы хотели сказать «радеть»? Старинное, неблагозвучное и редко употреблявшееся

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma слово «рачить» – давно не употребляется, даже «рачительный» почти забыто. В другом месте у Вас «теплилась ехидца». Ехидство от – ехидны, змеи. Змея – хладнокровна. Подумайте: уместно ли здесь словечко – «теплиться»? Что такое «здор»?

Наконец, выписываю такую путаную фразу:

Соревнование последнее время очень нажимала ячейка, к тому же как наяву снилось ей, что через эту победу стать лучшей производственницей в комсомоле и получить лишнюю пару недель отпуска в качестве премии дело не сугубо трудное.

Это не только небрежно, а и сугубо безграмотно, товарищ.

По прежним Вашим очеркам я мог думать, что Вам лет двадцать пять – двадцать восемь. По этим мне кажется, что Вы – вдвое старше. И, кроме того, немножко заражены безразличным отношением к людям, к жизни, к таким её фактам, как, например, социалистическое соревнование.

Почему я так много пишу по поводу Вашего безнадежно плохого рассказа на хорошую тему?

Вот почему: многие из вас, кандидатов на «всемирную славу», торопясь «одним махом» доскочить до неё, хватаются за темы серьёзного, глубоко жизненного значения. Но темы эти не по силам большинству из вас, и вы их комкаете, искажаете, компрометируете – засыпая хламом пустыньских, бездушных или плохо выдуманных слов. За этими темами скрыты живые люди, большие драмы, много страданий героя наших дней – рабочего. Не скажет он, рабочий, спасибо вам за то, что вы уродуете действительность, которую он создаёт из крови и плоти своей.

Не скажет. А если скажет, так что-нибудь гораздо более резкое, чем говорю я.

IV

По рассказу «Академия администраторов» трудно ответить на вопрос о Вашей способности к художественной литературе, – трудно потому, что Вы написали не рассказ, а корреспонденцию, которая обличает легкомыслие некоего спеца-хозяйственника. Корреспонденция написана грамотно, вполне толково, приближается к типу очерка, это её достоинство, но она многословна, растянута – это плохо.

От рассказа требуется чёткость изображения места действия, живость действующих лиц, точность и красочность языка, – рассказ должен быть написан так, чтобы читатель видел всё, о чём рассказывает автор. Между рисунками художника-«живописца» и ребёнка разница в том, что художник рисует выпукло, его рисунок как бы уходит в глубину бумаги, а ребёнок даёт рисунок плоский, набрасывая лишь контуры, внешние очертания фигур и предметов, и не умея изобразить расстояния между ними. Вот так же внешне, на одной плоскости нарисовали Вы коммунаров и спеца, – они у Вас говорят, но не живут, не двигаются, и не видишь – какие они? Только о спеце сказано, что он – «средних лет», да о парне – «рябоватый».

В начале рассказа Вы явно отступили от жизненной правды: спец должен был спросить парня или коммунаров о налёте бандитов, о числе убитых и раненых, о хозяйственном уроне. У него были три причины спросить об этом: обычное, человеческое любопытство, опасение городского человека, хозяйственный интерес. То, что он не спросил об этом, должно было обидеть людей, которые подвергались опасности быть убитыми, такое равнодушие к их жизни неестественно и непростительно. Да и сами они должны были рассказать ему о налёте, – такие события не забываются в три дня. Если б Вы заставили ваших людей поговорить на эту тему, это дало бы Вам возможность характеризовать каждого из них да и спеца «показать лицом», изобразив, как он слушает, о чём и как спрашивает, – этим Вы очень оживили бы рассказ. Но Вы поставили перед собой задачу обличить «спеца» и, торопясь разрешить её сухо, написали вещь, в сущности, скучную, лишённую признаков «художественного» рассказа.

Торопились Вы так, что местами забывали обращать внимание на язык, и на второй странице у Вас повторяется слово «пред» несколько раз кряду, чего не следует делать.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Отношение Ваше к теме тоже не есть отношение «художника». Художник, поставив пред собой цель – обличить легкомысленного человека, сделал бы это в тоне юмора или сатиры; если же он пожелал бы «просто рассказать» о факте вредительства – он бы разработал характер спеца более подробно и детально. А так, как Вы рассказали, для читателя не ясно: кто же спец? Только ли легкомысленный человек, который живёт по указке книжек, теоретик и мечтатель, плохо знающий живую действительность? Почти на всём протяжении рассказа он у Вас действует, как человек искренний, а тот факт, что, запутавшись и не желая сознаться в этом, он бежит из коммуны, – этот факт Вами психологически не оправдан.

Попробуйте написать что-нибудь ещё. Например: изобразите Ваш трудовой день, наиболее сильные влечения, характерные встречи, волнующие мысли. Если Вы это напишете просто, не очень щадя и прикрашивая себя, стараясь увидеть в каждом человеке больше того, что он Вам показывает, – этим Вы как бы поставите перед собой зеркало и в нём увидите себя изнутри.

Человек Вы, видимо, серьёзный, да и способный, корреспондент – уже и теперь – неплохой. Побольше читайте хороших мастеров словесности: Чехова, Пришвина, Бунина «Деревню», Лескова – отличнейший знаток русской речи! Вообще – следите за языком, обогащайте его.

V

Рассказ начат так:

«С утра моросило».

«По небу – осень, по лицу Гришки – весна».

«...чёрные глаза блестели, точно выпуклые носки новеньких купленных на прошлой неделе галош».

Очевидно, это не первый рассказ; автор, должно быть, уже печатался, и похоже, что его хвалили. Если так – похвала оказалась вредной для автора, вызвав в нём самонадеянность и склонность к щегольству словами, не вдумываясь в их смысл.

«По небу – осень», – что значат эти слова, какую картину могут вызвать они у читателя? Картину неба в облаках? Таким оно бывает и весной и летом. Осень, как известно, очень резко перекрашивает, изменяет пейзаж на земле, а не над землей.

«По лицу Гришки – весна». Что же – позеленело лицо, или на нём, как почки на дереве, вздулись прыщи? Блеск глаз сравнивается с блеском галош. Продолжая в этом духе, автор мог бы сравнить Гришкины щёки с крышей, только что окрашенной краской. Автор, видимо, считает себя мастером и – форсит.

Сюжетная – фактическая – правдивость рассказа весьма сомнительна. Трудно представить рабочих, демонстрантов, которые осмеивают товарища за то, что у него грязный бант на груди. Ещё более трудно представить рабочего, который так сентиментален, что, умирая, посылает сыну кусок кумача, сорванный сыном же с одеяла.

Весь рассказ написан крайне торопливо и небрежно. Хуже всего то, что в нём заметно уверенно ремесленное отношение к работе. Таких писателей-ремесленников очень много в провинции; они пишут «рассказы к случаю» – годовщине Октября и прочем – так же, как в старину писались специально «рождественские» и «пасхальные» рассказы. Они обычно самолюбивы почти болезненно, не выносят критики и не способны учиться. Им кажется, что они уже всё знают, всё могут, но любви к делу у них нет, литературный труд для них – средство заработка, «подсобный промысел». Такой литератор вполне способен равнодушно сочинять размашистые фразы вроде следующей:

«Октябрь ущипнул Веруню за сердце, как молодой, кудрявый парень за сиську».

Пошлость таких фраз им совершенно непонятна, и они как будто уверены: чем грубее, животнее пошлость, тем более революционна.

В литературе рабочего класса таких «специалистов» не должно быть, и против размножения их необходимо бороться со всей беспощадностью, ибо они, в сущности, паразиты литературы.

VI

По рассказу «Мелочь» не могу сказать, «следует ли Вам заниматься литературной работой», но этот рассказ Ваш вполне определённо говорит, что Вы подготовлены к ней слабо.

Рассказ – неудачен, потому что написан невнимательно и сухо по отношению к людям, они у Вас – невидимы, без лиц, без глаз, без жестов. Возможно, что этот недостаток объясняется Вашим пристрастием к факту. В письме ко мне Вы сообщаете, что Вас «интересует литература факта», то есть самый грубый и неудачный «уклон» натурализма. Даже в лучшем своём выражении – у братьев Гонкуров – натуралистический приём изображения действительности, описывая точно и мелочно вещи, пейзажи, изображал живых людей крайне слабо и «бездушно». Кроме почти автобиографической книги «Братья Земганно», Гонкуры во всех других книгах тускло, хотя и тщательно, описывали «истории болезней» различных людей или же случайные факты, лишённые социально-типического значения. Вы тоже взяли случай Вашего героя как частный случай, отнеслись к нему репортёрски равнодушно, и, вследствие этого равнодушия, все герои Вашего рассказа не живут.

А если бы Вы взяли из сотен таких случаев непримиримого разногласия отцов – детей хотя бы десяток да, хорошо продумав, объединили десяток фактов в одном, этот Вами созданный факт, может быть, получил бы серьёзное и очень глубокое художественное и социально-воспитательное значение. Получил бы при том условии, если Вы отнеслись бы более внимательно к форме рассказа, к языку, а также не подсказали бы, что герои должны делать каждый за себя, сообразно своему опыту и характеру.

Художник должен обладать способностью обобщения – типизации повторных явлений действительности. У Вас эта способность не развита. Об этом говорит и Ваш выбор темы для другого рассказа. В нём, как и в первом, тоже сын попа и тоже поэтому страдающий. То, что он убивает отца, несколько не изменяет тему, она, в основном своём смысле, – противоречие отцов-детей, драматическое противоречие.

Но у попа, взятого не как случайная единица, а как тип, – двое детей: один покорно идёт за отцом, другой – решительно против него. Оба они тоже типичны.

Вы говорите: «В обоих случаях я взял живых лиц». Вполне возможно, что Вам представится третий, пятый, десятый случай, и что же? Так вы и будете писать рассказы на одну и ту же тему о разногласии попов с поповичами?

Уверяю Вас, что это будет скучно и Ваших рассказов не станут читать. Кроме того, Вы скомпрометируете, испортите интересную тему.

Описывая людей, Вы придерживаетесь приёма «натуралистов», но, изображая окружение людей, обстановку, вещи, отступаете от этого приёма. Колокольчик швейцара у Вас «плачет», а эхо колокольчика «звучит бестолково». Натуралист не сказал бы так. Само по себе эхо не существует, а является лишь как отражение кем-то данного звука и воспроизводит его весьма точно. Если колокольчик «плачет» – почему же эхо «бестолково»? Но и колокольчик не плачет, когда он маленький и звонит им рука швейцара, при этом условии он даёт звук судорожно дребезжащий, назойливый и сухой, а не печальный.

«Сочный тенор» у Вас «вибрировал, как парус». Это – тоже не «натурально». «Звук рвущегося кровавого комка мяса» – слышали Вы такой звук? Под «комком мяса» Вы подразумеваете сердце живого человека, – подумайте: возможно ли, чтоб человек слышал, как разрывается его сердце? И так на протяжении всего рассказа описательная его часть не гармонирует, не сливается с бесцветностью Ваших героев, – бесцветностью, которая их принизила и омертвила. Впечатление такое: рассказ писали два человека, один – натуралист, плохо владеющий методом, другой – романтик, не освоивший приёма романтики.

Затем я должен повторить, что художественная литература не подчиняется частному факту, она – выше его. Её факт не оторван от действительности, как у Вас, но крепко объединён с нею. Литературный факт – вытяжка из ряда однородных фактов, он – типизирован, и только тогда он и есть произведение подлинно художественное, когда правильно отображает целый ряд повторных явлений действительности в одном явлении.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma VII

Книгу Вашу прочитал я, – книга не хуже других на эту тему. Она была бы лучше, если бы Вы отнеслись более серьёзно к языку и писали бы проще, а не такими слащавыми фразами, как, например: «Не упружатся под ситцем груди девичьи». Такие фразы напоминают старинные бабы причитания. Глагола «упружить», кажется, нет в нашем языке.

Такие фразы, как: «Всё Наташа пред глазами с освещённым лицом стояла» – не очень грамотны.

«Рвётся сердце Василия в замороженную жавороночной песней высь» – это очень плохо – и говорит о Вашей претензии писать «поэтически», красиво. И Вы пишете такие несуразности: «Мечта о перевороте безжалостно смята царизмом, как бывает сорван порывом бури нежный пух одуванчика».

Революционное движение 1905–1906 годов нельзя и смешно сравнивать с «одуванчиком». Тут уж Вы обнаруживаете малограмотность социальную.

А для того, чтобы разнести семена одуванчика, – не требуется «порыва бури», а достаточно дуновения ребёнка.

В день, когда объявлена была война с Германией, о выступлении Англии ещё не было известно.

Соборный протопоп не мог дать «крестом сигнала к отходу поезда», это – дело не его компетенции, а дело начальника станции.

Кровь «из рассечённого виска» у Вас «падает лоскутками». «Из-под рассечённого века светился глаз» – ясно, что Вы пишете о том, чего не видели, а этого делать не следует.

«Не белы снега в поле забелелися» и «Снеги белые, пушистые покрывают все поля» – это две песни, разные по содержанию, а Вы соединили их в одну.

Монашество не обряжалось в золотые вышивки, в позументы и мишуру.

Таких обмолвок, ошибок, нелепостей в книге Вашей очень много, и они её портят.

Затем: Вы не думаете о читателе, о том, чтобы ему было легко понять Вашу речь. Вы пишете: «Баба у Прохора на дрожжах». Что это значит? Что она – рыхлая? Или перекисла?

Сноха спрашивает свёкра: «Самовар поспел – чего заваривать?» Обычно заваривают чай. Но если у Мирона Удалова пили буквицу, зверобой, какао, кофе, сушёную малину или сбитень, так Вы обязаны были сказать это читателю.

Пускать «коловороты зеньками» – это не всякому понятно. Коловорот – инструмент, а «зеньки» – это неправильно, правильно будет «зенки» от слова «зеница».

Если в Дмитровском уезде употребляется слово «хрындуги», так ведь необязательно, чтоб население остальных восьмисот уездов понимало, что значит это слово.

То же следует сказать и о слове «дефти» вместо – девки.

У нас в каждой губернии и даже во многих уездах есть свои «говора», свои слова, но литератор должен писать по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски.

Вы пишете для людей огромной, разнообразной страны, и Вы должны твёрдо усвоить простую истину: нет книги, которая не учила бы людей чему-нибудь.

Другая истина: для того, чтобы люди быстрее и лучше понимали друг друга, они все должны говорить одним языком.

У вас говорят: «Я не из счетливых», – что это значит?

Таких словечек вы насовали в книгу очень много, и они её не украшают.

Пленный мадьяр говорит у Вас по-украински: «Та я не можу».

Весьма часто Вы ставите слова не в том порядке, как следует: «горничная, с накрахмаленной на голове наколкой» На голове не крахмалят.

Если Вы намерены писать «романы» – Вы обязаны избавиться от подчёркнутых недостатков языка и небрежности, с которой Вы работаете.

И остерегайтесь выдумывать «отсебятину». У Вас сорокалетний мужик, женатый второй раз на девушке и вообще лакомый до женщин, не различает ночью, со сна, тещу свою, женщину, которой за сорок и, значит, истощённую, от своей восемнадцатилетней жены. Это – так маловероятно, что Вам не поверят.

VIII

Вы хотите убедить меня, что «Карл Маркс и Ленин – ошибались», и «категорически» заявляете, что «социализма на земле построить – нельзя». В доказательство невозможности этой Вы приводите такой расчёт:

Земной шар может прокормить только 8 миллиардов людей, сейчас людей 2 миллиарда. Т. о. через 140–180 лет земля будет иметь зловещую цифру – 8. Что же будет тогда?

Благодарю Вас за Ваши заботы о просвещении разума моего. Учиться я люблю больше, чем учить, чего и Вам искренно желаю. Но должен сказать, что Вы учите – плохо.

Расчёт Ваш не доказывает, что «социализма на земле построить нельзя», а говорит, что социализм может существовать только 140–180 лет. А что же будет дальше? С полной уверенностью могу сказать Вам: не будет дураков и невежд. Уже лет через пяток – десяток, наверное, умрёт малограмотный невежда, который научил Вас рассуждать о социализме так, как Вы рассуждаете.

Он, болван, должен бы сказать Вам, что 130 лет тому назад, в 1708 году, англичанин Томас Мальтус напечатал книгу «Опыт о законе народонаселения». В книге этой он доказывает, что население земного шара увеличивается быстрее, чем средства существования. Доказательства его целиком опровергнуты не только К.Марксом, но и буржуазными учёными Кэри, Бастиа, Гербертом Спенсером. Опровержения эти в общем сводятся к тому, что чем разумнее – интеллектуальней – животное, тем медленнее размножается оно. Слон даёт одного детеныша за 20–24 месяца, боров оплодотворяет до 40 самок, а свинья беременеет только 8 месяцев и приносит до десятка поросят.

В человеческом обществе мы видим то же самое: чем менее культурны люди – тем больше у них детей; население деревень везде и всюду более плодовито, чем население городов. Крестьянки рожают почти ежегодно, а вот богатая и зажиточная буржуазия всё более широко применяет систему «двух детей». Отсюда ясно, что бессмысленное размножение людей может быть регулировано и уже регулируется разумом.

Но дело не только в этом, а и в том, что когда писал Мальтус и даже Маркс, они не могли предвидеть того сказочно быстрого роста науки и техники, которые, непрерывно развиваясь, обогащают человечество всё более. Распространение автомобилей делает ненужными лошадей, и огромные пространства земли, которая засеивалась овсом, отходят под пшеницу, под рожь. Науки микробиология и химия, вмешиваясь в сельское хозяйство, ставят целью своей увеличение урожаев и успешно добиваются этой цели. Химия даёт огромные количества удобрений, истребляет вредителей хлеба, насекомых – саранчу, «кузьку», «гессенскую муху» и прочих, а также грызунов – суслика, полевую мышь и других. Повысить урожаи хлеба, количество питательных веществ – это уже в силе и воле человека. Вам, крестьянину, всё это надо бы знать, и знать это Вам гораздо полезнее, чем подсчитывать, да ещё и неверно, рост населения. Дело это не Ваше и совершенно зря «взбрело в башку» Вам, как говорил отличный знаток крестьянства, писатель Глеб Успенский.

Тот, кто Вас познакомил с теорией Мальтуса, не сказал Вам, что теория эта очень понравилась помещикам, фабрикантам и вообще богатым людям. Она дала им возможность сваливать вину свою за нищету рабочих людей на самих рабочих и крестьян; опираясь на Мальтуса, богачи доказывали, что причина нищеты крестьянства и рабочего класса – не в малоземелье, не в плохой обработке полей, не в грошовой заработной плате и вообще – не в грабеже богачей, а именно в том,

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
что трудовой народ быстро размножается. Далее они доказывали тоже, что и Вы: нет
никаких мер и способов улучшить бедственное положение трудового народа, ничем
нельзя помочь ему жить лучше, и даже не следует помогать. Мальтус считал вредной
даже общественную помощь бедным, находя, что она только плодит нищих.

Так вот какие идеи проповедуете Вы, крестьянин «косопузой» – как вы пишете –
губернии. Очень жалею людей, которым внушаете Вы эти идейки. А человек, который
внушил эти идеи Вам, – он, на мой взгляд, негодяй и – враг трудового народа.

Вам бы, вместо того чтоб проповедовать подленькие глупости, лучше заняться
чем-нибудь другим. Подумать бы о том, сколько ни на что не нужного кустарника и
дерева, не годного в дело, истощает землю, сколько ценных соков её поглощают
сорные травы, как вредят они хлебам, как много пахотной земли уничтожают овраги,
как много у нас болот, которые надобно осушить, как много засушливых мест,
которые можно бы оросить водами рек, которые бесплодно исчезают в морях, – и ещё
о многом Вам, крестьянину, следовало бы подумать. И поучиться следует. А то Вы
Маркса и Ленина критикуете, а ни того, ни другого не читали и о научном
социализме не имеете никакого представления.

Между прочим, подумали бы и о том, как мелкое частное хозяйство истощает землю,
и подсчитали бы, как велик для государства вред некультурного, неумелого
землепользования.

IX

Книгу Вашу прочитал. Грамотная книга, и хотя её тема многократно
разрабатывалась, измята, огрублена, всё же Вашу книгу читал с интересом.
Возможно, что интерес этот возбуждён личной встречей с Вами и отразился на
отношении к Вашему роману. Но всё-таки в общем роман этот я не могу признать
удачным.

Уже в титуле романа чувствуется претензия автора на своеобразие, а затем почти
на каждой из 240 страниц убеждаешься, что это своеобразие идёт «от ума», далось
автору с трудом и сильно помешало: автору – быть более искренним, книге – более
убедительной. Вам хотелось написать «не как другие», но, стремясь к этому,
насилуя себя, Вы написали хуже того, как могли бы. Разумеется, речь идёт не
только о форме, хотя и форма может испортить материал любой ценности.

«Отца» Вы взяли поверхностно, как берут и изображают его все молодые наши
литераторы: отец – социальная особь, которую отличает от сына только
«умонастроение», которое образовалось на почве бытовых привычек, навыков и так
далее. Мне кажется, что отца как «тип» пора уже рассматривать пристальнее,
глубже, не только как социальную, классовую особь, но как особь биологическую.
Даже в том случае, когда отец прошёл университет, прочитал все лучшие книги, –
над всеми его «знаниями» преобладает, в огромном большинстве случаев,
многовековой социальный опыт его предков, а этот «опыт веков» в человеческом
обществе не мог не иметь определённого биологического влияния. Я говорю не о
наследственности, а о чём-то более глубоком, более консервативном, что прячется
за «умонастроением», делая отцов и детей органически неспособными понять друг
друга.

Как литературный тип – отец должен глубоко чувствовать, что он защищает порядок
жизни, установленный веками, порядок, для него столь же органически необходимый,
как рыбе – вода, червю – земля, и должен чувствовать, что революционная воля его
сына возникла именно для того, чтоб разрушить, уничтожить и почву, и атмосферу,
и всё, от крупнейшего до ничтожно мелочного, в чём он, отец, приспособился жить,
без чего он жить не может.

Сын как тип должен воплощать революционную волю, для которой цель – в будущем, а
в настоящем, которое воплощает и защищает отец, нет для него, сына, ничего, что
не мешало бы росту его воли, не затрудняло бы её работу.

Столкновение Ивана Пятова со своим сыном Петром Пятовым – это частный случай,
ничтожный эпизод трагедии, назревающей в наши дни, и, если мы хотим хорошо
почувствовать огромное, историческое значение этой трагедии, мы должны
изобразить основных её героев именно как типы, как столкновение двух совершенно
непримиримых мироощущений. Возможно, разумеется, дробления этой основной темы,
но дробить надобно так, чтоб подлинный и глубокий смысл был освещён ярко.
Основной же смысл – прост: беспощадная борьба за и против «священного института

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma частной собственности», источника всех несчастий жизни, всех преступлений, всех уродств.

Представьте себе сына – белогвардейца случайного, «мобилизованного», который вдруг понял или постепенно понимает, что его рукою истребляются люди – может быть, его друзья – только для того, чтоб существовало частное хозяйство папаша, как оно существовало века.

Возведите это частное хозяйство на степень кошмара, созданного отцом по силе его веры в это хозяйство как единственно прочную основу жизни, изобразите детей как жертв этого кошмарного плена и жизнь их как тюрьму под открытым небом. Таких тем очень много.

Теперь – по поводу стиля Вашей книги. «Бессмысленная, вялая какая-то, скучная смерть веяла ровным дыханием», – пишете Вы на 129 странице. Это – очень характерная фраза для Вас. А ведь в ней, несмотря на три определения понятия «смерть», – нет ясности. Сказать «вялая смерть» и прибавить к слову «вялая» – «какая-то» – это значит подвергнуть сомнению правильность эпитета «вялая». Затем Вы добавляете – «скучная», – к чему это нагромождение? «Редкие и безлистные ещё липы», – почему «ещё липы», а не «ещё безлистные», что гораздо проще? Очень запутаны слова на страницах 166–167. И всё это напутано Вами в поисках своеобразия, а искать Вам следовало простоты и ясности языка.

На вопрос Ваш: «Могу ли я писать в наше время?» – я ответил бы утвердительно, если бы Вы в письме не заявили о «разладе» между Вашим «мировоззрением и мироощущением».

Выше я рассказал, как понимается мною этот «разлад» – болезнь, видимо, нередкая среди людей Вашего поколения и Вашей социальной среды. С моей точки зрения, крайне пагубно для человека, если в нём совмещаются – или противостоят – революционное «умонастроение» с «мироощущением» его отца, а очевидно, это так: «от ума» человек – революционер, а по инстинкту, по эмоциям – контрреволюционер. Иначе я не могу понять «разлада». И само собою разумеется, что при наличии такого «разлада» Вы едва ли в силах будете работать согласно требованиям эпохи, с пользой интересам выразителя воли эпохи – рабочего класса.

Затем Вы сознаётесь: «Я не могу писать без фокусов, меня фокусы увлекают, за фразой я забываю цель». Это – плохо. Очень. Сообразите: кому нужна Ваша фраза, строить которую просто и ясно Вы не умеете? Да если б и умели – кому нужна фраза, смысл которой, наверное, будет двойственным вследствие разлада Вашего умонастроения с Вашим мироощущением? Вы пишете: «Я основательно штудировал философов», – так ли основательно, как это кажется Вам? Думаю, что Вы ошибаетесь, – иначе Вы не поставили бы Шервуда Андерсона, у которого нет никакой «философии», а прямая зависимость от плохо понятого им Чехова, – не поставили бы Андерсона рядом с Гамсуном, который пришёл к признанию рока и необходимости покоряться ему, как это явствует из его последних книг: «Соки земли», «Санатория Таррахаус», «Бродяги».

Странное впечатление вызвало у меня Ваше письмо. Поколение Ваше вошло в жизнь торжественно, «в огне и буре». Мир старый встретил вас враждой и ненавистью, которые, казалось бы, могут возбудить только сильные люди. Задачи, которые вы решаете, огромны и должны бы всецело владеть умом и чувством Вашими. Дело, которому Вы служите ежедневно, – дело грандиозное, небывалое по смелости, – несмотря на его кажущуюся мелочность и раздробленность. В руках ваших тот Архимедов рычаг, которым только и можно «перевернуть мир».

И вдруг – разлад между «умонастроением» и «мироощущением». Странно.

Х

Я думаю, что такие работы, как «Язык селькора», преждевременны и даже могут оказать немалый вред нормальному росту языка. В работе Вашей желаемое предшествует сущему и торопливость выводов, основанных на материале сомнительной ценности, ведёт к тому, что Вы принимаете «местные речения», «провинциализмы» за новые, оригинальные словообразования, – тогда как материал Ваш говорит мне только о том, что великолепнейшая, афористическая русская речь, образное и меткое русское слово – искажаются и «вульгаризируются».

Этот процесс вульгаризации крепко и отлично оформленного языка – процесс

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma естественный, неизбежный; французский язык пережил его после «Великой революции», когда бретонцы, нормандцы, провансальцы и т. д. столкнулись в буре событий; этому процессу всегда способствуют войны, армии, казармы. Зря опороченная Демьяном Бедным весьма ценная книга Софьи Федорченко «Народ на войне», а также превосходная книга Войтоловского «По следам войны» были бы крайне полезны для Вас, видимо, искреннего и пламенного словолюба.

Мне тоже приходится читать очень много писем рабселькоров, «начинающих» литераторов, учащейся молодёжи, и у меня именно такое впечатление: русская речь искажается, вульгаризируется, её чёткие формы пухнут, насыщаясь местными предложениями, поглощая слова из лексикона нацменьшинств и т. д., – речь становится менее образной, точной, меткой, более многословной, вязкой, слова весьма часто становятся рядом со смыслом, не включая его в себя. Но я уже сказал, что это – процесс естественный, неизбежный и, в сущности, это – процесс обогащения, расширения лексикона, но покамест, на мой взгляд, ещё не процесс словотворчества, совершенно сродного духу нашего языка, а – механический процесс.

Вы, как вижу, думаете иначе. Вы торопитесь установить и утвердить то, что Вам кажется словотворчеством; чисто внешнее обогащение речи Вы принимаете как творчество. Весьма много людей буржуазного класса нашего говорили по-французски, но это отнюдь не делало их более культурными людьми.

Ваша работа говорит мне, что современный грамотный крестьянин владеет языком гораздо хуже, чем владели мужики Левитова, Глеба Успенского и т. д., что речь селькора беднее образностью, точностью, меткостью, чем речь солдат Федорченко и Войтоловского.

Нельзя противопоставлять «сардонический», «мефистофелевский» смех «медовому», «колокольчатому» смеху девушки. Девушка – то ещё не научилась смеяться «сардонически». Сардонический и медовый – это языки людей совершенно различных по психике. Медовый смех – не новость. Вы его, наверное, найдёте у Андрея Печёрского – «В лесах» – и найдёте в старинных песнях.

Ты мне, девка, сердце сомутила
Злой твоей усмешкою медовой...
– сказано в переводе песен Вука Караджича.

Также нельзя противопоставлять «голубой» ливень «жестокому», – хотя это различные отношения к одному и тому же явлению, но ведь и лирически настроенный крестьянин может назвать ливень «голубым», когда дождь идёт «сквозь солнце».

«Колокольчатый» смех – очень плохо, потому что неточно, колокола слишком разнообразны по размеру и по звуку, «медный» смех – воображаете Вы? Правильно сравнивают смех с бубенчиками, особенно – если их слышишь издали.

Словечко «милозвучно» Вы напрасно считаете новым, оно есть у Карамзина, а кроме того, Вы его, наверное, встретите в «кантатах», которые распевались крепостными хорами. В кантатах этих встречаются «лилейнолицые девицы», «зефирно нежный голосок». В 1903 году мужики под Пензой пели: «Зефир тихий по долине веет с милой страны, с родной Костромы».

Слово «обман» Вы взяли из разных областей; у Фета и других поэтов он «сладостен» и «прекрасен», по преимуществу в области романтической, а у селькоров – в области отношений социальных. Но ведь и селькорам не избежать «сладостных» обманов.

Мне кажется, что, работая по словотворчеству, необходимо знать наш богатейший фольклор, особенно же наши изумительно чёткие, меткие пословицы и поговорки. «Пословица век не сломится». Наша речь преимущественно афористична, отличается своей сжатостью, крепостью. И замечу, что в ней антропоморфизм не так обилен, как в примерах, которыми Вы орудуете, а ведь антропоморфизм, хотя и неизбежен, однако стесняет воображение, фантазию, укорачивает мысль.

Всё это сказано мною из опасения такого: если мы признаем, что процесс механического обогащения лексикона и есть процесс творчества новой речи, будто бы отвечающей вполне согласно новым мыслям и настроениям, – мы этим признанием внушим рабселькорам и молодым литераторам, что они достаточно богаты словесным

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma материалом и вполне правильно «словотворят». Это будет неверно, вредно.

Дело в том, что современные молодые литераторы вообще плохо учатся и туго растут поэтому. Один из них сказал: «Когда сам напишешь книгу, перестаёшь читать». Должно быть, это верно: есть целый ряд авторов, которые, написав одну книгу неплохо, вторую дают хуже, а третью – ещё хуже. Критика не учит, как надобно работать над словом.

XI

Рассказ Ваш – плох, но хорошо, что Вы сами чувствуете это; а хорошо это потому, что говорит о наличии у Вас чутья художественной правды. Рассказ именно потому и плох, что художественная правда нарушена Вами.

Нарушили Вы её неудачно выбранным Вами языком. Вы взялись рассказать людям действительный случай озверения «хозяйственного мужичка», который метит попасть в мироеды, – ради этой цели он предаёт белобандитам своих односельчан и своих детей, комсомольцев. Совершенно правильно Вы отметили, что хотя герою Вашему жалко жену, убитую белыми, и ещё более жалко сына, убитого ими же, – но всё-таки это чувство жалости не мешает ему попытаться ещё раз повредить советской группе односельчан и в их числе второму сыну, которого он, отец, убивает уже своею рукой.

В той беспощадной и неизбежной борьбе отцов и детей, которая началась, развивается и может окончиться только полной победой нового человека, социалиста, – случай, Вами рассказанный, всё же случай исключительный по звериной жестокости отца и по драматизму. Рассказать этот случай Вам следовало очень просто, точными словами, серьёзнейшим и даже суровым тоном. Если б Вы это сделали, рассказ Ваш звучал бы убедительно и приобрёл вместе с художественной правдой социально-воспитательное значение.

Вы рассказали многословно, с огромным количеством ненужных и ничего не говорящих фраз, как, например: «Вздогнула мортира». «Мортира заплевалась огнём лихорадочно часто». «Замелькали убегающие фигуры. Скрылись в деревню».

Говорить такими рваными фразами не значит изображать – делать описываемое видимым для читателя. Драматизм рассказа такими сухими формами Вы уничтожили.

Участие «мортиры» в бою – весьма сомнительно. Как учитель, Вы должны знать, что «заплеваться» значит – заплевать себя.

Герой Ваш слишком многоречив и психологичен. Он у Вас рассуждает над трупом сына.

«Лучше посмотреть. Может, не он. Может... Нет, он, Алёша. Вот и родинка на щеке. И кудри... такие белые-белые, и кровь грязными сгустками в волосах».

Это – фальшиво. Вы облыжно приписали такие нежности Петру, – люди его типа, чувствуя, не рассуждают. Пётр – получеловек, способный убить сына своего за то, что сын не хочет жить той дикой, звериной жизнью, которой привык жить он, отец.

Когда Вы начинали писать рассказ – Вы знали, каков его конец: Пётр убьёт Александра. Это обязывало Вас рисовать фигуру предателя и сыноубийцы в тоне именно суровой сдержанности, резкими штрихами, без лишних слов. Вы же приписали Петру мысли и чувства, которые раздваивают его, показывая читателю то сентиментального мужичка, выдуманного писателями-«народниками», то – зверя, – и в обоих случаях он у Вас неубедителен. Кратко говоря – Вы испортили хороший материал.

Это случилось с Вами потому, что Вы придерживались правды только одного известного Вам факта. Но также, как из одной штуки даже очень хорошего кирпича нельзя построить целого дома, так описанию одного факта нельзя придать характер типичного и художественно правдивого явления, убедительною для читателя.

Если б Вы, принимаясь за работу над рассказом, вспомнили, что Пётр Керин – это тот самый мужик, который, стремясь остановить ход истории, отстаивая своё, вредное для нашей страны, некультурное, зря истощающее землю индивидуальное хозяйство, расстреливает комсомольцев, поджигает колхозы и всем, чем только может, вредит росту и развитию новой культуры, новой истории, если б Вы

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
вспомнили об этом многообразном, но всюду одинаково диком и озлобленном человеке, – Вы тогда создали бы художественно правдивый, убедительный тип представителя племени закоренелых анархистов, осуждённых историей на гибель. Художественная правда создаётся писателем так же, как пчелю создаётся мёд: от всех цветов понемножку берёт пчела, но берёт самое нужное.

Письма из редакции

I

Вы значительно усилили отрицательные качества рукописи, сделав её более многословной, небрежной и грубой, чем она была раньше. Вами не проявлено ни малейшей заботы о точности и простоте языка. Вы, например, пишете: «А под ноги вдруг папаше и мамаше разлетевшись вдруг шлёпается их единородный сын» – это небрежность, которая граничит с безграмотностью. К тому же: детей – трое, и уже нельзя говорить о «единородном» сыне. Рукопись испещрена такими фразами, и это совершенно лишает её литературного значения. Я думаю, Вам не следует надеяться, что её напечатают.

По существу темы должен сказать, что рукопись вызывает тяжёлое и тоже крайне отрицательное впечатление. Ваша мать – фигура грубо зоологическая, так же, как и дети её. Её стремление к «свободе», к «работе на себя» не имеет ничего общего с психикой тех женщин нашего времени, которые ревностно и уже достаточно успешно пытаются освободиться от каторги индивидуального «домашнего хозяйства». Социальная малограмотность матери уродливо преувеличена Вами. Вы пишете: «Когда я живу – войны не будет», забыв, что Вы жили в годы русско-японской, балканской, сербо-болгарской войн, захвата Триполи и так далее. «Кажется, говорят», – повторяете Вы почти на каждой странице, и это вызывает у читателя впечатление искусственности, «нарочности», так же, как Ваш восемнадцатилетний парень, который учится ораторствовать, влезая на стул перед зеркалом. Ко всему этому читатель не может не заметить болезненно озлобленный тон рукописи Вашей. В общем, она совершенно неудачна, нелитературна, и едва ли кто-либо решится издать её.

II

Ваш рассказ «Молекулы» – не плох. Он внушает надежду на то, что, если Вы серьёзно займётесь литературной работой, Вы, наверное, выучитесь писать довольно ярко и своеобразно. Но чтоб достичь этого, Вам совершенно необходимо потрудиться над развитием Вашего дарования. В рассказе «Молекулы» оно чувствуется достаточно определённо.

А всё-таки рассказ сыроват, «не сделан» и – в этом виде – для печати ещё не годится.

Никогда не начинайте рассказов «диалогом» – разговором, это приём старинный и неудачный. Нужно, чтоб читатель сначала видел, где говорят и кто говорит, то есть беседе, голосам нужно предпослать маленькое описание обстановки, а также дать очерки лиц, фигур беседующих людей. Толстый, рыжеватый, босой говорит с маленьким, суетливым, остроносым и так далее. Место действия – изба, надо показать в ней что-либо характерное, что сразу осталось бы в памяти читателя.

Когда вы ему дадите фигуры и обстановку, дальше он сам, своим воображением, дополнит

картину. Этим Вы как бы заставите читателя быть одним из действующих лиц в Вашем рассказе, участником событий, которые Вы изображаете. Надобно именно изображать, показывать, а не только рассказывать. У Вас дочь ветеринара, не упомянутая, не показанная в начале рассказа, является в нём неожиданно и отвлекает внимание читателя на себя, прерывая этим плавность рассказа. Следует упомянуть о ней в начале. Поучитесь начинать рассказы у Чехова, он делал это мастерски. Дочь – почти главное лицо у Вас, всё, что делается в рассказе, нанизано, возложено на неё. А какая она? Блондинка, высокая, косоглазая, говорит торопливо или медленно, с жестами или спокойно? Всё это не показано Вами. И все люди – без лиц, без фигур. Рассказ начат очень забавной фразой Лексеича, а – каков он с вида? Ветеринар умер слишком быстро. Его тоже не видно. Возьмитесь за этот рассказ серьёзно, переделайте его.

«Раскостричилились». Прежде всего не нужно увлекаться местными речениями, оставьте это этнографам. Этот рассказ – плох. В нём есть что-то от Пантелеймона Романова, писателя, у которого хорошему не научитесь. Учиться надобно у Чехова, Бунина,

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma Лескова, Андрея Мельникова–Печерского, они Вас, прежде всего, научат отлично владеть русским языком, а для Вас это совершенно необходимо. Язык Вы слышите, но владеть им ещё не умеете. Кроме того, Вы пишете «наспех», небрежно. Затем – эти авторы научат Вас правильно строить рассказ.

«Развелись» не уничтожайте, пусть лежит у Вас, со временем Вы можете сделать из этого материала хороший колоритный очерк. Главный недостаток этого рассказа опять–таки в том, что Вы построили его весь на диалоге. Никакой ярмарки нет в нём, но – слышится отдалённое эхо «Сорочинской ярмарки» Гоголя. Очень глухое эхо.

В стихах о проститутке хорошо рассказана тема, но стихи – неудачны, рифмы не звучат. Оставьте эти плохие стихи, быть может, со временем, они обратятся в хорошую прозу.

III

Вы написали не плохие рассказы; недостаток их в том, что Вы именно рассказываете слишком от себя, но слабо показываете – изображаете – Ваших героев и окружающую их жизнь. Вы как будто пишете доклады или корреспонденции в беллетристической форме. Это – ещё не искусство. Искусство начинается там, где читатель, забывая об авторе, видит и слышит людей, которых автор показывает ему. Если Вы намерены признать литературную работу главным делом Вашей жизни, Вам следует попытаться усвоить те приёмы работы, ту способность образно изображать, которой обладают наши и западные мастера литературы.

Суждение Ваше о плохом, сравнительно с англичанами, знании нами Востока не совсем правильно. Прежде всего надобно помнить, что Англия овладела Востоком намного раньше, чем царская Россия, но и последняя, в рядах своих исследователей его, имеет крупные имена: Пржевальского, Потанина, Грум–Гржимайло, Козлова и других. Наши ориенталисты ныне считаются лучшими в Европе, работы Тураева, Бартольда, Иванова, Крачковского, Ольденбурга и т. д. отлично знакомы иностранцам. С Востоком знакомятся не по Киплингу, Рабиндранату Тагору, Лавкадио Хири и прочим, а по трудам географов и этнографов.

Неправильно и Ваше указание, что мы «равнодушны к Востоку» и за двенадцать лет ничего не дали о нём. Во–первых, двенадцать лет – пустяковое время, а во–вторых, за это время мы и сами дали о Востоке чрезвычайно много интересного в форме научно–исследовательских работ, корреспонденций и рассказов. Самое же главное в том, что мы заставили Восток говорить о себе, в доказательство чего ссылаюсь не удивительно быстро растущую литературу нацменьшинств, на журналы, посвящённые Востоку, на работы в Ташкенте, Владивостоке, Иркутске.

Если Вас серьёзно интересует Восток, Вы должны всё это знать, и чем более широко будет Ваше знание, тем лучше отразится оно на работе Вашей.

IV

Мне кажется, что Вы крайне преувеличили значение происшедшего.

В присланных Вами рецензиях на Вашу книгу я не могу найти никаких признаков «травли» и «ошельмования» и не чувствую у рецензентов «стремления поставить крест» на Вашей литературной работе. Рецензии написаны торопливо, обычным, несколько грубоватым тоном, но они совершенно справедливо указывают на небрежность Вашего стиля, на плохое знание Вами языка.

Вы сами не считаете роман Ваш «совершенным», признавая наличие в нём до сорока грубых «отпечаток», как Вы пишете мне, хотя следовало бы писать – опечаток. Но суть дела не в опечатках, а в таких фразах, как «головная тяжесть сдавила мои виски», и в прочих, весьма многочисленных неточностях и неясностях, которые встречаются почти на каждой странице всех Ваших книг.

«В стране Тамерлана» – я читаю: «Поезд тормозит бег колес», – разве можно так писать? Или: «Огни садов и парков продолжали гореть мерцающим светом ярких фонарей».

«Неискущённому читателю», на хвалебные отзывы которого Вы ссылаетесь, погрешности Вашего стиля незаметны, этот читатель следит за сюжетом, а не за обработкой сюжета. Он хвалит Пьера Бенуа, хвалил Брешко–Брешковского, Василия Немировича–Данченко и других в этом роде. Серьёзный писатель не должен опираться

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma на оценки его трудов «неискушённым» читателем, потому что года через три, через пять читатель этот «искусится» и начнёт отлично понимать, что сделано хорошо, что – плохо. Ваши книги написаны небрежно.

В заключение разрешите сказать следующее: в то время, когда начинал писать я и люди моего поколения, нас действительно «травили» и «шельмовали», причём это делалось в формах гораздо более грубых, едких и обидных, чем делается ныне. Посмотрите, как третировали Чехова. Но мы не обижались, а – учились.

Теперь я получаю бесчисленное количество жалоб со стороны литераторов на критиков и редакторов. Большинство этих жалоб так же неосновательны, как Ваша. Мне кажется, что «чувствительность» современных литераторов принимает характер всё более повышенный и уже – болезненный. Это очень плохо!

V

Я тоже нахожу, что книга Ваша – плоха. Доказательством её достоинства Вы считаете то, что «ни одного факта вымышленного в ней нет, даже фамилии героев – настоящие». Это может быть достоинством очерка, это обязательно для газетной корреспонденции, а «повесть» относится к «художественной» литературе, которая требует «выдумки», домысла, типизации явлений и характеров. В вашей повести характеров нет, все люди – одинаковы и говорят одним и тем же языком, причём говорят и думают так, как живые люди, современные нам крестьяне, не думают, не говорят.

Язык Вы знаете очень плохо. Придать мысли образ – не умеете. Повесть вызывает впечатление работы поспешной, необдуманной. К сожалению, таких книг, как Ваша, у нас пишут много, и все они носят отпечаток «принудительной работы».

Новая книга ещё хуже прежней. Это уже совершенно ничтожная вещь, к тому же и малограмотная. Для того чтоб писать об американцах, необходимо или побывать в Америке, или много прочитать о ней. «Аристократическая» девица Волконская ведёт себя у Вас, как мешаночка, Вандербильд – деревенский кулачок из числа неумных. Так же плох и «Фомченоч».

«Краеведческие» очерки так не пишутся. Ведать край – это значит: знать его почвы, его воды, промышленность, ремёсла, флору, фауну, ископаемые и т. д. Ничего этого в очерке Вашем нет.

Вы начали печататься преждевременно. Вам следовало бы сначала поучиться писать. Учиться же этой работе Вам следует потому, что у Вас есть данные для развития.

VI

Вы пишете:

«Посылая вам рукопись, я ещё раз прочитал её, с досадой вижу, что она не то, что я хотел сделать».

И у меня повесть Ваша вызвала то же чувство досады. Не совсем ясно, что именно Вы хотели сделать, – сделали Вы не то, что следовало, не то, чего требовал от Вас материал повести, обработанный – оформленный – Вами крайне небрежно. Прежде всего разрешите напомнить Вам, что в мире нет и не может быть ничего, что являлось бы «вдруг». Всякой «неожиданности» предшествует процесс нарастания условий, соединённой силою которых и создаётся результат, являющийся будто бы «вдруг» – «случайно». Вы пишете: «В душе его вдруг взорвалось чувство горечи». Но и взрывчатые вещества, например, динамит, взрываются не вдруг, не по причине «таинственной», «неуловимой», а вследствие удара, давления, трения и т. д., причём каждая из этих причин взрыва тоже имеет свои основания. Динамит – вещество химически сложное, а всё же определённо оформленное. «Душа» главного героя Вашего не оформлена Вами; она очень напоминает зеркало, которое, всё отражая, – столетиями не утрачивает своей способности отражать. «Чувство горечи» взорвалось в душе Якова, когда он увидал, как частник Суворов, шагая «под дождём, по колёно в грязи», тащит на спине плуг, и узнал, что лошадь частника – пала. Этот случай давал Якову хорошую возможность посадить Суворова в телегу к себе и дорогой, до села, поговорить с ним о бесплодности его агитации против колхоза, о нелепости его вражды к брату. Яков – комсомолец, но он у Вас нашёл невозможным помочь Суворову, угнетённому потерей лошади, изнемогающему под тяжестью ноши, а невозможным он это нашёл потому, что подумал: «Помочь ему – ребята осудят меня». Он у Вас гуманист, этот Яков, «чувство горечи» испытывает,

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
а к действию активному не способен. В дальнейшем Вы заставили его «вдруг почувствовать», что Анна «самый близкий и понятный для него человек». Но он почувствовал это после того, как во время пожара, когда она работала на крыше, увидел «её груди, освещённые огнём, выскользнувшие из-под кофты». До этого случая Анна, весьма рискуя целостью своих рёбер, защитила Якова от нападения пьяного и бешеного Трухача, она же убедила его вступить в комсомол. Понять, что женщина – человек, только после того, как увидишь её голые груди, – это гораздо больше зоология, чем психология. Из колхоза на фабрику Яков уходит тоже неожиданно и неоправданно. Он следует за Петром, который правильно сообразил, что его удачные попытки изобретательства, его организаторские способности требуют трудовой квалификации, требуют «учёбы». В общем, рассматривая главного героя повести, Якова, не понимаешь, почему именно он избран Вами героем? Пётр и Анна изображены Вами более ясно, чем эта размазня Яков. И единственная сцена, где он более или менее понятен, – сцена, когда прохожий, явный жулик, читает свои скверные стихи, выдавая их за стихи Некрасова, – тут Вам удалось показать опьянение Якова пошловатой, избитой лирикой, воспевающей каторжный труд крестьянина. Стишки плохонькие, и если Вы сами сочинили их, это нельзя включить в число Ваших достоинств.

И работа все века

Для всякого человека

Не понятен, хоть и прост

Он ложится на погост.

Пьяница Трухач одобряет эту поэзию жуликоватого агитатора против колхоза. Поэзия запоздалая и лживая. В Союзе Советов рабочий класс великолепно делает великое дело подлинного освобождения крестьянства от каторжной и бесплодной для него работы на полях. В заключение должен сказать, что повесть Ваша неудачна. Но человек Вы достаточно грамотный и, вероятно, могли бы писать лучше. Для этого Вам необходимо учиться видеть, наблюдать. Социальное, классовое зрение у Вас развито слабо, очень слабо. Для того чтобы оно развилось острее, стало более дальноразличимым, – Вам следует познакомиться с учением Ленина. Вы знакомы с ним, должно быть, только по газетным статьям. Этого мало для человека, который хочет быть литератором, дед которого «крестьянствовал, а отец – матрос». Книги будут высланы Вам из Москвы. Обратите особенное внимание на три: Джон Джолли – «История поверхности земли», Скотт – «Эволюция растительного мира», Плеханов – «Развитие монистического взгляда на историю».

О женщине

Странно, что до сей поры у нас никто ещё не догадался написать книгу об отношении церкви к женщине а ведь женщинам давно следовало бы знать, чем они обязаны религии и церкви, особенно – «православной» христианской.

Известно, что все религии установили взгляд на женщину более или менее отрицательный, некоторые даже определённо враждебный. За 2700 лет до нашей эпохи греческий поэт Гезиод в книге «Теогония», то есть учение о происхождении богов, сказал: «Смертным мужам зло – женщин дал Зевес», в поэме «Труды и дни» он называет женщину «красивым злом» и «горем для людей». В молитвеннике евреев есть краткая и выразительная, но явно не лестная для женщин молитва: «Благодарю тебя господи, за то, что ты не создал меня женщиной». Церковная легенда о создании женщины из ребра мужчины злые стихи библейских пророков о женщинах, легенды арабов, индусов и бесчисленные образцы всяких иных наветов на женщину – всё это свидетельствует о единодушном стремлении жрецов всех религий социально унижить женщину. Взгляды на неё как виновницу изгнания мужчины из рая, как на «сосуд греховный» и «соблазн мира» из церкви переходят в быт. На бесчисленных пословицах и поговорках, которые шельмуют женщину советуют относиться к ней с недоверием, бить её, – совершенно неоспоримо отражено влияние церкви: «Женою и Адам из рая изгнан», «Жена и Олоферну голову отсекала», «Жену содержи в страхе, наказывать не скупись», – советует Ефрем Сирин, а быт переводит это на свой язык: «Бей жену чаще, любить будет слаще». Кирилл Иерусалимский внушает: «Речению женскому не верь много» – «Баба говорит – бредит, кто ей поверит», – отзывается быт. «Бабий промысел – лживый промысел». Бесконечную цепь таких и подобных пословиц заключает характерное звено: «Жена да муж – змея да уж».

Христианская церковь две тысячи лет служила источником, из которого черпались оправдания правового и экономического ограничения женщин. «Пред богом все люди равны», – учит церковь в лице апостола Павла, и она же учит: «Не муж создан для жены, но жена для мужа» «Жена да убоится мужа».. Такими и подобными поучениями совершенно определённо утверждается, что жена, женщина – существо не равное

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma мужчине, «человек второго сорта». Это не мешает женщинам, поклонницам евангелия, признавать его самой мудрой и «человечной» книгой, хотя вся его мудрость сводится только к попыткам внушить людям, что земная жизнь со всеми её муками не что иное, как предварительная подготовка человека к вечному блаженству на небесах, куда человек может попасть при условии, если он будет кроток, терпелив подобно камню и послушен законам церкви. В общем учение это утверждает, что бедный и голодный должен считать тяжёлое – лёгким, а горькое – сладким.

По словам Септимия Тертуллиана, христианского писателя, который жил в конце второго века, христиане должны «удовлетворить» Христа «святым позором веры за преступный позор идолопоклонства». Странные в устах церковного писателя слова о позоре веры совершенно оправданы изуверской деятельностью христианской церкви, её беспощадной борьбой против критической мысли, против науки, жесточайшим преследованием и массовым истреблением «инакововерующих», кострами, на которых она живыми сжигала «еретиков» и «ведьм» – женщин, душевнобольных, а чаще таких, которые обладали исключительными способностями и отказывались думать о делах жизни так, как повелевали церковники. «Не убий» – проповедовала церковь и освящала междоусобные войны христиан, – войны, которые начинались в целях грабежа и в нарушение заповеди «Не укради». Сама богатая, церковь всегда служила только интересам богатых, сама будучи рабовладелицей, она никогда не протестовала против рабства. Всё это более или менее понятно: церковь – классовое учреждение, она была «сводом законов» класса эксплуататоров чужого труда, она служила целям своего класса и за страх и за совесть. Гораздо труднее понять её враждебное отношение к женщине, её политику социального унижения женщины. Можно думать, что жрецы дохристианской эпохи были профессионально заинтересованы в том, чтоб изображать женщину воплощением всяческих зол и грехов, – этим они преграждали ей путь к лёгкому и выгодному труду, к служению богу во храмах. Возможно, что не только в целях обогащения, но именно в целях социального унижения женщины некоторые из языческих культов установили и церковную проституцию.

Но одними этими причинами невозможно объяснить болезненное озлобление христианской церкви против женщины. Если к этим причинам прибавить чувство мести за безбрачие, на которое осудила церковь Христова своих священников и епископов, это тоже не вполне объяснит вражду попов к женщине, – вражда эта возникла до установления безбрачия римской церковью, а «православным» «белым» попам и не запрещено жениться, запрещено только «чёрному» духовенству, монахам.

Конечно, следует вспомнить, что «любовь и голод правят миром». Инстинкт продолжения рода, соединяя мужчину и женщину, ещё более осложнял невыносимо тяжкие условия трудовой жизни. Вышеупомянутый Гезиод жаловался, что «женщина не соучастница в трудах, а соучастница в растрате имущества». Наша русская пословица говорит: «Жена вытащит из дома горшком – больше, чем муж мешком». Можно привести тысячи таких жалоб, вымышленных в стихах пророков, проповедях, пословицах, сказках, анекдотах. Но – все они доказали бы одно и то же: они придуманы людьми, у которых было имущество, был дом и можно было из дома что-то вытащить.

Тут, как везде, очевидно, выявляет своё влияние фактор экономический, тут как-будто подчёркивается некоторое противоречие между мужчиной-хозяином и женщиной – его домоправительницей, его наложницей, социально бесправной. Противоречие это видимо в различном отношении мужчины и женщины к священному делу накопления имущества. Возможно, что женщина, рабыня мужа, не чувствовала себя так глубоко рабыней собственности, как это чувствовал её владыка, женщине мешало углубиться в дело накопления собственности именно её бесправие, и к этому зверскому делу она была равнодушной своего властелина. Возможно, что в большинстве своём женщины и до наших дней сохранили это равнодушие.

Но, чтобы чувствовать себя прочнее в доме и на постели владыки своего, чтоб удержаться там возможно долгое время, до старости его, когда ему нужна уже не любовница, а больничная сиделка, женщина должна усердно заботиться о теле своём, всячески сохранять его и украшать и тело свое и окружение его. Это стоит дорого и становится всё дороже. Недавно один американец, миллионер, пошутил:

– Мы не боимся коммунистов, жёны разорят нас гораздо раньше, чем это успеют сделать рабочие, – не плохая шутка.

Церковь, не чуждая страсти к накоплению имущества, преследуя свою цель укрепить

Страница 66

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma «духовную» власть над верующими в бога, всегда и весьма азартно обличала пристрастие женщин к роскоши, что, впрочем, не мешало попам и кардиналам римской церкви окружать себя роскошью безумной, как не мешало и «православным» епископам, митрополитам, архимандритам жить богато и владеть рабами. Но и естественным стремлением женщин к роскоши невозможно вполне объяснить злобу церковников. Тут есть что-то поистине болезненно изуверское. Нельзя же назвать здоровой проповедь аскетизма, «умерщвления плоти», проповедь церковниками, рабами бога, борьбы против инстинкта жизни, созданной – по их учению – тем же самым богом.

Инстинкт размножения церковь назвала «блудом», проповедовала в прикрытой форме скопчество, а рождение ребёнка признала делом поганым, потому что роженицам запрещалось посещать церковь в продолжение шести недель после родов, – роженица могла войти во храм только после того, как поп прочитает над нею «очистительную молитву».

Отрицательное и враждебное отношение к женщине деятельно и непрерывно внушалось церковью мужчине на протяжении двух десятков веков; оно весьма глубоко проникло в сознание мужчины и приобрело у него силу почти инстинкта. Влияние религиозного «женобства» совершенно ясно в книгах тех «учёных», которые время от времени пытаются доказать миру, что женщина – «по природе своей» существо «духовно ограниченное» и не может быть признана человеком, равным мужчине. Практический вывод из этой «теории» очень прост: женщина должна быть ограничена в правовом и политическом отношениях. Её и «ограничили». Она была лишена права распоряжаться личной своей судьбой, не могла получать образования, равного с мужчиной, не могла распоряжаться наследственным имуществом своим без разрешения мужа. Был введён в быт, в практику жизни, ещё целый ряд унижительных для женщины ограничений, которые задерживали нормальное развитие её сил и способностей. Освящённая церковью «власть отцов», устраивая, по соображениям экономики, браки, не равные по возрасту жениха и невесты, способствовала вырождению своего же класса, пополняя убыль худосочными дегенератами.

Нет никакого сомнения в том – если б женщину не уродовали, стесняя искусственно круг её интересов, возлагая на неё только обязанности наложницы, матери, домоправительницы и отталкивая от широкой общественной, культурно-политической работы, – скорость развития культуры была бы вдвое более быстрой, потому что творческой энергии было бы вдвое больше. Но буржуазное общество и государство не заинтересовано в том, чтоб развитие культуры шло быстрее. Буржуазия предпочла бы остановиться на том, чего она уже достигла, эксплуатируя труд пролетариата, хищнически истощая его силы. Ей живется достаточно удобно, и если она всё-таки двигается вперёд, так двигает её, как известно, анархическое беззаконие конкуренции и возбуждаемый конкуренцией рост промышленной техники. Это невольное механическое движение мало имеет общего с ростом подлинной культуры. Наоборот, культурный тип буржуа сильно понизился с той высоты, которой он достиг в XIX веке. Это понижение особенно заметно стало после империалистической войны, которая, значительно увеличив количество хищников, циников и грабителей, не создаёт, как мы видим, иных «духовных вождей», кроме «фашистов».

«Законы семейных и социальных отношений оставались и остаются неизменными в течение тысячелетий и не могут быть поколеблены никакими теориями».

В этой фразе заключена вся «философия» буржуазии. В различных словосочетаниях эта нищенская мысль упрямо повторялась тысячи раз «мудрецами» всех стран и эпох. Ежедневно она повторяется газетами и журналами Европы, Америки. Если эту «теорию» приходится вспоминать так часто и настойчиво, – значит, в действительности что-то противоречит этой теории, и нужно вбивать её в головы, как вбивают костыль к шпалу. Костыль крепок и толст, но не вечен и всё-таки поддаётся разрушающему влиянию времени. Действительность вполне реальна, но ещё не истина, она – только сырой и грубый материал для созидания будущей всечеловеческой истины. Буржуазия очень хотела бы утвердить данную действительность навсегда в тех формах, в какие она сложилась; фашизм работает как раз в этом направлении. Но «действие вызывает противодействие», и – мощно растёт сознание рабочим классом культурного значения свободного труда, разрешающего всю путаницу жизни, и растёт сознание рабочим классом его права на власть. Буржуазным мудрецам, журналистам, дворовым и комнатным собачкам буржуазии нужно очень громко выть о неизблемости семейного начала и лаять на врагов хозяина, на людей, которые вообще не верят в неизблемость чего-либо на земле.

Необходимо признать, что буржуазное общество воспитало женщину как пониженный тип человека. Эти слова не могут и не должны оскорблять «слабый пол», – речь идёт об одном из преступлений буржуазии, об искажении ею здоровых, биологических основ бытия. Нельзя отрицать, что забитая церковниками женщина принимала бессознательное участие в процессе этого искажения. Но в наши дни как будто наступил момент мести, тоже бессознательной, «семейному началу», – мести со стороны женщин.

Было уже сказано, что страсть к роскоши и «супружеская неверность» женщины обличались с древнейших времён церковной литературой. Светская литература тоже издавна следовала по пути церкви, но, порицая женщину как причину всяческих драм и трагедий, весьма охотно и умело изображала её как источник наслаждения. Один из арабских поэтов эпохи до Магомета сказал:

«Земной рай в книгах мудрости, на хребте коня и на груди женщины». У него, как видите, женщина, по её способности утешать мужчину, поставлена на третье место.

Литераторы-европейцы отводили женщине как приятной забаве первое место, и, кажется, женщины гордились этой сомнительной честью. Начиная со второй половины XIX века, романтическое восхищение женщиной, «источником наслаждения», и преклонение перед её «таинственной сущностью» заметно начинает уступать место критицизму реалистов и более или менее резко выраженному недовольству её поведением в семье и обществе. Известно, что у нас в России это было вызвано стремлением женщин к самообразованию и участием их наравне с мужчинами в революционной работе. Вслед за русскими «нигилистками» первые пошли на общественную работу и на завоевание самостоятельности англичанки, за что немедленно были награждены ироническим прозвищем – «синие чулки». Немки и француженки, выделяя из среды своей талантливых представительниц в область литературы и политики, не очень торопились последовать примеру русских и англичанок.

Но, видимо, было что-то новое и неприятное среди всех вообще женщин европейской буржуазии, и потребовалось поставить их на определённое им церковью место – на место людей «второго сорта». В Швейцарии некий профессор, имя которого я забыл, напечатал в середине девяностых годов весьма толстую книгу и в ней доказал, что женщина как биологическая особь во всех отношениях ниже мужчины и хуже его. В то же время объявил войну женщинам Фридрих Ницше, человек, который хотел реставрировать несколько ожиревший «дух нации». Вильгельм Второй должен был напомнить с высоты своего трона, что у немецкой женщины только три обязанности пред её страной: дети, кухня, церковь. Было и ещё много сделано различных попыток доказать женщине,

что она «человек второго сорта». Наиболее резким выражением буржуазной «женофобии» следует признать напечатанную в 1902 году в Австрии книгу Отто Вейнингера «Пол и характер».

Все эти явления, взятые вместе, говорят о том, что в «недрах» европейской буржуазии возникла какая-то тревога. Позднее эту тревогу отчасти объяснило движение английских суфражисток – женщин, которые требовали права участвовать в политической жизни страны наравне с мужчинами. Отчасти. Но более широкое объяснение взрыва «женофобии» и возникновения тревоги в сердце буржуазии, мне кажется, дал Н.Ф.Федоров, малоизвестный писатель, автор «философии общего дела», человек, которого Лев Толстой и Ф.Достоевский считали «гениальным мыслителем».

В статье, написанной им по поводу Парижской выставки 1889 года, – выставки, устроенной в ознаменование столетия французской революции, он указал, что «буржуазный строй не может сам и явно выразить то начало, которому он служит, тот идеал, которым он живёт и движется». По мнению Федорова, идеал этот был разоблачён в России.

«Наша местная всероссийская мануфактурно-художественная выставка 1862 года была близка к истине, она почти открыла, кому служило и служит то общество, выражением которого была всемирная выставка 1889 года, – она открыла это, поставив при входе на выставку изображение женщины (или лучше – дамы, барыни, гетеры, – будет ли это наследница Евы, Елены, Пандоры, Европы, Аспазии...) в наряде, поднесённом ей промышленностью всей России из материй, признанных, вероятно, наилучшими из всех представленных на выставку, – изображение женщины,

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma созерцающей себя в зеркале и, кажется, сознающей своё центральное положение в мире (конечно, европейском только), сознающей себя конечной причиной цивилизации и культуры.»

Далее Н.Ф. Федоров приходит к заключению, что основа хозяйственной жизни буржуазии – гипертрофированный, то есть болезненно преувеличенный, доведённый до высокого напряжения половой инстинкт и что жизнь – «царство женщин», всестороннее выражение их «господства, не тяжёлого, но губительного» 1. Церковное происхождение этой идеи совершенно ясно, однако на этот раз в неё включена значительная доля «дурной истины».

В 1901 году в деревне Кучук-кой жил туберкулёзный учитель Доброклонский или Доброхотский; меня познакомил с ним А.П. Чехов, сказав, что учитель «тоже пишет, но – безнадёжен». Учитель оказался автором рукописи «Бесплодный труд». В ней он сделал подсчёт фабрик, которые работали исключительно для того, чтоб одеть, украсить и вообще обслужить потребности женщин. Рукопись была посвящена Н.Н. Златовратскому, написана очень тяжёлым языком и снабжена оглушительными цифрами. Помню, что большинство цифр автор взял из отчётов таможенного ведомства и, кажется, книги, изданной С. Витте, «Промышленное развитие России». Мне показалось, что этот рукописный труд создан под влиянием Л.Н. Толстого, отражает идеи «народничества» и вполне соответствует своему титулу – действительно «бесплоден». Автор был человек больной не только физически, но заражённый манией величия и как будто религиозным бредом, к тому же он считал себя оскорблённым В. Гольцевым, редактором «Русской мысли». Гольцев, прочитав рукопись, советовал ему «не срамиться и уничтожить её». Впоследствии, когда я ознакомился с первым томом «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова, я вспомнил о «Бесплодном труде».

Никто не станет отрицать, что производство предметов роскоши, потребляемых женщинами Буржуазных классов, растёт с быстротою плесени или травы на кладбище. Может быть, и не «поэтому», но всё же рядом с этим растёт и «критическое», даже враждебное отношение художественной литературы к женщине как жене и матери, как второй по её значению «главе дома». Особенно заметно это в современной английской литературе – литературе страны, которая ещё недавно гордилась «незыблемостью семейных традиций». Всё чаще появляются книги, изображающие процесс распада «семьи, опоры государства», – процесс вымирания и крушения несокрушимых форсайтов, мастерски изображённый Джоном Голсуорси в его «Саге о Форсайтах», Гексли в его романе «Сквозь разные стёкла», в книге Майкла Арлена «Зелёная шляпа» и в ряде других книг.

Из этих книг выносишь совершенно определённое впечатление: если исключить количественно незначительную и социально невлиятельную часть женщин, которая ведёт «общественную работу», то есть вместе с мужьями стараются укреплять расшатанный в основе своей «добрый старый порядок», – если исключить эту часть женщин, вся остальная масса представительниц буржуазной семьи весьма усердно способствует разрушению «добраго старого порядка».

Она «как бы инстинктивно» мстит за своё прошлое, за то, что церковь и государство воспитывали её как «человека второго сорта», человека только для наслаждения его телом, и вот воспитали в человеке этом безразличное отношение к судьбам своей страны, к жизни. А жизнь, становясь всё более сложной для понимания буржуазии, всё более понятной для сознания эксплуатируемых масс, угрожает неизбежной и трагической катастрофой «доброму старому порядку». Аллан Картхиль в книге «Почему англичане потеряли Индию» указывает на одну из главных причин этой катастрофы:

«Индус окончательно убедился в совершенной нравственной пустоте западной цивилизации,»

– здесь, может быть, нужно заменить слово «западной» словом «английской», а «нравственную пустоту» необходимо заменить словом «бессилие».

Известно, что скептическое отношение индусов к английской цивилизации усиливает безработицу в Англии. Тот же Картхиль, между прочим, говорит:

«Подобно тому, как человек не является рабом ни бога, ни короля, он не является и рабом какого-нибудь божественного и неизменного закона.»

Говорить так – это уже значит сдавать старые, когда-то крепкие позиции. Индусы,
Страница 69

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyта, наверное, с великим удовольствием читают книгу одного из англо-индийских администраторов.

Распад семьи отмечает, конечно, не одна английская литература, а литература всей Европы.

После войны 1914–1918 годов этот процесс, должно быть, стал особенно заметен. Показания литературы солидно и всё более обильно подтверждаются широким развитием гомосексуализма, лесбианства и уголовной хроники – ростом преступлений на почве ревности, истязанием детей, возрастающим количеством аборт, разводов и прочими явлениями гнилостного распада семьи, общества.

Разумеется, классовый инстинкт буржуазной женщины жив и действует во всех тех случаях, когда она ощущает противодействие её эгоизму, её привычкам и удобствам со стороны класса, идущего на смену её классу. Но классовый свой консерватизм она выражает менее резко и «от случая к случаю», а её «нигилизм», её безразличие к действительности, жажда роскоши и чувственных наслаждений выражаются ею непрерывно. Это не может не ускорять процесса гниения буржуазии. К сожалению, гнилостные процессы могут заражать и заражают здоровых людей, и ещё более жаль, что пролетариат Европы недостаточно считается с этой возможностью заражения болезнями буржуазии.

«Кто любит поучение – любит знание, а кто ненавидит обличение, тот – невежда».

Это сказано Соломоном, который был царём и пророком, но, должно быть, предвидел необходимость и пользу самокритики в Союзе Советов.

Женщинам Союза Советов, особенно крестьянкам, следует весьма серьёзно подумать о своём отношении к религии и церкви. Мучительнейшей тяжестью жизни своей они тоже ведь обязаны «божественным» законам церкви, которые она тысячелетия внушала женщинам, – необходимость рабского подчинения. Церковь смотрела на женщину как на рабу, а безбожник поэт Некрасов говорил:

Три тяжкие доли имеет судьба,
И первая доля – с рабом повенчаться,
Вторая – быть матерью сына раба,
А третья – до гроба рабу покоряться.

Когда Некрасов говорил это, он имел в виду крепостное право, но и после отмены крепостного права крестьянин остался рабом своего нищенского хозяйства, рабом частной собственности, основы всех несчастий, всего зла и горя нашей жизни. В этом частном хозяйстве крестьянина жена его с незапамятных времен несла и несёт на плечах своих каторжный труд, преждевременно истощающий её силы. Она одновременно прачка и скотница, хлебопёк и нянька, пряха и швея, огородница и стряпуха, водонос и банщица, – трудно пересчитать все её «домашние обязанности», которые низводят её, человека, на степень домашнего животного, которое ценится дешевле лошади, хотя лошадь работает неизмеримо меньше, чем женщина-крестьянка.

Но вот сейчас пред нею широко открыта возможность освободиться от вечной каторги, возможность стать таким же человеком «первого сорта», каким привыкли считать себя мужчины. Ей следует понять, что частная собственность – цепь, которая сковала её свободу, бесполезно истощает её силы, не даёт развиваться её разуму, её способностям, – «гасит душу», как писала мне одна крестьянка. Ей надобно понять, что если она сама считает или чувствует себя глупее мужчины, так это именно потому, что церковь и буржуазное государство «гасили её душу», потому что никто не заботился о том, чтоб она была умнее мужчины. Было выгодно обратное.

От каторжной жизни спасёт женщину только социализм, коллективный труд. Рабоче-крестьянская власть успешно начала перестраивать жизнь на коллективных началах. Дело это крайне трудное: нужно заставить десятки миллионов людей понять, что жить старым порядком для них невыгодно и бессмысленно, что свободный человеческий разум вполне обеспечивает возможность лёгкой, богатой, интересной жизни. Дело это трудное: люди веками приучены жить по-звериному, каждый сам за себя, только для себя, и всё ещё плохо понимают, как это можно жить иным порядком.

Плохо понимают, но уже создают этот новый порядок; Страна Советов быстро вооружается фабриками, машинами, изо дня в день богатеет и уже через несколько

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
лет не будет нуждаться ни в чём. Всё, что создаётся у нас, создаётся для всех, а не для некоторых избранных, как в других странах. В эту работу, которая освобождает людей от рабства, женщина должна вложить все свои силы, всю душу. И ей особенно хорошо надобно понять, что церковь – древний, неутомимый и жесточайший враг её.

О безответственных людях и о детской книге наших дней
Недавно наша советская пресса опубликовала показания тех вредителей, которые, поставив перед собой гнусную цель – предать рабочий класс во власть капиталистов, – всюду и всячески затрудняли, а где можно было и разрушали хозяйственное, социалистическое строительство рабочего класса. Эта преступная работа холопов капитала имела одно «достоинство»: она не прикрывалась «идеологией», не пряталась за громкими лозунгами; холопы и мошенники рассуждали совершенно просто и вполне обнажённо: нам, холопам, при старых хозяевах жилось удобнее, а потому мы, холопы, должны делать всё для того, чтобы старые хозяева возвратились восвояси и снова сели на шею рабочего класса. Но оказалось, рабочий класс обладает хорошим чутьём на врага, и один из главных организаторов вредительства, Пальчинский, должен был признаться перед лицом своих соратников:

«Вредительство нельзя скрывать от рабочих масс, которые хотя и бессознательно, но всегда чувствуют, что развитию дела ставятся искусственные препятствия.»

Так оно и должно быть в той области, где рабочий является хозяином и стоит непосредственно близко к делу. Стоит в самом центре дела и уже не служит, как раньше служил, только физической силой, которая покорно выполняла задание хозяев, а сам – законный хозяин дела, свободно вносит в него всю силу своего разума, домьсла и таланта.

Уже теперь, на тринадцатом году власти рабочего класса над страной, можно, не преувеличивая значения факта, сказать, что рабочий, если он сознательный социалист, гораздо более «государственный человек», чем был таковым русский капиталист, даже очень талантливый в своём деле – деле хищнического грабежа страны ради целей личной наживы, – известно, что эта цель прикрывалась необходимостью «кормить рабочий народ».

Но рабочий должен быть гораздо более «государственным человеком», чем капиталист, – более не только в деле развития производительных сил и средств своей страны, но и в области развития культуры. Он должен быть таковым. Он создаёт новую культуру интеллектуальной свободы, тогда как буржуазия заботилась – и заботится – только об укреплении старой «культуры внешних удобств».

Здесь приходится сказать, что в области культуры рабочий ещё не хозяин, в этой области он всё ещё не так близок к делу, как в производстве материальных ценностей. Тут его нужды обслуживаются всё ещё не его силой, а силой чужих ему людей, и в их среде, так же как в среде специалистов промышленности и техники, скрыто немало субъектов, которым строительство социалистической культуры органически враждебно. Об этом много писалось и пишется, говорилось и говорится, это хорошо известно всем вдумчивым и честным людям. И всё-таки это необходимо повторять.

Что вредители существуют и действуют, это не требует доказательств. Из среды этих насекомых выходят кустари и фабриканты всяческой лжи и клеветы на Советскую власть, на рабочий класс, из их среды белоэмигрантские газетки рекрутируют жалобщиков и «осведомителей», то есть шпионов. Лично мне кажется, что «вредители» этого рода не так опасны, как они, вероятно, думают о себе.

Гораздо вреднее тот тип бессознательного вредителя, который, будучи напуган «живучестью буржуазной культуры, её гибкостью, воспитанной вековой тренировкой», относится к буржуазной культуре панически и целиком, огульно отрицает её, забывая ту высокую оценку подлинных завоеваний этой культуры, какую дал ей В.И. Ленин. «Мы не отказываемся от наследства буржуазии», говорил он, ни на минуту не забывая, что это наследство в конечном счёте создано энергией рабочего класса и потому является его законнейшим наследством.

Я думаю, что те мои корреспонденты, которых смущает живучесть буржуазной культуры, имеют значительно преувеличенное представление о состоянии её здоровья в наши дни. «Живучесть» можно понимать только как способность организма к сопротивлению влияниям, разрушающим его. Но «общественный организм» европейской

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma буржуазии явно и всё более быстро утрачивает эту способность, о чём ежедневно и тревожно кричит буржуазная литература и публицистика. «Гибкостью» культурные европейцы действительно обладают, это подтверждается тоже ежедневно различными «скандалами», Вот пример:

«Берлин, 23 февраля.

Прокурор имперского суда в Лейпциге отдал распоряжение о привлечении к суду директоров фирм Круппа и Тиссена за государственную измену. Директорам завода инкриминируются следующие факты. Заводы Круппа продали английским заводам Виккерса один германский патент (так называемый Круппцундер 9604), который дал возможность заводам Виккерса фабриковать во время войны снаряды точно такого же типа, какие употреблялись в германской артиллерии. Не выяснено только, была ли совершена сделка в разгаре войны или незадолго до войны? Но даже и в последнем случае продажа этого патента была государственной изменой.

В связи с этим патентом смешанному германско-английскому суду уже пришлось разбирать иск фирмы Круппа к Виккерсу. Крупп потребовал у Виккерса дополнительного вознаграждения, и суд приговорил фирму Виккерс уплатить Круппу по одному шиллингу за каждый детонатор, что составило в общей сумме 123 миллиона марок. Сумма эта занесена в книгу Круппа.

Но если история с продажей патента не совсем выяснена, то продажа снарядов и оружия через нейтральные страны не подлежит сомнению. Фирма Круппа, продавая снаряды нейтральным государствам, была осведомлена, что они предназначены для союзных армий.

Фирма Тиссен систематически продавала Голландии снаряды для союзников, и опять-таки фирме было известно, куда они идут. Мало того, Тиссен продавал эти снаряды союзникам по 68 марок за штуку, в то время как с германского правительства брал 117 марок. Директорам фирм Круппа и Тиссена, если они будут признаны виновными, грозит десять лет каторжных работ. 2

факт этот обнажает совершенно кошмарную «гибкость» современного буржуа. «Патриоты своего отечества», «защитники родины и национальной культуры», немцы продают своим врагам, тоже «патриотам», «защитникам национальной культуры», снаряды для истребления немецких рабочих и крестьян за половину той цены, которую они сдирают за снаряды, назначенные для защиты своего немецкого «отечества», своей немецкой «культуры». Это так «гибко», что возбуждает фантастический вопрос: может быть, господа капиталисты воевали не за рынки, но только для того, чтобы уничтожить несколько десятков миллионов рабочих и крестьян? Разумеется – это наивный, детский вопрос. Ведь только «некультурная», «тёмная народная масса» думает, что «войны затеваются начальством для того, чтобы убивать людей».

Но что же делать? Когда слышишь, как немец, фабрикант оружия, учит кричать своих рабочих: «Боже, покарай Англию!», а потом узнаёшь, что этот же немец предоставил такому же, как он сам, капиталисту-англичанину возможность истреблять немцев за полцены, – сопоставляя эти факты, не видишь границ преступлениям капиталистов и тоскливо удивляешься долготерпению пролетариата Европы.

«Гибкость» буржуазной «психологии» совершенно поразительна, но такую же гибкость проявляет организм, сотрясаемый судорогами агонии, и может проявить змея, которой наступили на голову. Слушая и читая суждения идолопоклонников культуры, чувствуешь, что они понимают культуру как сумму внешних житейских удобств. Это – чисто мещанское понимание. Ленин, говоря о праве рабочего класса наследовать завоевания культуры, имел в виду не только удобные ватерклозеты, а главным образом и прежде всего науку и технику, силами которых создаются системы канализации городов и всё прочее, что служит не только охране физического, но также и морального здоровья людей.

Скучновато напоминать вам об этом, граждане, но как же быть, если вы такие скучные, путанные и боязливые люди? если некоторые из вас находят возможным ставить такие вопросы: «Для того, чтобы победить культурного врага, надо быть культурно – духовно – сильнее его, – уверены ли вы, что рабочий класс сильнее капиталистов в этом смысле?» Разумеется, это вопрос слепого и глухого, а трусость, заключённая в нём, вероятно, вызвана шумом, который подняли епископы и

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
попы по научению Тиссенев и Круппов.

Ваша животная трусость перед новыми явлениями действительности позволяет считать вас не очень опасными врагами рабочего класса, хотя вы и стараетесь заразить отдельных людей вашими настроениями. Гораздо опаснее те из вас, которые, «владея пером», проводят свои сомнения в печать. Допускаю, что некоторые из вас действительно боятся, как бы рабочий класс не заразился стремлениями и навыками мещан. Но в страхе перед возможной заразой вы, как говорится, «выплёскивая из ванны воду, выбрасываете вместе с нею и ребёнка», – вы, слишком упрощая, суживая понятие культуры, сложность её процесса, затрудняете этим развитие вкуса и воли к ней. Среди вас даже были – и ещё не исчезли – проповедники «организованного понижения культуры». Такая проповедь может быть понята только как сознательное стремление задержать процесс культурного роста рабочего класса.

К этой группе вредителей нужно причислить тех субъектов, которые, следуя «букве закона», не чувствуют и не понимают «духа» его. Возможно, что они и не хотят или боятся понять дух его по своей склонности к саботажу, потому что понимание усиливает работу, а вместе с этим и ответственность. Они любят угодить «начальству», хотя «начальство» вовсе не хочет, чтобы ему угождали, а требует разумной и честной работы.

Но наиболее обильный и численностью своей опасный вредитель в области культурной работы – это мелкий паразит: человек, который, пользуясь строительной суматохой, стремится «сорвать и удрать» или же незаметно проскользнуть на командующее место и тихонько гадить на нём. В большинстве своём люди этой группы не очень грамотны и не даровиты, но они хорошо усваивают революционную фразу и ловко скрывают за ней свой карьеризм, своё бездушное эгоистическое деличество. Именно они, пользуясь «самокритикой» как орудием «самовыдвиженчества», искажают её социальный смысл, её социалистическое значение и этим компрометируют самокритику. Людей этого типа называют приспособленцами, это титул, вполне заслуженный ими, и он совершенно равноценен титулу – паразиты. Советский аппарат очень сильно засорен вредителями такого рода, – так же сильно засорена лишними, хотя и громкими словами культурная работа у нас, а словесное засорение идёт именно со стороны этих вредителей.

В области культурного творчества перед рабочим классом стоит совершенно определённая и ясная задача: освоить всё неоспоримо ценное, что создано в прошлом на основе физического труда, всё, что служило и может служить развитию способностей человека – его разума, воображения, интуиции, его творческих сил. Задача – решительно бороться против всего, что явно или прикрито может задержать процесс развития этих сил. Подлинная и неоспоримая ценность «наследства» заключается в науке, исследующей природу человека и «природу», окружающую его. История открытий, изобретений, история техники, которая облегчает жизнь и труд людей, – вот собственно история культуры. Искусство, так же как и наука, есть прежде всего процесс трудовой, технический процесс. Работник науки, открывая, изучая микроорганизмы, возбуждающие болезни крови и органов человека, делает такую же работу, как литератор, который, наблюдая, изучая действительность, открывает вредителей – людей, которые так или иначе затрудняют и нарушают нормальное развитие социального «организма».

Всё «великое и прекрасное» в мире нашего творчества создано и создаётся из мельчайших наблюдений. В основе индивидуальной деятельности человеческой единицы лежит многовековой опыт трудовых масс. Медицина наших дней пользуется лекарственными травами, полезность которых была известна «народу» за тысячелетия раньше, чем медицина организовалась как наука. «Мировые» литературные типы созданы на основе «народного творчества» – на основе сказок, легенд, песен.

Всё это известно, давно известно, и очень печально, очень досадно, что всё это приходится повторять, потому что об этом одни забывают, другие не хотят этого знать. Выскакивают люди, озабоченные только одним тем, чтобы их слышали и видели, выскакивают и засоряют якобы новыми, но пустыми словами простое и ясное. Эта пыль слов затемняет жизнь.

Все явления жизни сводятся к одному, главному: к развитию техники познания и труда, к накоплению опыта, необходимого для стройки нового мира. Процесс этого развития и есть процесс культуры, – процесс вооружения и обогащения людей знанием самих себя и природы, окружающей их бытие. Труд и знание создают «вторую природу», а она и есть культура в точном и подлинном смысле этого понятия.

Затрачивая огромное количество своей энергии на работу в области хозяйственной, быстро развивая индустрию и промышленность, рабочий класс не выдвигает из своей среды достаточного количества сил на фронт культурной работы. И не только «не выдвигает», а как будто вообще не очень внимательно относится к борьбе на этом фронте.

В качестве примера такого недостатка внимания можно привести шум, недавно поднятый на страницах «Литературной газеты». Шум этот был поднят против людей, которые, работая в детском отделе ГИЗа, сумели выпустить ряд весьма талантливо сделанных книг для детей. Допустим, что в ряде этих книг есть две-три неудачных. Но критики «Литературной газеты» утверждают, что все книги неудачны и даже вредны, вся работа ГИЗа – неудачна.

Если признаётся, что «с ребёнком надо говорить серьёзно», тогда те, кто признаёт это, обязаны говорить по вопросу о воспитании ребёнка тоже совершенно серьёзно, а не языком полуграмотных фельетонов и не тоном людей, которые, очевидно, не понимают всей глубины и важности вопроса. По этому вопросу было сказано: «Тенденция позабавить ребёнка – неуважение к ребёнку».

Я утверждаю – с ребёнком нужно говорить «забавно». Первоначальное представление о солнечной системе, о нашей планете, о её странах и людях должно быть преподано в играх, в игрушках. Это совершенно различные отношения к делу величайшей важности, – к делу воспитания детей социалистами в государстве, которое успешно стремится организовать социалистически, но ещё не организовалось как таковое. Докончить организацию его должны будут дети сего дня, – дети, которые живут в противоречивой обстановке, в условиях непрерывной, мелкой, бытовой борьбы октябрёнка-социализма с великаном индивидуализма, – великаном, воспитанным веками, тысячелетиями, – поймите это!

Я утверждаю, что детям нужно забавно рассказать о мрачном преступлении Круппа и Тиссена, что в них нужно вызвать органическое презрение и отвращение к преступлению, а не ужас перед ним. Классовая ненависть должна воспитываться именно на органическом отвращении к врагу, как существу низшего типа, а не на возбуждении страха перед силою его цинизма, его жестокости, как это – бессознательно – делала до революции сентиментальная «литература для детей», – литература, которая совершенно не умела пользоваться таким убийственным оружием, как смех.

Я совершенно убеждён, что враг действительно существо низшего типа, что это – дегенерат, вырожденец физически и «морально». В этом вопросе на моей стороне данные статистики роста преступлений, данные психопатологии, сексуальных извращений – бесчисленное количество фактов гнилого разложения буржуазии «послевоенного» времени.

Я утверждаю, что библейская сказка о единоборстве юноши Давида с Голиафом, легенда о Персее и все сказки на эту тему были сочинены для детей, рассказаны детям и воспитывали из детей Спартаков, фра-Дольчино и других революционеров.

История великих открытий и изобретений должна быть рассказана детям легко и «забавно». Эта подлинно человеческая история содержит в себе много тяжёлых драм, но вместе с ними в ней скрыто много смешного тупоумия и отвратительной скаредности правящих классов. Необходимо, чтобы дети хорошо знали забавнейшую историю о том, как идиотизм людей, которые заботились навеки утвердить своё личное благополучие, затруднял развитие общечеловеческой культуры, задерживал и личное культурное развитие командующих идиотов.

Великий физик Фарадей был рабочий, и в его характере были смешные – забавные – черты, эти черты надо вскрыть перед детьми, – пусть они видят, что «великие» люди – «просто люди».

Дети должны знать уродливо-смешную жизнь миллионера, забавную жизнь чиновников церкви, служителей бога. Разумеется, дети посмеются над забавной историей пропажи и поисков генерала и над историей о том, как новые Петры Амьенские в цилиндрах и тиарах организуют «крестовый поход» против отцов и старших братьев советских детей. Надобно талантливо и весело показать детям пороки прошлого. «Серьёзно» говорить о пороках значит «фиксировать» – закреплять внимание на

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma пороках, в которых ведь есть кое-что соблазнительное, а для восприятия соблазнительного в детях есть «почва», унаследованная ими от родителей. Социальные пороки должны быть показаны в лёгкой сатирической форме как отвратительные и смешные уродства.

Говорить детям суконным языком проповеди – это значит вызвать в них скуку и внутреннее отталкивание от самой темы проповеди, – как это утверждается опытом семьи, школы и «детской» литературы дореволюционного времени.

Взгляд на детей как на воск и глину, как на материал, из которого можно лепить всё, что угодно, – давно пора оставить, взгляд этот давал три категории результатов: большинство детей выросло безличными, безответственными и покорными действительности, меньшинство делилось на две группы: группа побольше численностью давала циников и карьеристов, поменьше – уходила в романтическую революцию народников.

Природе ребёнка свойственно стремление к яркому, необычайному. Необычайным и ярким у нас в Союзе является то новое, что создаёт революционная энергия рабочего класса. Вот на этом необходимо закреплять внимание детей, это должно быть главнейшим материалом их социального воспитания. Но об этом надо рассказывать, это надо показывать талантливо, умело, в формах легко усвояемых.

Рабочий класс, воспитывая и выдвигая из своей среды мастеров культуры, обязан особенно строго и тщательно отбирать из них людей, способных к деятельности педагогической. Основным качеством таких людей должна быть прежде всего любовь к детям, затем – широкое образование.

К детям надо относиться честно. Надо уметь сказать им: мы, отцы, кое-чего ещё не знаем, вы, ребята, пришли в мир для того, чтобы знать всё.

Не говоря о том, что учить детей – дело необходимое, следует понять, что весьма полезно и нам самим учиться у детей.

О солитёре

Чем более решительно рабочий класс «ломает хребет» зсесоюзному мещанину, тем более пронзительно и жалобно попискивает мещанин, чувствуя, что окончательная гибель приближается к нему всё быстрее.

Ему мерещится, что в его лице «погибает весь русский народ». Опьянённый болезненным самомнением, он, как пьяный, воображает, что шатается не сам, а земля под ним. Он привык считать себя «солью земли» и знает, что «почва, лишённая солей, неплодородна». Он «не считает возможным культуру будущего без свободного участия индивидуального начала» – без его, мещанина, участия в качестве «соли».

Но – солей много, они состоят из кислот, и некоторые соли, перенасыщая почву, делают её бесплодной; такая кислая почва называется солонцами, солончаками.

Как «соль» мещанство весьма много «насолило» рабочему и крестьянину, выступив против них после Октября на стороне помещиков, фабрикантов, банкиров, авантюристов и бандитов. Оно продолжает «солить» рабочему классу и Советской власти до сего дня, о чём свидетельствуют контрреволюционные заговоры, бесчисленные акты предательства, подлая работа политиканствующих белоэмигрантов, гаденькие предательства бывших лакеев рабоче-крестьянской власти: Беседовских, Соломонов, Дмитриевских и всех прочих, кому со временем даже дети плюнут в глаза.

Солей много, и есть – солитёр, паразит; он не имеет ничего общего с солями, кроме некоторого звукового родства. Солитёр – по-французски единственный – это ленточный глист, он живёт в кишечной полости человека, питаясь его соками, состоит из массы отдельных слабо связанных между собою члеников и достигает длины трёх-четырёх метров. Если выгнать из кишок девяносто девять члеников, но оставить только одну головку, – солитёр снова чудовищно разрастается. Медицина установила, что влияние солитёра на слабых людей выражается головокружениями и общим упадком сил.

Мещанство, как целое, чрезвычайно похоже на солитёр: оно – тоже паразит, тоже существует, питаясь чужими соками, тоже обладает поразительной способностью

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
быстрого размножения.

Основное свойство каждого отдельного мещанина – его убеждение в том, что он – «единственный», «неповторимый», и поэтому он считает себя «женихом на всех свадьбах и покойником на всех похоронах». Он требует от государства тщательного ухода за ним, «гуманного» отношения к нему, требует полной свободы выражения его ощущений и свободы питания чужими соками. В огромном большинстве племя мещан – племя потребителей, как производитель мещанин вносит в жизнь разнообразные жалобы на «судьбу» и всяческий словесный мусор.

Сам он – гуманист и доказывает это всюду, где может, даже в «Поваренной книге для молодых хозяек». Он учит их:

«Испорченное мясо можно употребить с пользой, – нужно вымочить его в уксусе, круто посолить и отдать на обед прислуге.»

Он – существо глубокомысленное и дальнзоркое; в 1929 году он публично рассуждает где-нибудь в Праге, в Париже:

«Мы не можем вполне определённо ответить на вопрос, как отразится экономическое равенство на дальнейшем росте культуры. Не следует забывать, что культура развивалась силою давления нужды, стремлением к материальному благополучию. Не исчезнет ли это стремление, когда благополучие – идеал материалистов – будет достигнуто?»

Он – религиозен, в 1927 году он пишет:

«Первородный грех вошёл в мир через женщину. Сатана отравил праматерь Еву своим нечистым дыханием и сделал её орудием размножения и блуда; злая похоть, половое разжжение, вошла в человеческое естество и определила образ его бытия, начиная от зачатия – «яко в беззакониях зачат бых и во гресех роди мя матерь моя» – и до неизбежной смерти.»

Это выписано из книги бывшего марксиста, а ныне протоиерея С. Булгакова «Друг жениха». В книге этой проповедуется нечто среднее между гомосексуализмом и скопчеством.

Наверное, это изуверское размышление одного из «единственных» о женщине как источнике «блуда» и греха приятно будет прочесть автору письма ко мне от 10/IV текущего года; он по поводу статьи моей «О женщине» спрашивает:

«Неужели вы в самом деле думаете, что религия отжила свой век?»

Нет, как орудие порабощения трудового народа религия ещё существует и как таковое орудие всё ещё играет свою позорную, злую и бесчеловечную роль. Особенно ясно обнаружился смысл религии в 1914–18 годах, когда мещанство Европы и России, католическое, лютеранское, православное, умоляло бога своего принять решительные меры к поголовному уничтожению католиков, лютеран и «православных» христиан. О даровании этой радикальной милости молились епископы всех церквей, не чувствуя стыда за идиотизм молитв своих, не сознавая бесчеловечия этих молений.

Один из наших советских «единственных» недавно прислал мне длинное и возмущённое послание, в котором спрашивает: «Предприняв издание ещё одного ненужного журнала «Наши достижения», о каких достижениях хотите вы поведать миру?» И кричит: «Тракторы, электрификация, а у мужиков лаптей нет... Самостоятельному хозяину пришёл конец!»

В этих пламенных словах вполне точно и удачно выражена политическая программа закоснелого мещанина: ему нужна свобода для, того, чтоб помочь «самостоятельному хозяину», «обуть в лапти мужика», чему совершенно определённо мешает Советская власть с её тракторами, электрификацией страны, с её широкой культурно-революционной работой. Это и есть программа всех «Сву» и «Сво», для которых экономическое равенство, бесклассовое государство – гибель.

Корреспондент мой сообщает, что «старая интеллигенция держится в стороне от революции». Это – ложь. Корреспондент знает, что «старая интеллигенция» не «держится в стороне», а шла против революции, поддерживая идейно и физически

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
бывших хозяев страны, врагов рабочих и крестьян, что она в качестве вредителей и по сей день работает на врагов Советской власти. Лучшая, наиболее энергичная и талантливая часть интеллигенции самоотверженно и честно работает в стране Союза Советов и в партии коммунистов. В лице работников науки и техники она идёт с рабочим классом и за 12 лет сделала такую огромную работу, какой при бездарном и малограмотном режиме самодержавия не сделала бы и в 50 лет. Те достижения науки и техники, которыми Союз Советов может гордиться перед всем буржуазным миром и которые уже страшат этот мир, быстро обогащая нашу страну, развивая её промышленность, – эти достижения возможны стали только при данном строе, при диктатуре рабочего класса, который понимает значение науки и техники и широко ассигнует средства на изыскания науки и опыты её, на организацию научно-исследовательских институтов и экспедиций.

Я отлично знаю: когда у мещанина болит зуб, а вырвать его не хватает храбрости, в этом случае для мещанина вся вселенная – ад, и его, страдальца, ничем не успокоишь. Разумеется, у меня нет ни малейшего желания утешать мещан, обиженных своим собственным ничтожеством. Если ему указать, что в диком и голодном Дагестане до октября было 90 школ, которыми пытались русифицировать горные племена, и поэтому все были уничтожены горцами в 1918 году, а вот теперь те же самые горцы имеют 483 школы и всё ещё строят новые, – разве это успокоит смертельную боль голодных зубов «единственного»?

Он уже забыл о том, что самодержавие Романовых, искусственно и при деятельной помощи церкви, задерживало умственное развитие крестьян, и он не хочет ничего знать о современных школах крестьянской молодёжи, о сотнях тысяч крестьян в средних школах, в техникумах, агроинститутах, вузах, о культурно-воспитательной работе Красной Армии, о работе «университета на дому».

А давно ли «кухаркиных детей» не пускали в гимназии, а идеолог и вдохновитель Самодержавия, организатор церковно-приходских школ безграмотности Победоносцев цинически откровенно говорил, что «безграмотным народом легче управлять».

Если «единственному» сообщат, что найден способ делать бумагу из водорослей рек и озёр, что этот способ сохранит стране огромное количество леса, сократит процесс обработки сырья в фабрикат до получаса вместо 17 часов и, по предварительному подсчёту, даст нашей стране 100 миллионов экономии в год, – разве это прекратит волчий вой мещанина? Это – усилит вой. Революция вызвала к жизни тысячи изобретателей-рабочих, изобретения этих героев и фанатиков труда обогатили и непрерывно обогащают страну, – но разве это может обрадовать человека, который привык, чтобы все прибыли ложились ему в карман и за пазуху?

Ему можно бы указать на то, как энергия рабочего класса успешно перевоспитывает индивидуалиста-крестьянина в коллективиста и коммуниста, но ведь это как раз один из главнейших фактов, которые разжигают ненависть мещанства к рабочему классу.

Мещанин, как «единственный» и «неповторимый», отлично понимает психологию крестьянина, идолопоклонника частной собственности, и всё ещё надеется, что массу мужика не сдвинешь с той почвы, в которую она вросла веками и вросла по сердцу. Мы знаем, что многовековое хищническое хозяйствование «единственных», их грабительское отношение к земле и сокровищам её глубоко въелись в плоть трудовых масс, а особенно в плоть крестьян. Они всё ещё с трудом понимают, что причина их рабства и невежества лежит в частной собственности и что почти каждый из них бесплодно убивает свои силы на защиту своей нищенской каторжной жизни, работая, в сущности, против себя самого. Но голова-то мужика всё-таки над землёй, она поглощает около 2 миллионов экземпляров «Крестьянской газеты», а со всеми приложениями к этой замечательной газете, с бесчисленным количеством книг и брошюр, которые умело учат его жить и работать по-новому, по-человечески, а не по древнемуужицкому обычаю, – крестьянская литература исчисляется, вероятно, в сумме около 100 миллионов экземпляров.

Мы уже можем сказать, что нет страны, где крестьянство читало бы так много и жадно, как оно читает в Союзе Советов.

Чего, каких результатов достигает эта масса литературы? Крестьянство становится культурнее, отрицать этот факт может только слепое отчаяние погибающих.

Крестьянство уже выделило и непрерывно выделяет из своей среды тысячи культурных

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
работников на земле, агрономов, техников, врачей, учителей, литераторов, новую крепкую «соль земли», и она – не «на здоровье» мещанину, а – в погибель ему, и весь этот процесс культурного роста деревни не что иное, как процесс изгнания солитёра из организма рабоче-крестьянского государства. Что может сказать паразиту Северный морской путь, Турксиб, электрификация, индустриализация страны, открытие грандиозных запасов удобрения – хибинские апатиты, калийные соли Соликамска, нефть Урала и Северного края, орошение Туркестана, расширение хлопководства, новые культуры волокнистых растений, успешные опыты рисосеяния в Астраханской области, в Уссурийском крае, вообще вся, почти сказочная по размаху, работа Советской власти?

Миллиарды рублей вырабатывает крестьянин и рабочий, но все эти рубли не попадут в карман «хозяев», а возвращаются трудящимся: идут на вооружение страны машинами, на постройку фабрик, заводов, железных и грунтовых дорог, на расширение транспортных средств, на воспитание миллионов детей рабочих и крестьян.

Но – лирико-истерический глист питит:

«Тов. Горький! Застрелился Маяковский – почему? Вы должны об этом заявить. История не простит вам молчание ваше.»

«Единственный» И.П.! Маяковский сам объяснил, почему он решил умереть. Он объяснил это достаточно определённо. От любви умирают издавна и весьма часто. Вероятно, это делают для того, чтоб причинить неприятность возлюбленной.

Лично я думаю, что взгляд на самоубийство как на социальную драму нуждается в проверке и некотором ограничении. Самоубийство только тогда социальная драма, когда его вызвали безработица, голод. А затем каждый человек имеет право умереть раньше срока, назначенного природой его организму, если он чувствует, что смертельно устал, знает, что неизлечимо болен и болезнь унижает его человеческое достоинство, если он утратил работоспособность, а в работе для него был заключён весь смысл жизни и все наслаждения её. По последнему мотиву ушёл из жизни один из знаменитых учёных, гигиенист Петтенкопфер, он покончил с собою восьмидесяти трёх лет.

Весьма талантливый автор книги «Пол и характер» пессимист Отто Вейнингер застрелился двадцати трёх лет, после весёлой пирушки, которую он устроил для своих друзей.

Мне известен случай самоубийства, мотивы которого тоже весьма почтенны: года три тому назад в Херсоне застрелился некто, оставив такое объяснение своего поступка: «Я – человек определённой среды и заражён всеми её особенностями. Заражение неизлечимо, и это вызвало у меня ненависть к моей среде. Работать? Пробовал, но не умею, воспитан так, чтоб сидеть на чужой шее, но не считаю это удобным для себя. Революция открыла мне глаза на людей моего сословия. Оно, должно быть, изжилось и родит только бессильных уродов, как я. Вы знаете меня, поймёте, что я не каюсь, не проклинаю, я просто признал, что осуждён на смерть вполне справедливо и выгоняю себя из жизни даже без горечи.»

Это был человек действительно никчемный, дегенеративный, хотя с зачатками многих талантов, но, как видите, с отвращением к паразитизму.

Говоря о солитёре, я имею в виду молодых людей, у которых «единственный» вызывает головокружение и упадок сил.

Не будучи медиком, я считаю себя достаточно осведомлённым о работе мещанства как паразита в организме нашего государства. Для этого есть кое-какие удобные условия.

Хотя в тесном окружении мещанства быстро растёт и кристаллизуется, выделяясь из рабоче-крестьянской массы, новая и действительно плодотворная «соль земли», химически не сродная, не соединяемая с мещанством, органически враждебная ему, – но она развивается в условиях непрерывной работы, напряжённой борьбы.

Некоторая часть этой новой силы прошла сквозь огонь и кровь гражданской войны и приступила к великому и трудному делу строительства социалистического общества с

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma надорванными нервами. Её право на усталость естественно и неоспоримо.

Затем те дети, которые в 1920 году имели десять – пятнадцать лет от роду, знают прошлое только по книжкам и заряжены недостаточно сильной ненавистью к нему, презрением к мещанству. Они живут тоже в условиях нелёгких, но несравнимо лучших, чем те, в которых жили их отцы. Требования этих детей к жизни значительно повышены, и хотя экономическое развитие страны идёт быстро, оно всё-таки ещё не может удовлетворить всех запросов молодёжи. Мы живём «на стройке». На людей усталых, на людей с повышенной жадой «хорошей жизни» мещанство действует разлагающе.

Поэтому весьма часто слышишь, что дети орлов пищат, точно курицыны дети, и котята львов ведут себя поросятами.

Господин семнадцати лет лирически ноет: «Хочется какой-то очень большой и красивой жизни, а жизнь, знаете, такая маленькая, неинтересная, мрачной вереницей серых дней ползёт неизвестно куда и зачем.»

Господин девятнадцати лет истерически кричит: «Не я для жизни, а жизнь для меня. Мой дед, мой отец отработали государству, я имею право спокойно учиться и требовать, чтоб меня не гоняли на общественную работу.»

«Единственный» слышит всё это и, тихонько поддакивая курицыным детям, торжествуя думает: «Нашего полку прибыло!»

Лирикам и истерикам я уже неоднократно отвечал, что они обращаются с жалобами и за утешениями не по адресу, – меня стоны и вопли кандидатов в паразиты не трогают, и визгу их я сочувственно не откликнусь. Я отвечаю только на те письма, в которых сквозь визг слышу искреннее недоумение невежд или же чувствую зачитанность глупостями.

Если вы, молодые люди, действительно хотите «большой и красивой жизни» – делайте её, идите рука об руку работать с теми, кто героически строит небывалое, грандиозное. В жизни накопилось огромное количество прекрасной, практической работы по обогащению нашей земли, по освобождению людей из позорного плена предрассудков, предубеждений, суеверий. Всё, что было сделано в прошлом общепольного для человечества, – всё это только начало работы, только первые камни фундамента, на котором ныне начали строить новый мир наши коммунисты, рабочие и крестьяне.

Это надобно понять и почувствовать юношам, пустоватые головы которых кружатся под влиянием «единственного».

Юнцы, корреспондирующие мне, живут где-то в густой атмосфере мещанства. С храбростью невежд они оценивают жизнь человечества – явление, быть может, исключительное во вселенной, во всём космосе – как «мрачную вереницу серых дней». Это прежде всего смешит, и лишь потом чувствуешь, что это может быть пагубным для юнцов, которые остаются слепыми и глухими, живя в начале мировой революции, в сокрушительном грохоте разрушения старого мира, в годы строительства первого на земле социалистического, бесклассового общества и государства равных, в атмосфере пламенного энтузиазма, в свирепом, зверином сопротивлении всему новому со стороны древнего человека, осуждённого историей на смерть.

Милейшие юноши! В интересах ваших искренно желаю, чтоб жизнь хорошенько взгрела вас, чтоб вы почувствовали на коже вашей её тяжёлую, шершавую руку, – руку великой беспощадной учительницы, которую мы, люди, сами же насыщаем разумом и волей. Также искренно желаю вам понять, что жалобы бесполезны, и серьёзно подумать о бесстыдстве жалоб, именно о бесстыдстве, и о том ещё, что жалобы не совпадают с той «гордой внутренней независимостью», о которой вы пишете мне. Что значит эта ваша «независимость»? Она – только неспособность задерживать и формировать «впечатления бытия», она – просто пустота.

Крик о «владычных правах личности», о необходимости для неё свободы, издревле сотрясая воздух, не очищал атмосферу всеобщей, зверской вражды, в коей люди жили и задыхались, а всё гуще отравлял её испарениями животного эгоизма, самолюбия, самомнения, славоблюбия.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Личность кричит главнейше потому, что, чувствуя свою двуличность, хотела бы прикрыть криком этот порок от себя самой и от других. Не двуличной она не может быть до поры, пока не искоренит в себе наросты религии, национализма и прочих предрассудков, внушённых ей классовой структурой капиталистического государства. А до той поры, пока она не освободится от этих болезней, – её будут точить, разлагать, разрушать черви зависти, жадности, мелких страстишек и всякой грязной дряни. Её идеальное личико будет платонически обращено в сторону прекрасных идей, реальная же и неприглядная рожа – к практическому житейскому делу самообмана и обмана ближних словом и делом.

Так «двуликим Янусом» личность и «пребудет в веках», если не поймёт, не почувствует, что путь к внутренней свободе и гармонии лежит сквозь и через разрушение всего, во что она явно или тайно верует, что и служит причиной её раздвоенности, её рабства и преклонения пред позорной действительностью, служит помехой развитию её сил и способностей. Просто «человек» – это ещё очень мало.

История требует, чтоб явился Новый Человек, свободный от расовых, национальных, классовых предрассудков.

Возможен ли такой человек? Рабочий класс уже создаёт его. Употребите все ваши силы, все дни вашей жизни на это создание идеального человека, и вы создадите его из самих себя.

Освещать быт, обнажать скрытую в нём политику!
Журнал «За рубежом» ставит своей целью всестороннее освещение быта современной Европы и Америки.

Нужно ли что? Безусловно.

Наши газеты и журналы достаточно подробно знакомят массового читателя с «внутренней» политикой буржуазных государств, то есть со всеми приёмами и действиями, посредством которых уполномоченные буржуазии специалисты-политики пытаются охранить и укрепить порядок цинической эксплуатации рабочего класса.

Наш читатель осведомлён о «внешней» политике буржуазии, о том, почему и как она снова готовится затеять международную бойню и снова силами рабочих и крестьян, одетых в костюмы солдат и матросов, потопить в морях сотни дорого стоящих судов, разрушить города и деревни, изрыть, взорвать, обесплодить плодородные земли, уничтожить миллионы трудового народа и сотни миллионов тонн драгоценного металла, добытого каторжным трудом. Вся эта мрачная фантастика более или менее известна нашим рабочим и крестьянам, партийцам и беспартийным.

Но они должны знать – чего же ради творятся все эти преступления буржуазии против трудового народа? Что именно, какие «общечеловеческие» ценности, какие «культурные интересы» собирается защищать буржуазия?

Что защищает буржуазия, расстреливая рабочих, когда они выходят на улицы с протестом против каторжных условий их жизни, с требованием прибавить им несколько копеек на хлеб?

Конечно, на этот наивный вопрос даже октябрята наши ответят: буржуазия защищает свою власть над людьми, которые, работая на неё, укрепляют её власть.

Ответ этот настолько прост и стал так привычен, что из него как будто уже выпало живое, конкретное содержание, – выкрошилась та гнусная начинка, которая должна возбуждать в рабочем, в крестьянине отвращение и ненависть к буржуазии. Журнал «За рубежом» считает нужным оживить реальное содержание этого ответа.

Вожди европейско-американского мещанства, организуя между прочими гнусностями шумный и цинический «крестовый поход» против Советского Союза, говорят о защите «христианской культуры», – мещанство считает себя творцом и носителем этой культуры.

Культура не существует вне быта.

Так вот журнал «За рубежом» и намерен освещать читателям современное состояние этой культуры, защищаемой организаторами лжи и клеветы против русского рабочего народа, возбудителями звериной вражды против Советского Союза.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma

«Культура отражается в быте», – журнал «За рубежом» будет давать очерки быта европейских и американских мещан, очерки будничной, повседневной их жизни, обнажая, обличая скрытую в этом материале политику. Таким образом он надеется обнажить истинное и конкретное содержание понятия «культура».

Буржуазная пресса всех стран, пользуясь данными нашей самокритики, извлекая из страниц наших газет неизбежные отрицательные явления жизни и работы Союза Советов, густо подчёркивает эти явления, подкрашивает их клеветой и ложью.

Мы, разумеется, тоже обратим должное внимание на свидетельство буржуазной прессы о болезненном состоянии общества, интересы коего она усердно обслуживает.

Что именно должны мы показать нашему читателю?

В общих словах: нравы и вкусы «послевоенной» буржуазии, небывало уродливое развитие роскоши, распад семьи, положение детей, рост сексуальных извращений, легализацию их, рост преступлений в среде крупной буржуазии, её развлечения и так далее. Нужно показать читателю Советского Союза буржуазную газету, кинофильму, театр, книгу и всё, что относится к области «духовной жизни». Нужно показать полицию, суд, церковь и всё прочее, что служит самозащите буржуазии, всё это надо делать в форме полубеллетристических очерков.

Журнал «За рубежом» намерен пользоваться показаниями той группы европейских литераторов, которые хотя и с грустью, а иногда с отчаянием, изображают процесс гнилостного разложения буржуазии.

Программа нашего журнала была бы недостаточно полна, если бы мы не уделили некоторой доли внимания белоэмигрантам. Процесс интеллектуального обнищания и морального разложения бывших «страдальцев за народ» тоже очень интересен и поучителен. Крайне любопытно влияние «быта» мещанской Европы на людей, которые так легко взяли на себя и так усердно играют роль «клеветников России». Нельзя отрицать, что они имеют кое-какое значение как «осведомители» европейской буржуазии о жизни Советского Союза, – о жизни, которая уже совершенно непонятна для них. Кроме того, в их среде есть люди, которые уже начинают понимать действительное состояние буржуазной культуры, и хотя показания таких людей особой ценности не имеют, однако нам следует отмечать их. Вот, например, один из них пишет:

«Ожесточённая классовая борьба, принимая всё более резкие формы, отвлекает всё большее количество интеллектуальных сил на свой фронт, а это обедняет силами область культурной работы, и отсюда – одичание.»

Другой говорит нечто подобное же:

«Имея в своих руках благодетельные силы науки, командующий класс должен бы употреблять эти силы на уменьшение забот низших классов о добыче хлеба и тем увеличить число своих сторонников. Но вместо этого государственные власти, поощряя страсть к наживе и не внимая справедливым требованиям рабочих, сами служат духу революции.»

Эти признания свидетельствуют о глубине разлада среди господствующих классов и требуют иллюстрации фактами.

Разумеется, наряду с этим мы будем отмечать – со всей объективностью, которой требует материал, – явления положительного характера в жизни Европы: успехи рабочего движения, завоевания коммунизма, культурный рост рабочего класса Европы и Америки. Мы будем широко освещать жизнь и быт зарубежных рабочих.

О предателях

Когда хотят объяснить явление слишком оригинальное – сравнивают его с чем-нибудь более обычным и понятным, ищут «аналогии». Но предатель – это настолько своеобразное отвратительное создание природы классового государства, что сравнить предателя не с кем и не с чем. Я думаю, что даже тифозную вошь сравнение с предателем оскорбило бы.

Из числа предателей особенно прославлен Евно Азев, член Центрального комитета и руководитель «Боевой организации» партии социалистов-революционеров, личный друг

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma Виктора Чернова, Бориса Савинкова и других столпов партии, которая отвела в своей истории такую грандиозную роль личности Иуды Азефа. Как большинство героев, он оказался «дутым», а в сущности – был чудовищно «простой человек». Он сам отлично понимал изумительную простоту своей натуры и сам в записке, поданной им президенту полиции города Берлина, протестовал против приписанного ему друзьями по партии «ореола великого вождя». Можно думать, что он протестовал не только по мотивам самозащиты, а искренно. Из брошюры Б.Николаевского «Конец Азефа», изданной ГИЗОМ в 1926 году, можно убедиться, что моё мнение об искренности Азефа имеет солидное основание.

Ещё в 1893 году Азеф сознательно и обдуманно избрал предательство как профессию, наметил себе работу провокатора как «путь жизни», «средство к жизни» и неуклонно шёл этим путём до поры, пока не оступись. Оступись, пошатнулся, но – не упал, а, отскочив в сторону от полиции и от революции, уютно и спокойно лёг на пыльное мещанское ложе, рядом с «роскошной женщиной», одной из великокняжеских проституток; она в 1904 году утешала «боевую жизнь» Кирилла Романова «на полях Маньчжурии» в его поезде. Кирилл Романов – это тот самый, который ныне, находясь в эмиграции, самовольно назвался, кажется, императором или возложил на себя другой какой-то громкий чин. С кафешантанной «роскошной женщиной» Азеф познакомился ещё в бытность членом ЦК партии.

Он был жирный, толстогубый, сентиментальный. В письмах к своей возлюбленной он именовал себя «твой единственный зайчик», «твой папочка». Он чувствительно писал ей: «Как хотел бы я иметь тебя здесь, чтоб купаться вместе». «Ты одна из всех людей близка мне, так близка, что я не ощущаю между нами никакой разницы; где ты, где я – я не знаю, и это не фраза».

Думаю, что тут можно верить Иуде, – здесь он говорит действительно «не фразу», хотя, казалось бы, и трудно не ощущать «никакой разницы» между собой и проституткой после долголетней дружбы с Виктором Черновым и другими членами ЦК партии. Но – и среди мещан встречаются натуры не менее глубокие, чем любая помойная яма.

Благополучно отскочив от друзей-революционеров и друзей-полицейских, Азеф начал жить той «красивой жизнью», которая так характерна для идеально воспитанных мещан от простого лавочника до министров и князей. Он играл в карты и на бирже, покупал своей возлюбленной бриллианты и серебряные сервизы, ездил с нею на морские купанья, путешествовал и вообще – жил счастливо. Деньги у него были, – партийные средства он расходовал бесконтрольно, полиция платила ему за повешенных – щедро.

В 1915 году полиция Берлина посадила Азефа в тюрьму; там он читал сочинения анархиста Макса Штирнера «Единственный и его собственность», книгу, которую можно назвать евангелием мещанского индивидуализма; читал Ломброзо «Гений и безумие», роман Арцыбашева «Санин», но больше, чем книгами, «занимался биржевыми выкладками». «Роскошная женщина» отмечает, что он «вообще не любил читать». Сидя в тюрьме, он вспомнил, что для удобства мещан создан, между прочим, бог, и в письмах к «роскошной» писал: «Бог должен дать мне силы. С божьей помощью я всё перенесу».

Впрочем, возможно, что он всю жизнь веровал в бога; пожалуй, этого требовала некоторая сложность его позиции и работы: необходимо было убедить себя в том, что над революционерами и полицейскими, честными и подлецами, существует некто третий, кому одинаково безразличны и те и другие. Бог создан вовсе не для того, чтоб возвеличить людей, а чтоб уравнивать всех людей в сознании их ничтожества пред ним. Именно для этой цели утверждалось «огнём и мечом» бытие бога «великими отцами церкви», инквизиторами, диктаторами, именно ради этой цели утверждают бытие божие современные нам боголюбцы из человеконенавистников.

Но можно думать, что Азеф, профессиональный Иуда, не чувствовал никакого различия между революционерами и полицейскими: одни убивали губернаторов и министров, другие убивали сотни честной, героически настроенной молодёжи. В обоих лагерях Иуда имел друзей, они верили в его необыкновенные способности организатора убийств, и вот он, для того чтоб заработать на «красивую жизнь», предавал и продавал справа налево, слева направо. Двусторонняя работа эта не требовала никаких прикрытий идеологией, теорией, никаких самооправданий. Азеф и не оправдывался, он просто говорил налево:

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma «Чего вы хотите? Я же помогал вам убирать ваших врагов». И то же самое он говорил друзьям направо. Художник – человек, профессионально склонный к вымыслам, – может изобразить Азефа как некую мрачную и даже трагическую индивидуальность, которая уверовала в дело предательства как в своё историческое назначение, уверовала из чувства ненависти к людям, из мстительного желания уничтожать людей, кто бы они ни были. В мире гниющего мещанства всё возможно, возможно и такое отношение к людям, к жизни – отношение отчаявшихся.

Вот недавно сотрудник «Нейе фрейе прессе» познакомился в Бухаресте с представителями небольшой секты, ведущей усиленную пропаганду и пользующейся известным успехом среди некоторых слоёв населения. Называют себя сектанты «христианами». Учение секты необычайно характерно для нашей эпохи.

Возникла секта «христиан» в Северной Америке. Там она насчитывает несколько тысяч приверженцев. Общины «христиан» есть в Лондоне и в Париже. Учение секты изложено в следующей печатной программе на французском языке:

«Мы должны стремиться к тому, чтобы человечество вымерло. То, что мы называем жизнью, есть иллюзия, и наше высшее стремление, должно быть направлено к тому, чтобы умереть. Наша первая обязанность поэтому – содействовать вымиранию человечества. Член секты не живёт половой жизнью и должен, по возможности, стремиться к тому, чтобы и у других граждан также не было детей. Мы должны есть возможно меньше. Чем меньше мы будем есть и чем хуже мы будем жить, тем скорее приблизимся к смерти. Дни, которые мы вынуждены провести до смерти, следует посвящать молитве. Надо громким голосом читать библию и петь псалмы. «Христиане» не курят и не пьют алкоголя. Они не встречаются с людьми, ведут уединённую жизнь и готовятся к смерти.»

Сотрудник венской газеты беседовал с одной из руководительниц секты, Еленой Клотц, и она ему сказала:

«Мы дошли до конца вещей. Нам кажется, что все откровения и все учения о спасении человечества напрасны. Социализм, вегетарианство, натурализм и прочие панацеи для спасения человечества бессмысленны и вздорны. Ничего не принесёт и фашизм. Мы знаем, что в наше время многие неверующие опять обратились к религии. Но и это ни к чему. Всё – иллюзия и обман. Мы убеждены, что людям никогда ничего не удастся. Людям надо исчезнуть. Самоубийство не может быть решением вопроса, потому что массовые самоубийства связаны с потрясениями и рождают волю к жизни у живых. Нет, надо медленно вымирать, так чтобы земля превратилась в пустыню и исчез на ней род людской.»

Но эта философия смертельно больных не для Евно Азефа, прозванного «великим провокатором» совершенно напрасно и для соблазна ему подобных. Художнику тоже нечего делать с таким скверным материалом, ибо материал для искусства непоправимо испорчен откровенными показаниями «роскошной женщины» о конце его жизни. В фигуре Иуды Азефа заметно некоторое сходство с быком: на бойнях служат дрессированные быки, их обязанность – заманивать товарищей быков под обух бойца. В конце концов Евно Азеф типичный, даже весьма упрощённый мещанин, и, как всякий член этого племени полулюдей, он обладал способностью предавать и продавать всё и всех ради личного уюта. Талантливейший карикатурист «Симплициссимуса» Олаф Гульбрансон написал совершенно точный портрет Азефа: толстое, толстогубое лицо, маленькие равнодушные глазки свиньи. К этому жирному лицу следует прибавить бесцветный, ворчливый голос и манеру говорить всегда куда-то вниз, под стол, под ноги себе.

«Все – относительно», мерзости – тоже. Азеф работал в сфере сравнительно узкой, в масштабе небольшом. Когда Леонида Андреева спросили: что он думает о деле Азефа? – писатель ответил: «Ничего не понимаю, какое-то семейное дело.»

Современные предатели – Беседовские, Дмитриевские и прочие – работают в масштабе значительно более широком, они предадут не единицы, не группы, они пытаются предать рабочий класс. Разумеется, их намерения не могут дать каких-либо особенно ощутительных результатов, кроме того, что временно и ненадолго, может быть, оживят издыхающие надежды белой эмиграции. Беседовских я, конечно, не сравниваю с таким интеллектуально тупым, малограмотным и всячески ограниченным субъектом, каким был Иуда Азеф, – они гораздо ничтожнее его и ещё более мерзостны. Они, конечно, людишки значительно изощрённого интеллекта, обладают

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma хорошо развитым умением лгать и, когда нужно, не плохо умеют притворяться искренними друзьями «народа». Все они – типы из той группы интеллигенции, которая имеет свою «историю», – историю судорожного качания справа налево и обратно, историю периодических отказов «от полувековой традиции разночинцев–интеллигентов и прежде всего отказа от служения угнетённым классам – в общественной жизни, отказа от императива долга жизни личной», как формулировал сущность «истории» ренегатов В.В.Воровский.

Недавно один из предателей, Дмитриевский, напечатал свою «исповедь» и в ней признал, что: «мы – рабы; нам нужны учителя, вожди, пророки». Это – верно. Они охотно ползут за любым вождём, ожидая от каждого из них всегда одного и того же: может быть, вождь расширит пределы «мещанского счастья» в условиях капиталистического строя.

В начале восьмидесятых годов, после разгрома народовольцев полицией при помощи Дегаевых, они, «бывшие революционеры», «поумнев», начали проповедовать отказ от революционной деятельности в пользу личного нравственного совершенствования, которое «одно только и может изменить общественный строй». После революции 1905–6 годов они в сборнике «Вехи» и во главе с Петром Струве, бывшим марксистом, – теперь он стал монархистом, но, верный себе, остался всё тем же болтуном, каким был всю жизнь, – начали петь славу и осанну «мудрому мещанству Европы» и тоже проповедовали нравственное совершенствование, возврат к религии, к церкви.

В наши дни, когда «бывшим людям» стало совершенно ясно, что рабоче–крестьянская власть вовсе не намерена расширять границы мещанского счастья, а совершенно серьёзно решила строить социалистическое государство и нимало не сомневается, что примеру её последует пролетариат всех стран, – в наши дни «бывшие люди» снова заговорили об «истине библии» и о том, что

«истина откровения заключается не в защищённых угрозами и насилием мёртвых законах, а в божественном произволе человека, созданного по образу и подобию божьему, но к этой высшей свободе надо прорваться в «последней и величайшей борьбе» (Плотин), и прежде всего надо с себя стряхнуть чары и наваждение наукообразных построений философии, чтобы увидеть «самое значительное», выйти к истокам знания. Науки строят и должны строить на основании прочнее гранита, но метафизические истины добываются в том мире божественной произвола, где господь «повесил землю на ничём». (Книга Иова.) В этом царстве божественного произвола существующее становится несуществующим, и эмпирическая истина, добываемая нами здесь, на отмели времён, на потребу дня, не становится вечной, непреложной истиной – необходимостью. Но в землю обетованную может придти лишь тот, кто идёт без оглядки, не ощупывая почвы под ногами, не зная куда, не ведая зачем.»

Как видите – очень старая песня, и поётся она не талантливо. Говоря, что в «обетованную землю», то есть к мещанскому счастью, надо идти «без оглядки», «не зная куда, не ведая зачем», они, разумеется, лгут. Они всегда отлично знают, «куда и зачем» надобно ползти, они поняли это тотчас же после Октября, когда саботировали правительство рабочих, когда пошли на службу Деникиным, Колчакам, Врангелям и различным бандитам, которые разорjali хозяйство страны; знали они, «куда и зачем», когда после победы рабочего класса тихонько заползали в его партию и на службу Советов, – заползали для того, чтоб шпионить на утеху политиканствующим эмигрантам и всячески вредительствовать в пользу бывших хозяев.

Крайне характерно то, что во всех наиболее крупных случаях ренегаты, перевертни прикрывались одними и теми же словами о «личном нравственном совершенствовании», о необходимости возврата к религии, в церковь. Это особенно характерно именно в наши дни, когда только глухой и слепой не видят, что церковь совершенно явно и цинично обнажила свою подлейшую классовую сущность, свою рабскую и лакейскую зависимость от банкиров и фабрикантов; в таком совершенстве она, кажется, никогда ещё не оголяла своё «тайное тайных».

Изумительно не брезгливы «бывшие люди», изумительно слаба их память. Давно ли они «искренно и пламенно» возмущались епископами церкви Христовой, которые отлучили от неё христианина Льва Толстого, и вот слышу, что теперь они уже благоговейно целуют руку епископа, как это сделал, публично один из литераторов–эмигрантов. Так же, как после 1906 года, когда Анатолий Каменский сочинял откровенно порнографические рассказы, стихотворец Рославлев возвеличил

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma Иуду, Михаил Арцыбашев в романе «Санин» восхвалил и прославил усовершенствованного, самодовлеющего мерзавца, а Пётр Струве в «Русской мысли» печатал «Православную теодицею» и в сборнике «Вехи» пел аллилуйю и осанну европейскому мещанину, – так же и послеоктябрьская эмиграция утратила способность ощущать хотя бы звуковое различие между аллилуйей и гонорреей.

Вот она теперь встречает «третью эмиграцию», мелких жуликов, с таким же восторгом, как будто в помощь её ничтожеству приехали бандиты из Чикаго. Кажется, только Иосиф Гессен, редактор до смешного наглой и озлобленной газетки, почувствовал, что Беседовский врёт, и, указав, что в книге его «много неясного, недоговорённого», требует подробно объяснить, во что Беседовский

«верил, на что надеялся и что заставило его сжечь то, чему поклонялся, и поклониться тому, что сжигал.»

Объяснений вовсе не требуется. Беседовский сам откровенно рассказал о себе:

«Сын буржуа, торговца готовым платьем, б. заядлый анархист, оборонец, а потом кадет и правый эсер, к моменту большевистского переворота стал уже левым эсером,»

затем пролез на службу рабочему классу, а ныне сделался предателем рабочего класса. Здесь можно и мне цитировать библию: «Возвратился пёс на блевотину свою». Иосиф Гессен – одна из наиболее дряхлых и комических фигур, которые сидят «на реках вавилонских» в плену собственной подлости. Пишет он совсем как Иеремиа.

«Увы, не одно английское правительство дружит сейчас с красной Москвой», – скорбно пишет он. – «Европа не умеет и не хочет защищаться против большевиков. Неумение себя отстаивать, ослабление чувства самосохранения, может быть, даже сознания права на самоотстаивание – не этим ли страдает Европа и в отношениях с большевиками, и к своим колониям, и к себе самой? И не представляются ли жалкими призывы к объединению Европы для защиты кошельков против американской таможенной политики, – после того как сама она себя разгромила, призвав и американцев, и японцев, и индусов, и негров; после того как «сама устроила у себя такой исторический «кавардак», из которого не сумеет и при лучших обстоятельствах выпутаться в течение десятилетий.»

Хорошо пишет Гессен. Но не верится, что он поможет Европе. В газетке его маленький предатель Дмитриевский напечатал свою «Исповедь», – сочинение весьма глупое. Часть его посвящена мне. Цитирую:

«...Был один человек. Мы идеализировали его, как могли. Мы забывали: какой среды этот человек. Ему писали письма со всех сторон – немые рабы писали ему. Писали из глубины души, слезами и кровью, рассказывали про свою жизнь – и просили откликнуться, дать совет, как быть. Наше время – время догмы. Нам нужны учителя, вожди, пророки. Кто иной, как не он, мог позволить себе выступить в защиту того, что, казалось, он защищал всю жизнь – в защиту человеческой личности? И он ответил. Мы недоумевали, когда читали его статьи. Самым грубым, самым безжалостным образом он оттолкнул руки, протягивавшиеся к нему, и плюнул в раскрывшиеся перед ним души. С тех пор его для нас не существует. Мы прокляли его.»

Вот человек, совершенно лишённый чувства юмора! «Прокляли»! Ну, как можно писать, а тем более печатать такие пошлости: «прокляли»? Нужно быть очень глупым или американцем типа Брайана, или епископом для того, чтоб в XX веке кого-то проклинать. Характерно аристократическое: «Мы забывали, какой среды этот человек». Правильно в этой жалкой чепухе то, что лет тридцать тому назад я писал о «бывших людях», но я не защищал, а только показывал их. Теперь мне снова приходится писать о «бывших людях» в лице Беседовских, Дмитриевских и других, – эти, конечно, вреднее тех, о которых писал я за тридцать лет до сего дня. Правильно и то, что «бывшие люди» последнего выпуска писали мне слёзные письма, но неверно, что они просили меня дать совет им; нет, это они, – те из них, которые наиболее циничны и малограмотны, – давали мне кое-какие советы; среди этих советчиков были и такие, которых – при условии непосредственной физической близости к ним – я бы избил. Перескочив на «кладбище непогребённых» к «бывшим людям», маленькие, но гнусные предатели естественно хотят заслужить необходимое для них внимание и одобрение со стороны белоэмигрантских «политиков от нечего

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
делать», – «политиков», которые вот уже десять лет бездарно и скучно изощряются
во лжи и клевете на рабочий народ Союза Советов и на вождей его. Раздавленные
историей, озлобленные тем, что жизнь в России отлично идёт и без их участия в
ней, ещё более озлобляясь тем, что даже капиталисты Европы и Америки признают –
«скрепя сердце» – неоспоримые успехи государственного строительства в Стране
Советов, – дряхлые эмигранты, конечно, рады послушать болтовню ябедников и
лгунов «третьей эмиграции». Но – слушая – уже не верят. Это чувствуется: не
верят.

По инерции, по привычке они всё ещё в своих газетках убеждают друг друга: скоро,
скоро русский «народ» позовёт нас! Вот приедет сорок тысяч послов от него, и они
скажут нам, как встарину варягам: «Трудом рабочих и крестьян земля наша стала
ещё богаче и обильней, пожалуйте княжить и владеть ею».

И тогда – грезится им – они пожалуй в качестве прислуги грабителей, ибо порядок
в доме делает прислуга, а порядок в буржуазном государстве – то есть
всесторонний и узаконенный грабёж – обслуживается и оправдывается той самой
интеллигенцией, которая всегда проповедовала «нравственное усовершенствование» и
устанавливала догмы религии, нации, класса.

Но всё это «мечты и грёзы». Никто не придёт и никуда не позовёт. А
действительность безрадостна и безнадежна. Недавно один из них, человек, который
выздоровел от «интеллигентности», работая на заводах, изобразил эту
действительность в таких словах: «Как живём? Плохо. Переругались все, ненавидим
друг друга, никто никому не верит. Очень трудно молодёжи, родину она почти не
знает, язык забывает. А старая эмиграция всё настойчивее поёт европейской
буржуазии гимны свои: «Меня, несчастную, торговку частную, ты пожалей». Гимн
этот называется «Бублики», американцы уже состряпали из него фокстрот.
Буржуазия, конечно, глуха и нема, ей самой туго живётся».

Редакции газеты «Коммунист Таджикистана»
Сталинабад. Дом наркоматов

Товарищеский сердечный привет отважным работникам на передовых постах культурной
революции Таджикистана!

Я получил два номера газеты «Коммунист Таджикистана», – разумеется, этого
слишком мало для того, чтобы иметь право судить о ней. Но всё-таки должен
отметить, что газета – живая и что в ней приятно отсутствует излишнее
пристрастие к премудрым словам и тяжёлым фразам, – пристрастие, которым страдают
некоторые газеты русской провинции.

Большая радость и гордость, товарищи, получить умный социалистический орган из
далекого, неведомого края, где – назад тому несколько лет – русский был
физическим завоевателем, чужим человеком. Теперь он в Таджикистане, Якутии и
Карелии и всюду, на всём пространстве Союза Советов является возбудителем и
проводником социалистической культуры. И за пределами Союза, на всех материках,
островах земли всё сильнее, уверенней звучит его голос, создавая ответное эхо.

Я говорю «русский» – только по привычке грамматической, но уже давно чувствую и
знаю, что говорю о советском человеке, кто бы он ни был – узбек, таджик, осетин,
якут, карел.

Поразительны гигантские шаги, которыми Союз Советов идёт по пути промышленного
развития, и в железном шуме этих шагов мы не слышим, как великолепно звучит
другая наша работа – работа создания новой культуры, воспитания нового
человечества – работа объединения в единое целое трудящихся всей земли.

Поздравляю вас, товарищи, с кануном четырнадцатого года революции, которая
развивается в мировую!

Мой привет литературному кружку. Буду благодарен товарищам членам кружка, если
они пришлют мне в редакцию журнала «Литературная учёба» свои опыты в стихах и в
прозе.

Об умниках
Существует ли глупость как «дар природы»?

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Я уверен, что – не существует и что даже кретины, идиоты создаются не природой, а тою биологией, которая обусловлена «бытом», социологией.

Некоторые умники утверждают, что глупость – качество, которым природа одаряет человека со дня его рождения и на всю жизнь, – что она как бы сознательно стремится ограничить домыслы разума и работу воображения людей.

Фантазию эту выдумали в глубокой древности наши мохнатые предки, запуганные враждебным человеку буйством стихийных сил природы: землетрясениями, наводнениями, ураганами, сменами холода – зноем и прочими безобразиями слепого силача. В дальнейшем из этих страхов умники создали богов.

Глупость – уродство разума, воспитанное и воспитываемое искусственно посредством давления на разум религией, церковью – самым тяжёлым орудием из всех, которыми буржуазное государство вооружено для укрощения рабочих масс. Это – неопровержимо, и я нимало не сожалею о том, что по этому поводу никто из умников не в силах сказать «нового слова».

Глупый человек совершенно необходим для «красивой жизни» буржуазии. Он тем хорош, что крайне удобен для эксплуатации его физической силы. Именно на почве глупости рабочих масс коренится власть всемирного мещанства. Буржуазная система воспитания масс – система фабрикации дураков.

Нашим советским, грамотным людям эти неоспоримые истины – надеюсь – хорошо известны. Они знают, какими приемами буржуазные государства воспитывают, утверждают и охраняют глупость. Благодаря смелой инициативе В.И.Ленина и большевиков, авангарда рабочего класса, благодаря работе компартии и трудам рабоче-крестьянской власти в Союзе Советов древняя глупость довольно быстро исчезает. Пробуждённое этой работой, в трудовом народе растёт сознание своего значения, своего права на власть. Творческая энергия масс всё более резко и наглядно заявляет о себе как о силе, совершенно способной перестроить всю жизнь, начиная с её основ. Тринадцать лет этой мужественной и успешной работы поколебали и всё более явно колеблют древние устои мещанского благополучия, прочно цементированного кровью и потом трудового народа. Весь мир трудящихся, прислушиваясь к шуму строительства новой жизни в Союзе Советов, откликается грозным эхом и постепенно организуется для того, чтоб вступить в решительный бой за свою свободу.

Цель этого фельетона – побеседовать о глупости умников.

Умник – это прежде всего интеллектуалист. Основная его черта: у него, как у датского принца Гамлета, «румянец воли побледнел под гнётом размышлений». Так же, как принц Гамлет, он – сирота; мамаша его – история – живёт в связи с капиталистом, а вотчим, хотя и негодаяй, но – поощряет искусства, эксплуатирует науки и притворяется культурным животным.

Умник считает себя мастером культуры, «духовным рычагом» её, «солью земли» и так далее в этом роде, вообще же он видит себя «неповторяемой индивидуальностью». Он не «просто человек», а воплощение мировой мудрости, так сказать – пуп мудрости мира. «В минуту жизни трудную», когда действительность выдавливает из него некоторое количество сиротской искренности, он именуется «каторжником, прикованным к тачке истории», – как выразился один бывший «спартаковец».

А другой, бывший социал-демократ, сказал: «Буржуазия насилует рабочих, рабочие – насилуют нас, интеллигентов». Советские журналисты, вообще варвары, как и всё население Союза Советов, иногда называют умников – сводниками. Сводничество – позорное занятие, суть его в том, что сводник подкладывает на постели богатых старичков и старушек молодых девиц и парней. Конечно, деятельность вождей европейской социал-демократии весьма совпадает с этим родом занятий, но... Тут, наверное, умники нашли бы какое-нибудь «но», а у меня – нет охоты искать его. Да и мир, вся действительность, строится сурово логически на «да» и «нет», а «но», по закону логики, является «исключённым третьим».

Умник – человек, убеждённый, что самое лучшее кресло – то, в котором он привык сидеть. Поэтому он настаивает, чтобы все люди сидели в креслах любимой им формы. Рассматривая все события с точки зрения удобства своих ягодиц, умник, конечно, не может одобрить всё то, что сотрясает старую мебель, в которой покоятся его уважаемые ягодицы.

Например: русские помещики времён крепостного права любили сидеть в вольтеровских креслах, затем интеллигентам из дворян полюбилась мягкая мебель идеалиста Шеллинга, посидели на Фурье, на Молешотте и Фогте, пересели в нигилизм, понравился Спенсер, особенно потому, что он, между прочим, сказал: «Из свинцовых инстинктов не сделаешь золотого поведения», – прелестный этот афоризм разрешал не беспокоиться о некоторых социальных бессмыслицах, подлостях и трагедиях. Но и Спенсер оказался неудобным; пересаживаясь всё более часто, посидели на Марксе – жёстко! Попробовали подложить под Маркса Бернштейна – не вышло! Сели в Ницше, затем в Бергсона, я пропускаю целый ряд испробованной мебели, теперь умники сидят чёрт знает в чём, и многие – в эмиграции. Этот процесс всё более частых прыжков с места на место именуется «историей духовной жизни русской интеллигенции».

В эмиграции умники сочиняют «Эскизы научно-религиозного мировоззрения», «Евангелия божественной справедливости», «Жития святых», «О православном почитании предтечи» и вообще усердно занимаются столярно-философским ремеслом, изготавливая нечто для спокойного сидения.

В эмигрантской прессе можно читать такие умиленные рассуждения:

«Говорят, что абиссинские православные священники танцуют при совершении литургии. Очевидно, в душе эфиопов – тех эфиопов, которых так уважал Гомер, что всегда говорил о них: «достопочтенные эфиопские мужи», – очевидно, в этой душе православие нашло другое отражение, чем в нашей русской душе.

Недавно знакомая русская девушка, получившая воспитание в католическом французском монастыре, жаловалась своей матери:

– У них ужасно неудобно купаться: ванну приходится брать всегда в рубашке.

– Почему?

– Вот и я спрашиваю – почему? Ведь в ванне я сижу одна, дверь заперта на ключ. А они говорят:

– Как одна? А ангел-хранитель? Ведь он всегда при тебе!

Эта детская очаровательная наивность католического монастыря мне ужасно понравилась. Но разве это похоже на наше представление об ангеле-хранителе?»

Это пишет бывший беллетрист, видный сотрудник эсеровской газеты в 1905 году. О, трагическая тяжесть ягодиц!

Оставим шутки, хотя это очень трудно. Я только что прочитал отличнейшую книгу т. С.Б.Урицкого «В развёрнутое социалистическое наступление», – прочитал, и – мне очень весело.

Встарину существовала группа людей – канцеляристы. Слово «канцеляристы» – составлено из слов: «кане ч'ел'ария» – собака на воздухе, то есть у дверей, у ворот дома. Канцеляриста называли «чернильная душа». Умник не совсем похож на канцеляриста, душа у него книжная. Но он живёт тоже как бы где-то за воротами действительности и смотрит на неё из подворотни.

Умник прочитал, вероятно, не менее 16 тысяч книг по разным вопросам, и этот полумеханический труд усвоения чужих мыслей развил в нём уродливо преувеличенное мнение о силе и широте своего разума. Разумеется, я не стану отрицать за мешком права гордиться количеством зерна, которое насыпано в него. Но часто замечаешь, что чем шире объём знаний умника, – тем судорожнее и длинней кривая его колебаний.

Известны случаи, когда умник, отыскивая под себя удобное сиденье и двигаясь задом наперёд, доходит от марксизма до православного мракобесия и попадает из большевиков в церковные старосты.

Некоторые умники полагают, что именно в частой смене верований наиболее полно выявляется свобода мысли. В конце концов книги как будто не просвещают, а ослепляют умника, и частное хозяйство его души редко бывает благоустроенным.

Книги для него – источник противоречий, которые волнуют и терзают его гораздо сильнее, чем грозы, бури и ураганы социальной действительности. Действительность требует, чтоб книги отражали её рост и ход, но, становясь более бурной, насыщаясь энергией нового класса, его творчеством, она не очень церемонно считается с книгами, в которых отражён её вчерашний день. А умник хочет, чтоб действительность слушалась книг. Недавно один – из Ленинграда – совершенно серьёзно написал мне:

«Мы живём сейчас одной только политикой, но ведь политика есть только тактика государственного управления, государственной деятельности, за что и ответили перед лицом Революции царские министры и все занимавшие командные высоты. Чего же нам не хватает? У нас нет «быта». Отчего? Оттого, что быт есть следствие мирозерцания и этого мирозерцания у нас нет.»

«Оригинальность» этой мысли не исключительна; нет, это – весьма типическое «выявление» взгляда на жизнь из подворотни. Книгу умник ценит, книге он верит. Но если ему сказать, что в массах рабочих и крестьян Союза Советов спрос на книгу растёт с невероятной быстротой, что в 1927 году напечатано было 462 миллиона листов, а в 1930 уже 1365 миллионов – это не обрадует умника. Он скажет: «Издаются не те книги, они недостаточно объективны, и пишут их еретики, потому что материализм – учение еретическое и антикультурное».

Умник крепко убеждён, что без его мудрого участия в делах мира мир – погибнет, но участвовать он способен только посредством языкоблудия. Он вполне уверен, что всё знает и всё для него совершенно ясно. Книжность убила в нём чувство скромности и осторожность суждений, свойственную людям, которые, активно участвуя в строении жизни, относятся к ней внимательно и серьёзно: Он пишет откуда-нибудь, например, из Праги:

«Я хорошо знаю, что положение в России дошло до высшей точки неблагополучия.»

На самом деле он ничего не знает, потому что не хочет видеть того, что необходимо знать. Он совершенно не чувствует той высоты, до которой активизм рабочего класса и передового крестьянства поднял Союз Советов. О жизни 160 миллионов народа он судит как о жизни населения маленького уездного городка. С храбростью бесстыдника он утверждает: «непрерывка провалилась», не желая знать, что 66 процентов рабочих втянулись в непрерывную неделю и что это – факт огромнейшего политико-экономического значения и факт, революционизирующий быт.

«Пятилетка неосуществима», – каркает он, хотя должен бы знать, что по инициативе рабочих пятилетка сокращена до четырёх лет. Он вообще не хочет считаться с тем, что в Союзе Советов работает неведомая ему, умнику, энергия, которой он никогда, нигде не наблюдал, – свободная энергия рабочих и крестьян, которые всё более ясно сознают, что они – единственные правомочные хозяева своей страны, что они работают на себя и что работать надобно самозабвенно, мужественно, с полным напряжением сил.

Только силою этого сознания можно объяснить тот, казалось бы, невероятный факт, что нефтяная и торфяная промышленности выполнили уже 83 и 96 процентов того, что предполагалось выполнить в 1932/33 году, а это значит, что здесь пятилетний план осуществляется рабочими в два с половиной года. Выполнение пятилетнего плана по машиностроению достигло уже 70 процентов, а это значит, что план машиностроения будет выполнен не в пять, а в три года, так же как и план по электропромышленности.

О чём это говорит? О могучем запасе энергии рабочего класса. А о том, что крестьянин больше не хочет быть рабом земли, зависимым от капризов природы, говорит тот факт, что у нас 22 процента крестьянских хозяйств объединено в колхозы, а это объясняется только тем, что древний каторжник земли сознаёт необходимость борьбы с природой посредством машин, посредством помощи земле удобрениями – посредством новейших культурных и научных приёмов.

И не может быть сомнения в том, что колхозы будут расти, крестьянин умеет сопоставить факты и сделать из них выводы, а факты таковы: «Колхоз «Красный партизан» подсчитал, что на хозяйство каждого колхозника приходится при распределении урожая не менее 700 рублей. Единоличник и мечтать не может о такой сумме».

Энергия рабочих и крестьян растёт с поразительной быстротой, чего не отрицают даже неглупые капиталисты, хотя рост этой энергии угрожает им некоторыми неприятностями. Но умник стоит на своём, так как его немножко обидели, – ему не хватает яиц, масла к завтраку, и сидеть ему неудобно. «Не могу же я представить, что малограмотный рабочий, алкоголик и лентяй, безграмотный, забитый мужик способен успешно состязаться с капиталистом. Мы знаем свою страну, знаем характер её живой силы и знаем, что П.П. Струве прав: рабочий класс, как творческая сила, может существовать только в условиях капиталистического государства».

Мудрость – ошеломляющая! Не знаю, где, когда писал Струве столь изумительно о рабочем классе, и писал ли он так или это его переврали мои корреспонденты – «Честные русские».

Осведомлённость «честных русских» умников по глубине её равна их мудрости. Мне кажется, в этой мудрости есть уже нечто психопатологическое. Очень странно, что, говоря о «живой силе», о рабочем и мужике, умники забыли о «бабе» – новой «живой силе», очень живой и тоже весьма энергичной.

Помутнение разума умников принимает самые разнообразные и курьёзные формы. Так, например, одному из них было сообщено о чрезвычайно успешном развитии субтропических культур в республиках Грузии и Абхазии, а также о том, что чайные плантации Черноморья – 250 десятин дореволюционного времени – ныне, в 1930 году, занимают 20 000 гектаров. Он ответил вопросом: «Что же вы – с Китаем конкурировать будете?» Только. А он – грамотный человек, учёный, спец, ботаник.

Умники любят хвастаться своей любовью к «народу», своими заботами о нём, любят вспоминать о том, как они страдали, когда «народ» страдал под тяжестью бездарной, беспощадной власти помещиков и капиталистов. Но вот рабочие и крестьяне уничтожили эту власть и, сами хозяева своей земли, строят в ней новую государственную систему, учат делу социалистического строительства весь мир трудящихся. Казалось бы, что теперь «печальники о горе народном» должны отказаться от бесплодного ремесла горюнов и печальников, могут сидеть спокойно, любуясь мощной самодеятельностью трудового народа, его свободным творчеством во всех областях физического и умственного труда. Казалось бы, что теперь умники могут хором спеть «Ныне отпускаеши раба твоего, владыка» и – для окончательного успокоения своего – позаботиться о могилах. Пора!

Однако культурные успехи и достижения «народа» невидимы для них. Они заняты иезуитски тщательным подсчётом всяческих недостатков, ошибок, «прорывов» – всем, что даёт им «самокритика» рабочих и крестьян и что, в существе своём, является не столько «драмой власти», как поощрением энергии, воспитанием самодеятельности масс, – воспитанием в трудовой массе сознания её государственной ответственности за все её недостатки, пороки, ошибки, за небрежность и за торопливость. Всё это им непонятно, чуждо, они интересуются другим.

Они пишут: «Арестован благороднейший Иван Иванович, которого мы знаем...»

Издали они смотрят в подворотню и щели ворот новой истории, которую создаёт власть, воля рабочих, крестьян, смотрят и всё знают. Я думаю, что они не плохо знают только одно – то, что родственные им по «духу» умники стремятся, в меру слабых сил своих, к реставрации мещанства, к восстановлению буржуазного строя. И, вероятно, они чувствуют, что чем решительнее рабоче-крестьянская власть переходит в социалистическое наступление, тем разнообразнее выявляет себя злоба погибающего мещанина. Эта злоба создаёт свою атмосферу: естественно, что некоторые умники отравляются ею, и тогда приходится, не считаясь с их благородством, лишать их возможности свободы действий словом и делом.

Мне известны совершенно точные слова одного умника, слова, искренность которых не возбуждает сомнений. Когда его спросили, почему он «вовлёкся во вредительство», он объяснил:

«При капиталистическом строе мы являлись в известной степени обер-офицерами капитала, если можно так выразиться. Именно через нас капитал осуществлял свойственную и неизбежную при капитализме эксплуатацию рабочих, а это в свою очередь порождало уже известную идеологию, которая резко отделяла нас от рабочих, противопоставляла нас им.»

На этом красноречивом заявлении человека, родственного по «духу» умникам, можно кончить.

13 лет

В непрерывном, напряжённом движении к великой цели партией и рабочим классом прожит ещё год тяжёлого труда. Воплощено в жизнь огромное количество энергии, закончен ряд грандиозных начинаний, положено основание новым, ещё более грандиозным. Возросли достижения, цель которых – расширить и непоколебимо укрепить власть человека над природой, разумной воли над слепой силой стихии.

Журнал наш каждый месяц рассказывает читателям о новых фактах роста. Факты эти убедительно говорят о том, что по всему пространству Союза Советов, от берегов Ледовитого океана до Арарата, от Балтийского моря до Охотского и до Тихого океана, от границ Монголии до Латвии, – на всех точках этого огромного пространства неустанно идёт работа оплодотворения земли энергией рабочих и крестьян, работа обогащения нашей страны новыми фабриками, заводами, силовыми станциями, открытием новых и всё более обильных месторождений металла, удобрительных туков, развитием новейших сельскохозяйственных культур, бурным ростом рабочего изобретательства, ростом жилищного и культурного строительства.

Всю эту работу ведёт класс пролетариев, до революции – бесправных и полуграмотных, а ныне – класс, который быстро выделяет из своей среды тысячи и десятки тысяч строителей новой жизни, новой культуры. Изредка нас упрекают в том, что журнал наш замалчивает отрицательные явления жизни. Упрекающие забывают, что эти явления – вне пределов нашей темы, что задача журнала – наши достижения, а не наши уродства. Ведь нельзя же требовать, чтоб журнал, посвящённый, например, вопросу воспитания детей, говорил о несовершенствах скотоводства, или в журнале, посвящённом астрофизике, говорилось бы о вреде пьянства.

Мы не забываем, что на солнце есть пятна, а в рабочем классе – много лентяев, шкурников, глупых самолюбцев, индивидуалистов и вообще людей, больных болезнями мещанства. Но мы не верим в чудеса, кроме тех, которые творит разумная воля, а ведь было бы чудом, если б на протяжении тринадцати лет несколько десятков миллионов людей переродились в сознательных, государственно мыслящих социалистов.

Люди столетиями жили «в дураках», многим из них эта безответственная жизнь рабов органически привычна, даже – нравится, и вот вожди западной социал-демократии очень ловко пользуются древней привычкой массы терпеть и покорно подчиняться ужасам действительности, созданной капиталистическим строем, ныне, в судорогах, издыхающим. Истратив свою энергию, свои таланты, капиталистический мир, разрушаемый непримиримостью внутренних противоречий, уже не способен ни к чему более, кроме самозащиты против неизбежной социальной катастрофы, которая сметёт его с земли, как дождь и ветер сметают сор и пыль с дороги.

Это тоже, конечно, не будет чудом, а естественным возмездием паразиту, который, питаясь соками молодого растения, не только затрудняет его развитие, но грозит ему истощением и гибелью.

Главнейшее и самое значительное, что произошло за истекший год, – геологическая встряска, которую пережила деревня. Можно думать, что хребет кулака, «мироеда» – неизлечимо надломлен. Очевидный, неоспоримый поворот деревни от древнего, зоологического индивидуализма к работе коллективной знаменует собою широкий и решительный шаг передового крестьянства по пути к социализму. Этот процесс превращения раба земли в хозяина её сопровождается драмами и трагедиями.

Даром – ничто не даётся: судьба
Жертв искупительных просит.
Настоящее имя судьбы – История.

Крестьянин, обильно вооружённый машинами, получив возможность богато удобрять землю, истощённую его некультурным трудом на ней, перестанет служить тою почвой, которая, вместе с хлебом, создавала в качестве второго главного своего продукта ограниченного, тупоголового мещанина-индивидуалиста, гнилостную болезнь мира нашего и паука, который сплёл паутину капитализма, а теперь сам запутался и погибает в ней, на счастье трудового народа.

Крестьянин, вооружённый научным знанием и сознанием своей ответственной роли хозяина на земле, не будет рабом, зависимым от бессмысленных капризов природы; коллективист, освобождённый от каторжного труда, он быстро найдёт средства и создаст орудия для победы над его врагом – стихийными силами. И чем разумней, энергичней передовые отряды социалистически сознательных рабочих и крестьян будут направлять всё ещё консервативную, инертную массу на единственный путь к действительной свободе, на путь коллективизма, – тем быстрее будет достигнута основная, величайшая цель: освобождение людей от каторжного, преждевременно истощающего силы труда – убыточного и для личности и для государства.

Основа всех драм – бесплодное сопротивление неизбежному. Слепой разум или разум, оторванный от воли или подавленный книжностью, считает неизбежное – невозможным, тогда как неизбежное властно диктуется законами истории, в которой воплощена разумная воля людей.

Когда знаменитый физик, рабочий по происхождению, Фарадей показал, что магнит, поднесённый к проволочной катушке, возбуждает в ней электрический ток, Фарадея спросили: «Какое это может иметь значение?» Он ответил: «Нельзя предсказать судьбу новорождённого». Гладстон, министр, человек, которого считали «великим», спросил: «А какая от этого тока польза?» – «Вы скоро будете облагать его налогом», – сказал Фарадей. «Невозможно!» – откликнулся Гладстон.

В 1849 году специалист по судоходству де-Пассан утверждал: «Путешествие на пароходах через океан – невозможно». Знаменитый химик Лавуазье считал невозможным падение камней с неба, Лаплас, автор «Системы мироздания», находил невозможными пятна на солнце. Философ, позитивист, отрицал возможность определить состав звёзд, невозможными для человека считались полёты в воздухе.

Электрификация Союза Советов, укрепление рабоче-крестьянской власти и вообще – трудно перечислить количество невозможностей. Но электрический ток «налогами облагается», пароходы через океаны ходят всё быстрее, аэролиты с неба не только падают, а и разрабатываются – в Америке – как железная руда, то же самое, кажется, будет и в Сибири, мы разговариваем через океан по беспроволочному телеграфу и телефону и вообще чем далее, тем всё более дерзко делаем невозможное – возможным.

Мы уже имеем право думать, что невозможное – это ненайденное, неоткрытое, неисследованное, неосуществлённое, но осуществимое. Мы можем думать, что «непознаваемое» – это непознанное. По историческому возрасту нашему мы, на земле, всё ещё дети. Хитрые люди, хозяева жизни, всемирные мещане весьма искусно и крепко держали нас в детском возрасте. Церковники и мракобесы утверждали – и утверждают, – что разум человека ограничен, – по этому поводу можно снова напомнить умные слова гениального рабочего: «Нельзя предсказать судьбу новорождённого». Разум, которым начинаем жить мы, имеет от роду не более полутора лет. В нашу жизнь вливается поток разума, который ещё не работал над проблемами науки, не истощён, не затемнён предрассудками, не сдавлен оковами специальности. Утверждать, что разум ограничен, весьма выгодно: в ограниченном пространстве, замкнутом нормами и догматами, гораздо удобнее жить, чем в постоянном революционном стремлении расширять пределы познанного и утверждаемого как вечная истина. Весьма приятно иметь в «душе» своё небольшое индивидуальное хозяйство, в котором все понятия и представления о мире, о людях расставлены в хорошем, удобном порядке. Работа мысли всемирного мещанина направлена именно на охрану непоколебимого порядка во всём том, что нажито, вычитано, накоплено. В этом нищенском хозяйстве своём он привык видеть заключённой всю мудрость мира. Он так же ревностно отстаивает и защищает порядок своих сомнений, как и порядок своих верований. Он уверен, что в мире уже не может быть ничего лучше и ценнее серых бородавок его собственной мещанской «души».

В мир властно вошла резервная энергия того класса, который издавна придавал бесформенным кускам грубо организованной материи разнообразные формы орудий труда, машин, механизмов и аппаратов, назначение которых – облегчать физический труд и творческую работу мысли, исследующей явления природы. Раньше рабочий класс делал всё это по указаниям со стороны хозяев, в интересах обогащения их и укрепления их политико-экономической власти. Теперь он должен делать и делает всю эту разнообразнейшую работу для вооружения самого себя, для укрепления своей диктатуры и для того, чтоб, освободив свою физическую силу от чрезмерного труда,

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma превратить её в энергию разума и воли.

Для рабочего класса весь мир, вся «природа» – только материал, и в мире нет ничего непоколебимого, ничего невозможного. Рабочий класс Союза Советов, взяв власть, взял на себя и огромную ответственность пред лицом пролетариата всей земли, – ответственность за успех начатого им дела, за победу в его борьбе. Авангард отвечает за свои действия перед армией. Он отвечает хорошо: влияние революционной энергии передовых отрядов рабочих и крестьян на массы бесспорно и очевидно, если б его не было – рабочий класс не мог бы удержаться на позиции, завоёванной им. Это влияние было бы плодотворней и убедительней, если бы каждая активная единица всегда имела перед собою в цифрах, фактах, в простых словах точное представление о количестве творческой энергии, затраченной её классом за каждый истекший год, о результатах работы класса на всём пространстве Союза, о широте и обилии разнообразных достижений в труде и творчестве.

Это влияние было бы ещё сильнее, глубже, если б усвоена была простейшая идея: рабочий и крестьянин – единственные неоспоримые хозяева страны, партия – организатор их разумной воли; всё, что делается в Союзе Советов, делается рабочими и крестьянами для самих себя.

Редакция журнала поздравляет рабочих и крестьян со вступлением в четырнадцатый год строительства нового мира. Работники журнала желают вам, товарищи, стойкости, бодрости духа, крепкой, товарищеской дружбы.

Не дадим пощады прагам. Больше внимания, больше поддержки друзьям!

Переписка с читателями
«Дорогой Алексей Максимович!

Мысль написать небольшое письмо пришла мне под впечатлением от чтения вашей статьи «О солитёре».

У меня составилось такое впечатление из других ваших статей в «Правде», да и из этой, что вы постоянно «бомбардируетесь» письмами тех, кто личное, в сущности ничтожное, горе стремится выдать за мировую скорбь, пустую слезу – за жемчужину исстрадавшегося сердца, кто внутреннюю пустоту принимает за пустоту жизни, кто гибель надежды личного благополучия и счастья считает гибелью счастливой жизни вообще, кто, чувствуя, что он – тонет и что иссыхает насыщенное тёплое болотце его ограниченного мира, – думает, что погибает не он, а весь необъятный мир. Чувствуя, что дни его сочтены, он, этот солитёр, начинает кричать, визжать, брюзжать, и этот визг буквально слышится повсюду.

Немудрено, что эти отчаянные вопли долетают и до вас, надеясь на «тёплое сердечное слово».

Пишут ли вам те из миллионов, которые пробудились и поднимаются к жизни? Думаю, что, конечно, пишут, но вряд ли многие. Вряд ли многие потому, что эти люди гораздо более беспощадны в критике, чем откровенны в радости; более самоуверенны в деле, чем расточительны в слове. А между тем, если знаменитый наш сатирик тосковал о своём читателе, то тем более близкая и тесная связь между читателем и писателем необходима в наше время.

Вот почему я решил отозваться несколькими словами о журнале «Наши достижения» и думаю, не сочтёте вы это за желание оказать приятное одолжение для вас, – одолжение, в котором вы не нуждаетесь.

«Предприняв издание ещё одного ненужного журнала...» – так, кажется, пишет солитёр, и это совершенно понятно, ибо для солитёра ненужным является всё то, что изгоняет его из организма, что очищает организм от паразитов, словом, всякий подлинно полезный медикамент. А журнал «Наши достижения» – великолепный медикамент, и он нужен, очень нужен! Нужен потому, что не все ещё отравлены паразиты, не все залечены раны на здоровом и крепком теле. Это – во-первых. Во-вторых, журнал нужен и для иной цели. Человек в наши дни должен быть (и становится) настолько большим, чтобы видеть всю страну, чтобы жить жизнью всего нашего необъятного Союза, а между тем мы всё ещё остаёмся в своих углах, видим одни и те же улицы и лица, одни и те же стены и крыши, видим постоянно один и тот же горизонт. А когда мир суживается до такой степени, то непомерно сильно вырастает своё «я», возвышаясь до царственного положения. Чтобы каждый отказался

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma думать, что «земля вертится вокруг него» и что солнце опускается на его поле, чтобы перестал он чувствовать и считать себя «солью земли» для этого необходимо раздвинуть мир, в котором он живёт, разорвать узкий горизонт видимого ему мира, усилить его глаза и уши, удлинить руки и ноги, увеличить мозг, то есть сделать его постоянным жителем гораздо более широкого коллектива, оторвав его от мерзкой скорлупы, и возвысить человека до осознания величественной силы физической и умственной деятельности подлинного коллектива.

Теперь нужно сделать доступным человеку сравнивать свои лишения с лишениями многих, свою нужду с нуждой всех, свои достижения с достижениями всего Союза. Нельзя отдалиться пассивному ожиданию прихода «всеспасающей техники», нельзя потому, что и техника, в конце концов, – застывший труд, нельзя и потому, что просвещение и культура представляют рычаг огромного значения, чтобы поддерживать среди всех строителей нового общества (строющих в различных, неизменно отдалённых уголках) постоянную жажду к деятельности, необходимо каждому из строителей предоставить жить и радоваться достижениями трудящихся всей страны. И вот эту роль для нас выполняет редактируемый вами журнал.

Живу я, А.М., в Перми. Вы были в этом городе и помните, может быть, этот богатый мещанством городок. Теперь, конечно, многое изменилось: открыты химический, ветеринарный, сельскохозяйственный институты, преобразованы в институты бывшие педагогический и медицинский факультеты. Вырос огромный завод «Уралсепаратор», открыт трамвай, вблизи от города строится гигантский бумажный завод, так же недалеко Уралнефть и т. д. Словом, культурная и хозяйственная жизнь изменилась, но всё же как она далека по темпу от жизни таких, допустим, бурно развивающихся городов, как Новосибирск, Харьков, Иваново, Москва и даже Свердловск!

Живя в этом довольно тихом городке, конечно, нуждаешься постоянно в знакомстве с гигантским строительством страны, чтобы вжиться, вчувствоваться в этот невиданный рост и зажечь себя новым порывом к работе. Правда, многое пишется в газетах и других журналах, но в них справедливо уделяется большее внимание недостаткам, прорывам, как теперь говорят, чем достижениям и успехам. Между тем вряд ли можно переоценить значение пропаганды успехов социалистического строительства. Этому большому делу служат «Наши достижения» и такой же прекрасный журнал «СССР на стройке».

Сегодня утром мы с товарищем порядочно расстроились. Конечно, известно вам, что с питанием (да и с промтоварами) сейчас не вполне благополучно, особенно в провинциальных городах. Так вот, сегодня мы не могли нигде позавтракать до 12 часов: 2 столовых были закрыты, а в третьей ужасная очередь, купить съестного было негде. Конечно, другие голодают и больше, но люди-то мы молодые, нетерпеливые. Жрать хочется чертовски, небось, при самом большом энтузиазме поползут по мозгам, точно черви после дождя, «всякие такие» мысли. Надо их чем-то ущемить, задушить, отравить. И тут мало одной физической пищи, необходим и умственно «лекарственный напиток». И вот зашёл я после обеда в городскую библиотеку, посмотрел, прочитал многие журналы и между ними «Наши достижения», и невольно стало обидно и стыдно за утешные, нудные мысли, такими пустяшными, маленькими показались они по сравнению с величественностью «Сельмашстроев», «Тракторостроев», «Днепростроев» и неисчислимых других «строев».

Сегодня у меня выходной день, я решил пойти к пристани. Прежнюю жизнь пристаней я скорей знаю по вашим описаниям, но недавнюю всё же несколько помню. И вот там, где были бесчисленные лавочки, фруктовые и продуктовые, – теперь пусто, купить – ни чёрта! Меня охватило чувство нашей нужды и бедности. Но взглянул на строящееся рядом с замечательным Любимовским домом на берегу Камы огромное бетонное здание, дымящие – вверху Мотовилиху и внизу – «Уралсепаратор», и у меня изменилось настроение. «Нет, – подумал я, – наша бедность есть живой свидетель того, что мы богатеём». Всё дело заключается в том, чтобы содержание коллектива сделать содержанием своего «я», его закон – своим законом, его рост – собственным ростом, радость и достижения коллектива – радостью и достижениями своими. Это оказывается, – я откровенно сознаюсь, А.М., – трудным делом и для нас, для молодых. Иногда это вызывает нелёгкую внутреннюю борьбу, но без борьбы жизнь – ничто, да, собственно, и нет жизни. Необходимо постоянно видеть плоды своих усилий, результаты далёких устремлений, близкую достижимость цели, убеждаться самому в достижимости этой цели, чтобы она не была неосознанной туманностью будущего, а яркой путеводной звездой. И вот эту задачу выполняет с успехом ваш журнал. Постоянно показывая достижения социалистического строительства, приближая их к нам в отдалённые уголки, освещая увлекательно их

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma исторический смысл, журнал учит жить и восторгаться грядущим. Желаю вам доброго здоровья и успешной дальнейшей работы. Один из многих, студент-выдвиженец, по происхождению крестьянин, по воспитанию – детдомовец.

24 –VII–30.»

Мы публикуем это письмо потому, что автор его – один из миллионов, которые «пробудились и поднимаются к жизни». Несомненно, он прошёл весьма трудный путь, прежде чем достиг университета. Лет двадцать тому назад он до университета не дошёл бы, хотя он, кажется, человек стойкий. Но в то не «доброе», не очень «старое» и всё-таки уже далёкое от нас время погибали именно стойкие, мужественные. Пути к университетам были закрыты для них. И тот факт, что в наши дни в университет можно попасть из детдома, из «колонии беспризорных», из трудовой колонии людей, бывших «социально опасными» и «правонарушителями», этот факт – одно из крупнейших достижений Октябрьской революции.

Автор письма – человек скромный, он не подписал своего имени, – автор письма спрашивает: пишут ли мне «те из миллионов, которые пробудились и поднимаются к жизни»? Да, я очень много получаю писем от бодрых и скромных маленьких «великих» людей, которые неутомимой работой своею создали атмосферу, понуждающую людей «подниматься к жизни». Писем этих так много, что опубликовать их – невозможно, да и нет нужды: авторы этих писем хорошо знают свои цели, задачи и пути к разрешению их. Но они плохо знают общие итоги их работы и мало знают о том, как глубоко проникает их работа, как действует на некоторых людей создаваемая ими атмосфера героического труда. А студент правильно говорит: «Человек в наши дни должен быть настолько большим, чтоб видеть всю страну, чтоб жить жизнью всего нашего Союза» и – скажу ещё раз, – как он, работая, воспитывать таких же мужественных героев труда, каков сам.

У меня есть другие письма, в которых говорится именно об этом; со временем я соберу и опубликую их, а сейчас приведу выдержки из двух, трёх. Вот что, например, пишет человек с Турксиба:

«И случилось так, что я, лишенец, обиженный человек, понял здесь, среди этих разношёрстных людей единого духа, как велико и захватывает наслаждение узнавать жизнь и участвовать в переустройстве её. Сонного меня ночью заносило песком, до чёртиков напугала змея, потел, как в бане, вообще «хватил горячего до слёз», а вместе с потом выпарились из меня все мои обиды и поповский мой аристократизм. И, уж по правде скажу, обидно было мне видеть, что полудиккий киргиз, башкир работают с таким увлечением, которого я сначала-то не только не чувствовал, а и не понимал даже. Теперь, когда прошёл эту школу, чувствую себя вполне на своём месте.»

А вот – другой голос из Северного края, из Карелии:

«Сурово здесь, а зимою жутко было. Да и насчёт хлебца не богато. Стишки писать бросил, повернуло на прозу, проза тоже не удаётся, всё не те слова идут под перо. К тому же понимаю, что в литературу меня тянуло как к лёгкому труду, а тут лёгкого-то труда – нет, не найдёшь. Пришлось действовать как все. А тут один зав, хороший парень, говорит: «Ты что всё под нос себе читаешь? Ты бы – вслух. Да безграмотность ликвидировал бы». Впрягся я в это дело, и понравилось мне, вижу, что могу быть неплохим учителем. Трудновато после работы учительствовать, но ученики поддерживают, интересно с ними. Вопросов у них накопилось столько, что мне самому надобно учиться, а книг нет.»

И ещё пример того, как наша действительность «поднимает людей к жизни». Автор этого письма говорит о себе так:

«Я был частым посетителем домзаков. Видел, как мои товарищи по тюрьме уничтожали книги на карты и курево. Я также принимал участие в этом, не понимая, что сим поступком совершаю более тяжёлое преступление, чем на воле. Читал плохо, по складам, и никогда не хватало прочитать книгу до конца.»

Но, наконец, в руки его попала книга, которую он прочитал «до конца» и «узнал из неё, что всякому поступку людей жизнь готовит возмездие».

Он не только выучился свободно читать и «заразился страстью к чтению», но – сам

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma картёжник – «стал ярким противником тех, которые уничтожали книгу, превращая эту драгоценность в карты, страшное, социальное зло».

Человек этот ныне работает в далёкой сибирской тайге, на терпентинных промыслах, сам учится, учит других и даже пробует писать, прислал рукопись в журнал «Литературная учёба».

Это – особенно показательное письмо. Оно говорит, что даже из тюрьмы, откуда, в былое время, человек не находил выхода на широкую дорогу общественно полезного труда, – у нас он легко, при желании, выходит на эту дорогу. Приведённый мною факт – не исключителен.

Под Москвою, в Болшеве, организована трудкоммуна, где отлично работают несколько сотен бывших тюремных и соловецких жителей, вырабатывая высокую трудовую квалификацию, получая до 150 рублей в месяц. Там у них отлично оборудован трикотажный цех, обувной, деревообделочный, построена фабрика коньков, прекрасное общежитие для одиночек и семейных. Многие из них после рабочего дня посещают вечерние курсы.

Мм очень мало знаем об этих исключительно удачных опытах воспитания бывших «правонарушителей» и «социально опасных», а у нас таких трудкоммун, как болшевская, – не одна. И есть немало трудколоний, где маленькие «беспризорники» и ворюжки тоже превращаются в квалифицированных рабочих, учеников агроинститутов, студентов. 3

О чём говорит всё это? О том, как глубоко проникает влияние свободного труда даже «на дно жизни». Я думаю, никогда ещё в мире, за всю его историю, труд не обнаруживал так ярко и убедительно своей сказочной силы, преобразующей людей и жизнь, как обнаруживает он эту силу в наши дни, у нас, в государстве рабочих и крестьян. Разумеется, это – не на радость людям, которые не могут представить себе жизнь иначе, как процесс порабощения и эксплуатации большинства меньшинством. Рабовладельцев не может радовать рост сознания рабочими и крестьянами своего права на власть, рост сознания ими силы труда, разрешающей все загадки жизни, единственной силы, которая способна в корне изменить позорные условия.

Капиталисты Европы и Америки очень хорошо понимают, чем грозит их «красивой жизни» суровая и трудная работа строителей нового, социалистического государства, и – естественна дикая, но бессильная ненависть капиталистов к Союзу Советов. Ненависть эта растёт вместе с ростом наших достижений в деле организации новых форм жизни, растёт ненависть, но растёт и бессилие её.

Торгаш – ненавидит, но – он, прежде всего, торгаш, и, ненавидя врагов своих, он вооружает их, снабжая машинами и всем, что всё более обеспечивает победу той великой идеи, которую осуществляет рабочий класс Союза Социалистических Советов. На этом примере лучше всего виден анархический индивидуализм мира капиталистов.

В письме студента самое ценное – его сознание, что «без борьбы – нет жизни», и правильны его слова: «Необходимо постоянно видеть плоды своих усилий, результаты далёких устремлений... близкую достижимость цели... чтоб она была яркой путеводной звездой».

Это – правильно. Каждому рабочему и крестьянину, каждому активному борцу за лучшее будущее – гораздо легче будет жить и работать, если перед ним встанет картина грандиозных завоеваний его класса, если он из месяца в месяц, из года в год будет следить за ростом коллективного труда всей массы рабочих и крестьян, за успехами и достижениями во всех областях труда.

Учат, воспитывают факты, всегда – факты, идеи сопутствуют, а не предшествуют фактам. «Прорывы» на разных фронтах, вызываемые недостаточно ясным сознанием единиц государственного значения труда, неизжитый мещанский индивидуализм, стремление поскорее, поудобнее устроить

свою личную жизнь, привитые прошлым пороки: пьянство, лень, отсутствие сознания ответственности пред своим классом, коллективом – всё это есть. Но здесь необходимо помнить, что мы живём не в сумерках прошлого, а ярким днём. Все пятна и тени отлично видны. Ежедневная наша пресса беспощадно освещает их, и яркость света делает тени, может быть, темнее, чем они есть на самом деле.

Но – они есть. Это постыдно, и этого не должно быть. Этого и не будет. Чем шире, быстрее станет расти поток творческой энергии передовых отрядов рабочих и крестьян, тем решительнее, беспощадней будет он отбрасывать в сторону от себя всех, кто по мотивам мещанского индивидуализма найдёт возможным влить свои силы в общее бурное течение творческой энергии рабочего класса к его великой цели.

Если враг не сдаётся, – его уничтожают

Организованная учением Маркса и Ленина энергия передовых отрядов рабочих и крестьян ведёт за собой массу трудового народа Союза Советов к цели, смысл которой выражается в трёх простых словах: создать новый мир. В Союзе Советов даже дети-пионеры понимают, что для создания нового мира, новых условий жизни необходимо:

сделать невозможным скопление в руках и карманах единиц огромных богатств, которые всюду выжимаются и всегда выжимались из крови и пота рабочих, крестьян;

уничтожить деление людей на классы, уничтожить всякую возможность эксплуатации меньшинством трудовой и творческой энергии большинства;

разоблачить ядовитую ложь религиозных и национальных предрассудков, которые разъединяют людей, делая их непонятными, чужими друг другу;

вытравить из жизни трудящихся все воспитанные вековым рабством дикие и грязные бытовые навыки;

уничтожить всё, что, затрудняя в трудовом народе рост сознания единства его жизненных интересов, позволяет капиталистам создавать человеческие бойни, посылая миллионы трудящихся на войну друг против друга, – на войны, основная цель которых всегда одна: укрепление права капиталистов на грабёж, укрепление их бессмысленной жажды наживы, их власти над трудящимися.

В конечном счёте это значит: создать для всех людей и для каждой единицы свободные условия развития своих сил и способностей, создать равную для всех возможность достижения той высоты, до которой поднимаются, излишне затрачивая множество энергии, только исключительные, так называемые «великие люди».

Это – фантазия, романтика? Нет, это – реальность. Фантазией, романтикой называют это движение масс к строительству нового мира враги рабочих и крестьян, люди, которые, – как недавно написала мне «Русская женщина» – представляют «тонкий слой образованных и европейски мыслящих» и которые, – как пишет она, – убеждены, что:

«Разум – достояние немногих, нельзя искать разума в массах».

«Культура – создание немногих, высокоодарённых людей».

В этих словах «Русская женщина» грубо, но правильно выразила весь смысл и всю нищету буржуазной идеологии, выразила всё, что буржуазная мысль может противопоставить духовному возрождению пролетарских масс. Духовное возрождение пролетариата во всём мире – неоспоримая действительность. Рабочий класс Союза Советов, идя впереди пролетариев всех стран, прекрасно утверждает эту новую действительность. Он поставил перед собой грандиозную задачу, и его концентрированная энергия успешно разрешает её. Трудности решения – огромны, но, когда хочешь, – можешь! Десять лет назад рабочий класс, почти безоружный, разутый, раздетый, голодный, вышвырнул из своей страны богато вооружённые капиталистами Европы белые армии, вышвырнул войска интервентов.

За тринадцать лет, работая над строительством своего государства с небольшим количеством честных, искренно преданных ему специалистов, прослоенных множеством гнусных предателей, которые отвратительно компрометируют и своих товарищей и даже самую науку, работая в атмосфере ненависти мировой буржуазии, в змеином шипении «механических граждан», которые злорадно подмечают все мелкие ошибки, недостатки, пороки, работая в условиях, о тяжести и ужасе которых он сам ещё не имеет ясного представления, – в этих адских условиях он развил совершенно изумительное напряжение подлинно революционной и чудотворной энергии.

Только героическое мужество рабочих и партии, выражающей его разум – разум

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma революционной массы, может создавать при всех данных отрицательных условиях такие подвиги, как, например, то, что по плану на 1929–30 годы рабочие должны были поднять промышленность на 22 процента, а подняли на 25, колхозы должны были дать 20 миллионов гектаров, а мы имеем уже 36! Вместе с этим, затрачивая силы свои на строительство индустрии, руководя реорганизацией деревни, рабочий класс и крестьянство непрерывно выделяют из массы своей сотни даровитых выдвиженцев, ударников, рабкоров, писателей, изобретателей и вообще – новую, свою интеллектуальную силу.

Внутри страны против нас хитрейшие враги организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян–коллективистов убийствами, поджогами, различными подлостями, – против нас всё, что отжило свои сроки, отведённые ему историей, и это даёт нам право считать себя всё ещё в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдаётся, – его истребляют.

Извне против творческой работы Союза Советов – европейский капитал. Он тоже отжил свой срок и обречён на гибель. Но он всё ещё хочет и всё ещё имеет силы сопротивляться неизбежному. Он связан с теми предателями, которые вредительствуют внутри Союза, и они, в меру своей подлости, помогают его намерениям разбойника.

Пуанкаре, один из организаторов европейской бойни 1914–18 годов, прозванный «Пуанкаре–война», человек, который едва не погубил игру капиталистов Франции, бывший социалист Бриан, знаменитый алкоголик лорд Биркенхед, недавно умерший, и прочие искренние лакеи капитала готовят благословляемое главой христианской церкви разбойничье нападение на Союз Советов.

Мы живём в условиях непрерывной войны со всей буржуазией мира. Это обязывает рабочий класс деятельно готовиться к самообороне, к защите своей исторической роли, к защите всего, что уже создано им для себя и в поучение пролетариям всех стран в течение тринадцати лет героической, самозабвенной работы строительства нового мира.

Рабочий класс и крестьянство должны вооружаться, помня, что уже один раз могучая сила Красной Армии победоносно выдержала натиск мирового капитализма, будучи безоружной, голодной, разутой, раздетой и руководимой своими товарищами, не очень знакомыми с хитростью военных действий.

Теперь у нас есть Красная Армия, армия бойцов, каждый из которых хорошо знает, за что он будет драться.

И, если, окончательно обезумев от страха перед неизбежным будущим, капиталисты Европы всё–таки дерзнут послать против нас своих рабочих и крестьян, необходимо, чтобы их встретил такой удар словом и делом по глупым головам, который превратился бы в последний удар по башке капитала и сбросил его в могилу, вполне своевременно вырытую для него историей.

К рабочим и крестьянам

В Москве Верховный Суд рабочих и крестьян Союза Социалистических Советов судит людей, которые организовали контрреволюционный заговор против рабоче–крестьянской власти.

Пролетарии всех стран, а особенно вы, рабочие Франции и Англии, должны понять смысл этого заговора и его значение для вас, потому что и вам со временем придётся иметь дело с такими же изменниками и предателями, каких судят в Москве. Эти люди, специалисты по технике, учёные лакеи капиталистов, изгнанных из России, уличены и сознались в целом ряде гнуснейших преступлений против рабочих. Они, пользуясь своими знаниями и доверием Советской власти, вредили всеми способами делу строительства рабочими своего государства равных.

Они затрудняли развитие промышленности в Союзе Советов, портили всё, что можно испортить, бессмысленно тратили средства и силы трудового народа, стараясь всячески вредить росту и развитию хозяйства страны, они искусственно создавали в Стране Советов пищевой голод. Всё преступное и подлое, что они делали, делалось ими для того, чтобы расстроить работу Советской власти по развитию хозяйства Союза Советов, создать в Союзе хаос, возбудить недовольство Советской властью в массах народа, особенно – крестьянства. Делалось это ими по соглашению и под руководством тех русских капиталистов, которые эмигрировали из России,

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyта приютились в Европе – больше всего в Париже – и которые хотят восстановить свою власть над рабочим классом и крестьянством Союза Советов.

Разумеется, что русские фабриканты и банкиры не рассчитывают вернуться в Россию вооружённые только своими кулаками и карманами.

Дело всех капиталистов – одинаково во всём мире, дело это – циническая эксплуатация труда рабочих. Поэтому естественно, что русские капиталисты нашли среди капиталистов Франции и Англии полное сочувствие своим преступным целям. «Пуанкаре-война», Бриан, Черчилль, Болдуин и прочие авантюристы на службе капитала охотно пошли навстречу целям русских хищников и мошенников. Вместе с теми вредителями, которых в Москве судит Верховный Суд народа, ими выработан план военного вторжения в Союз Советов – план интервенции. Гнусная и разрушительная работа вредителей в Союзе Советов была затеяна для того, чтоб облегчить армиям интервентов разбойничье нападение на Союз Советов в 1930–31 году.

Предполагалось спровоцировать Советскую власть на войну против рабочих и крестьян Польши и Румынии, а рабочим и крестьянам Франции, Англии выступить для защиты этих стран, уже экономически порабощённых капиталом крупных организаций хищников.

Война капиталистам выгодна, они торгуют оружием и хорошо наживаются на крови рабочих. Они не остановятся перед ужасами новой войны, хотя знают, что ужас её превзойдёт всё то, что было в 1914–18 годах. Капиталисты не пожалеют истребить ещё десятка два, три миллионов рабочих и крестьян. Дело всех капиталистов во всём мире одинаково.

Дело рабочих и крестьян тоже одинаково во всём мире: рабочие и крестьяне должны освободить себя от власти капитала, от нищеты и вымирания.

Рабочие! Вам давно пора понять, что источник всего зла и горя, всех несчастий и уродств жизни, источник этот – жадность ничтожного меньшинства людей, которые одичали, обезумели от жажды накопления денег и незаконно, бессмысленно командуют жизнью трудового большинства, растрачивая его силы, истребляя сокровища земли, которые принадлежат вам. Вспомните, что за четыре года империалистической войны потоплены были в морях миллионы тонн металла, добытого и обработанного вами, сожжены миллионы тонн угля, добытого вами, уничтожено неисчислимо количество кожи, тканей и всевозможных продуктов вашего труда. Истребляются сокровища, которые принадлежат вам, вашим детям, но, истребляя эти сокровища, разоряя вас, уничтожая миллионы ваших отцов и братьев по крови и по классу, капиталисты наживают жир и золото.

Сотни тысяч рабочих строят суда, которые будут потоплены, делают пушки, пулемёты, ружья, которые послужат в конце концов для того, чтоб убивать вас. Вы тоже, конечно, будете убивать рабочих и крестьян, ни в чём не виноватых перед вами, так же, как не виновны и вы перед ними. И это взаимное отсутствие виновности делает преступление войны ещё более безумным и преступным. Вооружая капиталистов, вы работаете против себя, ваш труд на войну – самоубийство. Вас хотят послать против рабочих и крестьян Советского Союза, которые показывают вам, как хорошо можно жить и работать без хозяев.

Буржуазная печать ежедневно лжёт и клеветает на Союз Советов, выдумывая различные глупости и ужасы; она делает это для того, чтобы вызвать у вас недоверие к успехам рабочих Союза, чтобы настроить вас враждебно к Союзу Советов, родине действенного социализма.

Сама она отлично знает, как велики успехи рабочего строительства в Союзе Советов, как они велики, несмотря на организованное вредительство продажных душ. И она отлично понимает, чем грозят эти успехи мировому капитализму. Но буржуазная пресса – послушное орудие буржуазии, буржуазные журналисты – купленные люди; они не могут говорить правду, а если б захотели сказать её, хозяева газет вышвырнут журналистов на улицу, так же как фабриканты вышвыривают вас.

Капиталисты знают, что, если рабочие Союза Советов достигнут своей цели, – а она уже близка, – вы тоже последуете примеру трудового народа Советских Республик. Вам внушают вражду к рабоче-крестьянской власти Союза Советов из жадности,

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma потому, что Страна Советов – огромный рынок и что земля страны сказочно богата; вам внушают вражду к ней из страха, потому что рабочие и крестьяне Союза быстро и неутомимо роют могилу капитализму. Капиталисты хотят, чтобы вы пошли на смерть ряды торжества их власти и ради обогащения их.

В Союзе Советов даже дети-пионеры уже знают, что всякая война – кроме войны рабочих против хозяев – есть безумнейшее преступление рабочих разных стран друг против друга.

Народ Союза Советов не хочет войны, но вы должны знать, что он не боится и готов к ней.

Вы уже знаете, что двенадцать лет назад рабочие и крестьяне Союза Советов отказались драться против вас и почти безоружные, голодные, полуодетые разбили армии офицеров, которыми командовали учёные генералы и которых отлично вооружили капиталисты Франции и Англии. Теперь Союз Советов имеет хорошо вооружённую армию, каждый боец которой прекрасно знает, что он будет драться за свою свободу, свободу страны, где он полноправный хозяин и где нет хозяев, кроме рабочих и крестьян. Вы будете драться за интересы, враждебные вам, за интересы капиталистов, которые торгуют вашей плотью и кровью. Они продают друг другу из страны в страну оружие, сработанное вами, и возможно, что вас будут убивать именно из тех пушек и ружей, которые сделаны вашими руками и проданы вашими хозяевами вашим – будто бы – «врагам». Понятно ли вам поразительное безумие нашего пассивного отношения к той кровавой игре против нас, которую снова затевают ваши хозяева, небольшая банда разбойников, приученных жить грабежом вашего тяжёлого труда?

Они вооружились для войны ещё более ужасной, чем война 1914–18 годов. Они снова хотят уничтожить, искалечить миллионы людей.

Хотите ли вы этого? Вы в силах не допустить войны. Вы и все люди, которые ещё способны понять бессмысленность и преступность новой общеевропейской войны, можете ударить по рукам авантюристов. У вас для этого есть все средства.

В частности, вы, рабочие Франции и Англии, должны бы потребовать от своих правительств, чтобы они выгнали вон русских эмигрантов и капиталистов, которые хотели бы продать рабочих и крестьян Союза Советов вашим капиталистам.

Это требование должно быть внушено вам не только классовым чувством солидарности пролетариата всех стран, но и простым чувством самозащиты против чужих вам людей, которые, подкупая ваших хозяев и министров обещаниями поделиться с ними добычей бандитов, провоцируют новую бойню, которая уничтожит не один миллион ваших жизней.

Протестовать против этой бойни должны женщины: матери, жёны, сёстры и невесты; должны бы протестовать и те интеллигенты-«гуманисты», которые недавно протестовали против наказания, не зная, как гнусно было преступление.

Гуманистам
«Интернациональный союз писателей-демократов» в лице генерального секретаря его господина Люсьена Кине почтил меня приглашением сотрудничать в литературном органе союза. Цель союза – «сближение литераторов-демократов», в его президиуме – Ромэн Роллан и Эптон Синклер – люди, которых я весьма уважаю. Но вместе с ними в президиуме профессор Альберт Эйнштейн, а в комитете господин Генрих Манн. Эти двое, вместе со многими другими гуманистами, недавно подписали протест немецкой «Лиги защиты прав человека» против казни сорока восьми преступников, организаторов пищевого голода в Союзе Советов.

Я совершенно уверен, что в числе прав человека нет права на преступление, а особенно на преступление против трудового народа. Неопишуемая гнусность действий сорока восьми мне хорошо известна, я знаю, что они делали нечто гораздо более преступное и грязное, чем то, что делалось хозяевами боек Чикаго и описано Э.Синклером в его книге «Джунгли». Организаторы пищевого голода, возбудив справедливый гнев трудового народа, против которого они составили свой подлый заговор, были казнены по единодушному требованию рабочих. Я считаю эту казнь вполне законной. Это – суд народа, который, живя и работая в тяжёлых условиях, отказывая себе во всём и не шадя своих сил, мужественно и успешно стремится создать трудовое государство, свободное от хищников и паразитов, а также и от

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyта людей, гуманизм которых, в сущности, служит прикрытием хищничеству и паразитизму.

Ясно, что моя оценка казни сорока восьми резко расходится с оценкой «Лиги защиты прав человека». А так как господа А.Эйнштейн и Г.Манн согласны с оценкой «Лиги», то само собой разумеется, что какое либо моё с ними «сближение» невозможно, и поэтому я отказываюсь от сотрудничества в органе «Интернационального союза писателей-демократов».

За истекшие три года мне было сделано и ещё несколько приглашений участия в органах демократов-«гуманистов». На эти приглашения я не отвечал, – попробую исправить мою невежливость. Мой ответ я адресую Р. Роллану, Э. Синклеру, Б. Шоу, Г. Уэллсу, чьи имена упомянуты в письме господина Люсьена Кине и чьё мнение не безразлично для меня, – я думаю, что именно им должен я объяснить моё отношение к интеллигентам, которые избрали гуманизм своей профессией.

После девятого января 1905 года господа гуманисты Европы, возмущённые массовым убийством рабочих на улицах Петербурга, дали Николаю Романову титул Кровавого, вполне заслуженный им и до этого преступления. Но они не протестовали против банкиров Франции, которые, снабдив кровавого царя деньгами, помогли ему истребить на виселицах, на каторге, в тюрьмах ещё несколько тысяч наиболее ценных русских людей. Времени для протеста было вполне достаточно, террор царя длился три года. В 1910 году я с Вильгельмом Оствальдом, Рихардом Демелем, Ф. ван Эденом и Эптоном Синклером участвовал в организации интернациональной интеллигенции, организация эта ставила целью своей тоже «сближение» гуманистов Европы. В 1914 году Вильгельм Оствальд и Рихард Демель одни из первых подписали кроважидное воззвание против Англии. В том же году значительная часть русских писателей, учёных, – все гуманисты! – сочинили и опубликовали нечто отвратительно крикливое против немцев, но не против самого факта войны. Это было сделано именно теми интеллигентами, которые ныне, живя в Берлине и Париже, бездарно и глупо клеветают на рабоче-крестьянскую власть Союза Советов, отравляют грязной ложью мозги европейских гуманистов, проповедают идею интервенции в Союз, то есть пытаются внушить необходимость новой мировой войны. На этот раз они, так горячо протестовавшие против «немецких зверств», желали бы видеть немецкие и всякие «зверства» в стране, которая была их отечеством, против народа, который они считали «родным», своим.

Нахожу нужным сказать, что я никогда не подписывал протестов против немецких или каких-либо иных военных зверств. Я знаю, что война – сплошное зверство и что на войне люди, ни в чём неповинные друг перед другом, истребляют друг друга, будучи насильно поставлены в состояние самообороны. Я знаю, что войны организуются капиталистами в целях утвердить порядок, который делает обычными ежедневные зверства «мирного» времени, в целях личного обогащения, а не в интересах нации, нация – это трудовой народ, его экономические интересы – интернациональны; я знаю, что капитализм – заразная болезнь народов. Я отрицаю право на существование такого порядка, который делает неизбежной необходимость войн между капиталистами, – войн, которые ведутся силами трудового народа и уничтожают его. Против войны, этого изумительно подлого и бессмысленного дела, защитники прав человека не протестуют. Советский проект полного и всеобщего разоружения, внесённый товарищем Максимом Литвиновым в Лигу Наций, гуманисты не поддержали.

В 1918 году французы, англичане, американцы, раздавив Германию, организовали разбойничий набег на истощённую войной Россию, – набег в целях обратить Россию в свою колонию и грабить её, как они грабят Германию. Гуманисты не обратили внимания на этот факт, возвращавший «культурную» Европу ко временам авантюры Кортеса и Пизарро.

«Защитники прав человека» не услышали, как французский генерал Франше д'Эспере внушал своим солдатам в Одессе:

– Русские – варвары и негодяи! Не церемоньтесь с ними, расстреливайте их, начиная с мужика, кончая самым высшим представителем.

Но эти изумительные вопли дикаря слышали те русские гуманисты, которые и тогда стояли рядом с ним и теперь готовы помочь всякому идиоту, способному по приказанию своих капиталистов резать и расстреливать трудовой народ Союза Советов.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Не правда ли, гуманисты – очень странный народ? Их немало не возмущают события в Индии, Китае, в Африке и Палестине, не возмущаются они и у себя дома, равнодушные к росту зоологических инстинктов национализма, антисемитизма, ксенофобии, равнодушные к тем драмам и трагедиям, которые почти ежедневно разыгрываются в старых, облитых кровью зданиях буржуазных государств. Они не пробуют протестовать против тёмных делишек господина Раймонда Пуанкаре, человечка, который едва не погубил Францию, а ныне усердно проектирует новую бойню рабочих и крестьян. Плохо свидетельствует о разуме и здоровье буржуазных государств тот факт, что судьбами их управляют столь ничтожные люди, как Пуанкаре и подобные ему.

Да, в современном мире очень много работы для гуманистов. Можно бы указать главе католической церкви, что проповедь крестового похода в XX веке – это, в лучшем случае юмор мизантропа, то есть человеконенавистника, и что такая проповедь не имеет решительно ничего общего с «интересами культуры», о которых любят говорить гуманисты. Можно бы спросить отца христианской церкви, неужели ему нравится та позиция, в которой очутились он и возглавляемая им церковь в 1914–1918 годах, когда христиане умерщвляли друг друга сотнями тысяч? Но во всем мире гуманистов и защитников «прав человека» почему-то интересует только одна точка, та, на которой расположен Союз Социалистических Советов.

В высшей степени странно, что они, люди грамотные, находят возможным и удобным верить пошленькой сказке о том, что в Союзе Советов единоличная диктатура, тогда как очевидно, что диктаторствует там концентрированная энергия многомиллионной массы рабочих и крестьян, – энергия, организованная гением Владимира Ленина и силою разума его учеников, его друзей. Цель этой диктатуры – воспитать во всей массе населения Союза Советов сознание его своего права на творчество новых форм и условий культурной жизни, на строительство социалистического общества равных. Цель эта поставлена не «произволом фанатиков и варваров», как утверждают люди, которых ненависть заставляет притворяться невеждами и кретинами, – эта цель поставлена волею истории, она неоспоримо доказывает, что индивидуализм как основа развития культуры выдохся, отжил свой век. Употребляется ли ради развития сознания человека насилие над ним? Я говорю – да! Ещё не было момента, когда бы оно не употреблялось ради достижения этой цели. Культура есть организованное разумом насилие над зоологическими инстинктами людей. В школах Европы секут детей именно для того, чтоб сделать из них покорных слуг семьи и общества – таких же хранителей «культурных традиций», каковы их родители. Я очень рекомендую педагогам Европы сечь детей за проявление инстинкта собственности, а также внушать детям сознание их права сечь родителей за страсть к накоплению денег путём грабежа, легализованного ими же – родителями.

В массе рабочих Союза Советов действуют предатели, изменники, шпионы бывших «хозяев страны», – хозяев, которые хотели бы восстановить свои владельческие права, – вполне естественно, что рабоче-крестьянская власть бьёт своих врагов, как вошь. Этим бывших хозяев и бывших людей поддерживают капиталисты Европы, её паразиты; поддерживают в надежде удовлетворить свою болезненную и безумную жажду наживы. Рабочие и крестьяне Союза Советов успешно строят своё государство в условиях зоологической ненависти к ним со стороны буржуазии всего мира, класса, уже выродившегося, изжившего свою энергию, не способного к творчеству культуры, действующего уже только по силе инерции.

Чего же хочет этот класс дегенератов? Он хочет ещё немножко посидеть на чужой шее, пожить чужим трудом. Немножко. Он сам не рассчитывает на длительное существование. Один из его покорных слуг, Густав Эрве, заманивая немецких капиталистов на «сближение» с французскими, откровенно выболтал в газете «Виктуар» скромные намерения своих хозяев. Он говорил:

Германия порвала бы свои связи с Москвой и, являясь вместе с Польшей барьером против русского большевизма, приняла бы участие во всех мероприятиях экономического порядка в интересах защиты цивилизации от коммунистического варварства. Крушение большевизма в России, восстановление в ней капиталистического режима – и это надо запомнить – означает 20, 30, 40 и 50 лет обеспеченной работы для американской и европейской промышленности.

Как видите, капиталисты хотят действительно немногочего: не менее двадцати, не более пятидесяти лет привычно спокойной, сытой, бесцветной, разнузданной и безответственной жизни. И вот ради того, чтобы обеспечить себе «благоденственное житие», они снова готовятся послать в бой миллионы своих рабочих и крестьян и

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький горькиума своих колониальных рабов против страны с населением в 150 миллионов и армией, в которой каждый боец хорошо знает, за что он будет драться. За всю свою историю буржуазия не выражала своего бесчеловечия в такой откровенно цинической и подлой форме!

Но в чём же дело? Почему за последние два года буржуазия Европы особенно непристойно и цинично обнажает свою бесчеловечную сущность? На этот вопрос даёт совершенно ясный ответ бывший консервативный депутат Артур Гопкинсон в английском журнале «Эмпайр ревью». Он пишет «с подкупающей искренностью»:

что я хочу особенно подчеркнуть для сведения читателя – это, что глупо притворяться, будто пятилетний план не удался. Это факт, что во многих областях план уже превышен. Я стараюсь всеми силами предостеречь читателя от ошибки, которую может породить предположение, ято пятилетка потерпит неудачу, потому что в действительности она уже достигает такого обширного успеха, который превращает её в угрозу всему цивилизованному миру.

Гопкинсон с ужасом рисует перспективу превращения СССР в независимое от мирового капитализма государство. С пеной у рта он призывает к войне против СССР. Он заканчивает статью следующим решительным предостережением:

Серп и молот может в будущем означать для Европы то же, что полумесяц означал в прошлом. Это, может быть, верно, что «кто поднял меч, от меча и погибнет».

Но история последующих пятидесяти лет покажет, что тот, кто не поднял меча, погибнет более позорной смертью.

Этот бывший человек умнее Густава Эрве. Он ничего не говорит о «варварстве коммунизма», ибо, очевидно, понимает, что коммунизм и варварство – несовместимы. Он не кричит, как другие идиоты, о «гибели культуры», разрушаемой коммунизмом. Его волчий вой и вызван страхом, что Союз Советов превращается в государство, не зависимое от мирового капитализма.

Вот что, господа гуманисты, вызывает ужас собственников, и вот где причина ненависти к Союзу Советов, причина клеветы на рабоче-крестьянскую власть, быт, на его народ, изумительная энергия которого начинает эпоху нового и уже общечеловеческого возрождения.

Господа гуманисты! Разрешите поставить наивный вопрос:

Почему вы не протестуете против такого государственного порядка, который разрешает ничтожному количественно и разрушенному морально меньшинству распоряжаться жизнью большинства, отравлять его своими пороками, держать в условиях нищеты и невежества, ставить на поля битв миллионные нации для взаимного истребления, бессмысленно тратить на вооружение огромные количества металла и других сокровищ земли, – сокровищ, которые принадлежат трудовому народу и должны обеспечивать его будущее?

Не кажется ли вам, что бессмысленный порядок служит препятствием росту действительной, общечеловеческой культуры, о которой вы платонически мечтаете?

Вместо приветствия

Несколько органов провинциальной печати предложили мне откликнуться на празднование десятилетия их трудной и мужественной работы. Если б я занялся писанием поздравлений каждому юбиляру отдельно, это отняло бы у меня слишком много времени, а я – стар и потому – скуп, временем дорожу. Поэтому я решил поздравить всех именинников сразу и – сердечно поздравляю вас, дорогие товарищи!

Старый газетчик, я знаю, как много нервной энергии требует газетная работа в стране Союза Советов в наши великие дни создания новой истории, потому что основной смысл труда, мощно развёрнутого в нашей стране, – именно создание новой истории человечества. В этой смелой работе ваша роль, товарищи, одна из первых, – лучшие из вас хорошо понимают, что они являются проводниками в сердце трудовой массы идеи, единственно способной объединить пролетариат всей земли в мировую семью коммунистов.

Работаете вы прекрасно; за тринадцать лет пресса Союза Советов организована вами в могучую силу и талантливо служит делу культурно-социалистического воспитания

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma массы. Я всегда утверждаю, что человек может сделать больше того, сколько он делает, и лучше того, как делает он; я утверждал это ещё тогда, когда социалисты рождались от разных матерей. Но вот уже тринадцать лет, как революционеров рождает одна рабоче–крестьянская масса и рождаются они коммунистами. А социалисты ныне живут в дружбе с королями, короли с удовольствием провожают их на кладбище, как это было в Швеции, восхищаются их «деятельностью», как восхищались убийцей Носке, благодарно пожимают им руки, как пожимал Николай Романов руку Александра Керенского, социалиста который, будучи соблазнён легендой об Иване Сусанине, пытался спасти последнего Романова от справедливой кары за массовые убийства рабочих и крестьян.

Социалисты не брезгают дружеским единением и с мошенниками, с паразитами трудового народа, как это давно установлено в их парламентской – точнее, предательской – работе и как только что установлено в случае меньшевика Абрамовича.

«Вожди» социалистов оказались в чести и фаворе у банкиров и фабрикантов. Плечо в плечо и рука об руку с ними они готовы идти против рабочих и крестьян Союза Советов. В показаниях вредителя Юровского между прочим говорится следующее:

«Что касается отношения французских социалистов к интервенции, то, по словам Милюкова, рабочие против интервенции, но руководители социалистической партии, если не открыто, то фактически будут её поддерживать

(см. «Руль», 3/ХІІ–30.)»

Они будут поддерживать интервенцию – коммерческое «дело», лучше и выгоднее которого нельзя найти ничего и нигде в мире. Это сказано русским капиталистом Рябушинским; он, Рябушинский, едва ли человек, вероятнее – он нечто человекоподобное, выродившееся до последнего предела, и является идеальным завершением типа современного капиталиста. Вы, товарищи, читали статью Рябушинского, но я напому несколько строк из неё. Он жаждет истребления коммунистов и рассуждает так:

«Нет в мире предприятия, которое было бы хозяйственно более оправдываемым, более рентабельным, чем освобождение России.

Затратив один миллиард рублей, человечество получит доход не менее чем в пять миллиардов, то есть 500 процентов годовых, и с перспективой дальнейшего возрастания прибыли ежегодно ещё на 100–200 процентов.

Где найти дело лучше?»

«Освобождение России» – это поголовное истребление десятков миллионов рабочих и крестьян. Рябушинский говорит именно об этом. Он, лавочник, привык считать и считает, сидя в Париже, вероятно, в одном из шикарных кабаков:

«Вероятно, 500 000 человек и трёх, четырёх месяцев будет достаточно для окончания работы вчерне. Доколачивание отдельных коммунистических банд, конечно, займёт ещё некоторое время, но оно явится скорее полицейской, чем военной операцией.»

Вот такого выродка и подобных ему «будут поддерживать» вожди социалистов вместе со всюю сволочью мещанского мира.

Гнуснейшие намерения, расчёты и речи Рябушинских, Эрве, Гопкинсов и прочих паразитов в сущности своей – судороги и вопли отчаяния, вызванного предчувствием гибели. Никогда ещё капиталисты и холопы их не обнажали истинной сути своей так отвратительно откровенно, с таким мерзостным цинизмом нищих духом.

Это самообнажение бывших людей очень полезно для дела, начатого у нас, – для дела, в котором ваша энергия, ваша всегда «ударная» работа играет блестящую роль. «Бывшие люди» доведены до отчаяния, до сознания своего бессилия, до забвения всех красивеньких слов об «интересах культуры», о «гуманизме». Они уже не скрывают, что истинная цель их жизни, их стремления – пятак и право эксплуатации рабочих, право выжимания из крови их наибольшего количества пятаков, миллиардов пятаков. С «культурой», «гуманизмом» и прочими цветами красноречия, которыми прикрывались грабежи и мошенничества, с «защитой культуры» – покончено.

Это очень хорошо, потому что это показывает пролетариату Европы и всего мира истинные цели его хозяев, показывает так откровенно, как ещё никогда не показывалось хозяевами.

Отношения сторон упрощаются, – рабочие Франции и других стран, вероятно, поймут, наконец, в какую пропасть хотят толкнуть их. Хозяева воют и вопят достаточно громко и вполне членораздельно. Отчаяние всегда верный признак бессилия. Довести врага до отчаяния – это половина победы.

Вот с этим я и поздравляю вас, товарищи! И да здравствует рабочий класс, строитель новой истории, да здравствует его партия, его пресса, её работники, все – «от мала до велика»!

Письмо редакции журнала «Будущая Сибирь»
С большой радостью узнал, что в Иркутске затевается издание журнала «Будущая Сибирь».

Это – совершенно необходимое и своевременное дело, тем более своевременное, что оно несколько запоздало, как вообще у нас опаздывает родиться и развиваться обласная литература – организатор культурно-революционного сознания трудовых масс.

Такое опоздание особенно странно для Сибири, огромной, чудовищно богатой страны, земля которой как будто всё охотнее открывает перед нами неисчерпаемые сокровища её недр, колоссальные массивы лесов, неизмеримые запасы энергии её мощных рек. Вероятно, нет страны, которая за время до Октябрьской революции изучалась бы так мало, как Сибирь, особенно – Восточная.

Теперь, – следя, насколько это возможно для меня, за работами геологов, – испытываешь чувство, похожее на благодарность близорукости хищников старого времени, – хищников, которые, жадно хватая всё, что было близко к их цепким рукам, оставили нетронутыми ценности, лежащие подальше и поглубже.

Поражая воображение своей грандиозностью, развёртываются сказочные картины будущего Сибири, которые создаст укрощённая и освоенная рабочей энергией людей стихийная сила Ангары и Великий Северный путь сквозь Сибирь, – путь, который свяжет её с тремя океанами.

Индустриализация Западной и Восточной Сибири – это одна из тех великих хозяйственных задач, которые быстро ведут нас к разрешению основной задачи: к организации всего хозяйства нашей страны в формах социализма, а затем – неизбежно – к полному экономическому и духовному раскрепощению всей массы рабочих мира и каждой отдельной личности.

Мы начали эпоху, которая совершенно исключает старинное расчленение траты человеческой энергии на великие и малые дела. Перед лицом той основной задачи, разрешить которую повелевает нам история, – то есть сумма условий, нами же вызванных к жизни, – перед лицом этой задачи нет мелких дел. Что восхваляли у нас и до сего дня восхваляют в Европе, Америке как «великое дело»? Войну и наживу – удачно организованный, но бессмысленный грабёж рабочей силы.

Кого буржуазия считала и считает великими? Генерала, который умел истребить наибольшее количество солдат и разрушить наибольшее количество хозяйств, банкира, способного собрать в своих руках наибольшее количество денежных знаков, фабриканта, купца, крёза и подобных им организаторов производства орудий истребления людей, вероучителя, способного талантливо затемнять разум.

Малым делом считалось – и считается – филантропия, кормление бедных крошками со стола богатых; в это кормление включалась и «культурно-просветительная» деятельность буржуазии, – деятельность, направленная на «умиротворение страстей», на угашение попыток критически настроенного ума разобраться в позорных противоречиях действительности.

Наш герой теперь – рабочий-«ударник», тот, кто ставит «мировые рекорды» успешности труда, как это было отмечено американцами на Днепрострое. Наш герой – «простой» человек, который в тяжёлых условиях неутомимо и мужественно строит своё, рабочее государство равных, – строит, разрушая все козни врагов,

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma преодолевая все препятствия.

В нашей действительности, насквозь пропитанной борьбой против старины и строительством нового мира, – в нашей действительности нет мелких дел – все дела равно велики.

Чтоб убедиться в этом, мы должны смотреть на всю нашу будничную работу с высоты основной задачи, а эта задача, как сказано, – создание образцового социалистического общества людей, раскрепощённых извне и изнутри. Уже теперь рабочие Европы и Америки, демонстрируя свою силу, кричат на улицах: «Наше отечество – Союз Советов». Это значит, что они хорошо видят, куда надобно идти и что надо делать для того, чтобы трудовое человечество слилось в единое товарищеское целое.

Именно с высоты этой задачи я смотрю на дело издания журнала «Будущая Сибирь», и для меня это – великое культурно-революционное дело.

Совершенно правильно ставит редакция перед журналом задачи краеведения, этнографии. Это необходимо в стране, где рассеяно около тридцати племён, люди, которых до Октябрьской революции не считали за людей и у которых не было прав, кроме одного – права постепенно вымирать. Нужно, чтобы они почувствовали и поняли, что перед ними другой мир, не тот, который отрицал их, в котором они жили слепо и немо, и что этот новый мир требует их участия в строительстве. Теперь, когда они начинают учиться свободно говорить, их голоса скорее и ясней донесутся до соседей, ещё слепых и немых. В нашей действительности понятие «равенство» должно быть полноценным, а не таким пустым, как опустошили его Франция и другие буржуазные государства Европы, Америки.

Сердечно приветствую нас, товарищи, желаю успеха в работе и верю в успех.

Сибиряки – народ крепкий, привыкли жить с комарами и, вероятно, мало обращают внимания на комариные укусы будничной действительности – на мелочи, которые создают среди людей настроения, недостойные эпохи, а часто и вредные делу, во всяком случае – затрудняющие дружную, товарищескую работу.

Привет!

О литературе

Каковы и в чём выражаются наши достижения в области художественной литературы?

Утверждают, что крупных мастеров словесно-изобразительного искусства молодая наша литература не создала. Внесём поправку: не успела создать. Это – естественно. Живёт она всего десяток лет, а в таком возрасте великаны – явление ненормальное. Согласимся с тем, что мастерство молодых писателей ещё не высоко, но не станем и понижать оценку его, ибо у нас есть уже немало литераторов очень талантливых; мы имеем право назвать их основоположниками новой советской литературы. Да и вообще, в массе, молодые писатели весьма и даже изумительно даровиты. Если б они учились так же усердно, как торопливо пишут, – их дарования развивались бы гораздо более быстро и ярко. Но при всех недостатках молодая литература наша обладает достоинством, которое очень резко и выгодно отличает её от литературы стариков.

Вероятно, историки литературы и критики обидятся на меня, но я должен сказать, что, на мой взгляд, старая наша литература была по преимуществу литературой Московской области. Почти все классики и многие крупные писатели наши были уроженцами Тульской, Орловской и других, соседних с Московской губерний. Жанр и пейзаж – быт и природа, – в которых литераторы воспитывались, довольно однообразны. Решающие впечатления детства были ограничены действительностью Московской области, и эта узость поля наблюдений определенно отразилась впоследствии на творчестве классиков. Можно привести немало доказательств ограниченного знакомства классиков с общерусской жизнью. Они начали работать с тридцатых-пятидесятых годов 4. В эти годы на Верхней и Средней Волге работали большие тысячи бурлаков, из них отсеивались шайки разбойников; крепостные крестьяне бежали на юг, в Новороссию; происходили «картофельные бунты», шевелились рабочие казённых заводов; широко развивалось сектантство; крестьяне Московской области выделяли из своей среды организаторов текстильного дела и вообще промышленности. Совершалось ещё многое, чего литература того времени не заметила.

«Освобождение крестьян» и разочарование их давно ожидаемой «волей» не отмечено ни одной более или менее художественно написанной книгой, также не отмечено и «хождение в народ» интеллигенции. Равнодушно прошла литература мимо картинной деятельности «народовольцев». О неудачных по форме и враждебных по тону попытках Ключникова, Всеволода Крестовского, Писемского, Лескова, Гончарова и других изобразить революционера, «нигилиста» можно не упоминать. Хорошие повести Помяловского о том, как революционер превращался в благополучного помещика, недооценены, так же как недооценены роман Куцевского о «благополучном россияnine» и повесть Слепцова о «трудном времени», а эти авторы пронизательно изобразили процесс превращения героя в лакея, – процесс, который и в наше буйное время «имеет место в жизни».

«Казачья» Льва Толстого – прекрасная случайность, как его «Севастопольские рассказы» и «Хаджи-Мурат». Если б Лев Николаевич знал жизнь трудового народа Поволжья, Северного края и других областей, он едва ли написал бы «Поликушку» и Платона Каратаева так, как написал, наблюдая только сотни и тысячи тульских крестьян, обработанных помещиком и церковью до полной потери сознания. Даже знакомство с Бондаревым и Сютеевым не поколебало крепко сложившегося представления Толстого о мужике как человеке кротком, осуждённом на муки и терпение бога ради. Не поколебал этого представления ни тульский мужик-фабрикант, ни самарский мужик-помещик, которых великий писатель наблюдал.

Гоголь изобразил группу помещиков уродов и чудаков, зная, что его друзья, помещики-славянофилы, пытаются повысить сельскохозяйственную культуру, строят заводы. Эти люди не были уродами, и хотя Манилов родня им по духу, но они – не Собакевичи и Ноздревы. Киреевские, Аксаковы были людьми высокой культуры, и очень странно, что люди этого типа оказались за пределами внимания литературы. Это – одна из иллюстраций к вопросу о том, насколько объективно художественное творчество классиков.

Урал, Сибирь, Волга и другие области остались вне поля зрения старой литературы, так же как Украина, которой самодержавие затыкало рот и связывало руки, создавая этим вражду украинца к «москалю». Уже один факт этого гнёта должен был возбудить внимание и взволновать гуманитарные чувства литераторов. Не взволновал. И никто из крупных литераторов не пробовал писать о жизни Украины и Белоруссии. Я не навязываю художественной литературе задач «краеведения», этнографии, но всё же литература служит делу познания жизни, она – история быта, настроений эпохи, и вопрос о том, насколько широко охватила она действительность свою, – этот вопрос может быть поставлен. Всё, сказанное выше, укладывается в простые слова: поле наблюдений старых, великих мастеров слова было странно ограничено, и жизнь огромной страны, богатейшей разнообразным человеческим материалом, не отразилась в книгах классиков с той полнотой, с которой могла бы отразиться.

Молодая наша литература, при сравнительной слабости её изобразительных средств, отличается широтой охвата действительности. Десяток лет – детское время! И всё же за эти десять лет, тотчас после гражданской войны, молодёжь наша дала множество книг, которые освещают жизнь даже самых тёмных и отдалённых от центров культуры «медвежьих углов».

Мы имеем отличные книги, мастерски рисующие жизнь и быт даже тех племён, которые жили безвестно, немыслимо и только что разбужены властной рукой революции от «сна веков». Укажу на романы Милия Езерского из быта самоедов, на «Полярное солнце» – прекрасную повесть Всеволода Лебедева о жизни лопарей, на роман Пасынкова «Тайпа», мастерски изображающий жизнь одного из племён Кавказа. Можно указать и ещё несколько книг такой же «высокой формы», и все они – подарок, которого нельзя было ожидать так скоро.

В книгах этого ряда, кроме их бесспорной художественной ценности, внимательный читатель удовлетворённо отметит черту, которой в старой литературе мы не найдём: она лишь очень редко, «мимоходом» и эпизодически задевала «иногородцев» и «иноверцев», она относилась к ним снисходительно, смотрела на них «сверху вниз». Не говоря о том, что татары, финские племена Поволжья, тюрко-финские прикаспийских степей и все другие люди, с которыми мы прожили века, остались совершенно вне поля зрения старой литературы, но даже к людям древней культуры – евреям, грузинам, армянам – литература в общем относилась почти так же туповато и невежественно, как литераторы Европы относились и относятся к нам, русским.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Это дрянненькое и пошловатое отношение к людям «чужой крови», иноплеменным почти совершенно не встречается в книгах наших молодых писателей, а если изредка оно кое-где и заметно, так его принимаешь как «описку», как результат технической маломощности и торопливости, с которой молодёжь стремится ознакомить читателей со своими «впечатлениями бытия».

«Мультианское жертвоприношение» вотяков – процесс не менее позорный, чем «дело Бейлиса», – принял бы ещё более мрачный характер, если б В.Г.Короленко не вмешался в этот процесс и не заставил прессу обратить внимание на идиотское мракобесие самодержавной власти. Сдача еврейских ребятишек в «кантонисты», в солдатские школы, тоже была жертвоприношением детей на алтарь самодержавного идиотизма, но это почти не возбудило протеста со стороны литературы и не отразилось в ней 5.

Старый читатель, я с радостью отмечаю в молодых литераторах умение проникать глубоко в быт и психику тех людей, которых «государственный гений» Романовых вычёркивал из жизни. Марксистская наша молодёжь действительно умеет встать рядом с узбеком и киргизом, с чеченцем и самоедом, встать с каждым, как равный с таким же равным. Это – факт, культурное значение которого нельзя преувеличить: суть факта в том, что литература объединяет все племена Союза Советов не только силой своей революционной идеологии, но и своим активным товарищеским стремлением понять человека «изнутри», изучить и осветить его древний быт, вековые навыки его. Иными словами, молодая литература наша энергично служит делу объединения всего трудового народа в единую культурно-революционную силу. Это – задача совершенно новая, важность её не требует доказательств, и само собою разумеется, что старая литература перед собой такую задачу не ставила, не могла поставить.

Умники могут сказать, что старая литература «объединяет весь культурный мир», и сошлутся на влияние Достоевского, всё более растущее в Европе. Я предпочёл бы, чтоб «культурный мир» объединялся не Достоевским, а Пушкиным, ибо колоссальный и универсальный талант Пушкина – талант психически здоровый и оздоравливающий. Но не возражаю и против влияния ядовитого таланта Достоевского, будучи уверен, что он действует разрушительно на «душевное равновесие» европейского мещанина.

Указывают, что «советская литература не создала крупных произведений». Совершенно бессмысленно требовать от молодых советских писателей, чтобы они немедленно создавали монументальные произведения, равные, скажем, «Войне и миру». Но некоторые умники требуют именно таких подвигов. Иногда думается, что под этим требованием скрыто провокационное желание заставить молодёжь разрабатывать темы, пока ещё непосильные для неё, а когда тот или иной автор изуродует, скомпрометирует сложную тему, злорадно высмеять и его и, кстати, всю советскую литературу. Надобно помнить, что о французской революции конца XVIII века начали писать в половине XIX, после того как не только погас её огонь, но и угли покрылись холодным пеплом мещанского благополучия.

Требования «крупных» и «совершенных» произведений словесного искусства не только преждевременны, но и как будто намеренно эстетичны. Советская литература не может создать «Войны и мира», потому что она, вместе со всей массой творческих сил Союза Советов, живёт в состоянии войны со старым миром и в напряжённом строительстве мира нового. На войне эстетизм неуместен. На войне только равнодушный циник может остаться эстетом. Но мы имеем право сказать, что никогда ещё и нигде литература не шла так «нога в ногу» с жизнью, как она идёт в наши дни у нас. Мы можем законно похвастаться, что в целом ряде книг молодые наши писатели давно уже успели и сумели хорошо изобразить войну 1914–1918 годов со всеми её ужасами. Широко и многими весьма талантливо использован героический и трагический материал гражданской войны. Надолго останутся в новой истории литературы яркие работы Всеволода Иванова, Зазубрина, Фадеева, Михаила Алексева, Юрия Либединского, Шолохова и десятков других авторов, – вместе они дали широкую, правдивую и талантливейшую картину гражданской войны.

Я считаю промахом критики нашей тот факт, что она не дала должной и необходимой оценки книг, посвящённых теме войны гражданской, всей работе писателей над этим материалом. Я говорю об идеологической и технической оценке всей массы книг о гражданской войне. Это следовало и следует сделать не только в интересах литераторов, но и читателей, которые, кстати сказать, в положительной оценке книг этого ряда опередили критику. Критика берёт отдельную книгу и оперирует над нею более или менее хирургически. Но говорить о литераторе – это ещё не значит говорить о литературе, и далеко не все болезни излечиваются хирургами. Отрывая,

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma отрезая ту или иную книгу от общей массы литературы, критика индивидуализирует автора и суживает тему – общую у него со многими другими авторами. К теме гражданской войны следует подходить иначе, более исторично и шире.

Мне кажется, что было бы весьма полезно, если б критика наша давала читателю – массе – ежегодно обзоры литературы по темам, которые литература разрабатывает за год. Это очень серьёзная, ответственная и необходимая обязанность критики; социально-педагогическое значение таких обзоров не требует доказательств. Обзоры эти убедили бы читателя в том, что так же, как во всех областях строительства нового мира, у нас и в области литературы тоже есть прекрасные достижения, что, как всюду, и здесь молодой хозяин страны – рабочий класс – заявляет о своей талантливости, своей энергии.

Незаметно, между прочим, у нас создан подлинный и высокохудожественный исторический роман. В прошлом, в старой литературе, – слащавые, лубочные сочинения Загоскина, Масальского, Лажечникова, А.К. Толстого, Всеволода Соловьева и ещё кое-что, столь же мало ценное и мало историческое. В настоящем – превосходный роман А.Н.Толстого «Пётр I», шелками вытканый «Разин Степан» Чапыгина, талантливая «Повесть о Болотникове» Георгия Шторма, два отличных, мастерских романа Юрия Тынянова – «Кюхля» и «Смерть Вазир-Мухтара» и ещё несколько весьма значительных книг из эпохи Николая Первого. Всё это поучительные, искусно написанные картины прошлого и решительная переоценка его. Я не знаю в прошлом десятилетия, которое вызвало бы к жизни столько ценных книг. Повторяю ещё раз: создан исторический роман, какого не было в литературе дореволюционной, и молодые наши художники слова получили хорошие образцы, на которых можно учиться писать о прошлом, не столь далёком, как далека эпоха Петра Первого, но очень похожем на неё – я говорю о вчерашнем дне. Вообще у нас в области литературы очень много нового и ценного, но не оценённого по достоинству. И, разумеется, много сора, хлама, всякой чепухи, злорадства над ошибками и противного нытья неудачников. Это вполне естественно, это – ветер революции обрывает жухлые, вялые листья с «древа жизни».

Недавно я получил письмо, оно начинается такой фразой: «Говорю очень громко вам на ухо: материал нынешнего дня при всём моём старании и прилежании не укладывается в художественные рамки». Автор этой надуманной фразы – поэт, печатается. фраза, по-моему, бездарна: зачем же говорить громко, если говоришь на ухо? Я – не глухой.

Другой нытик пишет прозу, её тоже печатают. Этот нытик осведомляет меня о том, что «текущая действительность всегда была плохим материалом для подлинного творчества». Мало ли что «всегда» было, но – решили, что оно не должно быть.

Леонид Леонов – автор книги «Вор», построение, «архитектонику» которой со временем будут серьёзно изучать, – Л. Леонов написал книгу «Соть», взяв для неё материалом именно текущую действительность. И – представьте! – получилось именно «подлинное творчество», замечательная вещь, написанная вкуснейшим, крепким, ясным русским языком, именно – ясным, слова у Леонова светятся. А действительность он знает, как будто сам её делал. Он, Леонов, очень талантлив, талантлив на всю жизнь и – для больших дел. И он хорошо понимает, что действительность надобно знать именно так, как будто сам её делал. Для нытиков действительность – чужое и даже враждебное им дело, потому они и ноют.

Если б я писал отчёт о значительных книгах, созданным «духом» революции за десятилетие – 20-й – 30-й года – мне пришлось бы растянуть эту статью от Эривани до Архангельска, от Минска до Владивостока через Киев, Харьков, Новосибирск, заглянув и в Ташкент, и в Ростов, и во все другие пункты, где более или менее энергично создаётся новая, советская литература. Пришлось бы назвать десятки книг, не прочитанных критикой или прочитанных невнимательно и торопливо, осуждённых несправедливо.

Я не очень обвиняю критику в поспешности и, часто, в неосновательности суждений. Я знаю: мы крепко уверены в том, что «всё можем», знаю, что нам необходимо торопиться, но всё-таки мы немножко зазнаёмся и, чувствуя, видя себя в силах создавать почти чудеса, требуем, чтобы чудеса были созданы сегодня же. Это – психика большевизма, она вполне оправдывается фактами творчества во всех областях работы по организации социалистического государства, грандиозными успехами науки, ростом индустрии, превращением «раба природы» – крестьянина в хозяина земли, работающего машинами, всё это – так. Дальше я скажу, что, на мой

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
взгляд, не так. Здесь же скажу два слова против возможного упрека мне в том, что я не говорю ничего о пролетарской литературе. Действительно, понятие «пролетариат» по отношению к рабоче-крестьянской массе Союза Советов выпало из моего лексикона. Это потому, что – на мой взгляд – как-то неудобно и неправильно именовать пролетариатом класс, который тратит миллиарды золота на строительство своего, рабочего государства. Ведь есть уже неоспоримое различие между пролетариатом мира и рабочим классом – полным властелином величайшей и богатейшей страны Союза Советов.

Молодая литература наша с каждым годом всё более могуче и быстро расширяет поле своего зрения. Никогда ещё искусство слова не служило так усердно и так успешно делу познания жизни. Это особенно хорошо видишь на «очерках».

Очерк всегда считался критиками низшей формой литературы, что вообще неверно и несправедливо. Вспомним хотя бы только двух мастеров очерка, совершенно не сродных по характеру талантов и мироощущений: Глеба Успенского и Гюи де-Мопассана. Может быть, следует указать, что «Записки охотника» И.С. Тургенева по форме своей не что иное, как очерки, что этой формой не брезговали: Салтыков-Щедрин, Писемский, Лесков, Слепцов, Помяловский, Короленко и целый ряд очень крупных, весьма прославленных литераторов.

Молодая наша литература выдвинула из своей среды группу талантливых «очеркистов», и они постепенно придают очерку формы «высокого искусства». «Туркменские записки» талантливейшего поэта и прозаика Н. Тихонова – это очерк и это подлинное искусство изображения жизни словом. Акульшин, Стонов, Лапин, Сытин, Г.Алексеев, Павленко, Мартынов, Овалов, Лухманов и ещё десятки авторов создали и продолжают развивать своеобразную литературу, явно и законно стремясь придать ей «высокую форму». Все они, как мне кажется, очень хорошо чувствуют социально-педагогическое значение своей работы, вполне отчётливо видят её цель. Следует похвально упомянуть Ивана Жигу, одного из убеждённых пропагандистов «очеркизма».

Цель – изображение разнообразного и повсеместного процесса культурно-революционного строительства, изображение бешеной работы масс, героизма групп и единиц, работы успешной, несмотря на упорные и злейшие помехи со стороны всяческих лентяев, идиотов, шкурников и саботажников, пассивных и активных вредителей и прочих негодяев.

Поток этой работы «очеркистов» как бы смывает с кожи нашей действительности грязь и пыль прошлого, обнажая его позорнейшие уродства. Вместе с этим он показывает, как на почве, засоренной веками невежества и глупости, отравленной пассивным отношением к жизни и зоологическим индивидуализмом мещанства, – как на этой почве вырастает новый человек: коммунист, коллективист, человек, который начинает понимать, что он работает не только на себя, для государства, где он – хозяин, но и на поучение всему миру трудового народа, пролетариата.

Широкий поток очерков – явление, какого ещё не было в нашей литературе. Никогда и нигде важнейшее дело познания своей страны не развивалось так быстро и в такой удачной форме, как это совершается у нас. «Очеркисты» рассказывают многомиллионному читателю обо всём, что создаётся его энергией на всём огромном пространстве Союза Советов, на всех точках приложения творческой энергии рабочего класса. Но, как многое у нас, эта коллективная работа талантливых людей недооценивается, и её социалистическая педагогика ускользает от внимания критики. Недооценивается эта работа и материально, «очеркисты» справедливо указывают, что неряшливо состряпанная беллетристика журналов, вроде, например, «Фильки и Амельки» Шишкова, оплачивается как «высокое искусство», – оценка, которой небрежная повесть эта не заслуживает, так же как и многие другие произведения именитых беллетристов. Очерк у нас – большое, важное дело. К сожалению, некоторые молодые писатели не понимают этого, вероятно, потому не понимают, что наша критика не удосужилась отметить значение очерка. Вот, например, один из тех парней, которые смотрят на очерк как на низшую форму искусства, пишет мне:

«Я весь содрогаюсь от напряжения творческой силы, а вы советуете мне пробовать себя на очерке, что это – насмешка?»

Молодой человек! Вы окажете самому себе хорошую услугу, если поймёте, что

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma решающую роль в работе играет не всегда материал, но всегда – мастер. Из берёзового полена можно сделать топориче и можно художественно вырезать прекрасную фигуру человека. Но и топориче не всякий может сделать достаточно хорошо: необходимо знать качество материала. А вы не знаете даже того, что в прошлом рядовой полицейский не мог достичь степени полицеймейстера и что женщин в алтари церквей не пускали. Совершенно необходимо, чтоб «творческие силы содрогались» над изучением материала, над познанием действительности в прошлом, а того более – в настоящем.

Наша критика мало обращает внимания на очерк, да и обращает ли? Очерк и количественно и качественно занимает всё более видное место в общей массе нашей литературы, но он отдан на съедение рецензентам, будущим критикам. Рецензент – это молодой человек, который почему-то убеждён, что история призвала его учить людей, таких же молодых, как сам он, но более его талантливых. Сам он вообще учится плохо и за своим языком не следит. Например, он пишет о небрежности языка литератора, причём оказывается, что он не способен отличить небрежность автора от небрежности корректора, ставит знак равенства между небрежностью построения фразы и опиской и, не зная, кто такой Брайан, герой «обезьяньего процесса», именует его Баяном. Рецензируя книгу, в которой знаменитый ученый Жофруа Сент-Илер назван «святым Илером», он не замечает этой анекдотической «небрежности».

Таких «анекдотов» у нас тысячи, и следовало бы сокращать их количество. Я думаю, что это – дело критики. И её же дело – не допускать таких словесных фокусов, как, например:

«По-весеннему было тепло неожиданной теплотой ростепели». «Он весь заломился от предожидания растаянного мгновения жизни». «В сладостном опьянении жонглировал плавающими в глазах кругами».

Это напечатано в книге одного молодого беллетриста. Учить начинающих литераторов писать просто, ясно, грамотно – входит в число обязанностей критики; я даже думаю, что это её главная обязанность. Мне кажется, что в процессе роста нашей литературы критика не является «ведущей» и направляющей силой.

Критиков у нас весьма много, и количество их растёт. Это – очень хорошо, если это не объясняется тяготением к лёгкой работе. В подавляющем большинстве критики – марксисты, это тоже хорошо, ибо значит, что основная линия у них должна быть единой.

Однако у меня получается впечатление, что критики заняты не столько литературой, как взаимным воспитанием друг друга. Все они «выпрямляют линию», и в результате их усилий линия так капризно изогнута, запутана, что трудно понять, где же прямая и единая?

Критики разбились на мелкие группы и неистово спорят, порицают друг друга, внося в это – едва ли плодотворное – дело много явного лицепрятия, самолюбия, личных симпатий, антипатий и, в конце концов, – индивидуализма.

Крайне странно и очень печально видеть, что споры людей, единомыслящих в главном, ведутся тоном враждебным, перенасыщены грубейшими личными выпадами и что в спорах этих отсутствует чувство товарищества, сознание единства главной линии. Взаимные упрёки в передержках, в нечестном отношении к мысли и слову, стремление уязвить совопросника и в нос и в пуп, откровенные намёки на его недомыслие и прочие сокрушительные приёмы словесного боя едва ли похвальны и необходимы для людей, которые избрали себе профессию «учителей жизни» в стране, где строится социалистическая культура. Эти приёмчики взаимного унижения и заушения критиков «именитых» воспитывают в начинающих критиках – пока ещё рецензентах – такие же грубые и вредные нравы.

Литература как работа коллектива, цеха не освещается критикой; при наличии быстрого и разнообразного роста литературы у нас нет годовых обзоров её достижений. Литератор как мастер мало интересуется критикой; кажется, что она ищет в нём прежде всего сторонника той или иной группы и воспитывает как солдата своего взвода, а не как бойца единой огромной армии. Такое отношение – толчок в сторону индивидуализма.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Читают критики торопливо и невнимательно. Частенько бывает так, что техническая маломощность автора рассматривается как его идеологическая невыдержанность. Молодого человека, который ещё не умеет одеть свою мысль, свой образ, характер, пейзаж достаточно ясными словами, ещё нельзя признать «реставратором старины». Его следует учить технике дела, а вырезать ему язык или отсекал руку не следует. Вообще хирургия не может служить методом воспитания. Попытки хирургического лечения горбатов подтвердили истину старинной поговорки: «Горбатого – одна могила исправит», но в смысле идеологическом и горбатого можно выпрямить, это – дело воспитания.

Но если молодому писателю каждый из критиков будет кричать, что только он один из двенадцати учит истине, а остальные одиннадцать – еретики, это нельзя назвать воспитанием, и это вызывает у молодого человека горестный вопль:

– Я прочитал пять книжек, – названо пять авторов, – но я не могу понять, кто прав. И кто такая Галатея?

Вот, например, Галатея, – к чему она? Что может сказать эта нимфа человеку, который живёт на берегах реки Которосли, в которой замечательно крупные окуни, а нимфы – не водятся? Разумеется, для критика весьма похвально быть грамотным, но нужно ли смущать знанием древних мифов молодого человека в то время, когда человек этот хочет научиться политграмотно и образно писать о комедиях и драмах действительности текущей? Было бы, пожалуй, гораздо полезней, если б все мы писали проще, экономнее, так, «чтобы словам было тесно, мыслям – просторно», а не так, например:

«...мы должны отвергнуть тенденцию к аполитации дискуссии.»

Ведь можно сказать менее премудро: мы отвергаем намерение устранять политику из наших споров. Нет ничего такого, что нельзя было бы уложить в простые ясные слова. В.И. Ленин неопровержимо доказал это. Но наши критики мало заботятся о простоте и ясности, необходимых в педагогике.

Известно, что «нет дыма без огня», но у нас огонь политики даёт слишком много словесного дыма. У каждой группы критиков есть своя возлюбленная Галатея, каждая из нимф пышно одета в слова устрашающе мудрые, и это ведёт к тому, что молодой литератор жалуется:

«Термины затемняют существо вопросов, да ещё пишут у нас длиннейшими периодами с вводными предложениями почти в каждом. Читать до того трудно, что двое из нашего кружка отказались от совместной проработки...»

Лично я думаю, что эти жалобы справедливы, ибо не кажется мне, что критика наша за десять лет ушла по прямой линии дальше Плеханова и Ленина. И уже есть немало случаев, когда она уходила далеко в чужую сторону.

Многословно и давно уже спорят о том, надо ли учиться у классиков?

Моё мнение: учиться надобно не только у классика, но даже у врага, если он умный. Учиться не значит подражать в чём-то, а значит осваивать приёмы мастерства. Овладеть приёмом работы вовсе не значит укрепить его за собою на всю жизнь: только начни работать – и работа сама станет учить тебя, это знает каждый рабочий. Если б ученье сводилось только к подражанию, у нас не было бы ни науки, ни техники, да и литература не достигла бы того совершенства, которое обязательно и для молодых писателей. Есть что-то комическое в боязни учёбы у классиков, как будто опасаются, что классик схватит ученика за ногу и утащит его в могилу к себе.

Я бы дружески посоветовал товарищам критикам обращать больше внимания на литературу в целом, а не на единичные явления её. Само собою разумеется, что я не исключаю необходимости говорить об отдельных произведениях. Но «Рождение героя» Ю. Либединского по теме своей – не единичная вещь, на эту тему у нас написан не один десяток книг, и очень полезно выяснить, как изменяется тема из года в год? Рассматривая работу литературы так, можно прийти к выводам весьма поучительным. Значит: следовало бы давать ежегодные обзоры развития литературы по темам.

Совершенно необходимо отнестись серьёзно к работе «очеркистов» и, перестав

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький горкиута считать очерк «низшей формой искусства», всемерно помочь ему расти и развиваться до пределов возможного совершенства. Не игнорировать областной литературы и прессы, – например, журнал «Сибирские огни» вполне заслуживает серьёзного внимания критики, отличный журнал.

Давать обзоры нацменьшинских литератур, не говоря о необходимости обзоров роста литературы украинской, белорусской.

А разноречия между критиками выяснились бы гораздо быстрее и успешнее не на бумаге, а путём личного и непосредственного общения враждующих групп на конференциях, совещаниях, съездах. Споры на далёком расстоянии друг от друга принимают характер слишком отвлечённый и мелочный. При условии же непосредственного общения товарищей полемика более точно совпадала бы с понятием «деяние».

Предисловие к книге Е. Новиковой–Вашенцевой «Маринкина жизнь»
Елене Новиковой–Вашенцевой шестьдесят восемь лет. До пятидесяти лет – малограмотная, богомольная. И вот пять лет она писала книгу о своей «бабьей» жизни. Тяжёлый труд для неё, но замечательный факт нашей изумительной действительности советской.

Факт этот говорит о том, насколько глубоко вспахана мощным плугом революции многовековая почва умственной лени и невежества, – почва, утопанная до твёрдости камня миллиардами русских баб и мужиков, которые безмолвно и покорно прошли от колыбели до могилы.

Факт появления книги о жизни Елены Новиковой–Вашенцевой так значителен сам по себе, что он должен бы открыть дорогу к сердцу и уму нашей полуграмотной массы.

Пусть книга написана недостаточно хорошо с точки зрения литературного искусства. Но у нас есть ещё миллионы таких же «баб», как Новикова–Вашенцева, и для них пример её может послужить толчком на новый путь, на путь свободе. Есть ещё много людей, которые, не чувствуя сурово–требовательного веяния свободы, считают рабство законом. Равенство в труде ещё не опровергает этого закона с тою быстротой и силой, с которой должно бы разрывать вековые цепи рабства, – это потому, что рабство въелось в души людей.

Надо хорошо понять и помнить, что без женщины невозможно осуществление социализма. Е. Новикова–Вашенцева рассказывает не жалуясь, она знает, что путей к свободе не откроешь жалобами на жизнь и что знание жизни в прошлом её полезно. Поэтому очень полезно будет, чтобы знали именно со слов Елены Новиковой–Вашенцевой, как жила одна из миллионов наших женщин.

Предисловие к книге Дм. Семеновского «Земля в цветах»
«Мой песенный подвиг безвестен», – говорит Дм. Семеновский в одном из своих стихотворений. Это, к сожалению, правда. К «сожалению» потому, что что – «правда несправедливости». Семеновский работает уже пятнадцать лет, и читателям давно бы пора знать поэта, который в наше великое, трудное время искренно и уверенно говорит: «Мир – хорош».

Я миру в дар несу канон
Ласкательных и сладких песен,
Чтоб этот мир узнал, что он
Неизглаголанно чудесен.
Но из этих слов ещё не следует, что Семеновский – оптимист, ослеплённый чудесами нашего мира. Нет, он хорошо видит преступную пошлость и ядовитую грязь действительности и знает, против чего нужно беспощадно бороться.

Гуденье церковной меди
Над городом плывёт.
Прохожий несёт к обедне
Тяжёлый комод–живот.
Солидны его движенья,
Видать, что не кое–кто!
На сытом лице – уваженье
К себе, к животу, к пальто.
..А в праздник, после обеда
(Не бойтесь: это – во сне),

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma

Хватает партийца соседа
И вешает на сосне...

Он знает, что жизнь – борьба, и пишет стихотворение «Слава злобе»:

Мне тяжело, когда, подобя
Людей зверям, слепая кровь
Темнит их взор. Но – слава злобе,
Воинствующей за любовь!

Не многие из современных поэтов могут похвастаться таким знанием русского языка, каким обладает Семеновский, хотя они, наверное, превосходят его ловкостью своей техники и знанием речевых фокусов. Но я не первый скажу, что поэзия наша холодна и что в ней слишком ясно и слишком часто звучит боязнь остаться вне действительности, позади эпохи. Вероятно, от этой боязни в стихах так громко звучит «медь звенящая» и так фальшивит «кимвал бряцающий». Ловкость «инструментировки» не скрывает натушной «деланности», внутреннего холода и сердечной сухости «творчества» многих уже «именитых» поэтов наших дней.

Семеновский глубоко чувствует величие эпохи и крепко сросся с нею. Он пишет:

Славься, век небывалых событий!
Для него:

Человек – это мысль, устремлённая в вечность.
Но большие, «вечные» темы не мешают ему видеть, как в нашей действительности возрождается обывательская пошлость, и он щедро тратит свой талант на борьбу с нею, изображая:

...свиное житьё
Твоё, дорогой обыватель,
И счастье, корытное счастье твоё.
Фельетоны Семеновского в «Рабочем крае» беспощадно бьют всё, что нужно бить словами правды, и всех, кого следует бить. Достается от него и тем «героям на час», которые, спросив сами себя:

За что в Октябре мы боролись?
далее мыслят так:

Обидно для нас, покоривши врага
Под нозы трудящимся массам,
Остаться без праздничного пирога
С капустой, с грибами иль с мясом.
Сила настоящего искусства в том, что оно, взяв простейшее, обыденное явление, вскрывает его глубокий социально-драматический смысл, показывает его крепкую зависимость от общих условий жизни, от её коренных основ. Обладает ли Семеновский этой силой? Я бы сказал: да, обладает. Тема его стихотворения «Кража» такова: у девушки-прислуги украли накопленные ею платья.

...Значит, машина-паук
Нити свои не про всех прядёт,
Если оборванный вор у прислуг
Их платья, их скромное счастье крадёт?..
Славься же, замысел века – спрясть
Основу новую, счастье для всех,
Чтоб некому было не плакать, ни красть
Чужих нарядов, чужих утех!
Семеновский не верит в «бредни попов», но он – человек, «рождённый на прелестной, обольстительной земле», любит красоту её и любит красоту народного творчества. Он хорошо показал это в серии дореволюционных стихов своих и в стихотворении «Год». Он – поэт настоящий, «от земли», – поэт, которого должен знать наш массовый читатель.

Письмо селькору-колхознику
Хорошее письмо написали мне Вы, товарищ Фомин!

Вот так просто, ясно, «не мудрствуя лукаво», будет думать, говорить и писать каждый крестьянин, каждый рабочий, когда они освоят простые, но великие мысли Владимира Ильича Ленина и его верных учеников, – мысли, которые вводятся, укрепляются в жизнь мужественным трудом людей, подобных Вам, товарищ Фомин,

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma таких людей можно именовать «ударниками на полях».

Особенно крепко звучат Ваши слова:

«Трудно бывает в деревне, кулачьё и его сподручники много мешают работать, оттягивают бедноту от колхозов, от сдачи хлеба государству и т. д., но мы знаем, что добьёмся своего, не только у нас, но и за границей, а тяжести и трудности, переживаемые нами, будем вспоминать даже с недоверием к ним. Да, трудновато бывает, а всё-таки надо сказать: дело идёт быстро, бедняки понимают нас, большевиков.»

Хорошо сказано, товарищ! И надобно думать, что чем дальше, тем лучше будут понимать бедняки простую, ясную правду Ленина, – правда эта сама просится в голову и в сердце.

Тысячелетия крестьянская беднота каторжно работала на мелких и крупных собственниках земли, тысячелетиями привыкла она видеть, что сытая кулацкая жизнь строится на рабском труде, что один человек только тогда сытно живёт, когда на него работает десяток людей. Видела беднота, как, сидя на хребте её, высасывая пот и кровь деревни, растёт, жиреет кулак-миroeд, как становится он лавочником и трактирщиком, помещиком и фабрикантом, видела, как он, разоряя бедноту, втягивает всё больше людей в батрацкую работу на него, – видела она всё это, чувствовала беспомощность свою, и в неё вросло убеждение, что иначе – не может быть, что такой порядок жизни установлен навеки и нет сил, способных изменить его в пользу бедноты. Церковь поддерживала, укрепляла это убеждение, внушая, что труды и страдания земной жизни, работа на богатых обеспечивают людям вечное блаженство будто бы на небесах и, за небольшие деньги, таскала изработавшихся до смерти бедняков на погосты, в могилы.

Многим беднякам ясно было, что единоличное, частное хозяйство на земле – петля для них, видели они, что именно в деревне на почве мелкого хозяйства непрерывно растёт, плетёт крепкую паутину враг их, богатый мужик, кулак-миroeд, видели, что деревня воспитывает грабителей чужого труда, эксплуататоров, буржуев, и в душу большинства крестьян глубоко вросло желание во что бы то ни стало превратиться тоже в кулаков.

Вы, товарищ, знаете, конечно, что кулацкая психика – «душа» – свойственна и беднякам.

Обвинять их за это – нельзя, другого выхода из тёмной, нищенской, каторжной жизни они не видели, и никто не указывал им, что, покамест существует частная собственность на землю, – огромное большинство крестьянства осуждено жить нищими, безграмотными, безвольными рабами богатеев.

Но вот в мире трудового народа, в рабоче-крестьянском мире вспыхнула и ярким огнём горит великая и простая мысль Ленина: бедняки, поймите, что мелкое частное хозяйство – главная преграда экономическому и всякому равенству людей! Коллективизируйтесь, сбросьте с плеч своих тяжкую власть земли над вами, вооружайтесь машинами, вооружайтесь наукой, учитесь извлекать из земли хлеба в сто раз больше, чем она давала вам.

Вы были рабами природы и земли – становитесь подлинными хозяевами её, воспитывайте детей ваших агрономами, врачами, инженерами, учителями, пусть они освоят науку и освободят вас от тысячелетней тёмной, полуголодной, уродливой жизни. Давайте больше хлеба, он вернётся к вам в виде машин, обуви, одежды, хороших домов вместо душных изб, хороших школ и ясель для детей, хороших дорог, – хлеб ваш вернётся к вам сторицей и на счастье ваше, для того, чтоб богатели все люди, всё крестьянство, а не сотни, не тысячи кулаков. Не будет этого, значит – будет то, что было, то есть у одного человека – три коровы, а у другого – три воробья на дворе, да и тем клевать нечего.

Кулаки и подкулачники пишут мне, ругаясь: при царе – всё было: и гвоздь и сапог, и конь и платок.

Было – всё, да – не для всех, а рабоче-крестьянская власть ставит перед собой крупнейшую задачу: сделать так, чтоб у каждого человека из 162 миллионов населения Союза Советов было всё, что необходимо для лёгкой, здоровой, разумной жизни, чтоб люди не рвали друг другу горло за кусок хлеба, чтоб каждый

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyта крестьянин и рабочий чувствовал себя хозяином своей страны и бесчисленных сокровищ её.

Возможно ли это? Это уже делается с таким успехом, что даже европейские буржуи, которые ещё недавно хвастались могучим развитием своей промышленности, теперь, наблюдая, как рабочие на фабриках и заводах осуществляют пятилетку в четыре года, – затосковали буржуи и говорят, пишут: если пятилетка осуществится – Союз Советов и народ его станет независимым от нашей промышленности, не будет нуждаться в наших товарах.

Никогда ещё, нигде в мире рабочие не работали так самоотверженно, как они работают у нас, спеша вооружить крестьянство всем, в чём оно нуждается, и многим таким, чего у крестьян никогда ещё не было в руках.

Социалистическое соревнование рабочих, ударничество, самозакрепление рабочих на фабриках и заводах до конца пятилетки и многое другое утверждает полную уверенность, что благодаря героической работе на фабриках и заводах – жизнь в деревне и работа на полях всё легче, что товары скоро потекут в деревню широкою волной. Глупо не верить, что при таком напряжении трудовой энергии, которая развита и развивается рабочей массой, город не в силах будет хорошо обустроить, одеть, вооружить машинами деревню.

Рабочие и крестьяне партийцы всё глубже чувствуют и понимают свою задачу хозяев страны – свою обязанность облегчить крестьянству жизнь, увеличить добычу хлеба, расширить скотоводство, плодоводство. Рабочие, красноармейцы, комсомол, даже ребята-пионеры ведут огромную работу развития производительных сил земли, беднота, организованная в колхозы, тоже начинает понимать глубочайшее, государственное значение своей работы на земле. Победим, товарищ Фомин!

Недавно я видел 300 человек ударников, они ехали на теплоходе, построенном ими, из Ленинграда в Одессу и остановились на трое суток в Неаполе, недалеко от того города, где я живу. Я провёл с ними эти трое суток, видел, как они подавали заявления о вступлении в партию, – большие, праздничные дни пережил я, дорогой товарищ! Хорош у нас рабочий народ! Века мордовали его, топтали ногами лицо его, били нагайками, морили в тюрьмах, в сибирской ссылке, расстреливали тысячами, – всё он вынес, всё вытерпел и вот – встал на ноги, сбросил с плеч своих паразитов, хищников и – хозяйствует, работая неустанно, мужественно, живя в темноте, в тяжёлых условиях живя ещё!

Большой народ, великая энергия горит в нём, освещая весь трудовой мир планеты нашей.

Ну, ладно, написал я достаточно и, надеюсь, не скучно.

Крепко жму Вашу руку, товарищ Фомин! Передайте мой пламенный привет товарищам по работе.

«Народ должен знать свою историю»

Слова эти нередко повторялись либеральными «просветителями народа» задолго до Октябрьской революции: этими словами выражалось желание русской буржуазной интеллигенции вооружить трудовой народ знанием его прошлого и вызвать в нём активно отрицательное отношение к самодержавному строю царей Романовых, которые не решались разделить «полноту своей власти» с помещиками, фабрикантами и банкирами. В государствах Западной Европы капиталисты давно уже отобрали власть у королей и являлись полными хозяевами земли и жизни народа; само собой разумеется, что они захватили власть руками того же народа. Что выиграли рабочие и крестьяне от этого перехода власти из одних рук в другие, из рук королей и дворянства в руки банкиров и фабрикантов? На этот вопрос отвечает действительность наших дней: страсть к наживе превратилась у капиталистов Европы в бессмысленную механическую привычку, жестокое выжимание трудовой энергии рабочих привело капитализм к небывалому экономическому кризису, свыше тридцати миллионов рабочих выброшены на улицу и голодают, а капиталисты, пользуясь беззащитностью людей труда, понижают заработную плату тех, которые ещё имеют работу.

«Народ должен знать свою историю». До Октябрьской революции рабоче-крестьянская масса не могла знать свою историю по той простейшей причине, что рабочие и крестьяне были почти сплошь безграмотны или малограмотны. Но, если б даже эта

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma причина вдруг, каким-то чудом была уничтожена, – всё-таки трудовой народ не узнал бы подлинной исторической правды о своём прошлом. Он не узнал бы её не только потому, что знание запрещено царской цензурой и что, кроме цензуры, существовал специальный департамент полиции и охранные отделения, которые ревниво следили, чтоб правда не просачивалась в гущу класса трудящихся, но и потому ещё, что знание настоящей правды было невыгодно, опасно для помещиков, фабрикантов, банкиров. Истинная, неоспоримая правда истории сводится к тому, что вся жизнь рабочих и крестьян есть на что иное, как борьба людей безоружных, малограмотных, бесправных против людей, вооружённых всеми знаниями, которые выработала наука, и обладающих всеми правами для грабежа чужого труда.

«Народ должен знать свою историю». Что рассказала бы ему правдивая история его прошлой жизни?

Он знал бы из её рассказа, что его разум, его воля не участвовали в процессе истории, а весь он, вся его масса служила материалом для его же закрепощения своекорыстной и бесчеловечной воле капиталистов. Узнал бы, что изредка, в разных странах, у него не хватало сил терпеть каторжную жизнь бесправного раба, и тогда из среды его, из его плоти, вырастали организаторы его гнева и мести, появлялся итальянец Фра-Дольчино, немец Фома Мюнцер, чех Иван Гус, появлялись русские Иван Болотников, Степан Разин, Емельян Пугачев. Судьба всех этих восстаний была одинакова: войска церкви, королей, царей – те же крестьяне, хорошо вооружённые холопы бояр и дворян, – гасили восстания кровью своих братьев, вождей убивали палачи, а те побеждённые, которые оставались в живых, снова попадали во власть бояр, дворян, королей, царей.

История рассказала бы им, как полуграмотные попы обучали трудовой народ терпению и покорности «властям, поставленным от бога», как мужиков загоняли в монастыри и силой их строили монастыри, увеличивая число «мирских захребетников», создавая государство, в котором мужик работал сошкой, а захребетник его – ложкой. Укрепляя силу и влияние своё на безграмотный народ, церковь создавала нехитрые фокусы, названные ею «чудесами», создавала из бояр «святых» угодников божиих, – всё это делалось в угоду властям. Основная задача всех церквей была одна и та же: внушать бедным холопам, что для них – нет счастья на земле, оно уготовано для них на небесах, и что каторжный труд на чужого дядю – дело богоугодное. Мужика «во святые» не допускали, но заниматься грешным делом кулачества и мироедства не мешали ему. Большому зверю выгодно, если маленький – жирен, жирного приятнее сожрать. Наиболее ловкие и хитрые единицы трудового народа, выбиваясь из тёмной, каторжной, нищенской жизни, присоединялись к тем, кто сидел на шее трудящихся, и тоже садились на эту выносливую шею.

Старая, тяжёлая история рабочих и крестьян рассказана с предельной простотой и краткостью в книге товарища М.Н. Покровского, – в книге, которую каждый грамотный человек должен прочитать не один раз. В ней он увидит подлинную и печальную правду: все эксплуататоры трудового народа, все враги его выходили из его же среды, из его плоти во всём мире вырос могучий класс богачей, капиталистов, тех, которых изгнал из России рабочий народ, и тех, кто в Западной Европе, в Америке – всюду на земле – доживает свой век. В этой книге отлично рассказано, как кровавая борьба классов привела народ Союза Советов к победе, к началу новой истории, которую энергично и успешно создают у нас рабочие и крестьяне, социалисты-большевики суровой школы Владимира Ленина, вождя пролетариев всех стран.

В октябре 1917 года у нас положено начало новой истории. Каждый грамотный рабочий и крестьянин должен знать её, потому что она строится именно на этой извечной правде, которая, всегда привлекая к себе трудовой народ всего мира, нередко зажигала в нём огонь желания осуществить её, построить жизнь на её основе. Это – единственная правда, сила которой может изменить к лучшему все условия жизни рабочих и крестьян. Первый, кто неопровержимо доказал, что старая история человечества дожила до последних лет и что настало время для создания новой истории – истории полного освобождения трудового народа из жестокого плена богачей, – человек этот был Карл Маркс.

Он и за ним гениальный последователь его Владимир Ленин твёрдо и навсегда установили простую и ясную истину: до той поры, пока будут существовать условия, которые позволяют одному человеку жить за счёт труда десятков, сотен тысяч людей, – жизнь трудового народа, пролетариата города и деревни, не может быть

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma изменена к лучшему. Изменить каторжные условия труда и недостойные людей формы общественной жизни, построенной на жадности, зависти, на непрерывной борьбе, бесмысленно истощающей трудовую энергию рабочего народа, – изменить эти позорные условия может только рабочий класс. Для этого он должен взять в свои руки политическую власть, а также всю землю и всё, что она производит и даёт посредством приложения к ней разумного, планомерного человеческого труда, – всё полезное людям, что скрыто в её недрах, все орудия производства: инструменты, машины, фабрики, пароходы, паровозы и вообще всё, что создано и создаётся трудом рабочих, а служит для укрепления над ними бессмысленной и безответственной власти капиталистов.

Известно, что все социалисты приняли это за истину, но большинство из них утвердилось на том, что такое решительное изменение основных условий жизни трудового народа возможно только путём тихого и мирного сглаживания противоречий между капиталом и трудом, путем постепенной, медленной «эволюции». Отсюда ясно, что большинство социалистов II Интернационала – не революционеры и ничем не отличаются от просвещённых либералов, которые, соглашаясь «в принципе» с необходимостью изменения форм общественной жизни, на практике преследуют свои личные интересы – интересы людей, желающих командовать жизнью рабочего класса. Эти социалисты так часто предавали рабочий класс, что о них можно бы не говорить, если бы они не были способны на дальнейшие измены и предательства.

Владимир Ленин, человек огромного и ясного ума, решительный и строгий революционер, в 1903 году непреклонно заявил, что основная задача искреннего социалиста – развивать классовое чувство пролетариата деревни и города до сознания необходимости организации вооружённого восстания против помещиков и фабрикантов в целях захвата политической власти.

Его учение привилось, организовало классовое сознание рабочих, создало партию прекрасных бойцов и обеспечило пролетариату победу над врагами. В стране Союзов Социалистических Советов нет иных хозяев, кроме рабочих и крестьян, все её богатства принадлежат только им.

В Союзе Советов начато и успешно развивается строительство первого в мире государства социалистического. Трудно выкорчевать из жизни навыки, предрассудки и суеверия, воспитанные в людях веками, но этот процесс выветривания наследий старой, мрачной истории развивается с должной быстротой, и уже мы имеем право сказать, что в Союзе Советов нет такого угла, куда бы не проник революционный дух новой истории.

Он будет действовать ещё более решительно и успешно, если перед массой рабочих и крестьян широко развернуть грандиозную и трагическую картину начала новой истории. Начало это – гражданская война 1918–1921 годов, небывалое по силе выражение воли рабочих и крестьян, историческая картина бесчисленных боёв голого, голодного, почти безоружного пролетариата с армиями офицеров и буржуазной молодёжи, с прекрасно вооружёнными армиями, которые защищали власть помещиков, фабрикантов, банкиров. Этими армиями командовали учёные генералы, им помогали капиталисты всей Европы.

История гражданской войны – история победы великой правды, воплощённой в рабочем классе. Эту историю должен знать каждый боец на культурно-революционном фронте, каждый строитель нового мира.

Над созданием такой книги по истории гражданской войны начали работать товарищи Ворошилов, Бубнов, Гамарник, Покровский и другие специалисты военного дела и, конечно, специалисты-историки. Это будет книга, доступная пониманию даже не очень грамотного человека. Чтобы сделать её легко читаемой, к обработке военного материала будут привлечены наши лучшие художники слова – те из них, кто побывал на фронтах гражданской войны, вооружённый винтовкой или пером.

Эта «История» необходима не только старым бойцам, которые теперь, неутомимо работая на стройке социализма, побеждают сопротивление материалов древней человеческой косности, неверие людей в свои силы, не только для того, чтобы они гордо вспомнили свои битвы и победы. Она нужна молодёжи нашей для того, чтобы молодёжь узнала героизм своих отцов и умела понять, кто дрался за свою избу и корову, кто за свободу рабочего класса, за социализм. Она необходима для миллионов пролетариата всех стран, – миллионов, от которых уже недалеки дни великих битв. Эта книга должна быть яркой летописью героизма и вдохновлять на

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma героизм.

В то же время она будет действительной и правдивой историей всех зверств и разрушений, нанесённых нашей стране её бывшими хозяевами, она должна показать всю мерзость ненависти хищников, которым сломали лапы и выбили клыки. Она покажет, как подло фабриканты и помещики разрушали хозяйство народа своей страны. Она убедит добродушных и мягкосердечных, что капиталист уже не человек, а существо, в котором безумная жажда наживы выела всё мало-мальски человеческое. Эта «История» должна быть книгой итога всей крови, пролитой капиталистами ради того, чтобы только сохранить для себя привычные условия удобной, красивой и насквозь подлой жизни двуногих зверей, воспитанных на пожирании чужой силы.

Это будет книга нашей правды, которая явилась в старый мир, чтобы преобразить его и воскресить к новой жизни.

О старичках

На анкету в первой книжке «За рубежом» редакция получила ряд поучительных и серьёзных ответов; ответил и «служащий, внепартийный социалист шестидесяти с половиной лет».

Ответил он не на вопросы анкеты, а, так сказать, перешагнув через них. Прежде всего он указал, что «в проспекте журнала было обещано правдивое освещение как отечественной, так и заграничной жизни». Здесь он – ошибся: в проспекте ни слова не сказано о том, что журнал намерен освещать «отечественную жизнь», проспект, согласно с титулом журнала, определённо говорит об освещении жизни «за рубежом». Ошибку эту можно объяснить слабостью «внепартийного» зрения старичка – пороком, неизлечимым в его возрасте.

В дальнейшем эта ошибка весьма определённо разоблачает старичкову «сущность» – он, оказывается, «гуманист», старичок-то! Он упрекает нас в том, что на страницах нашего журнала ничего не говорится о «партийной чистке», которую старичок именует «бесполезной пыткой», – бесполезной, потому что, по его словам, «без нравственных дефектов не найти человека».

Здесь уместно отметить, что «гуманитарный» взгляд на дефективного человека имеет в наших условиях политически весьма серьёзное практическое значение: в откровенных показаниях «вредителей» многократно и убедительно говорится о полезности для дела государственного вредительства людей с «дефектами», «нравственно неустойчивых», «нелойальных», «административно непригодных», «настроенных антисоветски» и вообще – негодников. Именно таких людей и вышвыривает из партии чистка, которую старичок называет «бесполезной», да ещё и «пыткой», признавая, должно быть, что существуют пытки полезные.

Далее гуманный старичок очень правильно, хотя и не очень грамотно пишет: «Такого распролетаривания(?), какое раскулачивание производится в СССР, нет нигде в подлунном мире».

Да, нигде – кроме Советского Союза – в подлунном мире рабочий класс ещё не приступил к той необходимой работе, которая успешно начата у нас, но мы совершенно уверены, что вся масса грудящихся неизбежно последует хорошему примеру. Смысл примера прост и ясен: нужно поставить в иные условия и перевоспитать из рабов земли в хозяев её – крестьянство, порабощённую стихийными силами природы пассивную массу, которая веками эксплуатировалась и, на протяжении веков, непрерывно выделяла из своей среды жесточайших эксплуататоров; иными словами, нужно уничтожить почву, на которой развились все ужасы капитализма. Гаммельрат, сотрудник немецкой католической газеты «Новый народ», недавно написал об этой гигантской работе так:

«Это– концентрированная энергия, сокрушающая старый и создающая новый мир. 7 миллионов крестьянских хозяйств, 20 миллионов деревенских жителей перешли в колхозы. Опора всего колхозного движения – деревенская беднота. Именно здесь – в колхозном движении – далеко превзойдены цифры, предусмотренные пятилеткой... Советская печать не расписывает достижения, а подгоняет. Когда она говорит о трудностях и прорывах, то это должно вызывать в вас не злобное торжество, а удивление, так как и в этом проявляется всё та же неудержимая энергия, подгоняющая вперёд. В этой молодой, ненасытной энергии – решающее. Россия всё более становится независимой от остального мира. Это стоит ей больших жертв, но эти жертвы приносятся. Пятилетка предопределяет собою всю мировую политику

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
ближайших десятилетий.»

Это говорит чужой человек, да ещё и католик, член той церкви, глава которой объявил нечто вроде крестового похода против страны и народа «внепартийного социалиста». Но гуманного старичка не интересует процесс возрождения его народа и грандиозная работа «концентрированной энергии» рабочего класса в его отечестве. Он сообщает нам, что больных «кулаков завёртывают по три человека в рогожу и на дровнях отправляют»... должно быть, в больницу.

Автор этих строк имеет некоторое представление о том, как плетут рогожи, и сомневается в том, что есть рогожи размера, необходимого для упаковки трёх человек в одну. Это, разумеется, мелочь – рогожи, но такие мелочи весьма и всегда характерны для «внепартийных» обличителей и правдолюбов. Утверждая свою правду, правдолюб никогда не стесняется солгать. В заключение своего письма гуманный старичок взывает о «выполнении обещания о правдивом и беспристрастном освещении жизни». Редакция может только повторить сказанное выше: она ставит целью своей освещение жизни «за рубежом». её цель – показать читателям, что Европа, Америка и вообще зарубежная жизнь вовсе не протекает в условиях очаровательного благополучия, в нежной и взаимной любви фабрикантов и рабочих, помещиков и крестьян, служащих и хозяев, вообще – в мирном благоденствии и неугасимой радости. Редакция охотно будет освещать положительные явления зарубежной жизни в областях науки, техники, искусства. Редакция хорошо видит, что пока ей ещё не удаётся делать своё дело с должной полнотой и в формах, достаточно совершенных.

Но редакция не обещает гуманному старичку беспристрастия в освещении бытовых и политических условий за рубежом. Беспристрастие – это бесстрашие. Мы – люди страстные, мы страстно ненавидим, и мы будем пристрастны – с тем нас и берите! Внепартийные, да и партийные старички, в возрасте от восемнадцати до семидесяти лет и выше, могут вполне удовлетворить свою жажду правды из нашей ежедневной прессы, где правда советской действительности освещается страстно и беспощадно. Мы знаем, что эта страстная беспощадность обличения лентяев, саботажников, шкурников, халтурщиков, дураков, пошляков и прочих уродов омолаживает старичков всех возрастов; знаем, что они, читая о неполадках и ошибках, о глупостях и подлостях, ликут и пляшут на краю своих могил. Но мы знаем также, что наши достижения неизмеримо значительнее наших недостатков и что основное, величайшее достижение – это именно «концентрированная энергия», способная творить чудеса.

Возраст свой старичок значительно сократил, ему не шестьдесят с половиной лет, он гораздо старше, он даже чудовищно стар. Он – не одинок и как «тип» относится к племени тех старичков, о которых в 1583 году неаполитанец Джордано Бруно писал:

«Что за мир и согласие предлагают они бедным народам? Не хотят ли, не мечтают ли, что весь мир, согласившись с их злостным и надменнейшим невежеством, успокоит их лукавую совесть, тогда как сами они не хотят подчиниться справедливому учению?»

За эти и многие другие слова в таком духе, написанные Бруно в его книгах «Изгнание торжествующего зверя» и «О героическом восторге», старички держали Джордано Бруно семь лет в тюрьме, а затем сожгли его живым на костре. И один из старичков, кардинал Гаспар Шопп, проводил Бруно такими словами:

«Так он был сожжён, погибнув жалкой смертью, думаю – теперь отправился в другие миры, что сам навывдумывал себе, рассказать там, как расправляются римляне с нечестивцами.»

Как видите – за четырёста лет до наших дней старички были такими же изуверами и пакостниками, каковы они и по сей день. И так же, как кардинал Шопп радовался убийству Джордано Бруно, современные нам старички ликуют по поводу убийства Жореса, Либкнехта, Розы Люксембург, Сакко и Ванцетти и множества других людей «героического восторга».

Чудовищное долголетие старичков – факт не только печальный, но и отвратительный, он говорит о том, как застоялась, омертвела жизнь, создавшая «старичков», как медленно изменяется «психика личности». Но вместе с этим этот факт говорит и о том, что личность становится всё более ничтожной, всё менее «вливающей и на ход истории». Этот процесс таяния личности отлично изображён европейской

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma литературой; она, в целом, даёт яркий комментарий к истории роста, развития, а затем – истощения энергии буржуазного класса.

Художники слова создали ряд монументальных фигур лицемеров, ханжей, изуверов, фанатиков «наживы» и прочих столпов буржуазного мира. В наши дни все эти столпы измельчали до размеров какого-нибудь Бриана, Чемберлена и подобных им мастеров по ремонту курятника – буржуазного государства тож. Наши литературоведы сделали бы солидное и педагогически необходимое для молодёжи дело, написав ряд биографий литературных типов. Это были бы весьма интересные истории вырождения личности. Очень удобно взять, например, тип Оливера Кромвеля и проследить на ряде фигур, ему подобных, снижение этого типа до миниатюрной фигурки Александра Керенского.

Бывшие «великие люди» – предки по крови нынешним старичкам, это неоспоримо. Но это нимало не увеличивает фигуру и значение нашего старичка, а только показывает, как микроскопически съёжились «великие».

Наш старичок – пустяковый человек, однако он тоже типичен. Его основное качество – нежная любовь к самому себе, к «вечным истинам», которые он вычитал из различных евангелий, и к «проклятым вопросам», которые не разрешаются словами. Вот, например, старичок двадцати шести лет, он пишет: «Что такое я, сидящий здесь, которому суждено, подобно всему живому, быть мёртвым?»

Вот в какую форму отлилась ныне красивая фраза Екклезиаста! И так всё, более или менее удачно, искажается бездельниками и блудословами, которым, в конце концов, интереснее всего в мире – своя собственная мозоль. Один из них буквально так и пишет: «Университеты, институты строим, а простую мозоль не выучились лечить». Другой божественно величаво сообщает: «Действительность расходилась со мной, не понимала меня». Нет, вы представьте, до чего безжалостно ведёт себя эта капризная действительность! Вырождается личность мещанина, вырождается его мысль, засорённая чепухой, отравленная грязеньким бытом. Ловкий стяжатель, ростовщик, раб наживы и, в прошлом, строитель железной клетки государства, мещанин стал – карликом.

Но хотя он мелок, он всё-таки вреден, как вредна пыль, вредны испарения болот и газы органического вещества, которое гниёт. В воздухе, которым мы дышим, не мало ядовитых примесей. Это очень вредно, с этим необходимо бороться «не покладая рук». Необходимо написать историю культуры как историю разложения личности, как изображение пути её к смерти и как историю возникновения новой личности, которая организуется в огне «концентрированной энергии» строителей нового мира.

О буржуазной прессе

На рынках, где торгуют старым хламом, сразу видишь, чем люди жили вчера, а рекламы и хроника газет хорошо рассказывают о том, чем люди живут сегодня. Говоря о газетах, я имею в виду современные «органы воспитания общественного мнения» в «центрах культуры» Европы и Америки. Я нахожу, что читать буржуазную прессу так же полезно, как полезно слушать откровенные рассказы прислуги о жизни господ. Болезни не должны да и не могут интересовать здорового человека, но медик обязан изучать их. Между врачом и журналистом есть нечто общее: тот и другой устанавливают и характеризуют заблуждения. Наши журналисты поставлены выгоднее буржуазных, – нашим хорошо известны общие причины социально-патологических явлений. Поэтому советский журналист должен бы относиться к показаниям буржуазной прессы так же внимательно, как врач относится к воплям и стонам больного. Если б у нас явился талантливый человек, который, собрав достаточное количество фактов из «хроники» газет любого «центра культуры» и сопоставив эти факты с рекламами магазинов, ресторанов, увеселительных заведений, с описанием встреч, приёмов, общественных празднеств, обработал бы весь этот материал тем приёмом, которым Джон Дос-Пассос сделал свой интереснейший роман «Манхеттен» – Нью-Йорк, – мы получили бы ослепительно яркую и потрясающую картину «культурной» жизни буржуазного общества наших дней.

О чём ежедневно говорит буржуазная пресса? Вот, например, события, кратко отмеченные ею за истекший май.

«Бунт воспитанников» – из воспитательного дома бежали 14 мальчиков, 12 пойманы конной полицией, судьба двух – неизвестна. «Снова истязание малолетней». «Мать-детоубийца» – отравила двух ребятшек газом, причина – голод. «Ещё одно отравление газом» – отравились пятеро: муж, жена, старуха – мать мужа, девочка трёх лет, грудной ребёнок. «Убийство на почве голода». «Ещё одна женщина

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
разрезана на куски». «Привычка к тюрьме» – человек, выпущенный из тюрьмы после пятилетнего заключения, явился в полицию, заявил, что он – болен, работать – не может, нищенствовать – не хочет, и попросил, чтоб его снова заключили в тюрьму. По справедливости законов буржуазного государства это оказалось невозможным, тогда человек, «привыкший» к тюрьме, разбил стекло витрины магазина, подрался с полицией и достиг желанной цели. «Нищий-миллионер» – умер старик-нищий 80 лет, в его вещах нашли 5 миллионов крон. «Скончался 89 лет лорд Эштон, оставив состояние в 20 миллионов фунтов». «Процесс-монстр» – в Лионе 300 человек умерли, отравленные грязной питьевой водой городского водопровода». «Грандиозный проигрыш в карты». «Вчера в разных частях города совершён ряд убийств, бандиты благополучно скрылись». Слово – «благополучно» в этом случае воспринимается не как выражение иронии, а как сочувствие успеху.

Затем приводятся факты более или менее крупных мошенничеств, взяточничества, половой разнузданности, законченной самоубийством, убийством. Разумеется, я привёл здесь ничтожную часть фактов, опубликованных в течение месяца, – 90% остального – в таком же криминальном и патологическом духе. Всё это излагается очень кратко, сухим, бескровным языком, и для того, чтоб журналист несколько оживил, раскрасил свой язык, необходимо, чтоб «ещё женщина» была разрезана на куски особенно садически искусно или чтоб дюссельдорфский убийца, рабочий Кюртен, возвёл на себя 53 преступления, а затем «внезапно сухо заявил следователю: «Что вы скажете, если я теперь откажусь от всего этого жульничества?» Вопрос «сенсационный», но работа полиции буржуазных государств становится вообще сплошной сенсацией, и поэтому советского читателя вопрос Кюртена не должен удивлять. В конце концов не понимаешь: зачем это публикуют? Никаких комментарий материал «хроники» не вызывает в буржуазной прессе. Чувствуется, что он стал обычным, никого не возмущает, не тревожит. Раньше, до войны, – возмущал. Тогда сентиментальные люди писали кисло-сладкие статейки о «болезнях общественного организма», выражая различные чувства, за которыми пряталась иногда – тревога, а чаще – раздражение «культурных» людей, которые обеспокоены «ненормальными фактами».

В наши дни буржуазную прессу не интересуют бытовые драмы потому, что ежедневная гибель различных мелких людей десятками и сотнями давно уже вошла в обычный порядок дня и не изменяет жизни и ничем не грозит людям, которые хотят жить весело и спокойно. Размножаются роскошные кино, ещё более роскошные рестораны с потрясающими стены и потолки джазами, поражает обилие реклам о средствах против «упадка сил» и замечательно красноречивых реклам врачей-венерологов. Но ведь всё это шумело и до 14 года? Да, шумело, но – не так оглушительно. А теперь кажется, что буржуазия «центров культуры» единодушно признала, что:

Жизнь становится короче,
Дни идут быстрее, быстрее,
Так – живите дни и ночи
Веселее, веселей!

Это проповедовал с кафедры небогатого кабака тонконогий человек с большим животом, сильно наруганный, с безумными глазами наркотомана.

Я – сгущаю краски? У меня нет желания делать это, ибо я знаю, что гнилостное разложение заразительно. Краски жизни сами по себе становятся всё гуще и ярче. Наверное, это потому, что температура жизни поднимается и веселие буржуазии лихорадочно – от лихой радости. В нашем языке под словом «лихо» не всегда понимается здоровая удаля, чаще «лихо» значит – худо. Буржуазия пытается сделать свою жизнь весёлой, для того чтоб подавить унылое предчувствие конца её дней.

Мне кажется, что я не плохо знаком с газетными работниками Америки и Европы. Я думаю, что они – мастеровые, тяжёлое и беспокойное ремесло которых внушает им чувство глубочайшего равнодушия к людям, и что они весьма похожи на прислугу психиатрических больниц, которая привыкла считать и пациентов и докторов одинаково сумасшедшими. Этим равнодушием и объясняется невозмутимое бесстрастие сообщений о самых разнообразных фактах действительности.

Например:

«Вчера некто Ганс Мюллер съел, на пари, 36 пар сосисок в течение одиннадцати минут».

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
«В 1928 году в Пруссии покончили с собой 9530 чел., из коих 6690 мужчин и 2840 женщин. На города приходится 6413 самоубийц, на деревни 3117».

«Магистрат силезского города Левенберга для увеличения своих доходов решил ввести налог на кошек. Однако городское самоуправление отклонило это предложение. Тогда магистрат решил прибегнуть к другому методу. На аллеях городского парка ночью расставляются капканы, в которые попадают прогуливающиеся кошки. Пойманные животные выдаются владельцам при уплате 3 марок».

«В общине Ниндорф (вблизи Гамбурга) крестьяне оказали вооружённое сопротивление судебным приставам, явившимся для описи имущества за неплатёж взносов в пользу ирригационного общества. Чиновники под угрозой вооружённых крестьян были принуждены удалиться».

«В окрестностях Берлина появилось «ночное привидение», которое систематически посещает местного пастора. Привидение уже трижды будило пастора «неприличными прикосновениями». Вызванная полиция нашла под окнами пасторского дома шапку, очевидно, потерянную «привидением».

«Следует ли допускать к причастию стриженных женщин? Этот вопрос был возбуждён несколькими епископами и 24 мая специально разбирался в Ватикане. Коллегия кардиналов ответила на вопрос положительно: ношение коротких волос не противоречит христианской морали».

В прошлом году кто-то из газетчиков сообщил, основываясь на полицейских данных, что во Франции ежегодно исчезает около четырёх тысяч женщин. Недавно в разных городах Франции арестована шайка «торговцев женщинами», они продали в публичные дома республик Южной Америки 2500 девушек. Такая же организация торговцев «живым товаром» действовала в Польше. Французский журналист А. Лондр отлично изучил эту отрасль работоторговли, – его книга «Преступное ремесло» издана у нас в прошлом году «Федерацией». Чрезвычайно любопытная книга, в ней подробно рассказаны приёмы обмана и похищения девиц, их «работа» в публичных домах Аргентины, но – самое поучительное в этой книге то, что в ней нет ни одного слова возмущения.

На её 10 странице Лондр рассказывает о своей встрече с торговцем такими словами:

«Арман – сутенёр... Я знаю, чем он занимается. Он знает – чем я. Он мне доверяет, я – ему. Как деловые люди.»

Вот именно: как деловые люди и – только, хотя «дело» как будто бесчеловечное и подлое.

Но здесь, для объяснения психологии Лондра, уместно будет привести подлинные слова одного американского журналиста:

«Полицейский не обязан думать, виноват ли человек, которого он сопровождает на суд или в тюрьму. Я ставлю людей на суд общества таких же, как они, предшествующее и дальнейшее меня не касается.»

Это я слышал в Нью-Йорке в 906 году во время маленького скандала, разыгранного благочестивыми американцами. Когда меня изгнали из двух отелей, я, решив ожидать дальнейших поступков, устроился с чемоданами на улице и меня окружила группа репортёров, человек пятнадцать. По-своему, по-американски, они были славные ребята, они «сочувствовали» мне, и даже казалось, что они несколько смущены скандалом. Особенно симпатичен был один из них, крупный парень, с деревянным лицом и смешными, круглыми, точно две бусины, глазами голубого цвета необыкновенной яркости. Он был знаменитостью: по заказу своей газеты ловко устроил похищение из манильской тюрьмы на Филиппинских островах девицы-революционерки, националистки, её посадили в тюрьму испанцы, и ей грозила смертная казнь. Этот парень догадался, что я охотно иду на продолжение скандала, он внушил молодым литераторам Лерону Скотту, автору романа «Секретарь профсоюза», и его товарищам по «Клубу пяти», чтоб они приняли «участие в деле». Впоследствии оказалось, что принять какое-либо участие в деле они не могут, но я переселён был с улицы в «клуб», в квартиру, где жили «коммуной» пятеро начинающих писателей и где хозяйничала жена Л. Скотта, русская еврейка. Вечером, в обширном вестибюле «клуба», пред камином, собирались молодые писатели, приходили репортёры, я рассказывал им о русской литературе и революции, о

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma Московском восстании, Н.Е. Буренин, член боевой организации при ЦК большевиков, жена Скотта и М.Ф. Андреева переводили мои слова на английский язык. Газетчики слушали, записывали и, вздыхая, говорили с явным сожалением:

– Это – дьявольски интересно, но – не для наших газет.

Я спрашивал: почему эти газеты не могут сообщить читателям правду о событии, которое, возможно, характеризует всё будущее нового века?

Но они понимали мой вопрос упрощённо, как вопрос чисто личный. Они сказали мне:

– Мы все – на вашей стороне, но – бессильны помочь вам. Вы не найдёте и не заработаете здесь денег для революции. После того, как пресса сообщила, что вас примет Рузвельт, – в дело вмешался русский посол, и ваша игра проиграна. Мы видим, что газеты напечатали фотографию не м-ме Андреевой, знаем, что ваша первая жена и дети не нуждаются в средствах, но – разоблачить это не в нашей силе. Работать для революции здесь вам не дадут.

– А почему дают Брешковской?

На этот вопрос они отвечали молчанием. Они ошиблись, работать я мог, только сделал меньше, чем предполагал. Впрочем, это не относится к теме статьи.

В дальнейших беседах журналисты ознакомили меня с поражающей силой прессы Нью-Йорка. Доказательства этой силы были таковы. Одна из газет уличила богатую и влиятельную филантропку в том, что она содержит несколько домов терпимости, – это была весьма хорошая сенсация. Но через два дня та же газета, поместив на своих страницах портреты двадцати пяти полицейских, сообщила, что это они организаторы тайной проституции, а не почтенная, всеми уважаемая мистрисс.

– А как же полицейские?

– Их уволили, предварительно обезвечив. Они найдут работу в других штатах.

Другой случай. Нужно было скомпрометировать одного сенатора. Напечатали, что он плохо живёт со своей второй женою и что дети его, студенты, на ножах с мачехой. Опровержение старика и детей его газета поместила, но – высмеяла. Дом, где он жил, окружили репортёры.

Беседы о ремесле

I

То, о чём я хочу рассказать, произошло за тридцать лет до наших дней, и – возможно, что всё это было не совсем так, как я расскажу.

Ещё в детстве я отметил, что Нижний-Новгород богат «дурачками», «полуумными», «блаженненькими». Эти ненормальные люди вызывали у «нормальных» обывателей, у мещан, двойственное отношение: над «полуумными» издевались, но в то же время и побаивались их, как бы подозревая: не скрыта ли за безумием особая мудрость, не доступная разуму «нормальных». Подозревать это – были основания.

Муза Гущина в четырнадцать лет от роду была признана «дурочкой», а через два-три года всё мещанство города оценило её как «провидицу», способную предугадывать будущее. К ней, в маленький домик на «Гребешке», ходили и ездили сотни людей: она певучим голосом тихонько говорила им какие-то нескладные слова, взимая за это по четвертаку. Была она кругленькая, аккуратных форм, бело-розовая, точно из фарфора вылепленная. Выходила к людям в одной длинной, до пят, рубашке грубого полотна, ворот наглухо завязан чёрной тесёмкой, светлые «ржанные» волосы рассыпаны по спине; голову она держала склонив её вниз и к левому плечу, точно прислушиваясь к голосу своего сердца.

С её круглого розового личика из-под густых тёмных бровей смотрели прикрытые ресницами синевато-серые глаза; на этом ангельски глупом лице они казались чужими, и было в них что-то тревожное и угрюмое – на мой взгляд.

Любопытства ради я тоже отнёс Музе четвертак, и она, погрозив мне игрушечным пальчиком, сказала:

– Тому не сбыться, что во сне снится.

А товарищу моему, скромнейшему парню с заячьей губой, ломовому извозчику:

– Не ходи, козёл, по двору; гуляй, козёл, на гору.

Дожив до двадцати одного года, она вдруг изумила город, возбудив против дяди и опекуна своего судебное преследование за сокрытие и растрату её наследственного после матери имущества. Оказалось, что на заработанные прорицаниями четвертаки Муза, при помощи некоего «частного ходатая по судебным делам», тайно и ловко собирала улики против дяди, и улики оказались настолько бесспорными, что дядя сел в тюрьму.

Несколько лет Муза обманывала людей, продавая им глупенькие фразы по 25 копеек за штуку. Но она прикрывалась слабоумием в целях самозащиты, в борьбе за «имущество» она победила, и нормальные люди, простив ей обман, удостоили её похвалы и славы.

Был другой случай, подобный этому: в окружном суде слушалось дело беглого каторжника Кожина, купчихи Малининой и ещё четырнадцати человек.

Компания эта обвинялась в производстве и распространении кредитных билетов сторублёвого достоинства, а также купонов в 2 рубля 16 копеек и в 4 рубля 32 копейки.

На скамье подсудимых сидела пышная моложавая женщина, круглое лицо её умеренно румяно, глаза мягкие, «с поволокой», на публику она смотрит из-под густых бровей, спокойно, судьям отвечает кратко, немножко обиженно и – с явным сознанием своего достоинства. Скажет что-нибудь сочным голосом и оботрёт яркие губы платочком, точно плюнула неаккуратно. Рядом с нею – Кожин, солидный бородач лет пятидесяти, крепкий, красивый, с весёлыми глазами и ясным голосом невинного человека, он – словоохотлив и любит пошутить. На обороте нескольких сотенных бумажек, там, где печатались грозные извлечения из статей «Свода законов», он, Кожин, напечатал: «Дурак тот, кто не подделывает государственных кредитных билетов», – этой неуместной шуткой он и погубил предприятие, весьма солидное и технически и организационно. Остальные подсудимые, сероватые люди, занимались сбытом товара; двое были предателями и один «слабоумный»; из обвинительного акта и во время «судоговорения» ясно было, что его роль в этом деле – незначительна, даже возможно, что он случайно замешан в процессе. Предатели не давали обвинению материала против этого парня, голословно утверждая, что «он в этом деле тоже путался», что он «полуумный», вроде «блаженного» и – «озорник».

Вёл себя «озорник» возбуждённо, громко разговаривал с соседями по скамье, спрашивал: «А теперь что будет?» Судьям отвечал бестолково, крикливым натуженным голосом. Его останавливали, он позёвывал, дремал и, встряхиваясь, снова спрашивал: «А теперь – что?» У него – неправильный, сильно стиснутый с висков череп, старообразное лицо глубоко разрезано щучьим ртом, под рыжеватыми бровями – маленькие, острые звериные глаза. Защитник, уверенный, что этого человека оправдают, – медицинской экспертизы не потребовал.

В деле было тёмное место: ни следователь, ни суд не могли установить, кто из обвиняемых исполнял роль главного «раздатчика товара». По словам сбытчиков и «потерпевших», они получали фальшивые деньги от «разных лиц», то же самое говорили и предатели, не указывая ни одного из этих лиц среди подсудимых.

И вдруг Кожин пошептался с Малининой и громко сказал «полуумному»:

– Ну, брось дурака валять, рассказывай! А то что ж ты один на воле болтаться будешь?

«Слабоумный» встал и весьма здравомысленно, грамотно, не без гордости сообщил суду, что «раздатчиком» был он и – никто иной. Он неопровержимо доказал «сбытчикам», что никаких «разных лиц» – не было, а они всегда имели дело только с ним: в Одессе, в Варшаве, на Ирбитской и Макарьевской ярмарках. Он являлся перед ними купцом, монахом, даже – евреем, и в доказательство того, что ему нетрудно перевоплотиться и в еврея, он произнёс две-три фразы с акцентом рассказчика еврейских анекдотов. Говоря, он посматривал на публику, на присяжных и судей, и по усмешке его было ясно, что он любитесь – идиотами. Присяжные вынесли три особенно суровые приговора: Кожину, Малининой и ему. Когда суд

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma объявил приговор бывшему «слабоумному», публика одобрительно зарычала, и некоторые даже аплодировали.

Разумеется, случай Музы и этот случай подтверждали догадку «нормальных» людей о том, что за глупостью видимой может быть искусно спрятана житейская мудрость, силою которой живут и они, нормальные. У меня оба эти случая возбудили внимание к людям ненормальным.

Об Игоше Смерть в Кармане я уже рассказывал где-то, но здесь необходимо вспомнить и о нём. Это был человек неопределённого возраста, высокий, тощий, с лицом и шеей в дряблых морщинах, пропитанных грязью или копотью, с чёрными руками; крючковатые пальцы его всегда щупали заборы, ворота, двери, тумбы и тело своё: бёдра, живот, грудь, шею, лицо. Всегда казалось мне, что руки его двигаются только снизу вверх, и почти неуловимо было быстрое падение рук вниз. Закопчённое лицо его в клочковатой чёрной бороде тоже всё шевелилось: двигались брови, фыркал нос, шлёпали слюнявые губы, произнося всегда одно и то же похабное ругательство, вздувался острый кадык, только маленькие чёрные глаза были неподвижны, точно у слепого. Зимой и летом он ходил в валяных сапогах, в расстёгнутом овчинном полушубке, в синих портках из пестряди, в такой же рубашке, – ворот её расстёгнут или разорван, обнажились ключицы, и в углублениях между ними и шеей жутко вздувалась кожа. Походка у него была развинченная, казалось, что вот сейчас весь он развалится на куски и его лохматая голова покатится по мостовой камнем.

Было что-то страшноватое в неподвижности его глаз и особенно в руках его, – они так настойчиво щупали всё, как будто Игоша хотел убедиться: есть оно или только кажется. Меня очень занимало это ощупывание мира Игошей.

Нормальные люди боялись его, хмуро уступали ему дорогу, а мальчишки, бегая за ним, кричали: «Смерть в кармане! Игоша – смерть в кармане!»

Он совал руки в карманы полушубка, там у него был запас камней, и он швырял ими в детей одинаково ловко правой и левой рукой. Швырял и однообразно бормотал ругательство, а израсходовав камни – щёлкал зубами и завывал волчьим воем.

Был ещё дурачок Гриня Лобастов, видимый только весной и летом в ясные дни. Он сидел на скамье у ворот своего дома в Студёной улице, в каждой руке его были коротенькие, гладко выстроганные палочки. Неумоимо, с фокусной быстротой и ловкостью он гонял эти палочки между пальцами, как бы добиваясь, не прирастут ли они к ладоням шестыми пальцами. Маленький, толстый, всегда чисто вымытый, одетый в белое, с мягким «бабыим» лицом, в сероватой мягковолосой бородачке, он смотрел узенькими, бесцветными глазами в голубую пустоту неба и улыбался странной улыбкой, – виноватой улыбочкой человека, который догадался о чём-то и очень смущён. Он был немой. «Нормальные» люди считали его «блаженным», и многие, проходя мимо него, низко кланялись чистенькому идиоту.

Был дурачок Реутов, маленький человек с чёрной бородачкой клинышком, зимой и лето он ходил без шапки, на его черепе, вытянутом вверх, росли какие-то очень толстые, редкие волосы, на длинном лице – смешной кривой нос.

Ходил Реутов озабоченно наклонив голову, размахивая руками, и, уступая дорогу встречным, всегда останавливался, прижимаясь к забору, к стене. Если прохожий касался его, – Реутов долго и тщательно смахивал ладонью с одежды своей что-то, видимое только ему. Он был сыном богатого торговца мануфактурой и ревностным театралом – сиживал на «галёрке» театра каждый вечер во время сезона.

Нормальные люди не обращали на него внимания – он был недостаточно уродлив, не страшен, – не интересно безумен.

Было в городе и ещё несколько «дурачков», – по какой-то случайности все они были детьми людей зажиточных или богатых. Это я отметил.

Наиболее поразил меня Миша Тюленев. Среднего роста, широкоплечий, с огромной гривой грязных волос, закинутых на затылок и за оттопыренные уши, он был похож на расстриженного дьякона. Его скуластые, бритые щёки туго обтянуты кожей цвета глины, из-под густых бровей выкатились и тускло светятся круглые совиные глаза мутно-зелёного цвета, нос – тяжёлый, толстый, с раздутыми ноздрями, такие же толстые вывороченные губы, они в трещинах, в крови, точно искусаны, и на бритом

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma подбородке тоже кровь. Толстое драповое пальто Миши вымыто дождями, выгорело на солнце, вытерто и обнаруживает на швах серые нитки, точно рёбра рыбы.

Пуговиц на пальто нет, карманы – оторваны, подкладка – изношена, торчат клочья ваты; под пальто рыжий пиджак, жилет, и всё – не застёгнуто, так же как и брюки. Ходил он всегда по мостовой, около панели, ходил точно по глубокому снегу или по песку – тяжело поднимая ноги и гулко печатая шаги широкими подошвами стоптанных сапог. Левую руку держал под жилетом на груди, а правой раскачивал, зажав в пальцы небольшой булыжник.

При встрече с женщинами замахивался на них булыжником и – рычал, бормотал что-то странно чавкающими звуками. Он был устрашающе противен, нормальные люди не терпели его, и, когда он днём появлялся на главных улицах города, его, точно собаку, гоняли полицейские с помощью извозчиков, – извозчики хлестали Мишу кнутами. Тюленев натягивал на голову пальто и неуклюже бежал от них, поднимая ноги, как жеребец.

Я нередко встречал его в поле, за городом или притаившимся под стенами кремля, где-нибудь в тени башен. У меня он тоже вызывал впечатление отталкивающее и даже, кажется, вражду к нему, – мне казалось, что он притворяется, нарочно поднимает ноги так высоко, как будто идёт по болоту.

Отталкивал и тяжёлый взгляд его стеклянно-зелёных глаз. И вот, ночью, в полнолуние, я застиг его в ограде церкви Николая на Покровке; войдя в ограду, я услышал какие-то бухающие удары и в углу пристройки к стене церкви, в тени, увидал фигуру человека, – мне показалось, что он ломает стену. Но это Тюленев бил кулаком в грудь свою. Прежде чем я успел подойти к нему, он скользнул по стене, сел на землю и забормотал, – было хорошо видно, как шевелятся его толстые губы, выплёвывая чавкающие звуки:

– Чах, чав, чов...

Присев перед ним на корточки, я вслушивался; казалось, что Тюленев хочет, но не может выговорить какое-то слово. Сидел он закрыв глаза и всё бил кулаком в грудь, но уже бессильно. Я дотронулся до его плеча – тогда он, отталкивая меня одной рукой, другой стал щупать землю около себя, – должно быть, искал булыжник. Теперь он чавкал и шипел более громко, внятно:

– Чёрт – чужак – чужой – чёрт – чужак – чужак...

Затем он встал, вышел из тени в лунный свет, наклонился, поднял булыжник и пошёл прочь, особенно шумно топая. Я присел на ступени паперти, закурил; огонь спички вызвал откуда-то сторожа.

– Вот спасибо, что прогнал Мишу, – сказал он. – Боюсь я его, кокнет камнем, и – не пикнешь!

Старик сообщил, что Тюленев бывает тут, в углу, нередко, придёт, встанет к стене, бьёт себя в грудь и бормочет.

– Слышать, он не дураком родился.

Что Тюленев и другие «ненормальные» родились не дураками, это – все говорили, но о причинах «душевной» кого-либо из них я ничего не мог узнать, хотя спрашивал многих обывателей-стариков.

Дурачки и блаженненькие казались мне интереснее «нормальных» людей. Это было вполне естественно, ибо я видел, что нормальные сводят всю свою жизнь к простейшим процессам: питания, размножения и сна; видел, что спокойное течение этих процессов обеспечивается эксплуатацией чужой силы, торговлишкой, обманами, мелким мошенничеством, – вообще: жизнь «нормальных» целиком заполнена всяческой «греховной» дрянью. Греховность жизни более или менее смутно сознавалась, поэтому «нормальные» в среду и в пятницу ели постное, а в субботу и в воскресенье ходили в церковь жаловаться богу на свою трудно-грешную жизнь и просить его о милосердии к их слабостям, говели, исповедовались во грехах попом, символически причащались тела и крови Христовой и при всём этом непрерывно изнуряли тела и пили кровь людей, которые работали для утверждения и обогащения нормальной жизни. У всех «нормальных» людей и у каждого был небольшой,

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma неприкосновенный запас предубеждений, предрассудков, суеверий, и весь этот материал самозащиты объединялся бездушной верой в бога и в чёрта, тупым неверием в разум человека.

В городе 90 тысяч «нормальных», но театр – пустовал, хотя в нём играли неплохие артисты.

В том, что дурачок Реутов посещает все спектакли, я видел нечто юмористическое. Мне казалось, что блаженненький Лобастов смотрит в небо бескорыстнее людей, которые твёрдо знают, что – грибы полезней звёзд. «Нормальные» укрепляли свои старые дома, строили новые, такие же тяжёлые, тесные, а Игоша развинченно ходил по улицам и всё щупал, точно сомневаясь в прочности камня, дерева, земли.

Романтизм, свойственный юности, позволял мне насыщать ненормальных какими-то никому не доступными знаниями и чувствами, которых никто не испытал.

Остроумные люди – из племени «нормальных» – могут сказать, что я учился у дураков.

Было и это – учился, но – значительно позднее и не у тех дураков, которые названы мною здесь. Вообще же в мире нашем не существует ничего, что не было бы поучительно, мир этот действительно наш, потому что мы отдаём ему все наши силы, организуем его, сообразно нашим целям, и весь он – материал нам для изучения.

Итак, я отметил один порядок впечатлений моего отрочества: дурачки, блаженненькие и вообще ненормальные люди. Вместе с этим постепенно нарастал, накапливался другой порядок.

Нижний-Новгород – город купеческий, о нём сложена поговорка: «Дома – каменные, люди – железные».

«Нормальная» жизнь этих железных людей была хорошо известна людям, среди которых я «вращался», как вращается кубарь, подхлестываемый кнутом. Меня подхлестывало тревожное и жадное желание понять всё, чего я не понимал и что возмущало, оскорбляло меня. Кучера, няньки, дворники, горничные и вообще «домашняя челядь» железных людей рассказывала мне о их жизни двояко: о крестинах, именинах, свадьбах, поминках – с таким же пафосом, с каким говорила о торжественных службах архиерея в соборе; о будничной жизни «железных» – со страхом и обидой, с недоумением и унынием, а иногда с подавленной злобой.

По «строю души» своей челядь была близко родственна «нормальным» людям, но оттенки её рассказов я хорошо улавливал, будучи «отроком, начитанным от писания».

Быт «железных» вставал предо мною кошмарно, жизнь их, в главном её напряжении, сводилась к драме «борьбы плоти с духом». Плоть закармливали жирными щами, гусями, пирогами, заливали ведрами чая, кваса и вина, истощали обильной работой «продолжения рода», укрощали постами, связывали цепями дела, и она покорствовалась «духу» десять, двадцать лет.

Жирный, сытый, беспощадный к людям «железный» человек жил благочестиво, смиренно, в театры, в концерты не ходил, а развлекался в церкви пением певчих, громогласием дьяконов, дома развлекался жаркой баней, игрою в «стуколку», винным питием и, попутно со всем этим, отращивал солидную бороду.

Но – «седина-то в бороду, а бес в ребро», бес – это и есть «дух». Наступал какой-то роковой день, и благочестивая жизнь взрывалась вдребезги, в чад, грязь и дым. Обнаруживалось, что железный человек уличён в каторжном деле растления малолетних, хотя у него нестарая дородная жена, дочери – невесты. И вот, охраняя честь дочерей, жена, добродушная, благожелательная, говорит грешнику:

– Что же делать будем? Дочери – невесты, кто их замуж возьмёт, когда тебя на каторгу пошлют? Прими порошок?

Грешник принял «порошок» за несколько дней до вручения обвинительного акта, и «дело о растлении малолетних» прекратилось «за смертью обвиняемого».

Другой «железный», истребив неукротимостью плоти своей и тяжестью нрава трёх

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma жён, не имея по церковному закону права жениться четвёртый раз и не решаясь «стыда ради» ввести в дом наложницу, – женил сына, напоил его на свадебном пире, запер в подвале, а сам занял место его на брачном ложе.

Сын попробовал протестовать, но был избит отцом, ушёл из дома и «пропал без вести». А отец, вскоре истребив и четвёртую жену, затеял женить второго сына, этот оказался покладистым и уступил свои права мужа без спора, но вскоре начал «пить горькую» и – «спился нанет».

С героем этой повести мне пришлось познакомиться, когда ему было восемьдесят два года. В этом возрасте он был ещё прям, как мачтовая сосна, все зубы у него были целы; в тёмных глазах сверкали синеватые угарные огоньки; он обладал замечательно ёмкой памятью и подробно знал все грехи человеческие, а также все наказания, уготованные грешникам в аду.

– Што хошь говори, а – там, брат, тебя да меня вздрючат, покипятят в смоле годов шестьсот, – обещал он, прищутив нахальнейшие глаза и тотчас же, бесстыже усмехаясь, спрашивал: – Только как же это: ведь не плоть, а душа страдать должна, а у неё, у души, – ни кожи, ни рожи! А? – И, поставив этот коварный вопрос, он хохотал, точно филин, гулко и громко.

Во всю правду повести о нём я не поверил и, вводя его в книгу «Фома Гордеев» под именем Анания Щурова, несколько сократил количество уголовных подвигов его.

На однотонном фоне «нормальной» жизни мелкого мещанства «железные» люди казались мне более или менее необыкновенными, да они и действительно были такими. Особенно значительной была для меня повесть о Гордее Чернове.

Он славился как знаток всех капризов и хитростей Волги, он сам, стоя на капитанском мостике, проводил свои буксирные пароходы с караванами барж, обходя перекаты «воложками», конфуза казённых инженеров-гидротехников, возбуждая стыд и зависть капитанов, которые «паузились» на перекатах, разгружая баржи, низко сидевшие в воде. Он, Чернов, был неизменно удачлив во всех своих предприятиях, а неудачи как бы нарочно сам себе создавал. Сконструировал баржу невероятной грузоподъёмности; ему указывали, что баржа окажется непригодной для плавания даже в «полую» воду:

– Потащим – так пойдёт, – сказал Чернов, но ошибся – не пошла.

Построил по своему плану дом в трактирно-церковно-«маврританском» стиле с башенками, куполами и «луковицами» на крыше, раскрасил его ярчайшими красками и отказался жить в нём, оставив вокруг дома тот тёсовый забор, который ограждал постройку. Рассказывали, что у него попросил работы какой-то парень, исключённый из семинарии. Чернов отправил его на Суру грузить хлеб за пятнадцать рублей в месяц. Парень телеграфирует ему: «Пришлите буксир, вода спадает».

Чернов ответил телеграммой же: «Молчи, дурак, врешь». Дня через два семинарист сообщил: «Баржи обсохли». – «Еду», – ответил Чернов и, приехав в Васильсурск, спросил семинариста: «Ну, – рад, что оказался умнее хозяина? Скидывай пиджак, давай драться». Честно подрались тут же на берегу Волги у пристани и на глазах обывателей. Семинарист побил хозяина.

– Ладно, – сказал Чернов. – И не глуп ты, и сила есть. Поезжай в Покровскую слободу старшим приказчиком, жалованье полсотни, за удачу – награды будут.

И будто бы семинарист этот стал его «закадычным другом».

Об этом единоборстве рассказывали мне «нормальные» жители Васильсурска, и рассказывали похвально.

Такие строительные ошибки и сумасбродные поступки создали бы всякому другому человеку славу «сумасброда», но Чернов заслужил прозвище «американца».

И вот этот человек, счастливый в делах, красавец, силач, кутила, – вдруг исчез, бросив своё большое дело, не сказав ничего ни сыну, ни дочери. Его искали, не нашли, решили, что убит, и, устроив администрацию по делам его, распродали всё имущество, разумеется, жульнически дёшево, заплатили кредиторам и служащим полным рублём, да ещё осталось в пользу детей Чернова несколько десятков тысяч

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyта рублей.

В 1896 году во время Всероссийской выставки в Нижнем-Новгороде Гордей Чернов объявился – монахом, приехал со Старого Афона «посмотреть праздник в родном городе». Посмотрел. Посмотрев, серьезно кутнул со старыми приятелями и снова скрылся на Афон, где и помер, кажется, в 1900 году.

Очень понравилась мне эта полусказка о человеке, который так легко выломился из «нормальной» жизни, так просто отверг её. И радостно удивлял меня гордый тон, которым рассказывал о Чернове седовласый старик А.А.Зарубин, бывший водочный заводчик, «неосторожный банкрот», тюремный сиделец, а затем убеждённый поклонник Льва Толстого, организатор общества трезвости, человек, который на улице, в толпе людей, поклонников знаменитого в ту пору попа Иоанна Кронштадтского, назвал попа – «артистом императорских церквей». Я уже где-то рассказал о том, как Зарубин начал дело против полиции о незаконно взысканной с него одной копейке, довёл дело до Сената, а когда губернатор нижегородский запретил опубликовать решение Сената в пользу Зарубина, старик пришёл к начальнику губернии, спросил его: «Ты зачем к нам посажен – законы нарушать?» – и сенатский указ был опубликован в «Нижегородском листке».

Такие поступки в те времена оценивались как «гражданские подвиги».

Не один Зарубин рассказывал о Чернове с гордостью, повышенным тоном, – многие, говоря о нём, как бы хвастались:

«Вот какие мы. Понимаешь?»

Я понимал. Умные люди – адвокаты, газетчики, вообще интеллигенты – расценивали буйство «железных» по Островскому: они говорили, что «железные» с жиру бесятся. Мне безразлично было, с чего люди «бесятся», лишь бы они бесились.

В людях умных я тоже и видел и чувствовал духовное сродство с «нормальными», – конечно, сродство не столь глубокое, как у «домашней челяди». Действительность невежливо толкала меня из стороны в сторону, переставляла с одной точки на другую, обнажаясь с откровенностью цинической. Поэтому я не чувствовал её устойчивой и не преклонялся перед нею даже тогда, когда она показывала мне факты, возбуждавшие радость.

Разумеется, что такие факты были крайне редки, большинство же их внушало сознание необходимости как-то изменить действительность. Мне казалось, что даже среди железных людей есть такие, для которых действительность не обязательна, не законна, даже «враждебна», как говорил старик «нечаевец» Орлов, переводчик «Искушения св. Антония» Флобера и «Разговоров» Леопарди. Действительность разноречива и болтлива, как торговка. Мой приятель, маляр Ездоков, качаясь в «люльке» на высоте третьего этажа, пронзительно поёт:

Ничего мне на свете не надо,
Только надо тебя мне одну...

Хозяин дома Алексей Максимович Губин, церковный староста, бывший городской голова, старый хулиган, – он только что избил дьякона в церкви, во время обедни, – Губин кричит Ездокову:

– Кого – одну-то? Бабу? Одной сыт не будешь, врешь! Правду надо всем одну – вот кого. Такую надо правду, чтобы все мы, сукины дети, на карачках ползали от неё, в страхе. Вот кого надо...

Марья Капитоновна Кашина, владелица большого пароходства, женщина умненькая, мечтала за чаем:

– Накопили всего – много, настроили – тесно, а жить – скушно. И начать бы всё сначала, от диких людей, а! Хорошо бы. Может, по-иному бы вышло.

Таких изъявлений отрицательного отношения к действительности я слышал немало. Но хотя «железные» отцы и матери говорили так, – разумеется, большинство их жило всё-таки беспощадно «нормально». Я хорошо знал жизнь почти всех крупнейших купеческих семей города и знал, что не один Чернов «выломился» из «нормальной» жизни, – выламывались и другие, легко разрушая порядок жизни, созданный трудом десятилетий.

Работа у адвоката, частое посещение окружного суда раскрывали предо мною десятки житейских драм. Я видел очень много подрядчиков строительных работ; всё это были малограмотные, жадные мужики, на каждого из них работали десятки и сотни таких же дикарей, как они сами. Я знал, что это – «нормально», «так всегда было», – говорили мне плотники, каменщики, землекопы.

Было совершенно ясно, что «сколачивать капитал» – дело такое же простое, как лепить из глины кирпичи, и дело это не требует никаких особенных усилий, талантов. Разница между подрядчиком и рабочим была только в том, что первый ел больше и вкуснее второго и что подрядчика хоронили торжественно, а рабочего торопливо. Эта гнуснейшая торопливость обижала и возмущала меня, – когда я был подростком, мне хотелось, чтобы всех людей хоронили торжественно, с музыкой, с колокольным звоном. Жизнь была так трудна, что в неё обязательно следовало вводить как можно больше торжественности; такое романтическое желание явилось у меня, вероятно, из чтения книг на церковнославянском языке, язык этот обо всём, даже о пакостях – в библии – «гласит» и «глаголет» возвышенно.

Вся жизнь была построена на какой-то густой, тяжёлой глупости, все привыкли к ней, и никто уже не замечает, как она пуста и какая горестная, нищая, а я – замечал, но ничего хорошего в этом не видел для себя. В книгах изображалась другая жизнь, она была как будто ещё более глубоко горестна, но уже не казалась нищей, а раскрывалась соблазнительно интересно, наполненной смыслом, неуловимым для меня. Люди в книгах были ярче, крупнее, умнее «нормальных» людей.

Читал я много, с восторгом, с изумлением, но книги не отталкивали меня от действительности, а, усиливая напряжение интереса к ней, развивали способность наблюдать, сравнивать, разжигали жажду знания жизни.

К двадцати, к двадцати двум годам моё представление о людях сложилось так: подавляющее большинство – племя мещан, проклятое племя «нормальных»; в среде его рождаются «железные» люди, они заседают в городской думе, стоят в церквях, ездят по улицам на собственных лошадях, шагают по городу за попами во время «крестных ходов». Изредка тот или иной «железный» выламывается из «нормальной» жизни.

И рядом с теми, которые выламывались, Онегины, Печорины, Бельтовы, Рябиныны, «идиоты» Достоевского и все книжные «герои» казались мне карликами на ходулях красивых слов, все герои этого ряда были для меня «родственниками Обломова», как наименовал их Осипович-Новодворский в «Записках ни павы, ни вороны».

Ещё более соломенными и бумажными видел я фигурки Светлова, Стожарова, Володина и других «революционеров», которых наспех делали для «воспитания юношества» Омулевские, Мордовцевы, Засодимские. Многого ещё не понимая, чувствовал я, что люди этого типа не в силах взорвать «нормальную» жизнь, а – в лучшем случае – «способны только на то, чтобы – переставить мебель», по слову пьяного певчего в пьесе «Мещане».

В конце восьмидесятых и начале девяностых годов дети «железных» людей обнаружили весьма заметное тяготение к «ускоренному выходу из жизни», как написал в предсмертной записке казанский студент Медведев. Застрелилась, приехав из церкви, после венчания, курсистка Латышова, дочь крупного чайного торговца, весёлая и талантливая девушка. В 1888 году в Казани кончили самоубийством, кажется, одиннадцать человек, из них две курсистки, остальные студенты. Позднее в Нижнем застрелился гимназист, сын одного из богатых мельников Башкировых, и было ещё несколько самоубийств.

Я отмечал всё это. Выше мною указано, что почти все «дурачки», «блаженные» – дети богатых людей. В отрочестве моём я, конечно, не мог наблюдать купеческих детей иначе, как издали, но в середине девяностых годов я уже близко видел их гимназистами, студентами. Недавно умерший поэт и автор романа «Проклятый род» И.С.Рукавишников принёс мне рукопись первого рассказа «Семя, поклёванное птицами»; рассказ был плохо сделан, но помню, что в нём юноша жаловался на то, как ему отец испортил жизнь. Рукавишников уже тогда весьма усердно пил и убеждал меня, что для него, как для Бодлера, «истинная реальность жизни раскрывалась только в пьяных грёзах». А в романе «Проклятый род» он изобразил – очень неудачно – страшную свою бабушку Любовь, отца своего Сергея и дядьёв Ивана и Митрофана.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Роман озаглавлен совершенно правильно...

Да, купеческих детей я видел немало и очень завидовал тому, что они знают иностранные языки, читают европейскую литературу в подлинниках. Кроме этого, завидовать было нечему. Говорили они лощёным языком и как-то мало вразумительно: слова – умные, а под ними – точно вата или опилки. Так же, как для Рукавишникова, для них «истинная реальность» открывалась после выпивки, хотя они пили немного и пьянели не столько от вина, сколько от страшных слов. Они говорили о «страшном» из Э.По, Бодлера, Достоевского, но думали, что говорят о страшном в самих себе, а я видел, что сами-то они ни в чём не страшны, – Миша Тюленев, Игоша Смерть в Кармане – страшнее, чем они. Им особенно нравился герой «Записок из подполья», но было ясно, что, в сущности, нравится им только его надежда, что придёт некто, способный отправить пинком ноги к чёрту некое будущее благополучие.

Мне больше «по душе» был Гордей Чернов. Их соблазнял Шопенгауэр, соблазн этот особенно чувствовался в нездоровых суждениях о женщине, любви, – тут обнажалась повышенная чувственность, раздутая от ума и через книги.

Шопенгауэра я прочитал раньше их и без вреда для себя. Они пропагандировали Бальмонта, Брюсова; я понимал, что и тот и другой формально, технически обогащают поэзию, но мне совершенно непонятно было отношение этих поэтов к действительности, к «нормальным» людям. Мне казалось, что они плавают над жизнью в словесном тумане, из которого, по их мнению, и образуется «дурная действительность», в конце концов тоже словесная и приятная им, потому что на ней они изощряют свои способности к словотворчеству.

На одном из студенческих вечеров И.С.Рукавишников читал стихи, и «в память врезалось мне» страшное четверостишие:

Дерзновенны наши речи,
Но на смерть осуждены,
Слишком ранние предтечи
Слишком медленной весны.

Эти грустные слова удивили меня сначала тем, что их печаль не гармонировала с весёлым ритмом стихов. Они запомнились мне в темпе «польки». Это было естественно: на вечеринках прислуги, где я бывал, танцевали, за неимением музыки, под песни и чаще всего:

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
– Тятя, тятя, наши сети
Приташили мертвеца!

И особенно забавно было видеть, как девушки весело вытопывали польку, припевая:

И в «утопленное» тело
Р-раки чёрные впились!
Дети строителей «нормальной» жизни не казались мне «нормальными» людьми. Это, разумеется, – к чести их, но едва ли – к счастью. Они сами называли себя «декадентами». Не помню – думал ли я о том, предтечами какой весны они могут быть?

Нахожу, что мною вполне достаточно сказано для того, чтобы читатель видел, на каком материале построена книга «Фома Гордеев», как подбирался этот материал и насколько плохо он разработан. Критика хвалила эту книгу. Будь я критиком, я упрекнул бы автора в том, что он свёл весьма богатый материал к рассказу о том, как одного юношу «свели с ума».

Мне следует повторить слова, которыми начата эта беседа: возможно, что всё рассказанное происходило не совсем так, как я рассказал. Почему?

Знаменитый математик Пьер-Симон Лаплас, прозванный «Ньютоном Франции», автор «Изложения системы мира», сказал:

«Нетерпеливо стремясь познать причину явлений, учёный, одарённый живым воображением, часто находит эту причину раньше, чем наблюдения дадут ему основание видеть её. Предубеждённый в пользу правильности созданного им объяснения, он не отбрасывает его, когда факты ему противоречат, а изменяет

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyта факты, чтобы подогнуть их к своей теории, он уродует работу природы, чтобы заставить её походить на работу своего воображения, не думая о том, что время закрепляет только результаты наблюдения и вычисления.»

Работа литератора подобна работе учёного, и литератор точно так же «часто находит причину раньше, чем наблюдения дадут ему основание видеть её».

II

В книге «Фома Гордеев» видное место занимает владелец канатного завода Яков Маякин, тоже человек «железный» и при этом «мозговой», он уже способен думать шире, чем требуют узко личные его интересы, он политически наточен и чувствует значение своего класса.

В действительности я не встречал человека, оформленного психологически так, как изображён мною Маякин. В литературе знал только одну попытку изобразить политически мыслящего купца – «Василия Теркина» в романе П. Боборыкина. Боборыкин был писатель весьма чуткий ко всяким новым «веяниям времени», очень наблюдательный, но работал он приёмами «натуралиста», всегда слишком торопился обобщить свои наблюдения и жил большую часть времени за границей, и критика справедливо упрекала его в том, что для тех обобщений, которые он предлагает читателям, у него недостаточно материала и что, спеша изобразить «новые веяния» и характеры, он впадает в «портретность» и «протоколизм». «Василий Теркин» был признан критикой романом более удачным сравнительно с другими романами этого автора, но мне кажется, что это было признано только потому, что в купце Теркине, «амбарном Сократе», критики узнали хорошо знакомого им либерала-интеллигента и обрадовались: «Нашего полку прибыло», – дикий замоскворецкий житель, купец Островского, переродился почти в европейского буржуа. На мой же взгляд, герой Боборыкина размышлял так же, как размышляла часть интеллигенции в конце восьмидесятых годов, та её часть, которая была разбита и подавлена реакцией после разгрома самодержавием террористов-народовольцев. Настроение этой интеллигенции можно назвать «анархизмом побеждённых», философское оформление этого анархизма было взято частью из «Записок из подполья» Достоевского, но больше из книг Фридриха Ницше, с философией которого интеллигенция ознакомилась по статьям в журнале «Вопросы философии и психологии» в 1892 году.

Из какого материала была построена фигура Якова Маякина? Прежде всего: я достаточно хорошо знал «хозяев»; основное их стремление жить чужим трудом и крепкая убеждённость в этом своём хозяйском праве – были испытаны мной непосредственно и разнообразно. Я очень рано, ещё в отрочестве, почувствовал, что хозяин считает меня существом ниже его, получеловеком, отданным во власть ему. Но в то же время я нередко видел себя грамотнее хозяина, а иногда мне казалось, что я как будто и умнее его. Вместе с этим я не мог не заметить, что хозяин, всячески отталкивая меня в сторону от него, – учит меня работать. Решающее, культурно-историческое значение труда я тоже понял довольно рано, как только почувствовал вкус к работе, – почувствовал, что пилить дерево, копать землю, печь хлебы можно с таким же наслаждением, как песни петь. Это вовсе не говорит о каких-то особенностях моей «натуры», – каждый человек может стать «особенным», если он захочет употребить для этого должное количество усилий. Просто: я был здоровый парень, обладал порядочным запасом энергии, и она стремилась вывить себя, самоутвердиться, воздействовать на окружающее, это – основное свойство энергии, это и есть – она сама. Затем: понять организующую силу труда помогали мне книги и, может быть, особенно помогли четыре: «Азбука социальных наук» В.В.Берви-Флеровского, «История умственного развития Европы» Дрэпера, «История индуктивных наук» Уэвелля и также «История немецкой культуры» Иоганна Шерра. Эти книги весьма богаты фактическим материалом, и, вместе с моим личным опытом, они внушили мне твёрдую уверенность, что значение труда как основы культурного роста человечества должно быть очевидно и понятно для всякого рабочего человека, если он не идиот.

Здесь уместно будет ответить на сетования некоторых начинающих писателей, особенно – на жалобное письмо одного из них. Сообщая о трудном своём положении – «жена, сын, скоро будет другой», а главное – «нагрузка общественной работой», – он утверждает, что «творчество только тогда может достигнуть максимального результата, когда человек чувствует себя исключительно литератором, как чувствуете себя вы» – то есть я. Прежде всего очень советую начинающим поэтам и прозаикам выкинуть из своего лексикона аристократическое, церковное словечко – «творчество» и заменить его более простым и точным: работа.

Когда юноша, написав тощую книжечку весьма обыкновенных стихов или не совсем удачных рассказов, именуется своей «продукцией» «творчеством», это звучит очень по-детски и смешно в стране, где рабочий класс не только создаёт грандиозные фабрики, а совершенно изменяет лицо своей земли, совершая в деревне нечто сродное геологическому перевороту, и вообще, в условиях невероятно трудных, неутомимо ведёт колоссальнейшую работу мирового значения. При этом надобно видеть и помнить, что работает он почти «из ничего», так же, как – говорят – будто бы некто «сотворил из ничего» землю и засеял звёздами безграничные окрестности её, именуемые вселенной. Но если даже допустить, что скучная сказка о боге – не сказка, а быль, всё-таки необходимо признать, что земля создана скверно: слишком много на ней вредного человеку, – много паразитов, растительных и животных, много бесплодной почвы, да и сам человек не очень удачно вышел, между нами говоря. Всё это неудачное «творчество» необходимо исправить, и вот работа по реорганизации земли, по созданию на ней новых условий жизни социалистического, нового общества идёт очень хорошо и обещает «максимально» превосходные результаты. Для юношей будет полезнее, если они откажутся именовать себя «творцами» в стране, где требуются миллионы скромных талантливых работников. Выдвигать же себя из рядов строителей будущего хотя бы только номинально – то есть по имени и по названию – нет смысла и может оказать на юношество вредное влияние, – некоторые вообразят себя не похожими на обыкновенных, простых людей и пойдут по улице вверх ногами, что уже бывало.

Далее: лично я – никогда не чувствовал и не чувствую себя «исключительно литератором», всю жизнь занимался – в той или иной области – общественной деятельностью и до сего дня не утратил тяготения к ней. Молодые литераторы часто жалуются, что «мелочная общественная деятельность поглощает слишком много времени, нарушает творческую работу мысли» и так далее. Жалобы эти я считаю неправильными.

Общественная деятельность, даже и мелочная, не может быть бесплодна. Если вы подметёте двор – вы предохраните этим лёгкие детей от поглощения вредной пыли, если вы своевременно переплетёте книгу, она прослужит более долгий срок, принесёт людям больше пользы, сохранит государству расход бумаги: небрежное отношение к книге в наши дни при огромных тиражах приносит государству очень крупные убытки, а государство – это мы.

Укажут, что литераторы-дворяне – кроме Л.Толстого – общественной деятельностью не занимались, а в работе своей достигли исключительного совершенства. Но все они получили более или менее обширное школьное воспитание, оно дисциплинирует работу мысли, углубляет способность восприятия и познания явлений жизни, дворяне бывали за границами своей страны, в Европе, эти путешествия расширяли их наблюдения, давая богатый материал, сравнения и так далее – интеллектуально обогащали их. Знания жизни у дворян, конечно, были значительно шире знаний литераторов-разночинцев, которые вращались в сфере наблюдений сравнительно узкой; это особенно печально отразилось на таких талантливых людях, как Помяловский и Слепцов.

Но здесь я должен повторить уже сказанное мною когда-то: дворянская литература мне кажется «областной» литературой, она черпала материал свой главным образом в средней полосе России, основной её герой – мужик по преимуществу Тульской и Орловской губерний, а ведь есть ещё мужик Новгородской пятины, поволжский, сибирский, уральский, украинский и так далее. Мужики, например, Бунина – Тургенева на вятича или ярославца вовсе не похожи. Литература дворян и разночинцев оставила вне своего внимания целые области, не тронула донское, уральское, кубанское казачество, совершенно не касалась «инородцев» – нацменьшинств. Это, разумеется, не упрек людям, которые жили на «чернозёмных полях» или в столицах, это говорится для того, чтоб отметить факт, ещё не отмеченный, но весьма значительный: наша текущая литература охватывает все области Союза Советов, и это надобно вписать в её актив. Не следует думать, что я низвожу художественную литературу до «краеведения», кстати сказать, дела глубоко важного, – нет, я считаю эту литературу превосходным источником «народоведения» – человековедения.

Я уклонился в сторону от главной темы, – пример, которому не советую следовать. Итак – о «хозяевах».

Я очень внимательно присматривался к ним, к их «нормальному» быту, прислушивался

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma к их разговорам о жизни, – мне нужно было понять: какое право имеют они относиться к тем, кто работает на них, и, в частности, ко мне, как к людям более диким, более глупым, чем они сами? На чём, кроме силы, основано это право? Что их мещанская «нормальность» в существе своём – тупость ума, ограниченность сытых животных, – это было совершенно ясно, это вытекало не только из отношения к рабочим, но и к жёнам, детям, книгам, об этом говорил весь их «быт», поразительная малограмотность и враждебный скептицизм невежества по отношению к разуму, к его работе. В ту пору, лет пятнадцать – двадцати, я уже кое-что знал о взаимоотношениях религии и науки по книжке Дрэпера «Католицизм и наука». Эта и другие книги помогли мне понять вред канонического, или – что то же самое – нормативного мышления, основанного на фактах и догмах якобы неоспоримых, «данных навсегда».

Тот факт, что консерватизм мещанского мышления задерживал развитие технической культуры, слишком хорошо известен, но всё-таки я напомним, что принцип паровой машины был открыт за сто двадцать лет до нашей эры – до Р.Х. – и почти две тысячи лет не находил практического применения; фонограф в форме змей был изобретён во II веке нашей эры Александром Абонтейским и служил ему для «предсказания будущего»; факты такого рода насчитываются сотнями, все эти факты отличают постыднейшее невнимание мещанства к работе исследующей мысли, – последний из них таков: в текущем году Маркони передал по воздуху электроток из Генуи в Австралию и зажёл там электрические лампы на выставке в Сиднее. Это же было сделано двадцать семь лет тому назад у нас литератором и учёным М.М. Филипповым, который несколько лет работал над передачей электротока по воздуху и в конце концов зажёл из Петербурга люстру в Царском Селе. На этот факт не было обращено должного внимания, Филиппова через несколько дней нашли в его квартире мёртвым, аппараты и бумаги его арестовала полиция.

Консерватизм хозяев вскоре обнаружил предо мной и свою «идеологию», она выявилась в форме строго определённой и сугубо монархической: бог-отец, царь-отец, поп-отец, родитель-отец, и от бога до родителя туго натянута железная цепь неоспоримых норм, они установлены «навсегда».

Я видел, что хозяева неумоимо делают «нормальную» жизнь, но чувствовал, что делают они её всё-таки ленивенько и что они как будто не столько хозяева, сколько рабы своего дела, пожизненно обязанные делать его по примерам дедов и отцов.

Они всегда раздражались, кричали, жаловались на тяготу своего «труда», на тревоги, связанные с необходимостью командовать рабочими, покорно служить «начальству», обороняться против более сильных – денежно – хозяев. Иногда казалось: они сами понимают, что на средства, которые ими уже «нажиты», можно бы жить не так безрадостно, пошло и нищенски глупо, как живут они, а веселее, свободнее, что ли, вообще – как-то иначе. Во многих «хозяевах» чувствовалась тревожная неуверенность и даже страхок перед завтрашним днём, – это настроение они не скрывали друг от друга.

Когда «нормальный», подчиняясь приступу «тоски», бунтовал, срывался с цепи религии и древнего семейного уклада, думалось, что он бунтует именно со страха перед завтрашним днём. «Тоску» вызывал в нём ряд причин: собака выла, подняв морду вверх, – значит будет пожар; выла, опустив голову к земле, – ясно, что кто-то умрёт; курица пропела петухом – это к неведомому несчастью; встреча с попом обуславливала неудачу в деле. Бесконечное количество суеверных примет подтверждалось: пожары и неудачи были, люди умирали, «банкротились», разорялись; в семьях шла извечная и большей частью бесплодная борьба «отцов и детей»; отцы, создавая крупное промышленное дело, наживали большие капиталы, детей в молодости это или не увлекало, они предпочитали тратить, а не копить, или же настаивали на необходимости новых, опасных приёмов работы, на расширении «дела», или отрывались от семьи, уходя в университеты, становясь адвокатами, врачами, учителями. В общем – «дела» всё-таки разрастались, как бы самосильно, однако ограниченному сознанию единиц казалось, что всё трещит, разваливается, и необходимо «смотреть в оба глаза», «не зевать», а то – и «по миру пойдёшь».

«Солдат силён ружьём, купец – рублём», и «нормальные» вешали рубли на шеи себе десятками и сотнями пудов. Но весьма «нормальный» торговец мануфактурой Бакалдин, дожив до шестидесяти лет, начал читать книги Чернышевского и когда что-то понял, так изумлённо заговорил:

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma – Вот и перекувырнуло меня из уважаемых в дураки. Подумать только: сорок лет деньги копил, скольких людей разорил, изобидел, а оно оказывается, что деньги-то всему горю начало.

Другой, старик Замошинков, кричал:

– Попы забили нам башки, засорили души. Какой там, к чёрту лысому, бог, когда я, богатый, тоже издохнуть должен!

Я привожу здесь жалобы, оформленные наиболее остро, но мог бы привести десятки более нудных, вялых и бесцветных сетований. Они имели для меня весьма поучительное значение, ибо указывали, что «нормальная» жизнь изнутри неблагополучна, нездорова. Было совершенно ясно, что при всей ограниченности и пресыщенности вековой глупостью «нормальные» люди не совсем уверены в своей силе и на завтрашний день ожидают каких-то несчастий. Они «делают жизнь», а в ней откуда-то является сила, которая противоречит их стремлению к покою, к «более или менее устойчивому равновесию». У них есть кое-какая «историческая память», воплощённая в легендах о сказочных удачах и драматических неудачах сильных людей: дворян, купцов. Память эта внушает им, что победитель, увенчанный лаврами, – на лаврах и погибает. Погибает потому, что объелся сладостями жизни, или потому, что забыл: жизнь – борьба, а моментом его забывчивости воспользовался более сильный и – наступил ему на горло. «Нормальный» человек в сущности своей пессимист и человеконенавистник, именно поэтому он верует в кого-то, кто будто бы способен вознаградить его за тревожения земной жизни. Но, разумеется, надежда на посмертное блаженство не мешает никому скромно наслаждаться радостями земного бытия – обильной едой и выпивкой, игрой в карты, растлением девиц и прочими забавами, не мешает и жаловаться на тяжесть жизни.

Конечно, рядом с жалобами Бакалдиных, Замошинковых слышал я и другие голоса, другие мысли; их наилучше выразил трактирщик Грачев в споре с одним бывшим семинаристом:

– Всё это ты глупости говоришь и от нищеты твоей. Ты вот чего сообрази: кто всех богаче? Бог. Понял? Ну, тогда и выходит: чем я богаче – тем богу ближе. Богатый человек – большой человек, у него – свой закон, и не тебе, нищерброду, закон этот отвергать. Ты вот поел жареной картошки, выпил рюмку, и айда, уходи! Людей смущать я те не разрешаю, а то – знаешь, кто в Грузинском переулке живёт?

В Грузинском переулке помещалось жандармское управление.

Такие заявления я слышал не только со стороны богатых – сильных, но нередко и от забитой городской бедноты, от ремесленников, рабочих, прислуги. Они признавали власть хозяев законной не только потому, что «против рожна не попрёшь», «стену лбом не прошибёшь», но и по внушению церкви:

«Сильную руку судит бог», «Сила и слава – богатому даны», «И рад бы одолел, да бог не велел!»

А за всем этим – хотя «нормальные» были малограмотны и туповаты, однако, если действительность хватала их за пятки, неосторожно мешая свободе их действий, – они начинали не только громче ворчать и жаловаться, но уже «мыслить политически».

На дворе дачи губернского архитектора сидят подрядчики строительных работ и, ожидая, когда к ним выйдет начальство, размышляют о монопольной торговле вином. Маленький костлявый каменщик Трусов находит, что:

– Зря это. Ошибочка. Царь должен стоять в стороне от торгового дела. Дело это – спорное, а – кто может с царём спорить?

С ним все соглашались, кроме штукатура Шишкина. Гриша возражает: царь – полный хозяин, хочет – вином торгует, хочет – хлебом, всё может. Но Трусов, строго прищурясь, говорит:

– Это, Григорий, побасенки. Нет, царь в такие дела не обязан вступать. Ты – сообрази: ежели я всю работу – и твою, и плотников, и столяров – под себя возьму, заплачете вы али нет?

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Тут и Гриша согласился:

- Заплачем.
- Ну, то-то.

Сын мясника Курепина, гимназист, спрашивает:

- Пап, за что царя убили?
- Не угодил кому-нибудь.

Но Курепин тотчас спохватился и строго-ласково сказал:

- Ты про это лет через десяток спроси, а теперь – забудь. Царь у нас – имеется.

Пётр Васильев, «сектант-беспоповец», известный в Заволжье «начётчик», сидя в лавке Головастикова, даёт купцам Гостиного двора урок «политграмоты». Он говорит, что дворяне всегда убивают царей, если цари пытаются нарушить права дворянства. Так они убили трёх, лучших: Петра Третьего, Павла и Александра Второго, всех именно за то, что они хотели ограничить права дворян в пользу купечества и крестьянства. О пользе крестьян он мыслил весьма своеобразно, ибо, говоря о «распутной» царице Екатерине, которую дворяне посадили на престол, убив её мужа, он крепко ругал царицу за то, что она «не посмела» признать за купечеством дворянское крепостное право на свободу и жизнь крестьян. Сам он был крестьянин.

В книге «Мои университеты» полицейский Никифорыч затейливо говорит о царе-«пауке», – эти слова действительно были сказаны им.

Все такие мнения и словечки я бережно закреплял в памяти, а иногда даже записывал их, так же, как это, очевидно, делал Дмитрий Лаврухин, автор замечательной книги «По следам героя»; книга эта может многому научить молодого литератора, если он хорошо подумает над нею.

«Политические» мысли хозяев особенно подчёркивало то обстоятельство, что художественная литература, по цензурным условиям, не воспроизводила эти мысли в их обнажённой, «бытовой» форме, а правде показаний литературы я верил. Только Щедрин-Салтыков превосходно улавливал политику в быте, но это был не тот быт, который я знал, и притом «эзоповский» – иносказательный – сердитый язык Салтыкова не всегда был понятен мне. Но, читая Глеба Успенского, я самовольно добавлял в речи изображённых им людей слова, пойманные мною в жизни.

Много потеряла наша литература оттого, что этот замечательный человек и талантливейший литератор жил слишком «волнуясь и спеша» и отдавал так много своих сил ядовитой «злобе дня» текущего, не заглядывая в завтрашний день.

Больше всего знаний о хозяевах дал мне 96 год. В этом году в Нижнем-Новгороде была Всероссийская выставка и заседал «Торгово-промышленный» съезд. В качестве корреспондента «Одесских новостей» и сотрудника «Нижегородского листка» я посещал заседания съезда, там обсуждались вопросы внешней торговли, таможенной и финансовой политики. Я видел там представителей крупной промышленности всей России, слышал их жестокие споры с «аграриями». Не всё в этих речах было попятно мне, но я чувствовал главное: это – женихи, они влюбились в богатую Россию, сватаются к ней и знают, что её необходимо развести с Николаем Романовым.

Съезд заседал в здании реального училища на углу Большой Покровки и Мышкина переулка. Я написал юмористический фельетон «Сватовство в Мышкином переулке», «Нижегородский листок» не напечатал его, я послал фельетон Маракуеву в «Одесские новости», там фельетон и пропал.

Заседали в «реальном» люди «первого класса», солиднейшие фабриканты, крупные помещики, учёные экономисты из министерства финансов, заседал знаменитейший химик Д.И. Менделеев, кажется – профессор Янжул и ещё какие-то профессора. Всё это для меня люди новые и уже не очень «нормальные», а с трещинкой: я слышал в их речах нечто дребезжащее, двусмысленное, может быть, это был только избыток красивой словесности, заимствованной некоторыми из членов съезда у интеллигенции во временное пользование и для взаимного очарования. Кое-кто говорил о

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma страданиях народа, о разорении деревни, говорилось и о «разврате», который вносит в деревню фабрика, и на одном заседании какой-то толстоголовый человек читал басом стихи:

Удручённый ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.

Я знал, что это неверно, о пребывании Христа в России евангелие не говорит. Мне казалось, что большинство «представителей прессы» относится к съезду скептически и шумливо, вообще – несерьёзно. Я тоже усвоил это настроение.

Для меня интереснее и поучительнее было ходить по выставке вслед за мелким провинциальным промышленником и торгашом. Этот сорт людей явился на выставку в массе. Тучей синих, осенних мух они ползали, тыкались в стёкла павильонов и жужжали хотя и удивлённо, а по преимуществу неодобрительно. Этих я уже знал, «простые» их речи были мне знакомы и понятны. Основной, преобладающей темой их разговоров на выставке была забота о крестьянстве, о деревне. Это – естественно, они сами, в недалёком прошлом, были «мужиками» и гордились этим, потому что: «Русская земля мужику богом дана» и потому что они: «Крестьянская кость, да уж барским мясом обросла» (в сборнике пословиц Снегирева вместо «барского» мяса кость обросла «собачьим»). В отделе мануфактуры эти «хозяева» соглашались, что полотна фабрикантов, например, Гивартовского, – очень хороши, но бабье, домотканное, – не хуже, а прочность, «носкость» его превышает фабричное полотно. И – затем: «Весь народ в тонкое-то полотно не оденешь, нет!» «Его, поди-ко, и для актрис не хватает». «За границу продают». «И хлеб туда и кожу». «Сало». «Скоро и нас будут туда продавать, в землекопы». «Н-да, шикуюем». «А мужику – ни продать, ни купить нечего».

Я вспоминаю о том, что было тридцать четыре года тому назад, но совершенно чётко вижу перед собой бородатые лица хозяев псковских, вятских, сибирских и всяких других губерний и областей. Вижу их в машинном отделе. Они – удивлены – в этом нет сомнения, но они недовольны – это тоже ясно. Улыбаются растерянно, посмеиваются неохотно, хмурятся, вздыхают и даже как будто подавлены. Неизвестно почему в машинном отделе помещена немецкая типографская машина, – кажется, на ней предполагалось печатать издания выставки. Сухонький, остробородый старичок, с безжалостно весёлыми глазками рыжего цвета и с беспокойными руками, говорит усмехаясь: «Экого чёрта сгрохали! А к чему она?» Заведующий отделом объясняет: «Газеты печатать». «Газеты-и? Дерьмо-то? Какая же ей цена?» Услышав цену, старик поправил картуз, поглядел на окружающих и, видя сочувственные улыбки, сказал: «Вот куда налоги-те с нас вбивают – в газеты! Ах ты...» У него не хватило храбрости, он поджал губы и отошёл прочь, скрипя новыми сапогами, за ним потянулись его единомышленники.

Этой группе предложено было подняться на привязном воздушном шаре.
«Благодарствую, – сказал старик и спросил: – А ежели отвязать пузырь этот – может он до бога взлететь? Не может? Ну, так на кой же пёс в небе-то болтаться, как дерьмо в проруби?»

Почти каждый раз, бывая на выставке, я встречал такого, как этот старичок, организатора мышления и настроения «хозяев». Я совершенно уверен, что люди именно этого типа через восемь лет председательствовали в провинциальных отделах черносотенного «Союза русского народа». Но для фигуры Якова Маякина они всё-таки не давали мне достаточного количества материала.

В очерке «Бугров» «герой» очерка говорит:

«Маякин – примечательное лицо. Я вокруг себя подобного не видел, а – чувствую: такой человек должен быть».

Эти слова я напоминаю не потому, что их можно понять как похвалу мне, а потому, что они объективно ценны как доказательство правильности приёма, который я употреблял для того, чтобы из массы мелких наблюдений над «хозяевами» слепить более или менее цельную и «живую» фигуру хозяина средней величины.

Приём был прост: я приписал Якову Маякину кое-что от социальной философии Фридриха Ницше. В своё время кто-то из критиков заметил этот «подлог» и упрекнул меня в пристрастии к учению Ницше. Упрёк неосновательный, я был человеком

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma «толпы», и «герои» Лаврова – Михайловского и Карлейля не увлекали меня, так же как не увлекала и «мораль господ», которую весьма красиво проповедовал Ницше.

Смысл социальной философии Ницше весьма прост: истинная цель жизни – создание людей высшего типа, «сверхчеловеков», существенно необходимым условием для этого является рабство; древний, эллинский мир достиг непревзойдённой высоты, потому что был основан на институте рабовладельчества; с той поры под влиянием христианского демократизма культурное развитие человечества всё понижалось и понижается, политическое и социальное воспитание рабочих масс не может помешать Европе вернуться к варварству, если она, Европа, не возвратится к восстановлению основ культуры древних греков и не отбросит в сторону «мораль рабов» – проповедь социального равенства. Надобно решиться признать, что люди всегда делились на меньшинство – сильных, которые могут позволить себе всё, и большинство – бессильных, которые существуют затем, чтобы безусловно подчиняться первым.

Эта философия человека, который кончил безумием, была подлинной философией «хозяев» и не являлась оригинальной, основы её были намечены ещё Платоном, на ней построены «философские драмы» Ренана, она не чужда Мальтусу, – вообще это древнейшая философия, её цель – оправдание власти «хозяев», и они её никогда не забывают. У Ницше она была вызвана – можно думать – ростом германской социал-демократии; в наши дни она – любимый духовный корм фашистов.

Я познакомился с нею в 93 году от студентов ярославского лицея, исключённых из него. Двое или трое из них, так же как я, работали письмоводителями у адвокатов. Но ещё раньше, зимою 89–90 года, мой друг Н.З.Васильев переводил на русский язык лучшую книгу Ницше «Так сказал Заратустра» и рассказывал мне о Ницше, называя его философию «красивым цинизмом».

Я имел вполне законное основание приписать кое-какие черты древней философии хозяев русскому хозяину. «Классовая мораль» и «мораль господ» – интернациональны. Ницше проповедовал сильному: «Падающего толкни», это один из основных догматов «морали господ»; христианство Ницше называл «моралью рабов». Он указывал на вред христианства, которое якобы поддерживает «падающих», слабых, бесплодно истощая сильных.

Но, во-первых, падали не только слабые, а и сильные, причём падали они потому, что «хозяева» сбивали их с ног, – это я слишком хорошо знал.

Во-вторых: «хозяева» поддерживали слабых только тогда, когда слабые были совершенно безопасны – физически дряхлые, больные, нищие. Поддержка выражалась в устройстве больниц, богаделен, а для тех слабых, которые решались сопротивляться «закону и морали», строились тюрьмы. Я немало читал о том, как беспощадно сильные христиане городов боролись против сильных же христиан-феодалов, хозяев деревень. Как те и другие пожирали друг друга в своей среде. «История крестьянских войн в Германии» Циммермана превосходно рассказала мне, как рыцари и бюргеры, объединясь, истребляли крестьян, громили «таборитов», которые пытались осуществлять на земле идею примитивного коммунизма, вычитанную ими в евангелиях. Наконец, я был несколько знаком с учением Маркса. «Мораль господ» была мне так же враждебна, как и «мораль рабов», у меня слагалась третья мораль: «Восстающего поддержи».

В очерке «О вреде философии» изображен мною мой друг и учитель Н.З.Васильев – человек, который ничего не внушал мне и только рассказывал и не стремился сделать меня похожим на него. Остальные учителя мои внушали мне то, что им нравилось и что «идеологически» устраивало их. Мне приходилось обороняться от насилия, и поэтому я не пользовался симпатиями учителей; те из них, которые ещё живы, до сей поры изредка и сердито напоминают мне о моей строптивости.

Антипатия их была весьма полезна мне: они спорили со мной почти как с равным; я говорю – почти, ибо они были «квалифицированы», прошли сквозь гимназии, семинарии, университеты, а я – сравнительно с ними – «чернорабочий», на недостаток «высшего» образования мне указывали всегда и ещё не перестали. Я – соглашаюсь: школьной дисциплины мышления у меня нет, это, конечно, недостаток серьёзный.

Но и некоторые учителя мои обнаружили в спорах со мной тоже серьёзный недостаток: они совмещали в себе обе системы морали: «мораль господ» и «мораль рабов»; первая внушалась им силою их высокоразвитого интеллекта, вторая – их

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
волевым бессилием и преклонением перед действительностью. Попробовав действовать революционно, они «пострадали», дорога в «господа» была закрыта перед ними, это понизило их «волю к жизни» и вызвало настроение, которое я называю «анархизмом побеждённых». Анархизм этот отлично формулирован Достоевским в его «Записках из подполья». Достоевский, член кружка Буташевича-Петрашевского, пропагандист социализма, тоже был «побеждённым», поплатился за интерес к социализму каторгой.

Далее: я много видел «бывших людей» в ночлежных домах, монастырях, на больших дорогах. Всё это были побеждённые в непосильной борьбе с «хозяевами», или собственной слабостью к мещанским «радостям жизни», или непомерным самолюбием своим.

Критика упрекала меня за то, что я будто бы «романтизировал босяков», возлагал на люмпенпролетариат какие-то неосновательные и несбыточные надежды и даже приписал им «нищиеанские настроения».

«Романтизировал»? Это едва ли так. Надежд не возлагал никаких, а что снабдил их, так же как Маякина, кое-чем от философии Ницше – этого я не стану отрицать. Но и не утверждаю, что в обоих случаях действовал сознательно, однако думаю, что приписывал бывшим людям анархизм «нищиеанства», «анархизм побеждённых», имея на это законнейшее право. Почему?

А потому, что «бывшие люди», которых жизнь вышвырнула из «нормальных» границ в ночлежки, в «шалманы», и некоторые группки «побеждённых» интеллигентов обладали совершенно ясными признаками психического сродства. Здесь я воспользовался правом литератора «домыслить» материал, и мне кажется, что жизнь вполне оправдала этот «приём ремесла». «Хозяин» Яков Маякин после первой революции 1905–6 годов стал «октябристом» и после Октября 17 года показал себя цинически обнажённым и беспощадным врагом трудового народа. Между «бывшими людьми» ночлежек и политиканствующими эмигрантами Варшавы, Праги, Берлина, Парижа я не вижу иного различия, кроме формально словесного. «Проходимец» Промтов и философствующий шулер Сатин всё ещё живы, но иначе одеты и сотрудничают в эмигрантской прессе, проповедуя «мораль господ» и всячески оправдывая их бытие. Это – их профессия, служба. Роль прислуги господ удовлетворяет их. Из всего сказанного вовсе не следует заключать, что литератор обладает таинственной способностью «предвидения будущего», но следует, что литератор обязан хорошо знать всё, что творится вокруг него, знать действительность, в которой он живёт, и работу сил, которые двигают её; знание силы прошлого и настоящего позволяет – при помощи домысла – представить возможное будущее.

Недавно один начинающий литератор написал мне:

«Я вовсе не должен знать всё, да и никто не знает всего.»

Полагаю, что из этого литератора не выработается ничего путного. А вот недавно один из талантливейших наших писателей, Всеволод Иванов, отлично сказал в «Литературной газете» (между нами: она не очень литературна):

«Работа художника очень трудна и очень ответственна. Ещё более трудна и ещё более ответственна работа его читателей, реализм которых есть и будет реализмом победы.»

Поощрение для художника необходимо, но ещё более нуждается он, чтобы поощрение это было внутренне нужно и полезно для него. Таким поощрением, мне кажется, было для нас – шести московских писателей – посещение Туркмении»,

то есть непосредственное соприкосновение с новой действительностью. Не знать – это равносильно: не развиваться, не двигаться. Всё в мире нашем познаётся в движении и по движению, всякая сила есть не что иное, как движение. Человек – не стоит, а становится, живёт в процессе «становления», на пути к развитию своих сил и качеств. В наши дни жизнь становится всё более бурной, развивает небывалую скорость смены явлений. Творческая энергия рабочего класса Союза Советов учит чрезвычайно многому и, между прочим, неоспоримо доказывает, что человечество давно уже ушло бы далеко из того болота грязи и крови, в котором оно безумно топчется, – если б средства самозащиты людей в их борьбе с природой, в борьбе за лучшие условия бытия создавались с такой беззаветной энергией и с такой быстротой, с какими их создаёт наш рабочий класс.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Никогда ещё жизнь не была так глубоко поучительна, а человек так интересен, как в наши дни, и никогда «передовой» человек не был до такой степени внутренне противоречив. Говоря о «передовом», я имею в виду не только партийца, коммуниста, но и тех беспартийных, которые увлечены свободой и грандиозным размахом социалистического строительства. «Противоречивость» – естественна, ибо люди живут на рубеже двух миров – мира разнообразных и непримиримых противоречий, который создан до них, и мира, который создаётся ими и в котором социально-экономические противоречия – основа всех других – будут уничтожены.

Критики жалуются, что герои наших дней отражаются в литературе недостаточно целостными, «живыми», что они всегда несколько топорны и деревянные, а некоторые из критиков утверждают, что «реализм» как будто не в силах дать яркий, полноценный портрет героя. Критик, по силе профессии своей, более или менее скептик. Он «тренируется» на поиски недостатков, и весьма часто он прикрывает свой скептицизм чисто головной «ортодоксальностью» попа. Это противоестественное сожительство качеств щуки и сыча создаёт большой словесный шум, но едва ли может служить к пользе молодых литераторов. Кроме того, в тоне отношения критиков к литераторам часто звучат совершенно неуместные и оскорбительные для литературной молодёжи «хозяйские» ноты, они меня заставляют думать: а свободны ли критики от «морали хозяев», не слишком ли высокого мнения они о своей гениальности?

Лично мне кажется, что «реализм» справился бы со своей нелёгкой задачей, если б он, рассматривая личность в процессе «становления» по пути от древнего мещанского и животного индивидуализма к социализму, изображал бы человека не только таким, каков он есть сегодня, но и таким, каков он должен быть – и будет – завтра.

Это не значит, что я советую «выдумывать» человека, а значит только, что я признаю за литератором право и даже считаю его обязанностью «домысливать» человека. Литератор должен выучиться прививать, приписывать единице наиболее характерные черты её класса, дурные и хорошие, те и другие вместе, – когда литератор хочет показать раздвоенную психику. Снова повторяю, нет надобности «выдумывать», потому что черты эти реально существуют, одни – как опухоли, бородавки, как «рудиментарные», отжившие органы организма, вроде червеобразного отростка слепой кишки, который любит вызывать болезнь «аппендицит», другие – как недавно открытые «органы внутренней секреции», которые, может быть, являются зародышами новых органов, вызванных к жизни биологической эволюцией организма и назначенных совершенно изменить его. Это, конечно, уже «фантазия», допущенная мною «шутки ради». Начинающие литераторы должны особенно крепко усвоить очень простую мысль: идеи не добываются из воздуха, как, например, азот, идеи создаются на земле, почва их – трудовая жизнь, материалом для них служит наблюдение, сравнение, изучение – в конце концов: факты, факты!

Необходимо знать фактическую историю культуры – историю развития классов, классовых противоречий и классовой борьбы. Правда и мудрость создаются внизу, в массах, а в верхних этажах жизни только её испарения, смешанные с запахами, чужеродными ей, и в большей своей части эти «умозрительные» идеологические испарения ставят целью себе смягчить, затушевать, исказить суровую, подлинную правду трудовой жизни.

Трудовой мир дождался до сознания необходимости революции. Задача литературы: восстающего – поддержи,

– чем энергичнее поддержите его, тем скорее окончательно свалится падающий.

III

На предложенную тему: «Как и что преподавалось в кружках восьмидесятых годов» – я могу рассказать немного, потому что у меня не было времени для правильного посещения кружковых занятий. Но всё же некоторое отношение к ним я имел, в памяти кое-что осталось, и это я попробую изобразить. Вероятно, в ту пору на молодёжи моего типа особенно характерно и глубоко отражались противоречия литературы и жизни, книжной догмы и непосредственного опыта.

Впервые я очутился в «кружке», когда мне было лет пятнадцать. Случилось это так. В Нижнем, во время кулачного боя за Петропавловским кладбищем, я увидел, что один из бойцов нашей «стенки» отполз в сторону под забор «Лесного двора», хочет встать на ноги и – не может. Я помог ему. Морщась, охая, он сказал, что его

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma ударили по ноге и, должно быть, нога сломана. Живёт он недалеко, на Ошаре, – не могу ли я проводить его до дома? Пошли. Круглолицый, с хорошим, очень ясным и ласковым взглядом девичьих глаз, он понравился мне. И одет он был «чисто»: в коротенькой суконной курточке, в котиковой шапке, в щегольских кожаных сапогах. Он назвал себя Владиславом, кажется – добровольским или Доброклонским. Когда я заметил ему, что в кожаных сапогах на бой не ходят, он сердито ответил:

– Терпеть не могу валяных.

По лицу его видно было, что он испуган болью, готов заплакать и не может идти. Пришлось нести его на спине.

Я принёс его в комнату, где всё было необыкновенно и ново для меня: большая, очень светлая и парадная, как магазин, она была наполнена каким-то особенно тёплым и душистым воздухом; на полу лежал пёстрый, толстый ковёр, на стенах висели картины, в углу, на широком шкафе, – чучело филина с рыжими глазами; в шкафу множество серебряной и фарфоровой цветистой посуды. Явился большой усатый человек, заспанный, с растрёпанными волосами, потом прибежала худошавая невысокая и ловкая женщина с огромными глазами на бледном лице. Мальчугана положили на диван, отец отрезал бритвой голенище сапога, потом разрезал головку и, сняв её с ноги, густо спросил:

– Ну, что – легче?

Мальчуган капризно закричал:

– Чаю дайте!

Женщина, положив ему на ногу компресс, бинтовала её, удивляя меня своей немотой.

Владислав стонал, покрикивая:

– Осторожней!

А я очень жалел хороший, непоправимо испорченный сапог. Затем напоили меня вкуснейшим чаем с булочками розового теста, – кисло-сладкий вкус этих булочек я очень долго помнил. Прощаясь со мною, отец и сын сказали, чтоб я приходил к ним, – я это сделал в следующее воскресенье.

Оказалось, что нога Владислава не сломана, а только ушиблена ударом по щиколотке; он ходил с палкой, довольно легко поднялся по лестнице на чердак, в свою комнату, и там стал хвастаться книгами в красивых переплётах, показывая мне «Историю Наполеона» со множеством рисунков Ораса Берне; у него было очень много книг с картинками. Нахвалил «физику» Гано и роман Каразина «В пороховом дыму», но когда я попросил дать мне эти книги почитать, он сказал:

– Нельзя, это – дорогие книги!

Сам он показался мне бесцветным и скучным, говорил почти непрерывно, но так жидко, что от его речи ничего не оставалось в памяти. И за всё время нашего краткого знакомства меня удивила только одна его сердитая жалоба на отца:

– Терпеть не могу этих дурацких боёв, а отец посылает, говорит, что это древняя русская забава и надо идти в ногу с народом – и чёрт знает, что ещё надо!

Он неприятно часто говорил: «Терпеть не могу...»

Я убедился, что в нём действительно есть что-то от барышни – набалованное, капризное, да и лицо его было приторно красиво, и улыбался он слащаво. Старше меня на три года, а ростом немного выше моего плеча. Учился в гимназии до шестого класса, потом целый год жил с отцом и мачехой за границей, а теперь готовился в юнкерское училище.

– Когда буду офицером – составлю заговор против царя, – сказал он, дымя папиросой, и, крепко стукнув палкой в пол, нахмурил вышитые тёмные брови. На эти его слова я не обратил внимания и вспомнил их долго спустя, когда жил в Казани.

В это второе свидание с ним он мне так не понравился, что я решил уйти и больше

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma не приходит к нему. Но на лестнице тяжело затопали, зашумели, вошёл его отец, в куртке, расшитой толстыми шнурками, в чёсанных валенках выше колен, с янтарным мундштуком в зубах; его сопровождали высокий гимназист в блузе и в очках, ещё какой-то весёлый, франтоватый паренёк и черноволосая барышня с длинным, строгим лицом. Я встал, собираясь уходить, но отец Владислава угрюмо сказал:

– Куда ты? Вот – познакомься, посиди, послушай.

Он сел к столу, достал из кармана коробку с табаком и, свёртывая папиросу, загудел:

– А вы опять опоздали? Эх вы... А те не придут? Почему? Болен? Врёте, на коньках катаются.

Так же угрюмо и гулко он спросил меня, читаю ли я книги и какие читал. Я назвал несколько книг.

– Дрянь, – сказал он. – Надобно, брат, читать не стишки, не романы, а серьёзные книги, вот что, брат!

Затем я услышал, что преступно сидеть на шее мужика, а надобно делать всё для того, чтобы мужику легче жилось. Я не чувствовал себя сидящим на чьей-то шее, мне уже казалось, что это моя шея служит сидалищем разным более или менее неприятным людям, но мне было очень интересно слушать тяжёлый, упрекающий голос усатого человека с одутловатым, добродушным лицом, большим, бесформенным, как будто измятым носом и мутноватыми глазами, – они напоминали грустные глаза умной собаки. Говорил он очень просто и всё более живо, чмокал губами, дымились усы, широко открывал глаза и затем, прищуриваясь, щёлкал пальцами, дёргал себя за правый ус и, вытягивая шею, спрашивал:

– Понял, брат? Выходит: «Один – с сошкой, семеро – с ложкой». Значит: он работает, а мы – шарлатаним...

Так говорил он, наверное, больше часа, и я узнал, что Россия живёт не торопясь, от Европы далеко отстала, но в этом её счастье, – русский народ оказался ближе ко Христу, чем народы Европы; узнал, что русский человек по преимуществу «артельный» и что надобно расширять права крестьянской общины, чтоб все люди могли войти в неё; когда каждый человек получит кусок земли – все заживут дружно и хорошо.

– Понимаешь, брат, в чём дело-то?

Я что-то понимал и даже чему-то радовался, – может быть, тому, что могу понимать такие речи. Слушал я с большим вниманием, но всё-таки заметил, что юношам скучно, они перешёптываются, непрерывно курят, с явной досадой посматривают на барышню и закурили столько, что все лица в комнате казались сквозь дым синими. Посинела и барышня: она слушала, широко открыв глаза, не мигая и точно следя, как на коже толстых щёк вероучителя двигается, точно растёт, седоватая щетина.

Ушёл я из этого дома с таким ощущением, точно вынес оттуда какую-то странно приятную тяжесть, – не обременяя, она позволяла мне чувствовать себя более сильным. Я был там ещё два или три раза, но ничего более значительного уже не слышал; а может быть, и слышал, да не уловил.

Отец Владислава говорил всё о деревне, хвалил мужиков за «артельный» дух, за простодушную, но глубокую мудрость, читал стихи Некрасова, Никитина, прочитал сказку Щедрина «О двух генералах». Один раз он поднялся на чердак выпивши, его мучила икота, мешая говорить, он глотал пиво стакан за стаканом и, наконец, совсем опьянев, начал учить меня, сына и франтика петь какую-то песню слепых, но вдруг заплакал, замотал головою и стал спрашивать, каркая и мыча:

– Как мы живём? Как?

Сын его стал уже совершенно невыносим для меня. Не нравилось мне, что он говорит с отцом грубо, даже иногда покрикивает на него. Ещё более странно вёл он себя по отношению к мачехе, разговаривал с ней капризно, вялым голосом, как-то сквозь зубы, – было ясно, что он делает это нарочно, издеваясь. Она – молчала. Я не помню ни одного слова, сказанного ею. Двигалась она очень быстро, но бесшумно и

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
всё как-то боком и всегда – подняв от локтя левую руку, немножко вытянув её вперёд, точно слепая. Она вызвала у меня чувство жалости к ней и странное впечатление: как будто она хочет бежать из дома, но не может найти двери на волю. Вообще мне стало тяжело и тесно в этом доме, я перестал ходить туда и скоро уехал в Казань.

Это знакомство имело для меня вполне определённое значение. О жизни деревни, о том, что такое община, я в ту пору ничего не знал. Но я отлично чувствовал, что жить – тяжело, и мне очень понравилось, что я, оказывается, живу в стране, где есть возможность жить легко и хорошо, а осуществить эту возможность очень просто: все люди должны войти в сельские общины, я тоже. «Артельный дух» у меня есть, я не однажды слышал:

– Максимыч – парень артельный.

Я уже знал артели плотников, землекопов, каменщиков, шерстобитов, и, на мой взгляд, жизнь этих артелей сильно противоречила тому, что отец Владислава вкладывал в понятие «артельности». Чувство дружбы не очень процветало в артелях, необходимость взаимопомощи сознавалась плохо; в каждой артели непрерывно шла борьба, сильные и хитрые командовали слабыми и глупыми, – это я достаточно хорошо видел. Видел я, что в артелях маловато людей, которые хотят и умеют работать «на совесть», с увлечением, с радостью. Были, конечно, и такие люди, – очевидно, предки наших рабочих-«ударников», – но артель не любила их, поругивала, считая, что они «подыгрываются» к подрядчикам, «метят в десятники». Хорошо, не щадя сил, работали, когда подрядчик обещал дать на водку, и в этих случаях матерно ругали слабых работников:

– Эй вы! Пить – рядом, а работать – позади?

Я очень любил читать сборники пословиц, однако и пословицы редко восхваляли артельную жизнь и работу. Но, несмотря на это, в Казань я приехал с «идеей», с некоторым предрасположением в пользу артели, общины и мужика, у которого надобно учиться жить простодушно и мудро. Я даже щегольнул моим знакомством с «идеей», и меня очень похвалили за это: «из молодых, да ранний». Не скрыл я и моих наблюдений над артельной жизнью, над слабостью в ней «артельного духа», но тут меня немножко высмеяли, доказав, что я ошибаюсь, не о тех артелях говорю.

Первое время в Казани, месяца три-четыре, я довольно усердно, вечерами по субботам и воскресеньям, в кружке гимназистов и студентов-первокурсников слушал чтение Милля с «примечаниями» Чернышевского, но гораздо охотнее посещал кружок Елеонского-Миловского, в нём люди были попроще: маляр и стекольщик Анатолий, талантливейший юноша одних лет со мной, двое столяров, косоглазый ученик часовых дел мастера Поликарпов и парень лет двадцати – Кабанов, если не ошибаюсь. Вскоре к этому кружку присоединился «для связи» гимназист Гурий Плетнев. Слушать чтение и толкование политической экономии было тяжело и скучно, эта духовная пища оказалась «не по зубам» для меня. Через некоторое время мне устроили нечто вроде экзамена, заставив меня написать о том, что я слушал и что усвоил. Это был единственный реферат, написанный мною за всё время обучения; писал я его с великим трудом при товарищеской помощи Анатолия и Кабанова и написал так неудачно, что руководитель кружка, студент духовной академии, сердито сказал мне:

– Ну, брат, ты совершенно ничего не понял и наварикал чепуху!

Было несколько обидно услышать такой отзыв, но я чувствовал, что мне говорят правду. Написал я не реферат, а некое критическое рассуждение по поводу одной фразы; я могу буквально привести её, потому что несколько месяцев тому назад мне напомнили эту фразу:

«Из области исторических событий мы должны перенестись в область отвлечённого мышления, которое, вместо данных истории, действует отвлечёнными цифрами, значение которых условно и которые предназначены для удобства.»

Мне никто ещё не объяснял, что значит «отвлечённое мышление», «отвлечённые цифры» и для чьего, для какого «удобства» они «назначаются». Анатолий тоже не знал этого, а Кабанов, подумав, выговорил свое любимое словцо:

– Враньё какое-то!

Мы честно старались понять смысл слов «отвлечённое мышление», но никак не могли «отвлечь» себя от действительности, в крепких тисках которой были зажаты.

Кабанов, потирая высокий свой лоб, пощипывая мочку левого уха, говорил, что вообще в книгах всё изображается проще, чем в жизни, и что это, конечно, удобно для понимания, но – неправильно.

– Писатели глядят на улицу из-за угла, – сказал он.

После этого случая мне уже не предлагали писать рефераты, и я скоро почувствовал себя лишним гостем в этом серьёзном кружке. У Миловского читались статьи о кустарных промыслах, об артели и общине, о сербской «задруге», «чиншевиках», о сектантстве; нам очень понравилась книга Ядринцева «Община в тюрьме и ссылке», и всё это казалось нам вполне серьёзной пищей для ума. В частной, нелегальной библиотеке Андрея Деренкова были подобраны и переплетены журнальные статьи по каждому вопросу; хорошо помню, что в сборнике «Положение женщины» вместе со статьями Ткачева, Шашкова и других авторов была и статья архиепископа Хрисанфа. Но, разумеется, больше всего и охотнее мы читали беллетристов шестидесятых – семидесятых годов.

Здесь нужно рассказать о Кабанове. Он «водился» с нами, со мной и Анатолием, месяца два, не больше; лично я видел его раз шесть – восемь, и после каждого свидания хотелось забыть о том, что он существует.

– Этот нам не по плечу, – сказал о нём Анатолий.

Внешне Кабанов был непригляден: высокий, короткое туловище на журавлиных ногах; он казался неладно склеенным из двух неравных половинок: правое плечо выше левого, левая рука длиннее правой, ноги тоже казались разномерными; почти всегда он прятал левую руку за спину, под растрёпанной, выгоревшей на солнце поддёвкой. Каблуки его сапог были стоптаны в одну сторону – направо. Издали, глядя на его походку, можно было думать, что он хромым; вообще он ходил по земле и стоял на ней косо, причём, стоя, опирался правым плечом о стену, забор, ствол дерева. На длинной его шее задумчиво покачивалась большая голова, не густо покрытая клочьями тёмных волос, кожа на высоком лбу, на щеках – сероватая, лицо – плоское, нос – не по лицу, маловат, губы – тонкие и точно закушены зубами, а под тёмными кустиками всегда нахмуренных бровей – небольшие узкие глаза холодного, синеватого цвета. Внешняя его неприглядность соединялась с грубостью речи, щедро уснащённой матерщиной, но говорил он бесстрастно, вполголоса, ворчливо и без жестов.

– Водосточная труба осенью, – определил Анатолий его речь.

Я не помню, чтобы Кабанов смеялся, а улыбка у него была неприятна: тонкие губы сжимались ещё плотней, серая кожа щёк, морщась, поднималась и закрывала глаза. Он был сыном солдата, сторожа какого-то казённого учреждения в кремле, но с отцом не жил.

– Отбился от рук, – сказал он, и я тотчас представил, как руки отца его и множество других рук били, тискали, мяти этого парня. Он учился в городском четырёхклассном училище, но из третьего класса его исключили; отец отдал его в ученики скорняку, затем он работал на кожевенном заводе у татарина, был фонарщиком, но нигде «не уживался». В пустых промежутках времени он уходил в заштатный город Арск, там дядя его служил в полиции.

– Дядя у меня мудрец, а папаша – сволочь, – сообщил он уверенно и спокойно. Теперь он жил без работы и не скрыл от нас, что живёт с торговкой детскими игрушками.

Он был очень неприятен и раздражал, даже озлоблял нас своими речами, но во всём его неприятном было нечто притягивающее нас, магнит какой-то горестной и суровой правды. Гурий Плетнев, хмурясь, говорил о нём:

– Собственно – негодяй, но сколько он знает, чёрт его возьми!

Читал Кабанов меньше нас, а знал действительно больше. Ко всем книгам и статьям относился недоверчиво.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma

– Книга – книгой, мальчишки, а лучше самим понюхать, что как пахнет. Я вот когда махорку курю да сам думаю, так гораздо умнее, чем когда читаю.

Он прочитал все исторические романы Загоскина, Лажечникова, Масальского, прочитал неизбежных Майн-Рида, Купера, Эмара, Жюль Верна и всю эту литературу зачеркнул одним словом сквозь зубы:

– Враньё!

Елеонский, видимо, очень ценил Кабанова, внимательно выслушивал его вопросы, подробно отвечал, шептался с ним о чём-то и раза два-три оставлял его у себя, выпроваживая нас. Но Кабанов смотрел на него искоса, исподлобья, говорил с ним непочтительно, отказывался читать книги, указанные Елеонским, требовал другие. Руководитель кружка не нравился Анатолию и мне, был он человек тяжеловатый, какой-то взболтанный и мутный, говорил книжно и скучно.

– Говорит холодными углями, – определил Анатолий.

Мы не понимали опасности дела Елеонского, его конспиративная осторожность смешила и обижала, – он принимал нас в своём подвале на Георгиевской улице, точно воров. Кабанов говорил о нём:

– Мямля! Вы, мальчишки, чего же в рот ему смотрите, как собаки? Вы спрашивайте, допытывайтесь. Чего он мямлит? Ну, начитаемся мы, а дальше что?

Но мы не находили, о чём спрашивать, чего допытываться, и о том, «что – дальше», ещё не думали.

Елеонский вёл с нами беседы по «Азбуке социальных наук» В.В.Берви-Флеровского, и хотя он говорил нудно, бесцветно, однако мы убеждались, что полезный труд – только труд крестьянина, «из этого труда истекает вся простая и мудрая правда жизни, весь свет и всё тепло для души»; на службу крестьянству городской человек и должен отдать все свои помыслы, все силы. Всё, что мы читали, должно было подтверждать неоспоримость этой истины, нам и казалось, что все книжки единогласно подтверждают именно эту истину.

– Враньё, – лениво, но решительно сказал Кабанов, послушав, как я и Анатолий говорили Плетневу о нашем впечатлении от очерка Златовратского «Крестьяне-присяжные». И затем начал не торопясь рассказывать нам о «мироедах», о «снохачах», о бобылках и вообще о тяжком положении женщины в деревне; особенно плохо говорил он про мужиков, которые служили в солдатах. Медленная и тяжёлая речь его, обильно уснащённая равнодушной матерщиной, исходила из его тонких губ вместе с зеленоватым дымом махорки, он морщился, мигал, кашлял, казалось, что внутри его что-то тлеет и вот-вот вспыхнет, разгорится, обожжёт. Но не разгоралось, не обжигало, он обо всём говорил спокойно, как о неизбежном, неустрашимом, и это очень угнетало нас; разумеется – ненадолго. Он говорил нам:

– Вот Николай Успенский, этот, как говорится, чистейшую правду пишет, Решетников – тоже, а другой Успенский – над ним подумать надо! Коли ворота дёгтем мазаны – сметаной не закрасишь, как говорится.

Нам хотелось спорить с ним, но на это у нас не хватало средств: мы знакомились с деревней по книжкам, а Кабанов знал деревню не только Казанской, но и Симбирской и Вятской губерний.

– Вятская – беднее, а грамотных в ней больше, – мимоходом сообщал он. Мы справились: верно это? Нам подтвердили: верно.

Его оценки показаний литературы можно было формулировать так: если плохо, значит верно, а если хорошо – «враньё». И Анатолий и я, мы оба уже непосредственно знали, что плохое преобладает над хорошим, даже больше того: хорошего-то мы нигде, кроме книг, не видели. В книгах хороши были «золотые сердца» и вообще какие-то удивительно чистенькие, гладко шлифованные люди, – в жизни мы не встречали таких. Елеонский и другие просветители наши не казались нам похожими на Светлова, Стожарова и прочих героев из книг Златовратского, Омуровского, Мордовцева, Засодимского, Нефедова и так далее. Но всё-таки нам не хотелось соглашаться с Кабановым, должно быть, потому, что

Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман,
и потому, что мы спешили пристроиться к месту идеологически удобному, а система идей «народничества» казалась нам достаточно удобным местом. Итак, хотя мы чувствовали, что Кабанов во многом прав, но это усиливало нашу антипатию к нему. А он долбил:

– Вот на успеньев день айдате со мной в Арск, в гости к дяде, он вам такое расскажет про деревню!

– Полицейский-то!

– Ну так что? Он любому профессору нос утрёт, как говорится. Он знахарь, лекарь, а не поп, – не прикажет: верь!

Осенью Кабанов куда-то исчез, но мы не пожалели об этом и даже, кажется, долго не вспоминали о нём. Но вспоминать пришлось – и нередко. Я начал работать в крендельной; мои посещения кружка прекратились года на полтора, встречи с интеллигенцией стали редкими. В крендельной работало двадцать шесть человек, в булочной – пятеро. Мне часто приходилось работать в крендельных Донова, Кувшинова; хозяева, получив большой и срочный заказ на товар, «занимали» рабочих друг у друга. Я наблюдал жизнь сотни крендельщиков, и в памяти моей довольно часто звучали медленные, горестные слова: «если плохо, значит – верно».

Крендельщики почти все одного уезда, забыл – какого; кажется, и одной волости – Едильгеевской, из деревень Каргузы, Собакина, Клетней. Я пользовался несколько повышенным отношением товарищей по артели, и на пасхальную неделю они пригласили меня в гости к себе. Пошёл и две недели «гулял» из деревни в деревню; пил водку, хотя она не нравилась мне, дрался, когда наших били, очень смешил мужиков и баб тем, что разговаривал с девицами на вы и не «щупал» их. Последнее особенно удивляло и высмеивалось, а благочестивый старичок Кузин, хозяйский наушник, прозванный в артели Иудой, поучительно сказал мне:

– Ты девками не брезговай, во святые не лезь, – из мужиков святых не бывает!

Я ответил, что «во святые не лезу», но и не мужик.

– Всё едино, наш брат Исакий, – пляши с нами!

Не помню, что я подумал после этих слов, но мог бы подумать: не говорит ли языком Кузина «дух артельности»? Лет через двадцать я вспомнил его слова, прочитав рассказ Леонида Андреева «Тьма».

В то время «тёмные стороны русской жизни» уже не очень удивляли меня, но всё-таки почти каждая деревня ошеломляла, показывая картины чрезмерно оригинальные. Кажется, в Клетнях парни, провожая домой трёх девиц соседней деревни, загнули им юбки на головы, завязали подола над головами лыком, – это называлось «сделать тюльпан», – связали им руки и в этом виде оставили в поле; девицы кое-как добрались до околицы деревни, взбунтовали своих парней, братьев, отцов, те вооружились кольями, пошли войной на обидчиков, и война не разразилась только потому, что хмельное войско обиженных устроило междоусобный бой.

По утрам в Каргузе играл на свирели пастух, прозванный за скотоложство Тёлкин Муж, играл он чудесно, «хватая за сердце», знал множество удивительных мелодий, старинных песен. Было ему лет полсотни; курчавый, седовласый, с выпуклым лбом, увеличенным лысиной, он казался красавцем, умником, и глаза у него были приятные, какие-то особенно ясные и вдумчивые.

В скотоложство его я не поверил. Но как-то вечером около мельницы-ветрянки он стал рассказывать парням сказки, изумительно жуткие своим цинизмом, и меня особенно поразила одна из них: святые – хитрый Николай Мирликийский и пьяница Касьян – жили с деревенской бобылкой, искусно обманывая друг друга, но в конце концов Касьян уличил Николая Чудотворца и жестоко избил его; тогда бог наказал Касьяна, лишив его «именин», – Касьянов день празднуется церковью в четыре года раз, а Николин день – два раза в год.

До того, как услышать эту сказку из уст пастуха, я читал её в каком-то сборнике,

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma кажется, в белорусском Романова; там ссора святых изображалась, конечно, иначе, повод ссоры был другой, но и там и здесь от этой сказки веяло глубокой, языческой древностью. Я решил, что пастух сам переделал старинную сказку, она стала остроумнее, смешнее, и это очень подняло пастуха в моих глазах.

Но приятель мой Осип Шатунов, вздохнув, угрюмо упрекнул сказочника:

– Умный ты, Никита, а вот – зачем пакостник?

Пастух, весело подмигивая, ответил:

– Какая же пакость? Что девка, что овца – с одного сладка конца! Овца не баёт – никто не страдает. И несколько минут он, под общий хохот, говорил грязные, потрясающе циничные вещи.

В Собакине, на улице, на глазах всей деревни, староста бил и топтал ногами своего пасынка, мальчишку лет двенадцати, таскал по земле за волосы его мать, красивую и бойкую женщину, – ни одна «душа» из сотни не заступилась за них, попробовал вмешаться товарищ мой Артюшка, но и ему «попало» – не лезь в семейное дело!

В каком-то небольшом селе на второй день пасхи избили мужика, он помер. Жена его по ночам ходила на погост и, сидя у могилы, плакала. Сердобольные люди собирались смотреть на неё; стоят под вёслами двое мужиков, три бабы, смотрят и слушают тихий вой. Погост маленький, весь зарос сорняком, вспух могилами, некоторые из них провалились, обнажив ржавую, железную землю, одна из вётел наклонилась к земле, точно падая, среди серого бурьяна разбрелись кресты, как пьяные, – стоят, размахнув руками, не решаясь упасть. Баба сидела на сырой земле согнувшись, похожая на бесформенный узел тряпья. Странно и жутко было слушать её тихонький, приглушенный вой. Одна из женщин сказала мстительно:

– Пускай поплачет – от её муженька тоже плакали!

Потом рядом со мною пробормотал какой-то худенький мужик:

– Бабе – легко, а вот мужик – он плакать не умеет! У него от слёз водянка бывает.

«Пейзаж и жанр» такого рода надолго, на всю жизнь оставляли памятную царапину где-то «в сердце». Какие тоскливые, холодные ночи приходилось переживать с Артюшкой, сидя до рассвета за деревней, у «магазеи»! Даже и теперь, вспоминая об этом, точно поднимаешь тяжесть не по силам. Смутно помню сквозь пёстрый сумрак прожитого: серенький туман апрельской ночи, горбатые поля, какие-то лысые шишки земли, чёрные деревья, избы, точно кучи мусора, и суконое небо с обломком луны над мельницей-ветрянкой. Артём ненавидел деревню, говорил о ней матерно, стуча кулаками в грудь, – он был парень нервозный, даже с признаками истерии. Я советовал ему:

– Уходи!

– Куда? – спрашивал он. – В босяки, что ли?

Верно, идти – некуда. Сидели и молчали. В эти часы я забывал о книжках, в которых сладко и красиво описывалась крестьянская жизнь, восхвалялась «простодушная мудрость» мужика, о статьях, в которых убедительно говорилось о социализме, скрытом в общине, о «духе артельности». Тяжёлых впечатлений было много, они решительно противоречили показаниям литературы, и мне порою думалось, что писатели нарочно замалчивают некоторые стороны жизни, – замалчивают потому, что об этих явлениях тяжело и стыдно писать. Хозяин крендельной, умный мужик, неуёмный пьяница, оценив мою – «относительную» – грамотность и умение работать, перевёл меня в булочную, прибавив два рубля в месяц, – теперь я получал пять. По ночам он приходил ко мне и, глядя в упор разноцветными глазами, поучительно бормотал:

– Все люди – сволочь! Как есть – все: господа, полицейские, попы. Бабы – тоже. И мужики. Я – сам мужик, знаю! Надо выбиваться из людей, надо обходить их стороной. Понял? Я всё знаю, чего ты болтаешь; мне всё известно. Это ты – зря! Ты пробивайся наперёд, в приказчики цель. Поработай годок – я тебя приказчиком

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
сделаю, в магазине торговать будешь...

Странное и страшноватое существо был он, хозяин. И странно было видеть, что вот такой, мало похожий на человека, командует, как хочет, тремя десятками людей, среди которых не менее десятка гораздо человечнее его. Странно было, что в книгах не изображён хозяин, – тогда я не замечал в литературе многого, что видел в действительности. В то время я мало читал, работали по четырнадцать, а перед праздниками и ярмарками даже по шестнадцать часов.

Затем я, перейдя в булочную Андрея Деренкова, перескочил в другую среду, на аршин выше. Это – среда студентов университета, духовной академии, ветеринарного института. Здесь у меня оказалось свободного времени больше, и я бросился на книги, как голодный на хлеб, – впрочем, об этом уже рассказано мною.

Изредка и «напоказ», в качестве «человека из народа», меня приглашали на интеллигентские вечеринки, чаще всего – к профессору Васильеву. Там жарко спорили о «судьбах народа», и я усиленно старался понять: как же хотят умные люди переиначить эти «судьбы»? Особенно интересовал меня некто Бродов или Бодров, маленький старичок в очках на остром длинном носу, с жёлтой бородкой, с брюшком, украшенным толстой серебряной цепочкой, посредине цепочки болталась какая-то золотая медаль величиною в полтинник. Жёлтые, коротенькие и тонкие пальцы его руки всегда играли этой штучкой. Почему-то именно эта игра заставила меня подумать, что старичок – умнее всех, лучше всех знает, что надобно делать; потому-то он и относится ко всем людям пренебрежительно. Слушая споры, он улыбался и так вытягивал шею, что казалось – вытягивается вперёд и носатое лицо, – это делало его очень похожим на болотную птицу выпь. Он был человек ни с кем и ни с чем не согласный. Он доказывал, что «воля» ничего не дала народу, а только развратила его, после воли «мужик попёр в торговлю»; говорил, что настоящую «русскую правду» понимали только славянофилы и что «узкие пути Европы не пригодны для широкой природы нашего народа». Голосок у старичка был негромкий, но слова он выговаривал особенно внятно, и была у него поговорка:

– Ерунда и заблуждение.

На лице его поблескивали, сквозь очки, воспалённые глаза с красными жилками на белках и зрачками, зеленоватыми, точно окись меди. Он говорил: «Поместное дворянство не враг мужику, а руководитель и воспитатель, враг же – купец, то есть сам же мужик, торгош, фабрикант. Обратного не докажете».

Я всё это удерживал в памяти, потом записывал, затем просил знакомых студентов, чтобы мне дали книги о славянофилах. Меня высмеивали.

Чаще других и яростнее возражала старичку высокая, дородная женщина, с большим красным лицом, щёки – подушечками, они почти скрывали её глаза, делали рот бантиком. Но когда она, сердясь, кричала, оказывалось, что рот у неё большой, зубастый и голос гудит в нём, как ветер в трубе печки. Старик говорил ей:

– Даже ваш Глеб Успенский, если его правильно понять...

А она кричала:

– Я Успенского лично знаю...

– Колюпанов доказал...

– Вы ошибаетесь! Я лично знаю Нила Петровича.

Её совершенная уверенность в том, что все люди, которых она лично знала, выигрывали от этого, – действовала на слушателей в её пользу. Я тоже думал, что человек, который так много «лично знает», должен быть очень умным, но она казалась мне неумной и смешной. Так же оценил её и Плетнев, он даже выразил желание «заткнуть ей рот шапкой», а меня упрекнул:

– Ты, брат, не на то обращаешь внимание, на что надо обращать его!

Но мне казалось, что я обращаю внимание куда следует. Люди, сами по себе, казались мне гораздо интереснее и значительней, чем их речи. Один из студентов духовной академии, весьма ярый «народник», сказал старичку, что мужик – главный

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
строитель жизни, что он величественнее Петра Великого, но старичок, побрякивая
цепочкой, весьма хладнокровно возразил:

– Этот ваш Пётр вовсе не великий, а сумасшедший, и очень жаль, что он прикончил
Алексея, а не наоборот. Мужик же строится тысячу лет, а толку всё нет. Да-ссс...

Старичок весьма не нравился мне, но «он даёт понять себя», как сказал о нём
первокурсник студент Музыкантский, юноша длинный, с длинными волосами и
печальным лицом; он вскоре умер, кажется – застрелился. Гораздо труднее было
понимать противников старичка, и не только я, но и Плетнев и другие знакомые
студенты-первокурсники – Грейман, Комлев – жаловались друг другу на
разногласицу мнений среди интеллигенции.

Но всё-таки эта разногласица давала мне кое-что существенное, я запоминал имена
авторов, титулы книг, отыскивал их, читал, пытаюсь объединить то, что знал и
видел, с тем, что рассказывали книги. Не объединялось, – вероятно, потому, что
количество непосредственных наблюдений жизни росло быстрее книжных знаний, а
также и потому, что основная, «ведущая» идея литературы не освещала очень многих
явлений действительности. В конце концов у меня и Плетнева с развитием интереса
к литературе возникло недоверие к её показаниям.

Прочитав «Паутину» Наумова, Плетнев с восторгом сказал:

– Вот она, сказочная ширь русской природы!

Но он же после очерка Помяловского «Поречане» задумчиво и печально проговорил:

– И тут такая же дикость, как в «Паутине».

Главное, что мы хотели и должны были понять, – это, конечно, мужик. Его вешала
на шею нам литература, его взваливали на жидкие хребты наши руководители и
воспитатели – и, как я сказал, мы приняли все основные догмы народничества за
истину. Но нам было очень трудно определить, что у нас – вера и что – знание.

В те годы стоял «во главе угла», возбуждая особенно свирепые споры, Глеб
Успенский. Одни утверждали, что он, показав, как сильна «власть земли»,
неопровержимо установил «правду-истину и правду-справедливость» теории
народничества, другие кричали, что он – «изменник». Мы воспринимали истерическую
лирику его рассказов о деревне эмоционально, как воспринимается музыка. Глеб
Успенский будил в нас какое-то особенно тревожное и актуальное чувство; Грейман
очень удачно определил его, рассказав, что после чтения книг Глеба Успенского
хочется сделать что-нибудь решительное, как сделали это жители Брюсселя после
первого представления оперы Мейербера «Пророк», – они пошли ко дворцу короля
требовать конституции. Но в Казани не было ни оперы, ни короля, в кремле, во
дворце, сидел губернатор, а мы уже знали, что губернаторы конституции не дают.
Знали мы и то, что рядом со святыми мужиками Златовратского, Каронина и других
живут вовсе не святые «подлиповцы» Решетникова, мужики Николая Успенского, что в
«Растеряевой улице» существуют безалаберные мастеровые, в Петербурге, на Охте,
дикие «поречане», в Сибири есть «купчески разнузданные» приисковые рабочие и
что очень много дикого, пьяного народа живёт недалеко от нас – в Суконной
слободе Казани.

– Надобно что-то делать, – твердил Плетнев, а я, при его помощи, начал
готовиться в сельские учителя.

Грустное и очень памятное впечатление вызвал у нас приезжий из ссылки, седоватый
человек с растрёпанной бородой, длинным костлявым лицом и горбатым носом, тоже
как будто вырезанным из кости. Это было в квартире некоего Перимова, кажется –
доктора, жарким летним вечером, а человек этот одет был в толстое, тёплое, но не
потел, по крайней мере на лице его не было пота. В охотничьих, выше колен,
сапогах, подвязанных под коленями ремнём, он имел такой измятый вид, точно
сейчас только обсушился, пройдя по болотам сквозь многие ливни и бури.
Непреклонным сухим голосом он внушительно читал нечто вроде акафиста Глебу
Успенскому, Лаврову и Михайловскому. Доклад свой начал он с рассказа о неудачных
попытках революционной пропаганды среди рабочих, о том, что рабочие давали много
провокаторов, что народовольцев окончательно погубил не Дегаев, а рабочий
Меркулов. Затем долго доказывал, что защитники необходимости развития
фабрично-заводской промышленности в сущности своей – слуги купцов. Кончил он

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
словами давно знакомыми: все честно мыслящие люди обязаны бороться за то, чтоб охранять и развивать самобытные основы крестьянского мира и бороться против людей, которые проповедуют, что мужик тоже должен вертеть колесо бездушной, машинной цивилизации.

Слушало его десятка два солидных людей и человек пять молодёжи. Когда он кончил, все долго и натужно молчали, покашливая, переглядываясь, а какой-то лысый человек в мундире с золочёными пуговицами встал, понюхал цветы на окне и боком, осторожно прошёл в дверь соседней комнаты. Неприятное молчание продолжалось минуты две, не меньше. Плетнев шепнул мне:

– Вот черти...

Человек в охотничьих сапогах сидел, глядя в стол, разбирая пальцами клочья своей бороды, затем он спросил:

– Ну, о чём же поговорим?

Хозяин квартиры предложил перейти в столовую, пить чай.

– Там и поговорим.

Туда вслед за ссыльным пошло человек пять-шесть, остальные разбрелись по домам. Мы тоже ушли.

– Свинство какое вышло, – сказал Плетнев. – Обидели человека. Видел, как он усмехнулся, когда пошёл за хозяином?

Я не видел этого, но чувствовал себя нехорошо: может быть, мне показалось, что люди молча отrekliсь от правды.

Через некоторое время, придя к Плетневу в дом его вотчима на Собачьем переулке, я заметил, что пальцы товарища густо окрашены лиловой краской.

– Не могу отмыть, – сказал он и сообщил, что ему поручено печатать прокламации на мимеографе. Я очень позавидовал ему. Но всё это уже рассказано мною в книжке «Мои университеты».

В Борисоглебске я встретил одного из последних народников и там впервые услышал новую для меня оценку крестьянства. Народником был провинциальный журналист Маненков-Старостин; он относился к мужику уже до смешного преувеличенно, говорил о деревне «колелопреклонённо», с таким крикливым пафосом, что слушатели его речей почти всегда и весьма безжалостно издевались над ним. Тонким, надорванным голосом, торопливо и взвизгивая, как пила на сучке, он говорил всё те же слова о «правде-истине» и «правде-справедливости», осуществить которые может только хлебопашец в его непосредственном общении с природой. Не помню кто, кажется В.Я.Алабышев, спросил его, усмехаясь:

– А мироед позволит осуществлять эти правды?

Тут выступила девица, которую я видел впервые; она задорно заговорила, что пора отказаться от иллюзии; в деревне, как везде, есть богатые и бедные, и что ещё не исследован вопрос – что такое кулак, мироед? Может быть, в наших условиях он прогрессивное явление, потому что накапливает капитал, строит фабрики и заводы.

Слова её вызвали сначала смех, затем буйный спор, но девица оказалась начитанной, храброй, и, хотя не только один Маненков кричал на неё, она, стоя у стены, держась за спинку стула и как бы защищаясь им от натиска раздражённых оппонентов, побледнев и сверкая глазами, тоже кричала, что народники пишут о деревне лампадным маслом.

– Это не литература, а елеопомазание! – задорно кричала она.

Самый молодой из несогласных с нею был, вероятно, лет на десять старше её; из людей помоложе на её сторону стал только моряк Мазин, кажется – разжалованный мичман. Но мне показалось, что он соглашается с нею не потому, что она была права, а потому, что красива.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma

На другой день она уехала в Царицын, вскоре была арестована там по делу казанского студента Федосеева. Лет через пять после этого её слова о кулаке как прогрессивном явлении были подробно развиты Циммерманом-Гвоздевым, он первый в марксистской литературе «заострил идею», доказывая в книге своей «Кулачество–ростовщичество», что кулак, накапливая капитал, пролетаризируя деревню, развивая промышленность и торговлю, является фактором экономического прогресса. Циммерман, большой широкобородый человек, был похож на прусского солдата 70–71 годов, но народники высмеивали его так же, как девицу Соловьеву. Известно, что марксизм очень оживил народничество, – люди становятся сильнее, талантливее от сопротивления им. «Искра» ещё не сверкала, но трение основных противоречий русской жизни становилось напряжённое и сильнее. И хотя всё ещё доказывалось, что основные силы, способные решительно изменить жизнь, заключены в деревне, но уже делались уступки в пользу города, в сторону рабочего класса, признавалось его значение.

Мои «взгляды» на ход жизни развивались медленно и трудно; это отчасти можно объяснить кочевой жизнью, обилием впечатлений, недостатком систематического образования и недостатком времени для самообразования. «Экономический прогресс» мало интересовал меня и даже противоречил моему пониманию прогресса социально–культурного, – в этом, конечно, сказывалась закваска народничества.

В развитие социально–культурного прогресса никак не вмещался мой хозяин Василий Семенов и вообще не вмещались хозяева. Из всех премудростей, которые слышал и читал я, «в память врезалась» особенно глубоко одна, сказанная Прудоном:

«Собственность есть кража».

Это было совершенно ясно для меня. И хотя я близко знал немало профессиональных воров, я видел, что они гораздо меньше собственники, видел, что «честные» хозяева всеми силами, неустанно стремятся утвердить истину Прудона и что в этом – весь смысл их жизни.

Европейскую литературу – в переводах – и русскую я знал уже «весьма удовлетворительно», но очень многое, восхищая меня красотой, было чуждо мне. Я долго не мог понять: зачем студент Раскольников убил старуху, и зачем русскому студенту подражал в этом деянии француз, «ученик» Поля Бурже? И почему в романе Эдуарда Рода «Смысл жизни» молодому человеку, который нигде не мог найти этого смысла, именно старушка указала его – в церкви? Все книги, которые я читал, сливались для меня в одну бесконечную книжищу, и мне казалось, что основная тема её именно поиски молодыми людьми смысла жизни, – может быть, правильнее сказать: места в жизни. Не понимал я очень многого, но всё же в картинах быта видел и сходства и различия между литературой иностранной и русской, видел, что и те и другие – не в пользу русской жизни, не лестны для неё.

В литературе я прежде всего искал, конечно, «героя», «сильную», «критически мыслящую личность» – и находил Обломова, Рудина и более или менее подобных им. В стороне от них одиноко проходил, усмехаясь и злорадствуя, герой Помяловского Череванин, «нигилист», рождённый в один год с Базаровым Тургенева, но гораздо более «совершенный» нигилист, чем Базаров.

Было трудно понять: почему литераторы изображают интеллигентов бесхарактерными, безвольными, в то время как сотни интеллигентов пошли «в народ» и многие уже попали в тюрьму, в ссылку; почему в литературе не нашли «отражения» люди процесса 193–х, пропагандисты на фабриках и «народовольцы», которым никак нельзя отказать в наличии характера и силы воли? Казалось, что литература обижает, обесцвечивает жизнь. В памяти оставались какие-то покаянные, усмешливые и унылые рассказы: «Гамлеты – пара на грош» – забыл автора, рассказ напечатан в одном из журналов Л. Оболенского – «Свет», «Мысль» или «Русское богатство», – «Гамлет Щигровского уезда», «Записки ни павы, ни вороны». Пётр Боборыкин напечатал рассказ «Поумнел», но было принято не верить Боборыкину. Я – верил ему, находя в его книгах богатый бытовой материал. Остались в памяти рассказы В.В. Берви-Флеровского «Галатов», «Философия Стеша»; автора я знал лично, и было как-то неловко, что этот высокий, суровый, нетерпимый, со всеми не согласный старик, автор «Азбуки социальных наук» и первой русской книги о «положении рабочего класса», мог сочинить такие бесцветные, надуманные вещи. Я видел в жизни десятки ярких, богато одарённых, отлично талантливых людей, а в литературе – «зеркале жизни» – они не отражались или отражались настолько тускло, что я не замечал их. Но у Лескова, неутомимого охотника за своеобразным, оригинальным

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma человеком, такие люди были, хотя они и не так одеты, как – на мой взгляд – следовало бы одеть их. Вместе с восхищением красотами образа и слова меня всё более тревожило чувство смутного недоверия к литературе.

Я снова и внимательно перечитал всю литературу шестидесятых – семидесятых годов. Она разделилась предо мною на два ряда: в одном – озлобленный и грубый «натуралист» Николай Успенский, мрачный Решетников «Подлиповцев» и «Николы Знаменского», – романы его я «терпеть не мог»; Левитов – «Нравы московских закоулков» и те его рассказы, в которых он не очень злоупотребляет хмельной и многословной лирикой; Воронов, Наумов, Нефедов, осторожный и скромный скептик Слепцов. Этот ряд возглавлял талантливый и суровый реалист Помяловский с его очерками «бурсы», из которой вышло так много литераторов, учёных, вышел и сам Помяловский и написал «Мещанское счастье», повесть, значение которой недостаточно оценено.

Я чувствовал, что эти разнообразно и размахисто талантливые люди, сурово и поспешно рассказывая тяжёлую правду жизни, предъявляют мне какое-то неясное для меня требование.

Во втором ряду: сладкогласный «обманщик» Златовратский, – обманщиком его называл нечаевец Орлов; Каронин-Петропавловский его первых рассказов о Минях и Митях, унылый Засодимский, Бажин, Мих. Михайлов, Мамин-Сибиряк, даже Гр. Данилевский с его плохими романами «Беглые в Новороссии», «Беглые воротились», – в этом ряду и многие другие, чьи имена забыты не только мною одним.

Этот ряд – для меня – возглавлял и покрывал Глеб Успенский. Казалось, что он вошёл в литературу раньше всех писателей этого ряда и все они шли или от него, или за ним, говорили его голосом, только не так горячо и страстно, всегда тоном-двумя ниже, – говорили всё о той же «божьей правде», которая свела Успенского с ума.

Глеба Успенского я читал так же, как некоторые – по их рассказам – читают Достоевского: изумляясь, раздражаясь, чувствуя, что автор «одолевает» меня, отталкиваясь от него. В «божью правду» Успенского я не мог верить, но трепет его гнева и отвращения пред «повсеместным душегубством» ощущался мною так же, как – читая Достоевского – ощущаешь его неизбывный страх перед тёмной глубиной его же собственной «души». Я в чём-то соглашался с Глебом Успенским и чему-то не верил в его истерических криках о спешной необходимости «слиться с условиями крестьянской жизни», найти себе в ней место; меня не могли устрашать угрозы его: «Горько будет дело интеллигента в том случае, ежели шестьдесят миллионов вдруг, по щучьему веленью, возьмут да справятся сами собой».

Слишком ясно было, что «взять» некому, да и «нечего взять», – я уже знал, что деревня с поразительной быстротой хирела, нарождая Разуваевых и Колупаевых, кулачество пышно росло и цвело, умножая «душегубство», создавая «губошлёпов». Места себе «в крестьянской жизни» я не мог получить, инспектор народных училищ Малиновский определённо заявил, что я не буду допущен к экзаменам «по причинам, не от него зависящим».

Критика, стараясь поставить меня как писателя в определённый угол, указывала на мою зависимость от целого ряда влияний, начиная с «Декамерона», Ницше и кончая уже не помню кем. Разрешу себе указать, что Помяловский-Череванин уже скончался, когда Ницше ещё не начинал философствовать. Я думаю, что на моё отношение к жизни влияли – каждый по-своему – три писателя: Помяловский, Глеб Успенский и Лесков.

Возможно, что Помяловский «влиял» на меня сильнее Лескова и Успенского. Он первый решительно встал против старой, дворянской литературной церкви, первый решительно указал литераторам на необходимость «изучать всех участников жизни» – нищих, пожарных, лавочников, бродяг и прочих.

Сито мещанской жизни не так часто отсеивает отруби, как часто отбрасывает прочь крупных людей, и надобно было весьма прилежно изучать причины процесса «деклассации», ибо эти причины красноречивее всего говорят о ненормальном кровообращении мещанского общества, о его застарелых, хронических болезнях. Я думаю, что именно под влиянием этих трёх писателей решено было мною самому пойти посмотреть, как живёт «народ».

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Пошёл и увидел дикий хаос, буйное кипение бесчисленных, мелких и крупных, совершенно непримиримых противоречий; в массе своей они создавали чудовищную трагикомедию, – роль главной героини в ней играла жадность собственника.

«Трагикомедия» – не описка, так и читать: трагикомедия. Трагедия – это слишком высоко для мира, где почти все «страдания» возникают в борьбе за право собственности на человека, на вещи и где под лозунгом «борьбы за свободу» часто борются за расширение «права» эксплуатации чужого труда. Мещанин, даже когда он «скупой рыцарь», всё-таки не трагичен, ибо страсть к монете, к золоту – уродлива и смешна. Вообще в старом, мещанском мире смешного столько же, сколько мрачного. Плюшкин и отец Гранде Бальзака – нимало не трагичны, они только отвратительны. Я не вижу – чем, кроме количества творимого зла, отличается Плюшкин от мещан-миллионеров, неизлечимо больных страстью к наживе. Трагедия совершенно исключает пошлость, неизбежно присущую мелким, мещанским драмам, которые так обильно пачкают жизнь. Когда в зоологическом парке дерутся обезьяны – разве это трагедия? Мы только что вступаем в эпоху подлинных, глубочайших и небывалых трагедий, их творят не Эсхилы, Софоклы, Эврипиды и Шекспиры, а новый герой истории – пролетариат всех стран в лице его авангарда, рабочего класса Союза Советов; пролетариат, который дорос до сознания необходимости уничтожить основную причину всего зла и горя жизни – частную собственность, дорос до сознания необходимости вырваться из тяжёлого, позорного плена капиталистов.

Само собою ясно, что я «забежал вперёд» и что хотя ненависть к драмам и страданиям мещанского мира зародилась у меня ещё в юности, но, разумеется, оформилась она гораздо позднее и оформлялась медленно по причине моего недоверия к словам. Слишком обильное количество людей, слова которых не совпадали с делом, видел я, а в то время, о котором я веду рассказ, мои «впечатления бытия», находясь в состоянии хаотическом, весьма мучительно отягощали меня, но я всё-таки не торопился уложить их в мешок той или иной догмы. О том, что противоречия жизни должны быть развиты до конца, – в то время говорили невнятно. Слова Владимира Ильича не увлекали меня и не помогали «разобраться в самом себе», я стал более или менее понимать Ленина после того, как лично познакомился с ним и услышал его речи на съезде в Лондоне. А за десяток лет до этого мне пришлось заниматься «самопознанием», что – кстати скажу – крайне трудно для человека «деклассированного», каким я был.

В ту пору «учителя жизни» предлагали «идти на выучку к капитализму», но я уже считал себя достаточно выученным. Тогда загибали истину таким кренделем, как, например, утверждение, что «кулачество-ростовщичество» – фактор экономически прогрессивный. В те годы читалась брошюра одного из членов исполнительного комитета раскошенной и уничтоженной партии террористов, – в этой брошюре Лев Тихомиров рассказывал, «почему он перестал быть революционером».

Я очень много видел людей, которые «перестали быть революционерами», они не возбуждали симпатии, и в них наблюдалось мною нечто общее с «бывшими людьми» разных сословий и профессий. Уже года три-четыре я печатал рассказы в газетах, нередко меня хвалили за них, но похвалы не увлекали, и профессиональным литератором я себя не воображал.

Усердный и внимательный читатель, я присматривался и прислушивался к читателям, среди которых жил, – присматривался, стараясь понять: чего они ищут в книгах, что прежде всего хотят найти? Это было не совсем ясно, потому что «вкусы» быстро менялись и потому что «каждый молодец на свой образец» оценивал значение книги. Недавно я убедился, что наблюдение за вкусами читателя было установлено мною ещё в юности, в Казани; убедила меня в этом тетрадка моих – той поры – записок, присланная мне одним знакомым, бывшим студентом духовной академии; прислал он мне эту сорокалетнюю тетрадку с доброй целью уличить меня в малограмотности, чего и достиг: двадцать три ветхих страницы, исписанные моим почерком и снабжённые «критическими» примечаниями по моему адресу, а также – не совсем кстати – и по адресам некоторых молодых советских писателей, – эти страницы действительно уличают меня в том, что восемнадцати – двадцати лет я, наверное, гораздо более ловко работал топором, а не пером. Тетрадка неинтересная, сплошь наполнена выписками из разных книг, топорными попытками писать стихи и описанием – в прозе – рассвета на «Устье», на берегу Волги, у слияния с нею реки Казанки. Но между этой чепухой есть описание лекции или доклада некоего Анатолия Кремлева, – этот человек изучал Шекспира, толковал Шекспира, играл Шекспира на сцене и читал лекции о Шекспире и вообще об искусстве. Был он, Кремлев, «человек небольшой, ловкий, щеголь, звонкий, точно колокольчик, подпрыгивает, руками

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma машет зря», – так записано мною чернилами по карандашу. Далее следует: «Чернышевского не любит. И Толстого. И Успенского. Интеллигентам платить народу не за что, голова рукам не платит, руки-ноги работают на неё, это закон природы. Литература для отдыха души и всё другое – музыка, живопись. В уродстве есть красота – врёт. Писатель не знает ни грешника, ни праведников. Богатство нищих, нищета богатых. Нищие – Алексей божий человек, святые, Иванушка-дурачок. Богатые – «Мёртвые души». Литература живёт сама по себе, независимо, отражает всё, как оно есть. Не так, как Чернышевский в «Эстетических отношениях». Не понимаю – как. Слушали смирно, как попа проповедь в церкви».

Наиболее ценными словами этой корявой записки я считаю два: «слушали смирно». На протяжении с конца восьмидесятых и до начала девятисотых годов я тоже, кажется, все споры о литературе «слушал смирно». Это не значит, что они не волновали меня, – литератора не могут не мучить вопросы: что такое литература, и для чего она? Живёт сама по себе? Но я уже видел: в мире нет ничего, что существовало бы само по себе и само для себя, всё существует для чего-то, так или иначе зависимо, связано, спутано.

«Отдых души»? Крайне трудно вообразить существо, «душа» коего отдыхала бы, когда существо это читает «Прометей», «Гамлета», «Дон-Кихота», «Фауста», книги Бальзака и Диккенса, Толстого и Стендаля, и Достоевского, Успенского, Чехова, и вообще те книги, которые предстают пред нами как изумительно обработанные в образе и слове сгустки мысли, чувства, крови и горьких жгучих слёз мира сего. «Зеркало жизни»? Зеркала находятся в домах для того, чтобы перед ними люди причёсывались «к лицу», рассматривали морщины и прыщики на носах и коже щёк, «любовались своей красотой». Пассивную роль я считал недостойной литературы, мне известно было: если «рожа – крива, пеняют на зеркала», и я уже догадывался: «рожи кривы» не потому, что желают быть кривыми, а оттого, что в жизни действует некая всех и всё уродующая сила, и «отражать» нужно её, а не искривлённых ею. Но как это сделать, не показывая уродов, не находя красавцев?

Я писал различные весьма сумбурные вещи: «Читатель», «О писателе, который зазнался», «О чиже, который лгал», «О чорте», – писал очень много, а ещё больше рвал и сжигал в печке. Известно, что в конце концов я нашёл какую-то свою тропу.

Бывает – и нередко, – что молодые люди из среды начинающих литераторов пишут мне, жалуются: «нет времени для творчества», «трудно жить».

Должен признаться, что жалобы эти не вызывают у меня сочувствия, а словечко «творчество» даже несколько смешит, – слишком оно громко и как будто не совсем у места в наше суровое, «ударное» время, перед лицом рабочей массы, которая, не щадя сил, не жалуясь, действительно творит нечто неизмеримо более грандиозное и важное для всего человечества, чем любой, даже талантливый стишок или рассказец.

Разумеется, «на стройке» – жить трудно: одновременно идёт работа разрушения и созидания; шум, треск, крик; под ногами – жалкий и злой мусор старины, в воздухе – её отравляющая пыль. Всё вокруг изменяется с невероятной, сказочной быстротой, и нет возможности сосредоточиться на поисках красивого слова, точного и яркого образа, некогда почесать затылок, потереть лоб, поковырять в носу, придумывая звонкую и удачную рифму. Всё это – так.

Но ещё совсем недавно, лет тринадцать тому назад, юношеству жилось несравненно хуже, чем теперь, а лет за тридцать – за сорок до наших дней – и совсем нехорошо.

Конечно, это не утешение, – но я и не собираюсь утешать огорчённых «неудобством» и шумом социалистического строительства. Меня спросили: как жилось юношеству в прошлом? Я и рассказываю об этом что знаю, будучи уверен, что прошлое необходимо знать и что хорошее знание прошлого весьма полезно для современного юношества.

Я начал жить в то время, когда мещанский мир был крепок, плотен, усиленно жирел на крови «освобождённого» крестьянства, а оно щедро пополняло армию мещан из своей среды. Мещанин жирел и цепко держал свою молодёжь в густой тине «традиции» – вековых предрассудков, предубеждений, суеверий. Двуглавый орёл самодержавия был не только гербом государства, но птичкой весьма живой и злобно деятельной. И был жив бог, олицетворённый солидной армией попов; были города, в которых 10 тысяч жителей содержали десяток церквей, два монастыря и – только две школы.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Школа действовала в тесном единении с церковью, правительственный педагог был таким же «охранителем традиций» мещанства, как поп. Строго наблюдалось, чтоб физика, химия и вообще науки о явлениях природы не противостояли закону божию, учению библии и чтоб разум не противоречил вере, основанной на «страхе божем». Церковность действовала на людей подобно туману и угару. Праздники, крестные ходы, «чудотворные» иконы, крестины, свадьбы, похороны и всё, чем влияла церковь на воображение людей, чем она опьяняла разум, – всё это играло гораздо более значительную роль в процессе «угашения разума», в деле борьбы с критической мыслью, – играло большую роль, чем принято думать. Человек, даже когда он мещанин «до мозга костей», всё-таки падок на красоту, жажда красоты – «уклон» здоровый, в основе этой жажды заложено биологическое стремление к совершенству форм, – в церкви была и есть – красота, ядовитость которой искусно прикрыта отличнейшей музыкой, живописью, ослепительным блеском золота; бога своего мещане любили видеть богатым. Литература не только не могла активно, критически «отражать» консервативное и отравляющее влияние церкви, но и не хотела этого; а некоторые литераторы изображали работу церкви в красках соблазнительных. Изображая по преимуществу жизнь столиц, дворянских усадеб и деревни, литература не уделяла внимания жизни и быту мелкого мещанства – огромному большинству обывателей провинции, а именно там, в провинции, в глухих углах разыгрывались наиболее жуткие драмы «отцов и детей».

На протяжении по крайней мере двух десятков лет я наблюдал эти дикие драмы вражды «отцов» и «детей» – не той «идеологической» вражды, о которой красиво рассказал Тургенев, а бытовой, зоологической вражды собственника-отца к собственному сыну. Как только в юноше того времени пробуждался серьёзный интерес к вопросам жизни и обнаруживалось естественное стремление в сторону критики тяжёлого, тёмного быта, – вокруг «критически мыслящей личности» создавалась атмосфера враждебной настороженности отцов, возникали подозрения в «измене старине», затем следовало «внушение истины» кулаком, палкой, вожжами, розгами. Кончалось это «внушение» чаще всего тем, что человека забивали в «первобытное состояние», то есть отцы делали из него «себе подобного» мещанина. Если же молодой критик оказывался упрямым, – его вышибали из семьи в пространство, где он очень редко находил место и время для дальнейшего развития критического отношения к действительности и где у него не было защитника, какого он имел бы теперь в лице рабочего класса.

Путь критики продолжали единицы; известно, что революционное движение пополнялось очень скупо отщепенцами провинциальной мещанской семьи; в массе своей «блудные дети» становились ворами, босяками, бродягами. Все это были ребята, мещанский индивидуализм которых, укрепленный «мордобоем» и порками, принимал характер крайне свирепый. Наиболее даровитые из них проявляли особенно неукротимое и даже болезненное стремление к деспотизму, к циническому издевательству над слабыми.

Приведу пример. В 1893 году в Печёрской слободе Нижнего-Новгорода буйствовал Демка Майоров, и его злое, циническое и остроумное хулиганство возбуждало страх женщин и почтительную зависть слободской молодёжи. Это был ещё здоровый и даже красивый человек лет тридцати, рыжебородый, кудрявый, небольшого роста, но очень стройный и сильный. Смотрел он на людей прищуренными глазами, дышал носом, нос был перебит и задорно вздёрнут, ноздри всегда раздувались, точно у злой собаки. Говорил он гнусаво, но когда сердился – голос его звучал чисто и звонко. Гимназистом пятого класса он поставил «законоучителю»-попу какой-то вопрос, и его исключили из гимназии. Отец, подрядчик столярных работ, пригласил родственников, знакомых, привязал сына к верстаку и самолично, торжественно выпорол его до потери сознания. Во время порки Демка схватил воспаление лёгких, затем, выздоровев, прямо из больницы убежал на пароход, доехал, милостью матросов, до Костромы, попался там на краже хлеба, был отправлен по этапу на родину, – там отец переломил ему нос и два ребра. Демка снова бежал, летом работал масленщиком на пароходе, зимою занимался мелкими кражами, шулерством, отдыхал в «арестантских ротах», так прожил он более десяти лет. Я осведомился:

– О чём ты спросил попа?

– Не помню, брат! Мальчишка я был бойкий, учителя меня баловали, ну – зазнался! У меня товарищ был, семинарист, он в бога не верил, так я, конечно, что-нибудь по этой части всадил попу-то! Вообще от гимназии у меня ни черта не осталось, всё забыл!

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Что в гимназии он учился – это было верно, а что от неё у него ничего не
осталось – тоже верно. Но он хорошо помнил, как его пороли.

– Морозно было в тот воскресный день, лежу я, креплюсь, чтоб не орать, и вижу:
брызгает кровь на снег, прожигает его красными язвинами. Эх ты, клюква...

Таких, как Демка Майоров, я встречал десятками, но, разумеется, их надобно
считать тысячами, – тюрьмы населялись по преимуществу «блудными детьми» мелкого
мещанства. Яркий индивидуализм этих людей, вбитый в плоть и кровь «от руки»
отцов, оправдан всей обстановочкой жизни мещанства, всем бытом мелких грызунов.
Я вполне уверен, что в лице этой молодёжи бессмысленно пропадали силы социально
ценные.

Погибали и не такие люди, как Демка, – «отцветали, не успев расцвести»,
Помяловские, Кущевские, Левитовы, Вороновы и много других этого ряда.

Литераторы–«разночинцы» – тоже «отщепенцы» и «блудные дети», их история –
«мартиролог», то есть перечень мучеников. Помяловского за время его учения в
семинарии секли розгами около четырёхсот раз. Левитов был выпорот в присутствии
всего класса; он рассказывал Каронину, что у него «выпороли душу из тела» и что
живёт он «как будто чужой сморщенной душой». Кущевский написал рассказ об одном
литераторе, которого отец отпускал в столицу «на оброк» – так же, как помещики
отпускали крепостных, и, если сын не присылал ему денег, он требовал его в
деревню и там сёк. Сам Кущевский работал грузчиком на Неве, упал в воду,
простудился, написал свой роман «Николай Негорев, или Благополучный россиянин» в
больнице, ночами, покупая огарки свечек на больничный паёк, затем он спился и
умер, не дожив до тридцати лет. Решетников, четырнадцать лет попав под суд, два
года сидел в тюрьме, потом был сослан на три месяца в Соликамский монастырь; он
умер двадцати девяти лет.

Редкий из литераторов–разночинцев доживал до сорока лет, и почти все испытали
голодную, трущобную, кабацкую жизнь. Читателей у них было очень мало, и
читатель, в огромном большинстве, был «чужой» человек.

Добролюбов печально и правильно сказал: «Массе народа чужды наши интересы,
непонятны страдания, забавны восторги. Мы действуем и пишем в интересах кружка,
более или менее значительного». Горькую правду этих слов чувствовали – с
различной степенью силы – все литераторы–разночинцы.

Литераторы наших дней не могут пожаловаться, что они работают на чужого. Они
могут сказать, что «массе народа чужды» их «интересы» только в том случае, если
им самим непонятны и не увлекают их революционные цели и задачи массы. Эти цели
и задачи, воплощаемые в действительность героическим трудом рабочего класса,
придали жизни характер непрерывного, бурного творчества, создали бесчисленное
количество новых фактов, новых тем, – создали и создают.

Иные люди в мир пришли,
Иные чувства и понятия
Они с собою принесли.

Сорок лет тому назад молодёжь жила в плотном кольце старины, «установленной от
бога», ревностно и зорко охраняемой отцами. Основную силою всех стремлений отцов
были именно интересы плоти при жизни и по смерти. Нужно было полностью и даже до
пресыщения удовлетворить все её позывы, и нужно было позаботиться о том, чтоб
обеспечить ей за гробом приличное «инобытие». В ушах мещанина, замкнутого в
круге личных интересов, всегда, сквозь шумок остороженького наслаждения жизнью,
шипел – и шипит – маленький, чёрный ужас перед тем, что в конце концов плоть
источат черви.

Этот ужас, маленький и пошлый, не мешая жить, весьма хорошо помогает мещанину
убеждаться в своей мнимой изолированности от людей и не чувствовать
ответственности перед ними, ибо «все равны пред лицом смерти и каждый отвечает
создателю за себя». К тому же «человек – начало и конец жизни», и так далее в
этом духе. Именно к таким фразам сводится нищенский смысл философии мещанского
индивидуализма, в каких бы затейливых словесных формах он ни прятался.

«Индивидуальность стремится к освобождению от сжимающих её тисков общества», –
учил Н.К. Михайловский, организатор идей и настроений «народничества» в систему
моральной философии. У него, – кажется, в статье «Борьба за индивидуальность», –

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
есть такая фраза: «Если я противопоставляю себя внешнему миру, то
противопоставляю и тем враждебным силам, которые таятся в этом мире. Этим силам
я объявляю войну, хочу заставить их служить себе», то есть индивиду, личности.

Но так как основной «враждебной силой мира» является командующий жизнью
собственник, капиталист, то оказалось, что только он имеет силу заставлять всё и
всех служить ему, его целям. И естественно, что в конце концов самодовлеющая
личность весьма легко становится на колени перед «враждебной силой мира» или – у
Арцыбашева, Л. Андреева – приходит к пессимизму, к самоотрицанию; кричит: «Жить
– не интересно, человечество – глупо, человек – ничтожен». Крик этот повторяется
всё более громко каждый раз после того, как мещанин, набравшись храбрости из
книжек, «скрепя сердце» и рассчитывая на свой личный успех, на солидное «место в
жизни», суёт свой нос в революцию. Получив от капитализма, «охраняющего двери» к
солидным местам, щелчок по носу, мещанин погружается в болото уныния, озлобления
и воет о своих заблуждениях, ошибках, страданиях. Так было после разгрома партии
«Земли и воли», так же вопили и злились после 905–6 годов, тот же мещанский вой
повторяется и в наши дни, после разгрома мещанских надежд на восстановление
капиталистического строя в Союзе Советов.

То, что писали в восьмидесятых годах Незлобины, Суворины, Буренины, Дедловы,
Меньшиковы и прочие «мошки да букашки», в 908 году «философски углублённо»
повторяли Струве, Бердяевы и многие иные; а в наши дни эти вопли повторяются
Данами, Керенскими, и прочими солистами революции в сопровождении небольшого
хора «невозвращенцев», среди которых есть взяточники, – хора комнатных собачек
революции, которые ещё так недавно и умильно стояли перед рабочим классом на
задних лапках.

Лично для меня ловкие, строгие или пышные фразы специалистов по философии
мещанства, импотентных любовников «истины», не так интересны, как грубоватые
речи и вопли рядовых мещан, – эти речи и вопли ближе к жизни и проще, точнее
изображают психику «бывших людей». Вот, например, изданная в 1911 году книжка
некоего Ф. Витберга «Исповедь человека, который не умеет жить», – в книжке этой
автор «исповедует» так:

«Я на всё смотрю отрицательно. Но я отрицаю не идеалы, а формы жизни, ибо все
формы жизни кажутся мне фальшивыми. Противна мне жизнь. Обманывать себя
уцелевшими формами, лишёнными всякого смысла, я не могу. А смелости и
самоуверенности, необходимых для того, чтобы бросить эти формы, на виду всех
отречься от них, у меня нет. А нет её потому, что я глубоко убеждён, что
сущность и не может воплотиться в какую бы то ни было форму: ни в религию, ни в
поэзию, ни в науку, ни в практическую жизнь, ибо всякая форма есть ограничение,
а сущность по природе своей безгранична. Так не всё ли равно, каковы будут
формы?»

Это, как видите, не очень грамотно, очень тускло, пошло, и – зачем бы это
вспоминать? От времени издания этой книжки прошло два десятка лет, и каких лет!
Но мещанин имеет потомков среди нашей молодёжи, и вот один из таких потомков
пишет мне в 1930 году:

«Хотя это так же шаблонно, как ежедневный восход солнца, но обращаюсь к Вам с
вопросом: в чём смысл жизни? В том, чтобы приносить «всем» благо, в всецело
коллективной жизни, в приношении в жертву на благо общества своих интересов? Но
не слишком ли «платонично» это? Сказать правду – вообще-то: есть и возможны ли
даже такие люди? Вот это философия! Стоит ли тогда жить? Пожалуй – нет! Но и
умереть-то, раньше времени, сил нет! Не умрём! – Тупик!..»

Далее он сообщает о себе:

«Люблю критиковать и насмешничать, но долго помню каждую насмешку над собой.»

Витберг и этот парень говорят одним и тем же языком. Если б такой парень был
один, на него не стоило бы обращать внимания. Но таких «свободомыслящих поросят»
у нас ещё не мало. Они все страдают не только «классовым потемнением разума», –
как сказал о людях этого типа один добродушный «ударник», – у них какое-то
физиологическое уродство органа, воспринимающего впечатления бытия. Разными
словами все они жалуются на одно и то же: на «невозможность для человека
воспитать себя в данных условиях гармонической личностью».

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
О «гармонической личности» люди мечтали на протяжении многих веков, сотни художников слова и философов, но самое честное и высокое, что было выдуманно, оказалось смешным, это – дон-Кихот.

Что может сделать дон-Кихот для освобождения сотен миллионов людей из плена собственности, из-под гнёта капитализма?

Мы живём в эпоху, когда гармонической и действительно, решительно, до конца свободомыслящей личностью становится пролетариат. Только он способен победить «враждебную силу мира», и только он, победив, создаст все необходимые условия для свободного роста гармонической личности.

Ответ на анкету журнала «Vu»

1. Следует ли опасаться «еще одной войны»?

Правительства Европы тратят огромные количества народных средств на вооружения. Известно, что даже револьверы приобретаются не для украшения гостиных, а для убийства или самоубийства, – тем более не следует предполагать, что броненосцы, подводные лодки, танки и прочее в этом роде предназначается для целей мирного туризма.

2. Какие причины могут её вызвать?

Основной причиной нужно признать факт бытия капиталистов – людей, у которых страсть к наживе приняла характер болезни, весьма похожей на сатириазис. Нет надобности доказывать чудовищность бытия небольшого класса, – даже группы маньяков, которые, захватив в свои руки богатства земли, безответственно распоряжаются жизнью народов, то есть трудовых масс. Преступная деятельность людей этих совершенно точно указана за 1500 лет до нашей эпохи одним из «отцов церкви», Лактанцием, который был прозван «Цицероном христианства». Он в своей книге «О правде», глава VI, говорит буквально следующее:

«То, что прежде было в общем употреблении у всех людей, начало скопляться часто в домах у немногих; чтобы других подвергнуть своему рабству, люди стали собирать себе в одни руки первые потребности жизни и беречь их тщательно, дабы небесные дары земли сделать своею собственностью, чтобы удовлетворить единственно своему любостыжанию и корысти. После того составили они себе самые несправедливые законы под личиною мнимого правосудия, посредством которых защитили против силы народа своё хищничество и скряжество, действуя тут то насильством, то богатством, то злобою. Таким образом удаляясь от всех следов правды, они пожелали ввести между собою гордое и надменное неравенство, возвысили себя наглым образом над другими людьми и стали от них отличаться одеждою и оружием.»

Кроме Лактанция, на преступность существования капиталистического строя указывали все люди, которым не чужда была хорошая привычка мыслить честно, например, весьма далёкий от социализма экономист Сисмонди, он в начале XIX века прекрасно понимал, что:

«большая часть расходов по социальному устройству предназначается для защиты богатых против бедных.»

Известно, что эти показания честных людей были научно и неоспоримо обоснованы Карлом Марксом и что, опираясь на философию истории Маркса – Энгельса, развив её до логического конца, Владимир Ленин указал русскому рабочему классу прямой, практический путь к освобождению из тягчайшего плена безумных и бездарных людей.

Сейчас мы имеем законное право сказать, что войны ведутся богатыми не только для укрепления власти над бедными, но и против друг друга, силами бедных при помощи умных, то есть при помощи той интеллигенции, которая служит бесчеловечным целям капитала. Это служение является одним из самых отвратительных зрелищ нашего мира.

Вот, например, некто Черчилль, англичанин, в августе 1930 года говорил на собрании английских промышленников в Сити:

«Английская нация не имеет намерения отказываться от контроля над жизнью и развитием Индии. Конференция Круглого стола не имеет полномочий выработать конституцию для Индии. Никакое соглашение, достигнутое на этой конференции, не

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma будет связывать английский парламент.

24 000 индийских политиков и обманутых ими людей находятся в тюрьмах. Беспорядки пресекаются решительно и сразу. Следует провозгласить, что британская нация не отказывается от своей миссии в Индии. Мы не намерены лишиться этого лучшего алмаза британской короны. Потеря Индии означала бы конец Британской империи.»

Цинизм этой речи должен бы возмутить христианские чувства архиепископа Кентерберийского, но не возмутил. Архиепископ этот – тоже англичанин, тоже циник и демонстрирует свой казённый «гуманизм» только в тех случаях, когда это нужно и выгодно его хозяевам, как это он сделал по отношению к Союзу Советов.

Наиболее тихим среди безумных, которые управляют судьбами народов, является король Испании, – он убивает свой народ молча, тогда как, например, Пилсудский формулирует для репортёров своё «божественное право» на убийство словами больного манией величия.

«Я принадлежу, – заявляет он, – к числу людей наиболее сильных, скажу даже – совершенно исключительно одарённых силой воли и способностью принимать решения.»

Это не хвастовство, он очень решительно изругал сенаторов Польши позорными именами, что несколько не повлияло на их «гонор» и здоровье. Может быть, его нельзя было бы назвать маньяком, если бы он ограничился только поношением сенаторов, но он явно стремится подражать в действиях своих русским царям, и наиболее ненормальным среди них – Ивану Грозному, Павлу.

Можно привести ещё ряд фактов, которые подтвердят основной и чудовищный факт: жизнью народов управляют люди совершенно обезумевшие. И совершенно ясно, что, пока власть над жизнью и волей народов в руках этих людей, войны и всякие «мирные грабежи» – и вообще социальные катастрофы – неизбежны.

3. О том, какова будет война, очень красноречиво писал в августе 1930 года один из бывших премьеров Франции господин Кайо.

«Прочь иллюзии! Последняя война была войной тяжёлой артиллерии, пулемётов и подводных лодок; будущая война, если только человечество безумно на неё согласится, будет войной химической, войной газовой; в 1914–1918 комбатанты гибли миллионами – в X-м году, который, хочу надеяться, не будет никогда внесён в календарь, – гражданское население будет уничтожено, нет никаких средств предохранить гражданское население. В настоящее время имеется газ, который проникает под кожу без всяких ран, незаметно для жертвы, который вызывает через некоторое время сильные конвульсии, а затем приводит к хроническому и неизлечимому помешательству...»

Эти попытки отныне предназначены отнюдь не для одних сражающихся, но главным образом для гражданского населения.

Тогда же, в августе, показания господина Кайо подтвердил один из лучших военных учёных генералов, Бертгольд фон-Деймлинг, на основании внимательного изучения воздушных маневров, производимых этим летом в Италии, Франции и Англии.

«В Лионе, перед налётом «вражеских» аэропланов, населению были розданы противогазовые маски и организована подача медицинской помощи. Город защищался специальным отрядом аэропланов, электрическими прожекторами и зенитными орудиями. Тем не менее нападающий отряд проник в город и забросал его бомбами. Последние маневры показали, что зенитные орудия не могут принести большой пользы, так как аэропланы могут всегда подняться выше или ниже разрыва шрапнели. От их осколков, как доказали английские маневры, страдает гораздо больше мирное население, чем неприятель.»

4. Что стоила война 1914–1918 годов народу Франции и что мог бы он иметь, если бы не было этой войны, – хорошо подсчитано было журналом «Vu»: истрачено 887 миллиардов франков – всё это деньги трудового народа, иных денег в мире нет. А сколько было уничтожено здоровых, социально ценных людей!

Если я не ошибаюсь, в каждом государстве существует закон «о предупреждении и пресечении преступлений».

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Казалось бы, что прямой логический вывод этих угроз войны должен быть таков: людей, которые предполагают устроить для защиты своих ничтожных интересов массовое истребление человечества, – людей этих следует изолировать.

Есть очень гуманные способы изоляции таких социально опасных: например, их можно бы выселить на Соломоновы острова или в другие места, обитаемые антропофагами. Я совершенно уверен, что это моё предложение нельзя считать жестоким, особенно для господ Черчилля, Чемберлена, архиепископа Кентерберийского, Пуанкаре и подобных им. Кентерберийский архиепископ, конечно, читал труды святого Иеронима и помнит, что этот святой «юношей сам видел в Галлии аттикотов, племя британское, питающееся человеческим мясом». «Вершители судеб Европы», будучи сосланы к людоедам, могли бы там возобновить старые вкусы. Но вместо того, чтоб, действуя на основании закона, разрешающего предупреждать и пресекать преступления, предложить тот или иной план изоляции преступников, Кайо делает совершенно неожиданный вывод: по его мнению, спасение человечества в повторении древнего мифа о Прометее – люди должны сковать нового Прометея. «Если человек хочет существовать, он должен сковать нового Прометея: науку».

Итак, вот к чему – к варварству приводит мир власть капиталистов – класса, идеологи которого утверждают, что именно этот класс является творцом и хранителем культуры. Капиталисты находят, что наука дала им достаточно средств для междоусобной борьбы и для самозащиты против рабочего класса, – и довольно науки! Не будет ничего удивительного в том, что Европа так же, как С.Ш.Америки, родит своих «низколобых» Брайанов и что в скором времени мы будем свидетелями «обезьяньих процессов», где обвинителями выступают епископы.

Не вижу причин, почему бы капиталистам не восстановить инквизицию.

Что капитализм губит культуру, об этом неоспоримо говорит интеллектуальное обеднение Европы.

5. Что можно сделать для избежания войны?

То же самое, что сделано в Союзе Советов. Чтобы кончить с порочной действительностью, необходимо с чего-то начать. Рабочий класс начал совершенно правильно: установил в стране свою власть. Результаты его деятельности за тринадцать лет, возбуждая дикую ненависть мошенников всего мира, возбуждают и будут возбуждать активные симпатии рабочих масс всей земли и всех честных людей её.

Письмо серпуховским рабфаковцам

Товарищи! Получил ваше письмо и, разумеется, обрадован вашими успехами, – горячо поздравляю вас!

Вы представить себе не можете, какой заряд радости и гордости дают такие письма, как ваше, какую жажду работы возбуждают эти, не редкие, письма у меня, человека, который живёт в атмосфере совершенно иных, резко противоположных впечатлений.

Вот вы сообщаете, что в маленьком уездном городе за два года рядом с вашим рабфаком «выросли ещё 5 учебных заведений: медфак, текстильный техникум, педагогический техникум, строительный техникум и сельскохозяйственный техникум. А в этом году вырос новый боец за техническую грамотность рабочего – учебный комбинат, охватывающий своей сетью различных курсов и вечерних университетов до 1 500 человек.

Что же у нас получается? Получается то, что все способные учиться – учатся».

Это, товарищи, небывалый рост интеллектуальных, творческих сил страны Союза Советов, и вы имеете право утверждать, что никогда, за всю историю человечества, не было такой быстроты и силы развития потенциальной энергии трудовых масс, такого мощного процесса превращения её в энергию кинетическую, актуальную, творческую.

А что наблюдаю, что вижу я здесь?

Не так давно газеты Германии убеждали молодёжь свою не стремиться в университеты, потому что страна страдает от избытка «учёных», от перепроизводства интеллигенции. Под этой якобы заботой о безработных скрыто

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
сознание опасности, что избыток интеллигенции пойдёт на службу пролетариата, в
партию коммунистов. Но буржуазией сознаётся не только эта, так сказать,
«частная» опасность, – буржуазия всё более ясно ощущает общий упадок своих сил,
истощение энергии, поглощённой веками безумной погони за наживой, веками
хищнической эксплуатации рабочих и крестьян.

Буржуазия Европы, чувствуя, что стремительный поток истории схватил и несёт её к
окончательной гибели, начинает говорить вообще о том, что «чрезмерное развитие
науки не может облегчить жизнь человечества», что она «механизирует человека»,
«убивает личность» и что «спасение человечества в религиозном возрождении». Под
«человечеством», конечно, понимается только буржуазия.

Что всё это так – об этом говорит некий граф Кайзерлинг, философствующий
фельетонист, которого немецкое мещанство считает почти гением. Летом он прочитал
в Берлине несколько лекций, в которых доказывал, что «индустриализация
превращает людей в муравьёв», что жизнь приняла «патологический», болезненный
характер и что спасения от этой болезни надо искать в Испании и южноамериканских
республиках, где ещё сохранилось «человеческое тепло», – под «теплом» граф
подразумевает религию, которая в Испании, как известно, носила и всё ещё носит
особенно изуверский характер б.

Южноамериканские республики привлекли внимание графа, вероятно, потому, что там
среди буржуазной интеллигенции существует вызванное тем же страхом гибели
течение, подобное «народничеству», пережитому нашей интеллигенцией в
шестидесятых – семидесятых годах XIX столетия. Суть этого течения такова:
обитатели городов, ремесленники и рабочие вырождаются под гнётом культуры, и
спастись от вырождения можно только за пределами города, отдав себя во «власть
земли».

Один из южноамериканских писателей, Уго Васт, рекомендует «обрезать крылья
воображения, полюбить глубину и прелесть простых вещей». Мы прекрасно знаем, что
значит «простые вещи» в быте деревни: женщина в положении рабочего скота,
безграмотность, суеверие, пьянство – как единственное удовольствие,
«снохачество», сифилис, каторжный труд на земле, нищета и вымирание.

Ещё дальше, чем граф Кайзерлинг и Уго Васт, идёт бывший премьер-министр Франции
Кайо. Он прямо говорит: «Если человек хочет существовать, он должен заковать в
цепи нового Прометея – науку».

Всё это, товарищи, явные признаки одичания буржуазии, – одичания от страха перед
гибелью. Признаков таких можно указать десятки и сотни.

Все эти панические, старые церковные мысли воскресают, распространяются, как
плесень, и, конечно, не могут не влиять на массы мещанства, способствуя процессу
его «загнивания с головы» и убыстряя этот процесс.

Отнюдь не преувеличивая силы факта, мы можем сказать, что в деле организации и
накопления рабочей творческой энергии уже опередили буржуазию Европы.

В тёмную многомиллионную массу нашего крестьянства мы ежегодно выпускаем тысячи
молодёжи, которая отлично сознаёт значение науки, её руководящую роль, сознаёт,
что для полного уничтожения тьмы и горя жизни необходим именно Прометеев огонь
науки.

И не с неба, как Прометеем, добывается вами этот огонь, а вы зажигаете его в
себе, живя и работая над собой в условиях нелёгких, но не теряя мужества и всё
более глубоко чувствуя радость познания.

Горячий мой привет вам, товарищи, и поздравляю вас с тринадцатым годом новой
жизни, с третьим годом пятилетки, великой и трудной задачи, которую вы призваны
разрешить и – разрешите!

Письмо ЛОКАФу Белорусского военного округа
Дорогие товарищи!

Благодарю вас за ваше письмо, высоко ценное не только для меня.

Разумеется, я горжусь тем, что бойцы Красной Армии считают меня, литератора,
Страница 162

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma «своим человеком», товарищем, но ваше письмо имеет другое, более важное, культурно–революционное значение. В чём я вижу его?

В том, что никогда ещё не было армии, которая говорила бы революционеру: ты – наш друг; в том, что бойцы советской Красной Армии, обучаясь владеть винтовкой, сознают и силу революционного слова, а сознавая это – хотят научиться действовать словом так же, как своим оружием.

В том, что вы, бойцы Союза Советов, ясно понимаете: в будущих битвах против вас выступят такие же, как вы, рабочие, крестьяне, обманутые хозяевами, ослеплённые ложными идеями, и что против людей, которые пойдут на смерть для того, чтобы укрепить над собой власть хозяев, – вам, товарищи бойцы, придётся употреблять и оружие слова, придётся создавать из невольных врагов искренних товарищей.

«На войне – дерутся, а не рассуждают», – говорили генералы капиталистов. Наверное, они и сейчас думают всё ещё так. Но мы имеем не мало оснований думать, что солдаты буржуазных армий уже и теперь «рассуждают» и что недалеки те дни, когда эти солдаты тоже заговорят языком бойцов Красной Армии. Солдатам европейских армий слишком часто приходится выступать против безработных, и они начинают понимать, что, отслужив в армии, которая охраняет буржуазию от напора безработных, от «внутреннего врага», – они сами должны будут увеличить количество безработных.

Экономический кризис растёт, безработица усиливается. Новогодние речи политических «вождей» буржуазии прозвучали уныло, безнадежно. По смыслу своему они слились в единый вопль: кризис, кризис, и выхода из него не видно. В этом вопле, товарищи, чувствуется отчаяние, вызванное сознанием полного истощения той энергии, которая позволила буржуазии поработить и грабить трудовой народ всего мира.

Она видит, что среди её вождей много бойких авантюристов, но нет ни одного крупного организатора, что многочисленные диктаторы всё-таки не Наполеоны, что в её мещанском мире нет организующих идей, да и не может быть. А та организующая идея, которую живёте вы, товарищи, растёт, развивается, зажигая во всём мире трудового народа революционное настроение, внушая рабочим и крестьянам всей земли необходимость идти по дороге, указанной Владимиром Лениным.

Уныние и отчаяние одолевают мещан, сознание бессилия угнетает их, и всё более разрастается в их среде количество людей, которые живут по лозунгу: «хоть день, да наш». Растёт преступность, растут самоубийства, широко распространяется половой разврат, распадается «семья, основа государства», и всё более наглыми становятся мошенники. Лопаются банки; недавно одна из газет Парижа сообщила, что арестованы 181 банкир и 35 из них переданы суду. В САСШ тоже почти ежедневно лопаются банки, вскрываются грабежи, многомиллионный город Чикаго находится во власти бандитов. И с каждым месяцем всё грознее перед буржуазным миром развёртывается, растёт наша «пятилетка», всё страшней для мещан вырастает неизбежность диктатуры пролетариата во всём мире. И глава церкви, верующий в «кроткого бога», Христа, повторяет свой изуверский призыв к нападению на Союз Советов. А пятилетка, над которой буржуазные экономисты смеялись, – пятилетка начинает соблазнять и буржуазию. Вот что напечатано в итальянской газете «Корriere дела Сера» в номере от 6 января 1931 года:

«Президент совета министров Венгрии граф Бетлен выработал пятилетний план для экономического оздоровления Венгрии. Газеты Будапешта, сообщая об этом, утверждают, что в проект включена индустриализация сельского хозяйства и механизация разработок соды.»

Этот министр думает, что для осуществления пятилетки достаточно только его желания, а свободная творческая энергия рабочих – не нужна. Так вожди буржуазии создают анекдоты, в то время как рабочие Союза Советов творят новую историю.

Что пожелать вам, товарищи, в тринадцатом году творческой работы строительства нового мира и на третьем году пятилетки? Прежде всего – желаю бодрости духа. Нет таких препятствий, которых не могла бы преодолеть организованная партией Ленина энергия рабочего класса. Это неоспоримо доказано тринадцатью годами работы, мужеством и успехами которой – изумительны.

Молодым литераторам – красным бойцам желаю не уставать учиться!

Всегда учиться, всё знать! Чем больше узнаешь, тем сильнее станешь. И надо очень твёрдо помнить: в будущих битвах красный боец должен действовать не только пулей, штыком, саблей, но и своим революционным словом рабочего, который сумел стать хозяином всей страны своей и изо дня в день украшает её своим трудом свободного человека.

Итак, товарищи, вперёд, на великий труд строения первой в мире крепости социализма. Да здравствует рабочий класс, его партия, его Красная Армия, да здравствует комсомол!

И да здравствует пятилетка – дерзновеннейшее дело, доступное только силе коллектива героев!

Письмо золоторазведчиков
«Товарищ Горький!

Надеемся, вы не разобидитесь, что называем вас товарищем, а не господином. У вас ведь в Италии не как у нас в СССР – всё ещё господа. А я, право, никак не могу даже набраться духу, чтобы серьёзно выразить – господин!

Цель нашего письма сообщить вам, что работаем мы в золотопромышленности на Алдане, находимся в настоящее время – в лесу, в тайге. Кругом нас на десятки километров нет никакого жилья, за исключением, что – по магистрали – живут рабочие, очищая путь от снега, чтобы можно было пробежать автомашине, а ещё позапрошлый год по этому месту не только на машине, но и на лошадях было трудно ездить, в летнее – только верхом, – на телеге не проедешь: вот как жизнь продвигается, как быстро человек побеждает препятствия природы! И вот, значит, мы только со стороны магистрали и можем встретить людей, а во все три стороны тянется на сотни километров непрерывная, пустынная тайга, живём мы 6 человек, срубили хибарку, домик, настлали пол, потолок, на потолок, вместо крыши, земли навалили, тепло! В окнах, вместо стёкол, белое полотно натянули; окна наши в длину 60 сант. и в ширину 60 сант.

Работа наша – золото ищем. Нас государственный золотопромышленный трест послал в разведку, ключи и речки разведывать, ищем новые залежи золотой россыпи. Конечно, нас всех по разведке работает много. Большая команда. И вот, после работы, ночью, сидя в нашем домике, читали твою книжку, разбирая её, как могли; и тебя расценивали, сидя за столиком, который состоит из двух чурбаков, поставленных на попа, а к ним прибита поперечная палочка, а на эту палочку вытесанные из толстого леса наложены доски, другие концы прибиты к стене – неплохой стол. Сидя, дорогой товарищ, вот за этим столом, спорили: одни говорят, что вы не ответите нам на письмо, другие спорят: Максим Горький – не бюрократ, несмотря на то, что за границей живёт и что очень занятой человек.

Сообщаем: золото будет у нас в линиях. Наверное говорим, порода хороша идёт, в этой породе золото бывает, хотя мы горняки-то, что называется, «без году неделя», но всё же – понимаем! У нас ведь в СССР выдвигают на службу и рабочих, я вот рабочий – выдвинут на службу смотрителем. Отдаю отчёт, пишу табели и шурфовочные журналы. Всё это у нас упрощено: рабочих в моём распоряжении 4 человека, которые и работают на двух линиях по 2 человека. Работа заключается в том, вот приехали, скажем, в какой-нибудь ключ или какую-нибудь речку и – давай работать! Пересекаем всю речку поперёк и пробиваем шурфы, такие ямы, 1 м. 80 см. на 1 м. 40 см., и углубляемся в землю всё ниже и ниже до тех пор, пока не найдём почвы или не дойдём до скалы, дальше её уже не пойдёшь! Вот насколько долина широка, мы от борта до борта закладываем шурфы через каждые 20 метров один от другого; если золото найдётся, то между этих шурфов ещё бьются шурфы дополнительные, тогда уже будет шурф от шурфа 10 метров, даже меньше. Для тебя, наверно, не понятно? Бьются скважины машинами Кэйстон и Импаэр, между Кэйстоном и Импаэром разница большая, 1-й паровой, а второй – мускульный.

Живём! Норма продуктов у вас большая, всего хватает; хлеба и крупы ещё остаётся, мяса дают нам 30 фунтов в месяц, масла сливочного 2 фунта, сахару пять ф. в месяц, хлеб хороший – полубелый, живём, в общем, хорошо. Несмотря на то, что новенькие в работе, но хорошо работают ребята, вот у меня из деревни 2 парня нанялись, работают, оба молодые, но 21 году, не работали ещё в никакой работе, но, представь себе, дело подвигается – лучше некуда!

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Начальство у нас есть, но – не такое, какое у вас в Италии; у нас: что инженер, что техник, что я – маленький служащий, что рабочий – всё равно, т. е. не все равны по чину, а в обхождении – равны. Все обращаемся друг ко другу, как братья, никто никого не ругает, по вечерам шутим, читаем, а утром строго выполняем всякую свою работу.

Вот «мамка» у нас, и та спорит, что вы не напишете письмо нам – таёжникам. «Мамка» – это местное приискательское название, «мамка» – значит стряпка, что ли, что для нас готовит пищу и стирает бельё. Для всех она является мамкой, для кого готовит.

С помарками написали – извиняй.

Так вот у нас просьба к тебе большая: порекомендуй нам, какую читать литературу, чтобы хорошо понимать писательский язык, и что надо читать, чтоб, хорошо владея русским языком и зная орфографию, сделаться писателем, какую литературу выписать надо, чтобы она развивала мозг. Вот, будь добр, сообщи нам об этом, писать можешь доплатным письмом, мы люди не бедные, сбережённые деньги лежат, выпивать мы не пьём, не заразились этим, не как старые приискатели.

Забыли ещё сообщить тебе: у нас имеется 2 пары оленей, на них – лес подвозим к линии для пожаров; нередко здесь встречаются места вечной мерзлоты; никогда не оттаивает земля, а перерыть её надо, и вот в таких местах кладём пожарища, чтобы оттаять мерзлоту. Один олень кривой у нас, но очень сильный, хорошо возит! Шахматы райком нам послал, книг, а когда кончим работу, всё сдадим обратно, и книги и шахматы, а потом опять пошлют работать на новом месте, там всё опять будет.

Ну – всего хорошего, мы немножко заболтались, выдернули у вас ценное время.

Ещё раз просим об ответе.

Шатунов, Новгородцев, Чернов, Валуев, Коноплин.

27-ХІІ-1930.

Павлу Матвееву Шатунову с товарищами и «мамкой»
Сердечный привет вам, товарищи таёжники!

Прочитал ваше письмо, и стало на душе и весело и грустно. Весело – потому, что не редко такие дружеские письма, как ваше, пишут мне рабочие люди, строители нового мира, – пишут со всей земли и даже из-под земли Союза Советов, – из шахт Донбасса, – ну, а если многие пишут – стало быть, я рабочим людям нужен, чем-то полезен для них, и это, конечно, радует, силу для работы даёт.

Грустно – потому, что не успеваешь всем ответить, не хватает времени, и потому ещё, что вот получил ваше письмо и очень захотелось прыгнуть к вам, в тайгу, шурфы с вами бить, костры разводить, товарищески побеседовать, – работать я люблю, костры разводить – тоже люблю. А уж не прыгнешь! Шестидесять три года, и хотя работоспособность не падает заметно, ну, а всё-таки одолевают кое-какие стариковские немощи, да и время не такое, чтобы «прыгать», время становится всё строже, требует к себе напряжённого внимания, возлагает на советского писателя обязанность смотреть «в оба глаза».

Успехи социалистического строительства и пятилетки, рост социалистического соревнования, развитие ударничества, развитие колхозов и многое другое, творимое рабочим классом и партией, – всё это, убивая надежды наших врагов на то, что у рабочего класса не хватит сил кончить начатое им великое дело создания своего, трудового государства, – всё это, убивая надежды врагов, возбуждает у них отчаяние и страх перед неистощимой рабочей силой Союза Советов. Понимают и чувствуют, что могучий рост рабоче-крестьянского государства грозит им неизбежным уничтожением, гибелью. Со страха, с отчаяния они давно бы уже бросились на нас с пулемётами, танками, аэропланами, ядовитыми газами, но их бессмысленная и бесчеловеческая жадность к наживе создала такое положение, что вот сейчас в Европе и Америке около 30 миллионов рабочих не имеют работы, а поставить все эти миллионы под ружьё да послать против нас – дело очень рискованное, – вполне возможно, что ружья и пулемёты начнут стрелять не туда, куда хочется капиталистам. В Нью-Йорке – главном городе Соединённых Штатов

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Северной Америки – и в других городах – там безработные, голодные рабочие десятками тысяч выходят на улицы, громят магазины, – небывалое явление в этой стране миллиардеров, – стране, которая ещё недавно так хвасталась своим богатством и действительно обладает огромным запасом золота и хлеба. В Америке даже жгут пшеницу в топках паровозов, потому что её некуда, некому продать.

Во всём мире хлеб, золото, железо, нефть, уголь и все сокровища земли находятся в руках капиталистов, а у рабочих – нет ничего, кроме права или умирать с голода, или уничтожить хозяев. Капиталисты силами рабочих и крестьян накопили столько товаров, что вот уже рабочим нечего делать. Это называется «экономический кризис», и очень трудно понять, как вывернутся, да и вывернутся ли капиталисты из этой петли.

У нас, в государстве рабочих и крестьян, безработных нет, государству уже не хватает рабочих рук для строительства промышленности и новых форм жизни. У нас нет карманов, в которые бы прятались деньги, заработанные крестьянином или рабочим, – каждый заработанный рубль идёт на покупку машин для колхозных полей, фабрик, заводов, для строительства рабочих посёлков, переустройства старых городов, строения новых.

Каждый грамм золота, которое вы, товарищи, добудете в тайге нелёгким трудом, – пойдёт на облегчение жизни рабочих и крестьян, единственных хозяев страны, на строительство таких ловцов стихийной энергии природы, как Днепрострой, Ангарстрой и т. д.

В государствах, где хозяйствуют капиталисты, огромные количества народных денег тратятся на вооружение, на содержание церквей, попов, монахов, на хвастовство богатством, на грубую и глупую роскошь, у нас не хватает ещё многого необходимого, но всё, что ежедневно делается на всех заводах и фабриках Союза Советов, делается рабочими для крестьян и для самих себя. В лесах и на полях, под землёю и на морях – всюду неистощимая рабочая сила быстро создаёт запасы хлеба, мяса, рыбы, платья, топлива, строительных материалов, и уже близок год, когда каждый гражданин Союза Советов будет иметь всё необходимое ему в избытке.

Вы, шестеро, заброшенные в глухую тайгу Сибири, должны знать об этом колоссальном, непрерывном труде рабочих и крестьян, которые поставили пред собою прекрасную цель: сделать всех людей экономически равными, здоровыми, грамотными – культурными людьми. Я посылаю вам журнал, который, по мере сил, следит за развитием труда и творчества в нашей стране, за ростом её промышленности и сельского хозяйства, за построением первого в мире государства рабочих.

В странах капиталистов человек, научившись грамоте, начитавшись книг, то есть накопив знаний, так же, как накапливают деньги, – хвастается своей образованностью, точно купец – богатством. Вы, героические рабочие люди Союза Советов, накапливая знания, обязаны делиться ими с тем, кто знает меньше вас, – это ваш товарищеский долг. Итак, учитесь, учите, а я всегда готов помочь вам всем, чем могу. Спасибо за хорошее письмо.

А «мамка» – то ошиблась, – я ответил! Пусть она за эту ошибку поплатится, – накормит вас особенно вкусным обедом. Вероятно, у вас ружья есть, дичь бьёте? Вот настреляйте рябчиков, а она вам нажарит их.

Хорошо бы, товарищи, пообедать с вами!

Ну – ладно! Сердечный привет всем. Из Москвы вам вышлют книги, одна – «Борель» Петрова – рассказывает как раз о восстановлении золотого прииска.

Крепко жму ваши лапы.

23-1-31.

Сейчас получены вечерние газеты, – во Франции снова проворовались министры, а ещё не кончено расследование воровства их предшественников, проворовавшихся в прошлом году. Быстро гниют!

О цинизме. Ответ корреспонденту
Вы спрашиваете:

«Неужели вас, М.Г., не возмущает цинизм современной жизни и вы искренно радуетесь отчаянию тех честных людей, которые не видят выхода из мрачной действительности? Неужели ваше философское спокойствие не нарушают бесконечные драмы жизни?»

Разрешите сообщить вам, что я менее всего философ и что «спокойствие» вообще не свойственно мне. Если б я был человеком спокойным – люди вашего типа, ваши единомышленники, не уделяли бы мне так много внимания, в котором злоба столь жалостно сочетается с явным бессилием слова и странной для интеллигентов малограмотностью, – я могу объяснить её только забвением прошлого.

Поговорим о цинизме. В 1908 году на страницах сборника «Литературный распад» была напечатана небольшая статейка именно «О цинизме». Вот её начало:

«...Темп жизни мира становится быстрее, ибо всё глубже в тайные недра её проникает могучая тревога весеннего пробуждения, всюду ясно чувствуется мятежный трепет – потенциальная энергия сознаёт свою творческую мощь и готовится к деянию.

Медленно, но неуклонно растёт в народе самосознание, загорается солнце социальной справедливости, и под дыханием грядущей весны заметно тает холодный и тяжкий покров лицемерия и предрассудков, бесстыдно обнажается уродливый остов современного общества – тюрьмы человеческого духа.

Миллионы глаз горят радостным огнём, всюду сверкают молнии гнева, освещающая веками накопленные тучи глупости и ошибок, предубеждений и лжи; мы – накануне праздника всемирного возрождения народных масс7

Люди, которые знают, что народ есть неиссякаемый источник энергии, единственно способный претворить всё возможное – в необходимое, все мечты – в действительность, – эти люди – счастливы! Ибо в них всегда было живо творческое чувство своей органической связи с народом, ныне это чувство должно вырасти, наполнив их души великой радостью и жаждой творчества новых форм для новой культуры.

Признаки возрождения человечества – ясны, но «люди культурного общества» якобы не видят их, что, впрочем, не мешает мещанам чувствовать неотразимую близость мирового пожара.

Тупые орудия процесса накопления богатств 8 они осуждены защищать свои безнадежные позиции и прячутся в тесную клетку своей «культуры», которой называют внушённое им и умертвившее их души убеждение в том, что власть капитала – навеки законна, навсегда незыблема, они теперь даже и не рабы своего хозяина, а домашние животные его.

Рабы перерождаются в людей – вот новый смысл жизни!..»

Это было написано мною и, как видите, за двадцать два года до наших дней. Мне кажется, что для того времени это была неплохая статья, – между прочим, её весьма лестно оценил в письме ко мне Анатолий Франс, человек не щедрый на комплименты. Мне хотелось бы воспроизвести всю эту статью, может быть, она убедила бы вас, что за двадцать два года моё отношение к людям вашего типа не очень изменилось, и что меня едва ли можно назвать «предателем лучших заветов интеллигенции», и что «развивался» я не «благодаря её помощи», а – преодолевая её попытки воспитать меня «по образу и подобию своему», то есть домашним животным капитала или комнатной собачкой его, – на эти роли, любимые рафинированной интеллигенцией, я оказался неспособным.

Мне очень жаль, что я не могу воспроизвести статью «О цинизме» полностью, – черновика её у меня нет, а по русскому тексту книги моей «Статьи», изданной в 16 году «Парусом», цензор гулял, как голодная свинья по огороду. Но – вот один кусок, не пожранный цензором:

«Цинизм прикрывается и свободой – исканием полной свободы, – это наиболее подлая маска его.

Литература, устами наиболее талантливых писателей, единогласно свидетельствует, что, когда мещанин, устремляясь к полной свободе, обнажает своё я, – перед

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
современным обществом встаёт животное.

Очевидно, это – явление неизбежное и независимое от воли авторов. Их усилия почтенны и ясны – им хочется дать поучительный образ человека, совершенно свободного от предрассудков и традиций, связующих мещан в целое, в общество, стесняющее рост личности, – им хочется создать «положительный тип» героя, который берёт от жизни всё и ничего не даёт ей.

Герой, являясь на страницах романа, более или менее остроумно доказывает своё право быть тем, что он есть, совершает ряд подвигов ради самоосвобождения из плена социальных чувств и мыслей, и если окружающие персонажи вовремя не задушат его или он сам не убьёт себя, то в конце книги непременно является перед читателем из мещан, как новорождённый поросёнок, – как поросёнок – это в лучшем случае.

Читатель хмурится, читатель недоволен. Там, где есть «моё», непременно должно

существовать совершенно автономное я, но читатель видит, что полная свобода одного «я» необходимо требует рабства всех других местоимений, – старая истина, которую каждый усиленно старается забыть. Мещанин слишком часто видит это, ибо в практике жизни, в ежедневной свирепой борьбе за удобное существование, человек становится всё более жестоким и страшным, всё менее человеческим. А в то же время такие звери необходимы для защиты пресвятой и благословенной собственности.

Мещанин привык делить людей на героев и толпу, но толпа исчезает, превращаясь в социалистические партии, а они грозят стереть с лица земли маленькое мещанское «я»; мещанин зовёт героя на помощь себе – приходит вороватое и жадное существо с психологией бешеного кабана или российского помпадур.

А для этого монстра, призванного на защиту священного права частной собственности, не существует священных прав человеческой личности, да и на самую частную собственность он смотрит глазами завоевателя.

С одной стороны – многоглавая красная гидра, с другой – огненный дракон развёрз ненасытную пасть, а посреди них распутно мечется маленький человечек со своей нищенской собственностью.

И хотя она для него – кандалы каторжника, ярмо раба, он её любит, он ей верно служит и всегда готов защищать целостность и власть её всей силой лжи и хитрости, на какую способен, всегда готов оправдывать бытие её всеми средствами, от бога и философии до тюрьмы и штыков!»

Мне кажется, что из этих слов можно сделать только один вывод: сегодня я говорю то же самое, что говорил всегда. Мой друг, а затем мой «враг» Леонид Андреев в 1913 году в письме к А.В. Амфитеатрову назвал меня «рыцарем пролетариата» – слова, конечно, слишком громкие и лестные, но они ведь сказаны только затем, чтоб сказать:

«...он вверх и вниз катает Сизифов камень реализма, свой чудесный и вещий сон о пролетариате распяливая на четырёх правилах арифметики. Ведь, в конце концов, реально только то, чего я не люблю, а то, что люблю и чего хочу, – всегда нереально.»

Это напечатано в книге «Реквием», издания «Федерация», и это – очень грустная ошибка Андреева; ему, как и всем, не следовало пренебрегать четырьмя правилами арифметики, правила эти – основа науки. А «чудесный сон» о свободе пролетариата, о силе творческой воли его, – «сон» этот стал в Союзе Советов героической действительностью.

Вы сообщаете мне: «Эпоха, в которой мы живём, становится всё более циничной».

Совершенно верно. Я отнюдь не приписываю себе качеств пророка, но считаю себя неплохим наблюдателем. Двадцать два года прошло с той поры, когда я писал о цинизме буржуазного строя, и вот цинизм этот развился в организме буржуазии, как проказа. Но вы слишком поздно догадались об этом, и догадка ваша уже едва ли поможет вам встать в позицию более честную и активную по отношению к исторической задаче пролетариата всей земли. Однако было бы, вероятно, полезнее

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma для вас, если б вы, вместо того чтоб внушать мне правила кротости, более внимательно посмотрели на окружающее вас. Посмотрите:

Внушительные фасады буржуазных государств как будто совершенно развалились, и всякий, кто хочет видеть, может видеть, что происходит внутри каменных клеток европейского мещанства. Свиристует экономический кризис – результат болезненной жадности хищников к наживе. Всё чаще лопаются банки, всё усерднее воруют банкиры при скромной помощи членов правительства и парламентариев, покорных слуг капитала. Роскошь жизни мещанства Европы и Америки становится всё более цинически хвастливой, бессмысленной и грубой: развлечения мещан всё более безумны и всё решительнее принимают характер исключительно полового разврата, половых извращений. Недавно какой-то газетный мудрец сказал, что «промышленный прогресс – отец рабочих», – он забыл добавить, что буржуазия является злой, глупой и распутной мачехой рабочего класса. Миллионы рабочих, их жёны, дети голодают, в то время как миллионы тонн пшеницы некуда продать и её истребляют на топливо. Кое-где капиталисты, оберегая свои денежки, понижают заработную плату и говорят о том, что государственная помощь безработным должна быть прекращена, ибо – ею голодные развращаются, становясь лентяями.

С мужеством, достойным гораздо более активного применения, голодные рабочие Европы бесплодно истощают свои силы, упражняясь в терпении, в их среде растёт преступность и самоубийства; газеты почти ежедневно сообщают, что целые семьи, не стерпев страданий и унижений голода, отравляются углекислым газом; нередки случаи, когда отцы и матери, прежде чем покончить с собою, режут детей своих, для того чтоб дети не остались в мире мещанства беспризорными и нищими.

Решитесь ли вы отрицать обилие таких фактов?

Профессиональные радетели о благе рабочего класса, вожди социал-демократии, члены издыхающего от малокровия и бездарности II Интернационала, забыв на старости лет о том, кто именно является исконным врагом рабочего класса, кажется, хотя и не решаются сказать своей покорной пастве: «Ешьте как можно меньше, а ещё полезнее будет – не ешьте совсем, ибо наше капиталистическое отечество в опасности: на него точат зубы капиталистические отечества рабочих других наций».

И, чтоб отвлечь естественно острое внимание рабочих Европы от Союза Советов, где установлена диктатура пролетариата и могуче развивается строительство подлинного социализма, вожди социал-демократии, вроде, например, дряхлого старичка Карла Каутского, сыплют песок своей мёртвой мещанской мудрости в мозги рабочего класса, цинически и бездарно клеветают на коммунистов, черпая материал клеветы и грязи из буржуазной прессы, не брезгуя и прессой русских эмигрантов, – материал заведомо лживый и гнилой.

В деле фабрикации лжи и клеветы на трудовой народ Союза Советов противоестественно и чудесно объединяются битые рабочими русские генералы, изгнанные из Союза Советов богословы, епископы, сотрудники черносотенных газет, бывшие фабриканты и банкиры царской России, её литераторы – бывшие радикалы, – весь сор и хлам, выметенный из пределов родины ураганом великой революции пролетариата.

Всю эту русскую и европейскую клику врагов пролетариата всех стран решил возглавить хозяин «града Ватикана», человек, видимо, очень невежественный, как это и должно быть свойственно верующему в то, что он замещает на земле Христа, «бога любви и кротости». Он предложил монахам молиться «за страдающий русский народ», о жизни и работе которого он не имеет ясного представления, а народ этот, в лице 300 наиболее энергичных работников своих, притом в большинстве беспартийных, приехав в Неаполь, говорит с грустным изумлением: «Какая нищета здесь, как болезненны дети, как ужасны жилищные условия рабочих!»

Говоря о глубочайшем невежестве по отношению к Союзу Советов «больших» и малых людей Европы, её интеллигенции, её прессы и журналистов, я ничего не преувеличиваю, и вот одно из доказательств этого анекдотического невежества: в газете «Маттино» напечатана 4 января 1931 года телеграмма из Вены:

«Мода на бороду в России

Патриархальные бороды, которые настолько раздражали Петра Великого, что все его

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma придворные должны были обриться, снова становятся модными в современной России. Но, по-видимому, не по причинам эстетики. Если серьёзно задуматься – длинная борода имеет много достоинств: делает излишним расход на галстуки, согревает грудь, охраняет от простуды и в то же время мешает лицу иметь то буржуазное выражение, которое придаёт ему отсутствие растительности. Только те несчастные, которых природа одарила рыжими волосами, будут принуждены жертвовать растительностью на подбородке, потому что население России, несмотря на большевистский дух, осталось суеверным и рыжих считает – приносящими несчастье.»

Такие чепуховые анекдоты печатаются почти ежедневно в прессе Европы, они печатаются и в знаменитом словаре Ларусса; в нём, между прочими глупостями, сообщается:

«Самовар, – это сосуд для кипячения воды с одним или несколькими кранами».

«Раскольники – русские сектанты. Имеются в трёх видах: раскольники, ракольники и раскольнисты».

«Иван III носил прозвище Добрый».

«Иван IV был прозван Грозным за то, что убивал своих жён палками».

«Генерал Деникин – известный генерал, сражавшийся с большевиками по приказанию Керенского».

Недавно в одной из газет Италии помещена была фотография Днепростроя с таким объяснением: «Новая жизнь в Сибири. Вид Днепростроя на реке Обь, энергия его будет служить индустрии и освещению города Омска».

Разумеется, всё это – пустяки, мелочь, но таким хламом наполняются головы рабочих Европы изо дня в день, из года в год, а люди, которые привыкли кричать о «братстве народов», «единении наций», о «кризисе культуры», как будто забыли о том, что именно невежество – одно из крупнейших несчастий мира, и против пропаганды невежества не протестуют, даже не замечают её.

Да и кроме этого равнодушия к распространению глупости, лжи, клеветы, в мире мещанства совершается множество различных весьма крупных подлостей и преступлений против трудового народа, но все они не встречают никаких возражений со стороны той европейской интеллигенции, которая с детской наивностью продолжает, по вашим словам, «считать себя силой, творящей и охраняющей европейскую культуру, основанную на гуманизме христианства, и которая всё-таки идёт вперёд, всё-таки ищет правду, общечеловеческую правду любви, братства, равенства».

Из этой фразы следует, что вы говорите о тех грешниках Дантова «Ада», которые «идут вперёд, обратив свои лица назад».

Я считаю совершеннейшим бесстыдством эти пошленькие слова о «всечеловеческой правде любви» в те дни, когда национальные ненависти, зажжённые в Версале, разгораются всё ярче, когда капиталисты Европы, усиленно вооружаясь, готовят новую всемирную бойню и почти каждый день на улицах «культурных центров мира» убивают рабочих только за то, что они хотят есть. Гораздо честнее, чем болтуны этого рода, ведёт себя одичавший генерал Людендорф, который, заявив недавно о своей ненависти к евреям, теперь сообщает письмом в газету города Саарбрюкена, что «истинные германцы не могут быть христианами».

Вот это – последовательно! И это не единственный факт полного одичания современных европейских генералов от артиллерии, кавалерии, от политики, от религии и даже от науки.

Бесстыдно и бессмысленно говорить о какой-то «общечеловеческой правде», когда на глазах у всех безнаказанно создаётся кровавый заговор против трудового народа, – заговор, в который неизбежно будет так или иначе вовлечена и «демократическая интеллигенция». Действительность, созданная капиталистами и мещанством, которое они ведут за собой, как собаку на цепи, – действительность до того цинична, что позволяет думать: экономический кризис является как бы частью грандиозного заговора капитала против людей труда, что кризис поддерживается искусственно, что создают армии безработных для того, чтоб обратить их в армии солдат. Это –

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma фантастика? Возможно. Но более чем возможно, что мы ещё раз будем зрителями всемирной битвы нищих, организованной миллионерами. Так думаю не один я, вот, например, профессор антропологии Лесли Уайт, выступив в декабре на съезде антропологов в Кливленде, заявил, что «война неизбежна, так как капитализм стремится к войне с целью разрешить кризис». «Самоубийство путём войны, – сказал Уайт, – является логическим завершением капиталистической системы».

Вы утверждаете, что я не вижу правды? Я вижу две.

Одна из них – ваша, старенькая, дряхлая, кривая на левый глаз, – беззуба и питается той гнилью, которую сама же она и сотворила.

Другая – молода, задорна, неистоимо энергична, она стремится вперёд к своей высокой цели, не оглядываясь, и порою попадает в ямы, враждебно и мстительно вырытые на её трудном пути рабами старой правды.

Одна из правд: в Союзе Советов люди труда под руководством партии большевиков и рабоче-крестьянской власти, работая в тяжёлых условиях, успешно строят своё, новое государство равных, и эта грандиозная, мужественная работа является началом возрождения пролетариата всего мира, началом всемирного Ренессанса.

Другая – глупенькая, мелкая, злая правда, которую любят декаденты, обитающие внутри и вне Союза Советов. Она мстительно указывает на то, что 162 миллиона населения Союза Советов всё ещё не одето в шёлк и бархат, что за тринадцать лет диктатуры рабочего класса он ещё не сделал 25 миллионов мелких собственников-индивидуалистов социалистами. Именно к этим выводам сводятся все мелочные придирки сторонников старой, ещё живой, но уже быстро издыхающей правды нищих духом.

Как видите, гражданин П.Н., я знаю правду.

Школе взрослых в Смоленске
Получил ваше письмо, товарищи. Самое лучшее, крепкое и чёткое, что сказано вами в письме, – вот эти слова:

«Социалистическое соревнование и ударничество – практическое выражение нового отношения к труду в нашей стране – ускоряют темпы нашего строительства, выковывая новый тип рабочего, работающего не на хозяина, а на себя, на весь класс рабочих.»

Правильно, товарищи! Союз Советов – огромное тело, сложенное из полутора ста миллионов единиц, которые, непрерывно вырабатывая, выделяя и укрепляя в жизнь мощную революционную энергию воли и разума своего, создают новые формы государства, новую культуру. Вы совершенно правы, товарищи, – культура, творимая рабочим классом и той частью крестьянства, которая сознательно, убеждённо идёт плечо в плечо с партией рабочих-ленинцев, – эта культура требует прежде всего именно «нового отношения к труду», как вы сказали.

В чём должно выразиться это новое отношение?

В ясном сознании, что у нас, в Союзе Советов, нет такой работы, которая не была бы государственно необходимой, и что все формы труда в лабораториях учёных, в университетах, в газетах и журналах, на фабриках и заводах, на полях и под землёй, – все формы труда заслуживают одинакового внимания, напряжения и уважения.

В ясном сознании необходимости бережного отношения к материалам и в сознании того простого факта, что чем лучше, прочнее, совершеннее сделана вещь – тем дольше она служит и, значит, скорее поможет снабдить всю страну предметами первой необходимости, которых всё ещё не хватает населению громадной нашей страны.

В сознании, что если вещь сделана хорошо, прочно и поэтому служит людям более длительно, – этим сокращается количество часов государственного труда, экономизируется рабочая энергия.

Значит – «практическое выражение нового отношения к труду» требует бережного

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma отношения к материалам, машинам, станкам и беспощадной борьбы с браком. Всё это вы, конечно, знаете. Знаете вы и то, что:

«Грандиозные задачи, намеченные нами к выполнению пятилетки, наряду с высокими темпами работы требуют повышения нашего общего культурного уровня, требуют скорейшей подготовки наших пролетарских специалистов, на которых можно было бы положиться, для которых дело рабочего класса – их дело.»

Тоже правильно и крепко сказано! И вы, товарищи, имеете законное право с гордостью отметить, что процесс «повышения нашего общего культурного уровня» развивается с поразительной быстротой. Тринадцать лет тому назад подавляющее большинство трудового народа царской России можно было назвать не только немым, но и глухонемым. Свирепый гнёт самодержавия, капиталистов, чиновничества, попов, полиции, гнёт, подкрепляемый штыками забитых до отупения солдат царской армии, – этот гнёт позволял трудовому народу только тихо стонать и говорить о горе жизни своей только шепотом. Голоса революционеров, а особенно наиболее решительных из них – большевиков, медленно и с трудом доходили до слуха поработанных, до разума и сердца их. Едва только рабоче-крестьянская масса поднимала свой голос и руку – сотни и тысячи людей поролы нагайками, расстреливали, как это было на Украине в 1902 году, в Петербурге 9 января 1905 года, после первой революции 1905–1906 годов, на лене, – всегда и всюду!

Нужно было пережить кровавое несчастье четырёхлетней империалистической бойни, которая истребила, изувечила более десяти миллионов рабочих и крестьян, для того, чтоб масса трудового народа почувствовала и поняла спасительную правду Владимира Ильича Ленина и его учеников. Эта несокрушимая правда дала рабоче-крестьянской массе, руководимой партией большевиков, силу вдребезги разбить офицерские армии, которыми руководили учёные генералы, помогла вышвырнуть из Союза Советов отлично обученные войска «интервентов» – напор европейских капиталистов, которые пошли на помощь изгнанным капиталистам царской России. Я напоминаю об этом, всем вам хорошо известном, для того, чтоб сказать: с той поры прошло только десять лет.

Чего достигли вы за это время?

Высота культуры народа правильно измеряется количеством издаваемых в стране книг и газет. До революции наша безграмотная, малограмотная, глухонемая масса трудового народа стояла ниже почти всех европейских стран, за исключением Италии, Испании. В 1930 году мы, по количеству издаваемых у нас книг и газет, стоим, кажется, уже на одном из первых мест. Мы имеем право сказать, что весь народ Союза Советов отлично слышит всё, что делается в мире и скоро весь научится толково, разумно говорить о своих нуждах. Быстро и успешно ликвидируется безграмотность. Рабочие и крестьяне с каждым годом всё больше выдвигают в администрацию, в прессу, в литературу, в искусство, науку, в технику своих людей. Страна говорит сотнями тысяч голосов рабселькоров, военкоров, юнкоров, деткоров, сотнями тысяч голосов «делегаток». Мы имеем право гордиться фактом, небывалым никогда, нигде: наша Красная Армия – культурная сила, а не только организация, созданная для физической защиты рабоче-крестьянского государства.

Но есть ещё более яркий и неоспоримый показатель быстроты и успешности нашего культурного роста. Вот предо мною лежат десятка три маленьких книжек, изданных ВЦСПС, и куча книг, созданных быстро растущей армией наших «очеркистов». Большинство этих книжек написано рабочими–«ударниками», и в них рассказывается просто, ясно, горячо о том, как возникало на фабриках и заводах, в колхозах и коммунах социалистическое соревнование, создавались ударные бригады, как работали на фабриках комсомольцы, – в них отражается бурный рост государственного труда и творчества масс. Они сами, эти маленькие книжки, являются актом и продуктом самостоятельного творчества массы. Почему я придаю этим маленьким книжкам такое большое практическое культурное значение? Потому, что в них отражён трудовой опыт единиц и групп наиболее энергичных, и потому, что эти книжки, напечатанные в сотнях тысяч экземпляров, разлетятся по всем фабрикам и заводам нашей страны и сообщат поучительный опыт единиц и групп всей многомиллионной силе рабочих и крестьян, а это, несомненно, должно будет повысить продуктивность труда по всему Союзу Советов. Эта с виду как будто бы маленькая затея убедительно говорит о том, как успешно развивается у нас сознание необходимости «догнать и перегнать» индустриальную мощь капитализма Европы. А ещё говорит она о быстром росте в рабочей массе её коллективного,

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma социалистического разума.

С радостью прочитал я ваше сообщение:

«Вечерняя школа взрослых твоего имени, проводя большую работу по повышению общеобразовательного и политического уровня трудящихся, одновременно в пяти своих группах готовит около 200 человек в высшие учебные заведения.»

Прекрасно, товарищи! Живём всё ещё трудно, многого не хватает, но понимаем, что всё – в нашей власти, и нет препятствий, которые мы не преодолели бы! По всей стране готовятся бойцы за индустрию, за социализм, физическая мощь Союза Советов развивается вместе с духовной, идёт процесс накопления и развития культурных сил.

«Ну, а как поживают наши враги за рубежом Союза Советов?» – спросите вы. Если я сам начну рассказывать вам о жизни их, они скажут, что я «выдумал». Поэтому предоставляю слово им. Вот, например, в газете монархистов «Возрождение» напечатаны такие слова:

«Ничто не говорит так ясно о бедственном положении русских эмигрантов, как обилие балов и вечеров, устраиваемых ими.»

Это, должно быть, грустная ирония, потому что в той же газете напечатаны вот такие мрачные стишки фельетониста Лоло:

«Рождественские думы
На «заре» изгнаннических дней
Мы судьбе бросали гордый вызов,
Были мы отважней и смелей –
Не боялись тягостных сюрпризов.
Но судьба гнала надежду прочь,
Улучшала грёзы и мечтанья,
И темнела беженская ночь,
И томили вечные скитанья.
Годы шли. Мы начали роптать,
И душой и телом увядая.
В сердце страх пробрался, точно тать,
Вслед за ним ползла тоска седая...
Голова давно уж в серебре,
И не тешат праздничные трели,
Мы горим на беженском костре,
Но ещё как будто не сгорели...
Спим – и видим милый отчий кров,
Из тюрьмы воздушный строим терем,
Всё ещё чего-то жадно ждём,
Всё ещё во что-то страстно верим.
Каждый год на празднике чужом
Мы грустим – непрощенные гости,
Веселясь, мы искусно лжём,
Если пляшем – пляшем на погосте.»
Стишки такие – не редкость. Скучно эмигрантам живётся. Между прочим, они часто и злобно отмечают грамматические ошибки наших молодых писателей, а сами постепенно забывают русский язык и пишут так:

«Известная из дантовского «Ада» история о флорентийском плуте, завещавшим себе, приняв вид умершего богача, к досаде отсутствующих родственников, всё своё состояние.»

Это напечатано в газетке «Руль». Там же «прислуга вылила на грабителя кувшин с горячей водой». В «Последних новостях» Милюкова нередко можно встретить такие фразы: «Все разбежались, в том числе и сам волк». «Он приволакивался за своей дочерью».

Но, разумеется, порча языка – не основное занятие эмигрантов, они главным образом усердно занимаются творчеством лжи и клеветы на Союз Советов и внушают друг другу, что «пяtilетка – не удалась», что «Россия – разрушается», хотя капиталисты Европы и экономисты её всё чаще и всё с большей тревогой говорят о том, что «пяtilетка – удаётся» и что Союз Советов скоро будет совершенно

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma независим от европейских хищников.

В общем же эмигранты – публика уже неинтересная, и жизнь её никому не нужна.

Капиталисты и парламентарии Европы деятельно вооружаются, но, кажется, ещё более деятельно воруют.

Вот, например, телеграмма, напечатанная в «Руле» 7 января:

«НОВАЯ ПАНАМА ВО ФРАНЦИИ

Париж, 7.1.31

Дело банка Устрика приняло характер грандиозного политического скандала. В то время как прежний министр финансов Рейно составил список 11 парламентариев, скомпрометированных в деле Устрика, его преемник, теперешний министр финансов Жермен Мартен, включил в этот список 45 имён, в том числе бывшего первого министра Тардые, председателя теперешней следственной комиссии по делу Устрика – Марена, другого правого лидера палаты, парижского депутата Тетанже, руководителя лиги патриотической молодёжи, далее, председателя финансовой комиссии палаты депутатов Мальви и т. д. В книгах банка Устрика обнаружена запись, что личный секретарь Тардые Милло получал из банка ежемесячно 5000 франков. Всего он получил 120 000 франков. Далее найдена расписка газеты «Волонте» на 260 000 франков и ордер на 80 000 франков редакции провинциальной газеты «Эко де Соль», органа бывшего одно время министром внутренних дел радикала Дюрана. Некоторые газеты утверждают, что список Жермена Мартена далеко ещё не полон и что в него следует включить теперешнего министра земледелия Виктора Боре. Судебный следователь установил, что Устрик заплатил 17 000 франков комиссару полиции Бенуа. Этот комиссар прославился арестом и избиением сапожника Алмазова. Орган социалистов «Попюлер» утверждает, что французские держатели сомнительных иностранных биржевых бумаг, допущенных во Францию благодаря давлению подкупленных парламентариев, потеряли около 20 млрд. франков. В Париже по требованию министерства колоний арестованы инженеры Жирадон и Бюсиер и издан приказ об аресте бывшего депутата социалиста Лагроссиера, представлявшего остров Мартиник. Все они обвиняются в подкупе правительственных чиновников. В декабре 1929 года колонии Мартиник был отпущен кредит в 200 млн. франков на строительные работы. Обвиняемые основали строительное общество с акционерным капиталом в 500 000 франков, которое финансировал банк Устрика. Общество это получало подряды при помощи колоссальных взяток. В Дрогиньяне обанкротился банк Инар, показавший дефицит в 11 млн. франков. Владелец банка покончил с собой.»

А вот ещё более интересная телеграмма газеты «Маттино»:

«СЕНСАЦИОННЫЙ СКАНДАЛ В АМЕРИКЕ

Лондон, 19.1.31

Огромную сенсацию вызвал во всей Америке полицейский коммуникат о результатах обыска, произведённого чикагской полицией в отеле «Рекс», принадлежащем бандиту Аль-Капоне 9 и посещавшемся главным образом преступным миром города. В последнее время вражда между шайками привела к тому, что отель посещался почти исключительно приверженцами Аль-Капоне, они являлись туда для отчёта в их деятельности.

Теперь только полиция решилась на энергичный шаг. Вначале обыск не дал результатов, но позже в одной из комнат были обнаружены в стене два потайных шкафа, которые были вскрыты. В них находились пакеты и пачки чеков и векселей.

С целью найти переписку Аль-Капоне с сообщниками и оружие пакеты были просмотрены, ничего этого не нашлось, но чеки и векселя дали совершенно неожиданный результат. Чеки имели подписи известнейших высокопоставленных американских политических деятелей, показывая, что в деятельности банды Аль-Капоне были замешаны не только служащие во всех областях управления и администрации страны, но даже высшие лица Вашингтона.

Это открытие установило, что существовала органическая связь банды Аль-Капоне с чинами полиции, видными политиками, лицами, занимающими высшие административные должности, вплоть до таких, имена которых невозможно назвать.

Известие это вызвало сенсацию в политических кругах и панику в рядах Аль-Капоне.

(Как только полиция опубликовала своё первое сообщение, указавшее, до какой степени дошло разложение высших классов общества, – огромное количество тайных увеселительных заведений, где с молчаливого согласия полиции продавалась неудобоваримая продукция заводов, подделывающих модные напитки, стало закрываться.)»

В скобках – вставка «Маттино» в телеграмму.

«Точное описание содержимого шкафов будет опубликовано через несколько дней, но, по-видимому, будет установлена цензура, чтобы не дать скандалу разрастись и попытаться спасти слишком скомпрометированных лиц, принадлежащих к высшим слоям общества («Маттино», 20.1.1931)» 10

Иногда – развлекаются, например, так: в САСШ –

«В одном из городков штата Миссури толпа линчевала негра, он был вытащен из тюрьмы и волоком притащен к старой городской школе. Его подняли на крышу, распяли его на черепицах, привязав руки и ноги к стропилам, облили керосином всю постройку и подожгли. Негр сгорел живьём вместе со всем домом.»

Вот как американцы иногда утилизируют школы! Заклучим эти сведения иностранных газет весёленькой заметкой, напечатанной в газете «Возрождение»:

«Современный Берлин – город величайших противоречий, внешнего великолепия при беспримерно тяжёлом внутреннем кризисе.

В эти дни в Берлине был придуман способ рекламы, вряд ли имеющий прецедент даже в Америке. В одном из магазинов имеется особая должность... воровки. Выбирают на эту должность обыкновенно женщину средних лет. «Воровка» весь день проводит в магазине. её обязанность – попасться в краже, причём заранее ей даётся указание, что именно она должна в данный день украсть – зонтик ли, кусок материи, иногда даже радиоаппарат, «Воровку» один из приказчиков публично обвиняет в краже. Естественно, собирается толпа. Немки среднего сословия обычно требуют чуть ли не суда Линча, обступают пойманную, но в решительную минуту появляется заведующий отделом, который громогласно заявляет:

«Сударыня, вы украли у нас такую-то вещь. Очевидно, она вам нравится. Берите её, идите себе спокойно домой. Мы продаём вещи по столь низкой цене, что нам безразлично, берут ли её у нас даром или платят за неё».

Такова одна сторона берлинской жизни. А другая...

Те же большие магазины с трудом оборачиваются – так велики налоги. Знаменитый мюзик-холл «Адмиралс-Паллас» прогорел и продаётся буквально за гроши. А известный всему финансовому миру Германии банкир Гольдшмидт, владелец одного из крупнейших банков в Берлине, на этих днях лёг в постель и пустил себе пулю в сердце. На столе нашли записку: «У меня нет больше денег»...»

Обратите внимание: в последней заметке о должности «воровки» – хорошенькая должность? – говорится в тоне усмешки: «Ловко придумано!», а о краже мюзик-холла и самоубийстве банкира – с явной грустью.

Ну, я думаю, хватит, товарищи! Гадостям этим – нет числа, и говорить о них – противно.

Примите мой сердечный привет и пожелание бодрости духа.

Наши задачи

В четырнадцатом году революции редакция журнала будет продолжать и расширять работу показа творческих достижений концентрированной энергии рабочих и крестьян на фабриках, заводах, на полях и в домашнем быту; показывать работу изобретателей в области техники, достижения научных работников в лабораториях; успехи поисков и открытий в недрах нашей земли новых месторождений металлов и удобрительных туков. Знать об этих открытиях особенно важно, они говорят, как быстро богатеет Союз Советов, как мощно обеспечивается дальнейшее развитие его

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma промышленности.

Мы вводим в журнал новый отдел: «Задачи будущего». В этом отделе будут предложены вниманию читателей различные проекты социалистическихстроек, которые ещё не получили окончательного утверждения, но могут войти в план второй пятилетки. Здесь имеются намерения такого размаха, как, например, Ангарострой, каптаж Волги, Волго–Донской канал и так далее. Мы предлагаем читателям сообщать нам их планы и проекты реорганизации местного хозяйства. Наша цель – сделать журнал действительно массовым, и мы хорошо знаем, что это возможно только при прямом и непосредственном участии «выдвиженцев» массы: рабкоров, ударников, организаторов и членов колхозов.

Редакция не однажды объясняла, почему она считает своё дело необходимым; она считает нужным повторить это ещё раз.

Нужно, чтоб каждый грамотный рабочий и крестьянин знал всё, что строится в Союзе Социалистических Советов, чтоб он имел пред глазами приблизительно точную картину хозяйственного роста страны.

Необходимо, чтоб каждая единица рабочей массы чувствовала, как неиссякаемый источник социалистически организованной энергии усиливает и развивает даровитость и талантливость единицы, её волю к труду и творчеству и как единица-личность возвращает эту заимствованную энергию в общий поток героической работы коллектива.

Этот процесс воспитания массой новой, социалистически мыслящей и чувствующей личности развивается у нас всюду: на фабриках, заводах, в шахтах, в колхозах, коммунах; развивается многообразно: в форме «ударничества», выдвиженчества, в фабзавучах и пионеротрядах, в Красной Армии и в вузах, в школах крестьянской молодёжи и среди юношества тех национальностей, которые десять лет тому назад ещё не имели письменности на своих языках.

Это процесс культурно–интеллектуального вооружения всей 150–миллионной массы рабочих и крестьян, процесс преобразования её в силу, разнообразно одарённую талантами, но единую в своём стремлении к великой цели. Столь напряжённого стремления массы к свободе, к свету знания ещё не было в истории человечества, и основная цель этого стремления – создать новое человечество.

Громкие слова? Романтизм?

Нет. Мы живём в стране, где простое, будничное дело говорит громче и красноречивее всех красивых и громких слов, когда–либо сказанных поэтами. Наши поэты тоже ещё не находят достаточно ёмких и мощных слов, для того чтоб откликнуться внятными эхом на героическую музыку наших дней.

Романтизм – весьма неопределённое понятие, оно толковалось и толкуется мудрецами буржуазии различно, противоречиво. В общем его можно понять как более или менее явное стремление ослепительно раскрасить личность и действительность, чтоб прикрыть блестящей мишурой слов нищенские лохмотья мещанской «души» и гнилые язвы жизни. У нас нет нужды в таком романтизме. Он глубоко враждебен нам в его попытках прикрасить старую, позорную, бесчеловечную правду той действительности, которая обеспечивает мещанину покой и уют на крови трудового народа. Нам прикрашивать нечего.

Мы хорошо чувствуем свои пороки, недостатки, ошибки, мы видим, как они мешают нам жить, и мы ежедневно беспощадно обличаем их не только на страницах центральных и областных органов нашей прессы, но во всех фабзаводских, колхозных газетах и всюду в наших стенгазетах. Наши пороки особенно ясно видимы при свете той правды, которая только одна может обновить мир. Нам нет нужды припудривать своих героев пылью красивеньких слов. Наши герои – не романтичны, они – просто герои. Вот, например, как пишет нам один из героев наших и сотрудников по журналу, рабкор:

«Родимые товарищи, командировку поздно получать, притом прорыв, а я буду сматываться от трудностей, удирать. Нет, это не в натуре моей. Сейчас нужно биться за уголь, и я не сойду с поста, буду и учиться и работать. Мне просто стыдно становится – прорыв, многие коммунисты уваливают от забота, так что думаю – и я удирать? Нет, нет, лучше до конца стоять крепко за уголь. Буду жив на 1931

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyта год – попаду, может быть, а сейчас буду драться за уголь.»

Это – ответ на предложение нашей редакции устроить автора письма учиться в университете имени Я.М.Свердлова. Автор давно почувствовал необходимость учиться, горячо мечтал об этом, но вот «прорыв», и он, шахтёр, остаётся на своём боевом посту, под землёй.

Он вовсе не «исключительное явление», а именно тот действительно новый человек, о котором говорилось выше.

На днях вышла в издании ВЦСПС книжка Салова, ударника, рабочего с АМО, такого же героя. Их много, и мы имеем право сказать: «Они рождаются каждый день». Эти новые люди создаются кипением стихийной воли массы, – воли, устремлённой к творчеству новых форм жизни, и эти люди организуют стихийные чувства массы социалистически.

Мы знаем, что масса ещё не однородна, что склонность к мещанской «старинке» не чужда и рабочим «нового призыва», что у мещан тоже есть свой идеальчик «лучшей жизни», то есть той, против которой всё более активно протестует рабочий класс во всём мире. Бывает так, что «свои же люди», не узнавая в деле и слове личности своих же вековых, но социалистически организованных стремлений, ломают новым людям рёбра, разбивают черепа – действуют против них так же преступно и подло, как и классовые враги. Много погибло и погибает рабселькоров в ежедневной, будничной борьбе против навыков «старого мира», против грязи и пошлости быта, в борьбе за честное, мужественное строительство социалистической культуры. Не мало паникёров, трусов, предателей в этой борьбе, не мало людей, которые, чувствуя себя чужими рабочему классу, пытаются подкупить его своей словесной «левизной». Таких не мало, а всё же они ничтожны, и недолго уже играть им роль песка в машине.

Рабочий класс растёт количественно и качественно, он быстро создаёт кадры своих мастеров культуры, всё больше выдвигает талантливых людей, армия рабкоров увеличивается сказочно: в 1928 году их было 500 тысяч, а в 1930 – около 2 миллионов. Это уже однородная масса, в ней каждая единица более или менее ясно сознаёт общую цель рабочего класса и значение своего личного труда.

Эта масса развивалась в годы восстановления промышленности, и тогда её работа сводилась почти исключительно к «самокритике», а теперь, при развёрнутом социалистическом наступлении, рабкорство уже значительно расширило область приложения его энергии, – рабкор стал «ударником» в производстве, организатором социалистического соревнования.

Не переставая работать молотом, он всё более успешно действует пером. Редакция обращает внимание читателей на брошюры, издаваемые ВЦСПС; авторы этих книжек почти все «ударники»; их рассказы о трудовых боях и победах труда волнуют, как произведения художников. Никогда и нигде труд не изображался, да и не мог изображаться с таким искренним восторгом, и мы уверены, что профессиональные литераторы, художники слова будут пользоваться темами этих книжек для своего творчества «высокой формы». Не надо быть пророком для того, чтоб предвидеть: темы ударничества и соцсоревнования скоро станут достоянием художественной литературы, она не может не отразить героизма нашей эпохи, а героизм этот – в труде.

Недавно один из членов нашей редакции имел счастье видеть группу ударников в 300 человек и присутствовал при подаче ими заявлений о вступлении в партию. Это было в ноябре, в дни суда над вредителями, происходило это на теплоходе «Абхазия» в порту Неаполя после доклада товарища Курского, нашего полпреда, о международном положении нашем и наших отношениях с Италией.

Не изобразить словами картину единого взрыва революционной энергии подлинных героев труда, картина эта по силе только перу очень крупного художника. Неопишное, потрясающее впечатление создавали суровые лица, горящие глаза, веские, краткие слова мужчин и женщин, рабочих с долголетним трудовым стажем. Говорили они негромко, но звучали слова их оглушительно.

«В ответ на вредительство и подлые затеи империалистов прошу зачислить меня в члены партии».

Растёт социалистическое сознание рабочего класса, класса диктатора, цель

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma диктатуры которого – полное уничтожение возможности чьей-либо и какой-либо диктатуры, полное уничтожение всякого насилия над волею людей к свободному труду и творчеству!

Ещё несколько слов.

Всякая специализация делает человека более или менее односторонним. Рабкоры специализировались на обличении пороков и уродств, на работе, имеющей огромное значение. Значение этой работы усиливается и углубляется тем фактом, что, как мы видим, рабочий класс живёт всё ещё в обстановке, враждебной ему. Рабкор обязан зорко следить за работой хитрых врагов его класса.

Но есть факты, которые несколько смущают своей анекдотичностью. На одном из наших заводов группе рабкоров был прочитан очерк о достижениях этого завода; рабкоры, выслушав чтение, удивились:

– Вот так штука! Оказывается, и у нас есть достижения, да ещё и крупные!

Это не анекдот, а факт, и это – не единичный факт. Он свидетельствует о некоторой односторонности зрения. Односторонность вредная, она способна понизить рабочую энергию, а необходимо повышать её.

Рабкоры, ударники как раз именно это и делают, об этом они и рассказывают в своих книжках. Что недостатков, пороков, сознательного и бессознательного вредительства у нас много – это верно. Но ещё более верно, – потому что более важно, – что такие идеи, как день индустриализации, соцсоревнование, ударничество, пятилетку в четыре года и многое другое, решили осуществить сами рабочие.

Поэтому у них есть право и основание крикнуть друг другу и всему пролетариату:

«Выше голову! Всё побеждаем, всё победим! Да здравствует рабочий класс, его партия, его вожди! Да здравствует ударная работа в четырнадцатом году! Вперёд, по генеральной линии!»

Книга рабкора Гудка-Еремеева

Автор книги этой не очень грамотен; он сам понимает, насколько важен этот недостаток, понимает, что надобно учиться, и хочет учиться. Но когда ему редакция журнала «Наши достижения» предложила: «Приезжайте в Москву, товарищ, устроим на литфак», – он ответил: «Родимые товарищи, не могу! У нас прорыв, если уеду – буду считать себя дезертиром».

И не поехал учиться, а остался там, в Донбассе, для того, чтобы раздуть, разжигать огонь рабочей, революционной энергии. Этот поступок достаточно ясно говорит о том, что за человек Гудок-Еремеев, шахтёр, рабкор, один из бойцов огромной нашей армии рабкоров.

Мне предложили редактировать его очерки, исправить грамматические грехи его жарких речей, причесать их буйный, встрепанный язык. Я отказался сделать это. В другом случае я счёл бы долгом своим несколько «олитературить» очерки, а в этом – не хочу и даже не могу. Нет, пусть эта книга пойдёт в люди так, как она сделана автором, такой горячей и ликующей, как автор выкричал её, – со всей её тоской и радостью, со стыдом за людей и с гневом на них, со всей силой её могучей классовой ненависти к врагу – лентяю, шкурнику, упадочнику, саботажнику по глупости, саботажнику по злобе. Не хочется передвинуть в очерках ни единого слова, передвинешь и, пожалуй, испортишь что-то, и не так заговорят героини этой битвы за уголь – Акулина Гардющенкова, и Харита, и Клава, и все эти «бабуся», «старые кадровики» – все герои Донбасса. Нет, уж пусть Акулина Гардющенкова «жарит речитативом поэтическое и великое». Возможно, что строгие «хранители священных заветов литературы» поймут этот мой поступок как поощрение малограмотности. Пусть не беспокоятся. Не хуже их известно мне, что малограмотность – великая наша беда и болезнь, от которой должны усердно лечиться мы все и – в том числе – «хранители заветов».

Книга рабкора Еремеева воспринимается мною не как литература, а как нечто большее – более важное, более активное.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Языком Еремеева говорит не литератор, а передовой человек рабочей массы, это – крик её революционного разума и сердца. Это – сырьё, из которого со временем будут выработаны прекрасные драмы и романы, это – подлинный документ истории, которую создаёт именно масса. Эта книга – не единственное явление в нашей удивительной действительности, вместе с нею мы имеем десятки очерков, которые пишутся ударниками, издаются ВЦСПС, очерки хода социалистического соревнования. Эти очерки являются тем, чего не было нигде, никогда и что имеет огромное культурно-историческое и революционное значение. С каждым годом рабочая масса всё громче, определённое, всё более мощно заявляет о себе, о своём понимании задач боевого дня и цели всемирно-революционной эпохи. И возможно, что скоро у нас не будет ни одного станка, на котором не работал бы сознательный революционер, коммунист, – именно об этом свидетельствует массовый порыв рабочих в партию, – порыв, вызванный процессом «вредителей».

Об этом же говорит социалистическое соревнование, ударничество, закрепление рабочих к станкам до конца пятилетки. На угрозу капиталистической интервенции рабочая масса ответила тоже «интервенцией» – «ударники – в партию коммунистов!»

Мне кажется, что факты такого яркого и глубокого значения, как, например, издание ВЦСПС очерков, авторами которых являются ударники, не пользуются достаточным вниманием со стороны людей, призванных следить за развитием агитационной литературы, которую создаёт массовый человек. Я нигде не нахожу рецензии о книге Алены Новиковой, которая научилась грамоте в возрасте пятидесяти лет, а в шестьдесят восемь написала свою автобиографию. Эту книгу должна бы знать каждая грамотная женщина деревни.

Мне кажется, что книга Гудка-Еремеева «Донбасс героический» должна быть широко рекомендована и что сотни её следует отправить на Урал, на Магнитострой, в Кузнецкий район – всюду, где работают под землёй и где тяжесть труда требует повышения энергии.

Иногда книги следует дарить, а не только продавать.

Товарищам-литераторам и редакционному совету издательства ВЦСПС
Дорогие товарищи!

Прежде всего – примите моё горячее спасибо! Затем – «проанализируем факт». Что случилось? Немецкий газетчик напечатал статейку, в которой предлагает выслать Горького из Италии и «бойкотировать его всем культурным миром». Это – ничтожнейший факт. В треске и воплях мира мещан, который так быстро разрушается, в громовом грохоте социалистического строительства у нас, в рабоче-крестьянском государстве, этот крик испуганного и обозлённого человека – не событие. Лично меня крик этот не «поверг в страх и ужас». Я всю жизнь был так или иначе «в числе драки», как любил говорить Владимир Ильич. Вам, товарищи, лучше, чем кому-нибудь, известно, что «в драке волос не жалеют». Волосьев у меня ещё достаточно, драки на две – на три хватит.

Поставим вопрос: заслуживает ли этот немецкий воробей, чтобы по нему стреляли из советской пушки? Ответ ясен: не заслуживает, ибо: «Собачка лает, ветер носит». «На всякое чиханье не наздравствуешься», – чихает же буржуазная пресса ежедневно и стократно, на что у неё имеются вполне солидные причины; главная – жестокий сквозной ветер, который возбуждает в мире энергия рабочего класса и его партия. На этих шуточных словах можно бы и кончить беседу мою о смешном выкрике немецкого газетчика, – кончить и забыть о том, что среди различных ненужностей существует некий сердитый газетчик.

Но, товарищи, мне кажется, я должен сказать, что ваше отношение к ничтожному факту доказывает, какие вы не только неутомимые бойцы, а и хорошие политики. Некто «окрысился» на одного из ваших литераторов. Литератор этот служит проводником в мир пролетариата ваших идей, он отражает ваше настроение, восхищается вашей работой, учит подражать вам. Выступив на защиту его и этим подчеркнув его служебное значение для вас, вы усилили внимание к нему среди родственного вам пролетариата Европы, то есть расширили возможность и пределы вашего влияния в мире.

Таким выступлением вы придали ничтожнейшему факту серьёзное революционное значение. Я не ошибаюсь?

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
И затем: вы доказали, что всё, что бы ни делала буржуазия в наши дни, в конце концов обращается против её же; из ничтожного факта вы сделали настоящий, боевой большевистский вывод. Ясно? Я думаю, что вполне ясно.

Далее: товарищи литераторы солидно заявили: «Руки прочь от Горького!» Они сделали это в словах чрезмерно лестных для меня и достаточно внушительных для наших врагов. Этим они доказали, что, несмотря на некоторые разногласия между ними, существует точка, на которой они единодушно объединяются. Конечно, это точка – не Горький, а – как совершенно правильно сказано ими – «дело всей советской литературы», которая всё более энергично начинает служить великому делу пролетариата – делу возрождения человечества.

Ещё дальше: премированные ударники теплохода «Абхазия» и редсовет издательства ВЦСПС постановили создать ударные бригады имени Горького. Не стану говорить о том, как обрадован я этим актом. Он является лучшей наградой за мою горячую и непоколебимую любовь к труду, он оправдывает моё глубокое убеждение в том, что для свободного труда не существует препятствий неодолимых, что только он может осуществить прекрасные мечты лучших людей человечества о жизни справедливой, здоровой, лишённой человеконенавистничества и дикой, звериной вражды, без которой не может существовать мир мещанства.

В минуты, когда я пишу это, над крышей дома летит аэроплан. Товарищи! Вы живёте под новым небом, – под небом, где летают огромные птицы, сделанные из дерева и металла вашими руками. Завоевание неба признаётся торжеством человеческого разума, – это так и есть. Но, на мой взгляд, вы совершаете нечто ещё более грандиозное и нужное: вы уже почти завоевали и скоро совершенно завоеуете энергией вашей воли, вашего разума землю, освободив её из хищнических лап частной собственности, вы уничтожаете и скоро уничтожите ту почву, которая непрерывно рождала и не могла не рождать разнообразных эксплуататоров чужого труда. Вы создаёте поистине новую землю, более плодородную и благосклонную к людям, потому что вы хорошо знаете: она требует забот и ухода за собой, как живой организм, питающий нас, и её нельзя эксплуатировать так же бессмысленно и безжалостно, как хозяева хищнически эксплуатировали вашу рабочую силу. В ваших руках – наука, высшее выражение разума человечества, и, усердно усваивая её достижения, вы действительно преобразуете землю с той же быстротой, с какой вами строятся гигантские фабрики и заводы.

Мне хотелось бы сказать ещё несколько слов по поводу книжек, написанных ударниками, издаваемых ВЦСПС. Но предо мною лежит статья, написанная по этому поводу товарищами Вигалоком и Глазовым. Статья эта, вероятно, уже напечатана, авторы её отлично объяснили значение издания этих маленьких книжек, жгучих, как огонь. Я сказал о них несколько слов в другом месте, в письме кому-то, которое тоже, наверное, появится в печати. Здесь мне хочется повторить, что издание этих книжек имеет, на мой взгляд, глубочайшее и серьёзнейшее значение. Это – рабочая масса в лице наиболее энергичных единиц своих делится рабочим опытом в социалистическом соревновании. Это – тоже одно из явлений совершенно новых, созданных разумом самой массы и ярко свидетельствующих о непрерывности её культурно-революционного роста. В буржуазном мире успехи и секреты производства ревниво скрываются, богатое европейско-американское мещанство утилизирует технические открытия, изобретения только тогда, когда они немедленно служат делу более свирепой эксплуатации рабочей силы или сокращают её применение, – вообще тогда лишь, когда успехи и достижения техники обеспечивают немедленную прибыль хозяину. Вы это знаете. Вы знаете, что болезненная страсть мещан к наживе затрудняла и затрудняет рост культуры.

В нашем мире этого не может быть. У нас ударники, изобретатели немедленно делятся своим опытом и успехами в работе. Книжки ударников, несомненно, сыграют серьёзнейшую роль в деле развития и распространения рабочего опыта. Примеру ударников фабрик, несомненно, последуют и колхозники – ударники на полях.

Мы идём к своей цели достаточно быстро. Мне сообщили, что на Нижегородском автомобильном наши рабочие-комсомольцы отставали от американцев, но присмотрелись к ним и побили их, поставив более высокий трудовой рекорд.

Живём, товарищи, в эпоху действительно великую! Всё вокруг становится более значительным – и плохое и хорошее. Всё становится яснее, проще и величавее.

Хорошо быть литератором в эти дни возрождения трудового народа к новой жизни, в

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
годы строительства новой культуры. Но – сознаюсь! – искренно завидую комсомольцу
Ищенко, который изобрёл новый дешёвый комбайн и этим сохранит рабочим и
крестьянам сотни миллионов рублей экономии.

Нередко, по привычке беллетриста немножко фантазировать ночами, воображаешь себя
средневековым алхимиком, которому удалось, наконец, найти способ делать золото
из бульжника. Хорошо бы бросить эти золотые бульжники американцам и получить за
них сразу столько различных машин, сколько требует их наша огромная страна.
Мечтаешь о многом таком, что поскорее помогло бы вам работать с меньшим
напряжением сил и жить получше. Известно, что старики впадают в детство.

Но, товарищи, со мной это случается только по ночам, а днями я себя чувствую всё
ещё молодым, ещё способным работать десять – двенадцать часов в сутки. Хотелось
бы больше.

Это благодаря вашей живительной энергии, которая доходит и сюда, омолаживая
понемножку не одного меня.

До свидания, товарищи! Радостное для меня будет свидание. Много сделано вами за
два года, и так хочется видеть всё это!

Ураган, старый мир разрушающий

В январе «Международная лига авиаторов» распространила по Швейцарии воззвание
против войны. Воззвание написано специалистами, они, разумеется, хорошо знают,
каковы достижения военной техники в области химии и какую роль будет играть
химия в международной войне, усердно подготовляемой Аристидом Брианом.
Специалисты утверждают:

«Нация, обладающая наиболее быстроходными аэропланами, – говорится в воззвании,
– использует последние химические открытия и сможет терроризовать весь мир даже
без уверенности в своей победе. Во время последних воздушных маневров, имевших
место в разных странах Европы, было установлено, что пока нет действительной
защиты против химической и воздушной войны.»

Полковник французской армии Блок говорит, что эскадрилья аэропланов, снабжённых
бомбами с удушливым газом, сможет в несколько минут уничтожить огромный город.
Противогазовые маски окажутся бессильными в случае применения
«сконцентрированных газов». Каждая бомба может отравить всё живое в районе
одного километра. Где бы ни искали люди убежища, – в домах, подвалах, – они всё
равно будут отравлены, несмотря на предусмотрительно надетые маски.»

Знатоками современной техники человекоистребления опубликовано немало таких же
грозных предупреждений. Например, утверждают, что изобретена какая-то «пожарная
бомба», она вызывает пожары, бороться с которыми невозможно; будто бы при
контакте с водой разрушительная сила огня, вызванного этой бомбой, только
увеличивается.

Эскадрилья аэропланов может в несколько часов сбросить над вражеской территорией
36 000 таких бомб.

Не совсем ясно – куда направлены эти угрозы, но, должно быть, в сторону
европейского обывателя; они как бы предлагают ему решить: чего он хочет? Чтобы
его отравили газом или зажарили на неугасаемом огне?

Это, конечно, очень мрачная шутка, но – не я выдумал её. Дело стоит именно так:
люди, осведомлённые о приёмах будущей бойни, говорят всеевропейским мещанам и в
их числе гуманистам: города ваши, очаги культуры, будут разрушены, а вы, люди,
будете истреблены поголовно с жёнами и детьми вашими.

Со стороны европейских обывателей было бы вполне уместно и естественно поставить
простой вопрос: а зачем и кому нужно это разрушение городов, истребление людей?
Но мещане молчат. Молчат и гуманисты; впрочем, последние иногда «поднимают
голос», протестуя против несуществующего, например, против «принудительного
труда в Союзе Советов».

«Международная лига авиаторов» умоляет членов конференции по разоружению
подумать о страшной опасности, угрожающей миру.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
«Лига» эта весьма похожа на девочку из анекдота, на маленькую, наивную девочку, которая умоляла своих кукол: «Попросите папу, чтоб он меня не сёк за то, что я не выучила урока».

Роль папы, который намерен жестоко высечь глухонемых и бездушных обывателей Европы, собирается играть Аристид Бриан, бывший социалист.

Этот покорнейший слуга капиталистов напоминает мне одного из героев Антона Чехова – совестливого чиновника Червякова, который, сидя в театре, неосторожно чихнул на лысину генерала, испугался своей неосторожности, счёл её за великий грех и назойливостью своих извинений довёл генерала до того, что генерал выгнал его вон, после чего огорчённый чиновник умер. Бриан в молодости тоже чихал на капиталистов, тоже, очевидно, считает свою неосторожность за великий грех и вот всё ползает, как червь, перед его превосходительством французским банкиром.

Социалисты на службе капитала – одно из наиболее мерзостных явлений буржуазного мира. Чувствуя себя в прошлом грешниками против бога своего, они особенно ревностно и усердно служат ему в настоящем, всячески утверждая бытие божие. Они защищают и охраняют капиталистический «порядок», при котором возможна безработица для «свыше 20 миллионов рабочих», это – цифра «Международного бюро труда», значит – сильно преуменьшенная. Они защищают рабство в колониях, которые, по признанию газеты «Матен», «являются неотъемлемой частью цивилизации Европы». Эта «часть», превышая целое в несколько раз, настолько плохо чувствует себя сродной с целым, что капиталисты принуждены частично уничтожать её население. Лорд Черчилль недавно заявил, что в Индии посажено в тюрьмы 54 тысячи человек, он умолчал о том, сколько убито. Убивают в Бирме, Сиаме, в Китае, в Африке – всё это для того, чтобы прочнее прикрепить часть к целому – к «цивилизации» капиталистов, кстати сказать, насквозь прогнившей. Разумеется, «цивилизуют» не только сажая в тюрьмы, убивая, но и проповедуя изумительно гибкую религию христианства, для чего в колонии посылаются во множестве миссионеры, спиртные напитки, библии, гнилые ткани, опиум, а также старое оружие для междоусобных битв между разноязычным населением колоний. Всё это, разумеется, гнусность, но к этому привыкли даже «гуманисты» Европы, «интеллигенты», люди, которые считают себя «солью христианской культуры». Они молчат, хотя совершенно очевидно, что капиталистический мир с каждым днём становится всё преступней, наглее, циничней, что его предсмертные судороги всё более разрушительны.

Но – возвратимся к Бриану. Чиновник Червяков – умер, Бриан – жив. Ему, Аристиду, трудно живётся, – как сам он говорит, – его «ужасает мысль, что, пользуясь экономическим кризисом, большевизм может полностью завладеть миром». Он усиленно предлагает «подумать о том, какие волнения могут возникнуть в результате успеха советского пятилетнего плана». Он решился, наконец, «играть с открытыми картами». Возможно, что это – игра отчаяния.

Он впадает в некоторое противоречие с известным организатором общеевропейской бойни господином «Пуанкаре-война», который во дни московского процесса вредителей весьма неумело и неуклюже отрёкся от участия в заговоре против трудового народа Союза Советов, – отрёкся, после чего храбрый царский генерал Миллер громогласно заявил «городу и миру», что у него, генерала, под рукой несколько десятков тысяч белогвардейцев, дрессированных на истребление рабочих и крестьян Союза Советов, и что он, генерал, готов двинуть эту армию, христолюбивую, конечно, на кровавое дело по приказу какого-нибудь европейского «правительства». Генерал этот живёт в Париже и там, на площадях, устраивает парады своей армии. Пуанкаре этих парадов, разумеется, не замечает. Аристид Бриан «учитывает» их.

Он весьма энергично заботится о создании антисоветского фронта, постепенно вооружает и понемногу натравливает на государство рабочих и крестьян Румынию, Польшу. В то же время он деятельно укрепляет границы с Италией и Германией. Бельгия по заданию его генштаба тоже укрепляет свои границы, и, говорят, что-то в этом роде делается в Югославии.

Есть люди, которые думают, что «ужас» Бриана пред большевизмом несколько искусственно преувеличен и назначается для того, чтобы Италия поменьше думала о делишках Бриана, не очень приятных для неё. Но, может быть, эти люди ошибаются, хотя совершенно ясно, что бывший социалист мечтает о гегемонии французской буржуазии над европейской.

Сто тридцать лет назад этой «великой» мечтой был пленён маленький революционер Наполеон Бонапарте. Хотя вся сумма политических условий тогда была иная, но буржуазия Франции тогда тоже чувствовала себя победительницей, тоже наложила тяжёлую руку свою на соседей, и ей тоже мешала жить Россия. Известно, что тогда, собрав всех солдат Европы, Наполеон ходил в Москву, где орлы его отморозили крылья, после чего мещанам и народу Франции пришлось пережить множество крупнейших неприятностей.

Оглядываясь на прошлое следует, история – не плохой учитель. Но рабочим и крестьянам Союза Советов на третьем году пятилетки, в бурные дни строительства социализма необходимо очень внимательно смотреть в своё будущее. Враг – не глуп, он хорошо чувствует, чем грозит ему грандиозный процесс возрождения трудового народа Союза Советов, он уже не скрывает от себя успехов рабочих и крестьян Союза в деле строительства промышленности и культуры. Враг – богат, хорошо вооружён, он привык действовать беспощадно, и у него есть достаточно солидное основание для того, чтоб дать полную волю привычному бесчеловечию его действий. Руководимый страхом смерти, он будет жестоко бороться за остатки своей потрепанной жизни. Интервенция – возможна, она, вероятно, даже неизбежна. Это надо знать, к этому надо готовиться. Ведь дело идёт о том, чтобы «перевернуть мир», – именно это дело выполняют рабочие и крестьяне Союза Советов, именно это не нравится мещанам всего мира.

Древний мудрец Архимед говорил: «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир». Под миром он понимал земной шар, а чтоб перевернуть его – нужна точка опоры вне земли. Такой точки опоры не существует, так же как не существует бога, силою и милостью которого верующие люди мечтали изменить жизнь. Перевертывать земной шар рабочим и крестьянам Союза Советов нет надобности, но для того, чтоб перевернуть весь капиталистический мир, – они уже нашли точку опоры. Эта точка – их трудовая энергия. Она – в социалистическом соревновании, в ударничестве, во встречном промфинплане, она – в уничтожении основы мещанства – мелкого, хищнического хозяйства деревни, она – в росте сознания рабочими и крестьянами того факта, что именно их масса – единственный законный хозяин огромной страны Союза Советов и её неисчислимы сокровищ, она – в сознании исторической необходимости воплощения в жизнь идеи коммунизма и в сознании того, что подлинный разум рабоче-крестьянской массы воплощает в себе Всесоюзная Ленинская партия большевиков.

Капиталистический мир, мир наших врагов, убеждается, что эта точка опоры – незыблема. Вместе с ростом этого убеждения у капиталистов всего мира растёт и будет расти звериная ненависть их к рабочим, крестьянам Союза Советов.

Это надо знать. И вместе с этим надобно знать, что за работой трудового народа Союза Советов внимательно следят пролетарии всех стран и что каждый наш успех в деле строительства социалистического государства не может не возбуждать и возбуждает классовое сознание, революционное настроение рабочих всего мира. Мы окружены врагами, да! Но капиталисты – тоже. Количество и качество наших друзей неизбежно растёт и будет расти, – это значит, что возрастает количество и качество врагов капитализма. Всё это так и не может быть иначе. Ваша концентрированная энергия, товарищи, может действовать только как возбудитель мировой революционной энергии.

Уже наступил момент, когда каждый партиец и беспартийный, искренний сторонник Советской власти и ещё недовольный, не удовлетворённый ею, – каждый из вас одинаково ненавистен миру капиталистов и всем, кто служит этому миру хищников. Капитализм хочет видеть Страну Советов своей колонией, он хотел бы омолодиться вашей кровью, – отличная кровь, насыщенная изумительной энергией! Именно её хочет мир преступников, её хотят напоить своих хозяев Брианы, Черчилли и все прочие, кого капиталисты науськивают против вас, как науськивают охотники собак.

Что можете вы противопоставить врагу, который ещё достаточно силен?

У вас есть всё, что должно обеспечить вам победу, и прежде всего – это ваша энергия. В соединении с сознанием необходимости борьбы она ещё более должна возрасти и принять ещё более строго организованные формы. Она уже и возрастает; именно об этом росте говорит порыв ударников в партию. Что значит войти в партию? Это значит: увеличить силу воли и разума вождя рабочих и крестьян.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Каждый рабочий и крестьянин должен понять себя как бойца за свой мир, как работника не только на самооборону, но и как старшего, более опытного товарища пролетариев всех стран.

Мы все должны понять себя как Красную Армию пролетариата всего мира; все – работники на полях и на фабриках, работник, вооружённый винтовкой и вооружённый пером. Мы живём уже тринадцать лет в бою, – это ваш великий будничный, но величавый бой с бесформенным металлом, из которого вы создаёте разумные машины, с землёй, которую вы заставляете давать обильные урожаи, бой под землёй, где вами добывается уголь, бой на транспорте, в зимние ночи, против снежных метелей, – всюду вы ведёте бои словом и делом.

И если вам придётся выйти на поля битв против старого мира с оружием в руках, – на этот последний бой выйдет первая в мире армия, каждый боец которой будет совершенно точно и ясно знать, за что он борется, кто его действительный враг, будет знать, что враг этот обречён историей на гибель и что гибель его – начало счастья трудящихся всей земли.

А в конце концов неизвестно, решится ли враг на открытое нападение, на интервенцию, но уже с полной уверенностью можно сказать, что его игра – сыграна и что, если победа пролетариата над капитализмом и будет отсрочена, всё-таки она – неизбежна, неустраима.

Мы живём в начале урагана, который разрушит старый мир, и ураган этот начат вашей энергией, товарищи!

«Заре Востока»

Горячо поздравляю рабочих и крестьян Советской Грузии с десятилетием мужественного, плодотворного труда в области промышленности и культуры! Прекрасный праздник, на котором мне хотелось бы присутствовать скромным зрителем и ещё раз вспомнить Грузию, какой видел я её сорок лет тому назад, вспомнить Тифлис – город, где я начал литературную работу.

Я никогда не забываю, что именно в этом городе сделан мною первый неуверенный шаг по тому пути, которым я иду вот уже четыре десятка лет. Можно думать, что именно величественная природа страны и романтическая мягкость её народа – именно эти две силы – дали мне толчок, который сделал из бродяги – литератора.

Подозреваю, что моё лирическое выступление едва ли уместно на празднике трудового народа Грузии в те дни, когда народ этот грозно заявляет пред лицом врагов его о своей творческой энергии, о своих достижениях, о своей готовности продолжать начатое им великое дело культурной революции. Но, товарищи, разрешая себе немножко лирики, я хотел этим сказать несколько слов о моей неиссякаемой симпатии к вам и стране вашей. Я знаю, что в наши дни лирическим излияниям нет места.

Дни сказочных успехов Союза Советов в деле строительства социализма, дни небывалых потрясений в жизни Европы и обострения классово-борьбы, которая неизбежно и скоро должна дойти до своего логического предела – до победы трудового народа над капитализмом, дни эти – канун грандиозного праздника, в котором примут участие освобождённые от ига хищников и паразитов пролетарии всех стран.

Мещанским праздникам предшествует «уборка» – всемирному празднику пролетариата будет предшествовать «последний и решительный бой».

Грузия расположена на подступах к неисчислимым запасам нефти, и, если рабочие Европы вовремя не возьмут Брианов за шиворот, может быть, Брианам удастся погнать миллионы своих рабочих и крестьян на бойню против рабочих и крестьян Союза Социалистических Советов. Вообще наши враги не дремлют. Дремать мешает им не только их ненасытная жадность, но и страх. Они прекрасно видят успехи пятилетки, они видят поразительные результаты социалистического соревнования, ударничества, и бывший социалист Бриан не скрывает своего «ужаса» пред тем, что «большевизм может полностью завладеть миром». Ужас старого ренегата усиливает ещё и то, что далеко не все хищники решаются на интервенцию; им, разумеется, тоже ясно, что Союз Советов грозит буржуазии большими неприятностями, но они предпочитают войне – торговлю.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Они знают, что людей можно грабить и не употребляя в дело пулемёты, пушки; привычный мирный грабёж – дело менее рискованное и не такое шумное. Капиталисты, которые жиреют на военной промышленности, на производстве средств и орудий истребления рабочих и крестьян, – эти капиталисты, конечно, готовы воевать всегда и непрерывно. Разрешите напомнить несколько простейших и неоспоримых истин, знакомых вам. Пролетариат всего мира должен знать, что есть одна только «действительно справедливая, священная война», – это война против капиталистов; он должен знать, что у него только одно отечество – страна строящегося социализма, СССР.

Пролетариат всей Европы, всего мира должен твёрдо помнить, что в будущей войне он – если не повернёт оружия против капитализма – то – как всегда – он будет истреблять сам себя, но более обильно и средствами более жестокими, чем он истреблял себя в боине 1914–18 годов.

В мире существуют только две силы: класс капиталистов, раздираемый внутренними в нём противоречиями, жадностью, завистью, – класс людей, которые сделали своё дело, довели его до нелепости, до анархии, выродились, обессилели и – должны исчезнуть. Возникает к жизни, идёт на смену рабочий класс, сказочный Атлант, который держит на своих плечах земной шар, сила, создающая всё и, как свидетельствуют рабочие Союза Советов, способная создавать то, чего никогда не было и что считалось невозможным, – создаёт государство равных, социалистическое общество в мире капитализма.

Рабочий класс Союза Советов, кроме врагов во всём мире, имеет врага и в своей собственной стране. Этот враг – мелкий паразит, которому хочется быть крупным. В 17–21 годах некоторое число паразитов этого калибра принимало посильное участие в добром деле: помогали сшибать помещиков и фабрикантов с хребтов крестьян и рабочих. Делали они это необходимое дело не ради освобождения рабочих и крестьян, а в надежде самим сесть на освобожденные хребты. Нэп весьма окрылил и утвердил эти надежды. Но нэп оказался «передышкой» пред могучим социалистическим наступлением, и кандидаты в захребетники трудового народа разочаровались, обиделись. Социализм не нравится им. Они жалуются: трудно жить. Я часто получаю от них жалобные письма, рукописи, «послания к безбожникам», – конечно, в защиту бога, – и прочие сочинения, – сочинения, горестный или злой тон которых прелестно и трогательно соединяется с тупоумием.

Вот, например, вчера получил письмишко от одного такого... Письмишко не очень грамотное, но тем более интересное, потому что у малограмотного паразита «что на уме, то и на языке». Он спрашивает меня:

«Не рано ли петь отходную трудовому индивидуализму, который фактом своего существования совершенно меняет политическую обстановку?»

Песенка старинная. Под «трудовым индивидуализмом» понимается, конечно, мелкое частное хозяйство – та гнилая почва, на которой столь пышно расцвели ядовитые цветы империалистического капитализма, разрослось несчастье и горе всего мира рабочих, крестьян. Почему же «рано петь отходную» этой форме хозяйства, хищнически истощающей и землю и сокровища её на подлое дело самозащиты капитализма против пролетариата?

А, видите ли, потому, что будто бы «мировая схватка коммунистического труда с капитализмом при наличии на поле брани третьего бойца есть мифологическое сказание», то есть выдумка. «Третий боец» – это «трудовой индивидуалист». Весьма похоже, что он – тот самый человек, которого неблаговоспитанная советская пресса именуется кулаком, а партия наша – не только именуется. Этот «третий боец» воображает себя в силах встать «на поле брани» между Красной Армией и одуроченными войсками различных Брианов, встать и сказать нашим бойцам и купленным французскими капиталистами у Румынии, у Польши солдатам: «Ребята – не деритесь! От вашей драки может пострадать мой милый хутор, мои уважаемые коровы и вообще моя священная частная собственность, которую я заслужил в годы гражданской войны в борьбе за мою избу и коров моих. Не деритесь, ребята!» И вот, выслушав эти трогательные слова, храбрый Бриан, бывший социалист, а ныне ревностный защитник частной собственности, командует своим наёмным войскам – на чистейшем французском языке: «Айда, ребята, восвояси!»

А Клим Ворошилов... Ну, вы сами знаете, как поступит в этом случае потомственный

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyта
рабочий и вождь Красной Армии.

Вы хорошо видите: письмо «трудового индивидуалиста» не очень умное, но это – ничего, дальше будет хуже. Дальше автор письма пишет буквально так:

«Вы говорите, что коммунист ненавидит капиталиста, но капиталиста ненавидит и трудовой индивидуалист, находящийся с ним, капиталистом, в союзе во имя самосохранения.»

Вот как интересно и неожиданно, товарищи! Вполне ясно, что слова о «союзе с капиталистом во имя самосохранения» вырвались у «третьего бойца» помимо его воли. Это очень редкий случай, когда логика пробивает даже чугунный череп. Этими словами «трудового индивидуалиста» совершенно обнажил подлинную свою сущность: он – союзник капиталиста, он – ваш враг.

Вы, может быть, спросите: «Следует ли обращать внимание на глупые письма?» Обязательно следует, товарищи! Суть не в том, что письма пишутся мне, а в том, что паразиты живут, нащёптывают и действуют где-то около вас и среди вас. Глупость паразитов – их «святая правда». Против них вы должны беспощадно бороться, они живут на вашей коже, и основное их намерение – сосать вашу кровь. Бриан заявляет: «Страны в центре Европы и на Востоке легко могут стать добычей большевизма, и мы приходим к ним на помощь». В переводе на русский язык слова этого француза значат: мы хотим попробовать, нельзя ли всё-таки сделать Союз Советов колонией безработного европейского капитала, нельзя ли грузин, армян, абхазцев, украинцев, белорусов и другие племена Союза Советов обратить в рабов, как это сделано с неграми Африки?

Паразиты читают слова Бриана в «Известиях», в «Правде», и звуки этих слов оживляют их надежды, хотя весьма возможно, что боевые звуки старого авантюриста исходят не из уст его, а из места, которое у нормальных людей помещается значительно ниже затылка. Но мелкие паразиты, слыша эти звуки, воображают, что Бриан поможет им вырасти из мелких в крупные. Они кое-чему научились за десять лет и довольно ловко различают, что именно может послужить в качестве ветра или воды на их мельнице. Они органически склонны утолять жажду только мутной и гнилой водою буржуазного болота. Они ползают в вашей среде, ожидая момента, когда можно будет прыгнуть вам на шею. Они шипят, тихонько и осторожно отравляя воздух, которым вы дышите. Они хорошо видят всё, что ещё плохо и тяжело для вас, и боятся видеть всё то великое, что создаёте вы, что скоро сделает вашу жизнь лёгкой и прекрасной.

Известно, что, когда медведь лезет за мёдом в улей пчёл, – пчёлы жалят его и легко отгоняют прочь, но тому же медведю в сибирской тайге гораздо труднее избавиться от мошкар. На празднике вашем, товарищи, так же, как и в трудовые будни, не забывайте о мошкаре, о «трудоовом индивидуалисте», «третьем бойце» – о вашем враге, борьба с которым затрудняется его ничтожеством.

Самое лучшее оружие, которое легко уничтожит врага, – это грамота, знание и развитие сознания вашей классовой и исторической задачи, сознание вашего единства с пролетариатом всего мира – с той непобедимой силой, которая призвана историей создать «свой новый мир».

Да здравствует Советская Грузия, её рабочие и крестьяне, её комсомол, пионеры! и да здравствует наша партия, неутомимый, зоркий вождь рабочих и крестьян!

О детях

Вот какое письмо недавно прислала мне одна дивчина с Украины:

«А, слушайте, Горький, чи ви вмієте сердитися і лаятися як на своїх дітей
рассердитесь дак и бьете їх як мене бье дід та батько? Коли приїдете до нас у
Союз так може будете у Києві так це од нас ближче, тільки сто верст, так я
отпрошусь у батька у Київ будьто на богомілля и може як небудь побачу вас.

Скажете: які гадкі і нізьки люди, як був я бідний тоді і не дивились на мене, а
теперь кажуть, що хочби дали побачити, та мене ще тоді на світі не було, як ви
були бідни.»

Не знаю, сколько лет Ганне, но не сладко живётся ей с «батьком і дідом»!
Наверное, такое же горькое житышко внушило тринадцатилетней девице из Вятской

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma губернии такое послание:

«Дедушка Горький, я вас попрошу ответить на вопрос; я спорю с подружками и ребятами, что значит избавиться? Я говорю, это значит уйти из избы совсем из деревенской жизни, чтобы жить по-другому. И все смеются, что я выдумываю, учитель – тоже смеётся. Он старик, это ему можно простить, а когда свои смеются, очень обидно. В деревне жить скучно, пионеров у нас четыре, и ничего нельзя делать. Пионеров не любят.»

О той же скучной жизни, в которой «ничего нельзя делать», писал мне деткор Андрюша. К сожалению, первое письмо его я потерял, но помню, что в письме этом Андрюша жаловался: отец запрещает читать книги, бьёт, довёл до того, что Андрюша бежал из дома, но был пойман и жестоко избит. В письме он меня спрашивал: что же ему делать? Он хочет учиться, хочет «работать полезную работу». И сообщил, что, если его будут бить, он «подожжёт избу», а сам «убежит в беспризорники». Я написал письмо ему, не советуя избу поджигать, но, если уж другого выхода нет у него, – пусть, бежит в Москву. Написал и отцу его. Но на отца письмо моё не подействовало, как это видно из следующего письма Андрюши.

«Здравствуйте, М. Горький!

Пишет Вам Андрюша. Небойсь, вы меня знаете, я вам послал уже несколько писем и во всех письмах писал о беспризорных.

Теперь я не думаю о беспризорных, я уже удрал от отца и матери с своего дома. Сейчас я нахожусь в детском колхозе «Гигант», о котором вы, может быть, читали в газетах. Колхоз этот находится от нашего дома за 800 вёрст, если не больше.

Но теперь послушайте, как я попал в колхоз. Я хотел учиться – мать и отец меня не пускали, били за это и за то, что я был деткором. На отца я и на мать не жалился. Я знал, что мне хуже будет. Я всё время дружил с нашим учителем. Он мне давал разные советы. Но мне стало плохо, и я решил удрать из дома куда-либо, впрочем, в «Дружные ребята», рассказал я учителю.

Учитель мне не советовал, но, впрочем, дал три рубля, да я у отца уворовал три рубля.

Пошёл на станцию, прошу детский билет до Москвы, мне не дают – говорят: ты удираешь из дома. Тогда я беру билет до города Новозыбкова, подыскиваю там знакомых, они мне берут детский билет до Москвы. Едем, проверяют билеты. Задают мне вопрос, сколько лет? Отвечаю – десять. Говорят: пойдём в ОГПУ! Я начал плакать, притворяюсь ребёнком.

В ОГПУ не ведут. Я веселюсь, но, конечно, никто не замечает. Дружу с беспризорными, но потом расстанусь, – вижу из меня жулик выйдет. Отлучаюсь от беспризорных, еду к редактору «Дружные ребята» – я у неё жил, когда приезжал на съезд деткоров. Екатерина Евгеньевна хочет отправить домой. Сердиться начинаю я и плакать про себя. Живу в Москве больше месяца, но потом редакция направляет в детский колхоз.

ЖИЗНЬ В ДЕТСКОМ КОЛХОЗЕ

Когда я приехал в колхоз, ребята меня боялись, сторонились, но через неделю привыкли ко мне и стали жить со мной дружно и весело. В ШКМ, в бывшем имении Гончарова, меня принимают в пятый класс, хотя январь на дворе. Учителя боятся меня. Не спрашивают, считают меня незнающим. Но вот пришла удобная минута. Нам задают писать сочинения. Пишем. Начинаем читать. Самое лучшее сочинение – это моё. Стали уж меня учителя спрашивать. Отвечаю. Идёт зачёт за первое полугодие. Сдаю. Становлюсь, можно сказать, примерным учеником нашей группы. Выбирают правление, меня в кандидаты.

О НАШЕМ ХОЗЯЙСТВЕ

У нас восемь га земли, две лошади, одна корова, четыре поросёнка. Скоро получим 24 кролика, 10 кур и другое.

Одно плохо: нет библиотеки колхозной, может быть, вы пришлёте почитать чего-либо. Мы ждём.

Андрей.»

Из этого письма видно, что мальчик немножко хвастается своими успехами, но успехи его подтвердили мне преподаватели школы колхозной молодёжи. Мне кажется, что мальчуган мог бы похвастаться и тем, что он – «избавился», преодолел силу того физического сращения с собственностью, которое очень рано и особенно глубоко развивается в детях крестьян.

Недавно в одной из эмигрантских газет был опубликован такой факт:

«Во Франции, на ферму Буалю Пу, возле Пуатьера, зашёл бродяга, попросивший у хозяйки разрешения переночевать на сеновале.

Наутро случайный гость, желая отблагодарить за стол и приют, предложил свою помощь в работе на огороде. Услуга его была охотно принята, а затем, утомлённый жарой, бродяга забрался в кухню и принялся распивать бутылку вина, стоявшую на столе. Это увидел шестилетний 11 сын фермера и стал порицать бродягу. Тот, не обратив внимания на мальчика, рассмеялся и продолжал пить. Тогда разыгралась неожиданная и быстрая драма. Мальчик выбежал в соседнюю комнату, снял со стены висевшую там винтовку, сам её зарядил и, тихо подкравшись к двери, почти в упор выстрелил в бродягу. Пуля попала в сердце, и гость был убит наповал.

Малолетний убийца настолько сохранил хладнокровие, что стал уверять родителей и прибежавших рабочих, что гость покончил с собой. Только позже он рассказал жандармам всю правду.»

Как видите, это гораздо серьёзнее кражи трёх рублей и намерения поджечь избу родителя для того, чтоб выбежать туда, где можно научиться «работать полезную работу».

Одно из неоспоримых и прекрасных достижений Октября – мальчики и девочки, которые уже инстинктивно чувствуют, что «большая глупость жить, как жили наши, батьки, когда теперь показывается, как можно лучше жить». Это – слова из письма двенадцатилетнего человека, который сильно пострадал за то, что пытался внушить отцу и дяде: если корову подкармливать картофелем, она даст более обильный удой. Отец не поверил ему, тогда молодой новатор начал красть картофель у дяди и тайно подкармливал корову. Удой стал действительно лучше, но дядя застиг новатора «на месте преступления» и побил его. Такие маленькие драмы, должно быть, становятся всё более частыми в деревне, где противоречия «отцов и детей» всё более решительно обостряются и должны обостряться. Дети отлично растут.

Вот ещё письмо восемнадцати школьников первой ступени:

«Дорогой т. Горький!

Большое спасибо за тетради и учебники, которые вы нам прислали. Мы тоже посылаем вам в подарок облигацию 3 займа индустриализации, которую купили на деньги, вырученные от продажи утильсырья. А ещё посылаем свою карточку, это мы снимались на своей школьной выставке на праздник урожая и коллективизации. Тов. Горький! У нас есть к вам большая просьба: для детей-сирот и бедняков мы решили при школе открыть столовую (так как за последнее время ребята стали бросать учиться за неимением питания дома). Не имея средств и поддержки со стороны местных организаций нашего района, мы обращаемся к вам с просьбой: помогите нам в нашем деле, пришлите хоть немного денег. Тов. Горький! Мы знаем, что попрошайничать нехорошо, но мы обращаемся к вам как к товарищу и надеемся, что вы не откажете в нашей просьбе.

Пришлите нам свою карточку и нарисуйте домик, в котором вы живёте.

Мы хотели было вместо облигации послать вам коньки, да вспомнили, что зимы в Италии не бывает.

С тов. приветом! Ученики Ляховской школы 1 ступени.»

Вот какие умные и хорошие чертенята! Один из таких – сибиряк, иркутянин – пишет «маленько о нашей школе»:

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
«Я думаю – вам известно о дореволюционной школе. Новая школа совсем не то, в ней мы можем смело затронуть любой интересующий вопрос.»

А с другого края Союза – с юга – маленький корреспондент сообщает:

«Учит нас старушка слабого здоровья и смешно чихает, очки падают даже. Зато всё знает, как московский профессор, об чём ни спроси, рассказывает на большой палец. Читала нам твоё письмо и здорово рассказывала. Ты сам напиши нам, дедушка, мы твои книжки читаем.»

Кстати, профессор А.Цингер сообщает:

«Современный школьник проявляет гораздо более уважения к книге, чем это было раньше.»

А вот ещё корреспонденты, эти живут «на Севере, в трёх километрах от Белого моря». Они шлют мне «радостный привет», желают «всего наилучшего, а главное – здоровья и успеха в весьма полезной для трудящихся работе». Сообщают:

«Есть у нас и пионеротряд, но не всех детей родители отпускают, так как некоторые твёрдо держатся за религию.»

Есть и такие письма:

«Дорогой дедушка Горький!

Посылаем мы потихоньку от папы с ним вместе снятым карточку. Он-то не даёт, а мне очень хотелось себя тебе послать. Как бы мы хотели тебя живым посмотреть, а не только на карточке. Смотри, живи дольше да напиши нам в школу какую-нибудь книжечку. Приезжай к нам в гости, вот был бы праздник. Будем ждать. Всева и Аркаша Царьковы.»

Очень много пишут мне ребята. Разумеется, я горжусь этим и нахожу, что имею право гордиться. Уверен, что я не один литератор в Союзе Советов, что и другие пользуются не меньшим вниманием детей.

Но ещё более крепко уверен, что в буржуазных странах нет писателей, которые пользовались бы таким вниманием и симпатией детей, каким награждают нас, советских писателей, наши советские ребята. Да, там нет таких писателей и не может быть, ибо там нет ещё детей, рождённых социалистической революцией. Там ещё невозможны дети, которые писали бы так:

«Дорогой дедушка!

Мы, представители делегации первого всесоюзного съезда деткоргов, пришли в редакцию журнала «Наши достижения» для того, чтобы познакомиться с работой журнала и получить опыт старших товарищей.

Ознакомившись с работой, мы даём обещание ответственному редактору, нашему почётному пионеру, о том, что мы будем снабжать журнал материалом о нашем участии в строительстве при выполнении пятилетки в четыре года.»

В капиталистических странах дети несколько иного типа. Вот, например, парижская газета эмигрантов «Последние новости» сообщает в номере от 9 сентября из Нью-Йорка:

«Четверо мальчиков из Патерсона (штат Нью-Джерси) явились в свою школу к началу учебного года знаменитостями. Мальчики установили новый велосипедный рекорд, покрыв в течение 1285 часов расстояние в 9581 милю. Всё это время они безостановочно посменно кружили вокруг своего дома, отсчитывая день и ночь милю за милей. Возможно, что «герои» сделали бы ещё больше, если бы родители их не настояли на том, чтобы они бросили езду за день до начала учебного года ради отдыха.»

А в июне та же газета напечатала о таком удивительном мальчике:

«В витринах книжных магазинов появилась новая книга в пестрой обложке: «Жизнь президента Гувера».

Автору этой книги недавно исполнилось одиннадцать лет, зовут его Вильям Марч.

В предисловии молодой биограф президента сообщает о мотивах, побудивших его «стать писателем». Он слышал, что некоторые писатели зарабатывают большие деньги. А так, как Вильям Марч тоже нуждается в деньгах и хочет разбогатеть, то он взял перо в руки. Заключительная фраза предисловия приводит практических янки в восхищение. «Я прошу господ книготорговцев продать как можно больше экземпляров этой книги и тем самым помочь мне составить капитал».

Особенное внимание в книге уделено... женщинам. Одиннадцатилетний биограф наивно рассказывает о встрече Гувера с его будущей женой в стенах Стамфордского университета, об их романе и свадьбе. Весь рассказ пересыпан замечаниями общего характера о женской коварности, о роли мужчины в браке и так далее. Книга имеет большой успех.»

Я – не сторонник телесных наказаний, но не стал бы протестовать, если б этого сочинителя высекли. Мне кажется, что гораздо естественнее, когда мальчик сочиняет вот так:

«Здравствуйте! Научите меня сочинять книгами. Я уже написал несколько сочинений. Меня зовут Гунар. Мне скоро будет девять лет. И скажите неужели когда вы пишете книгу не про себя залезаете в дом и слушаете и пишете? Вообще расскажите мне про то как пишут книгу не про себя.

Теперь я даю свой самый последний рассказ.

МАЯКОВСКИЙ

Один раз ко мне прибегает мой товарищ Эдя. Это было 14 апреля 1930 года. Он говорит.

Маяковский застрелился увезли в больницу. Карета помощи.

На другой день в газете «Рабочая Москва» мы прочли: «Тело Маяковского находится в клубе ФОСП. Москва улица Воровского д.52».

Мы конечно пошли.

– Пришли.

– Смотрим. Много народу.

– Встали в очередь.

Наконец пришли в зал. Смотрим.

Нос красный. А в боку у ног Маяковского стоит комсомолец на почётном карауле, а у бока стоит художник и лепит Маяковского.

Конец.»

Это – курьёзно, но это вполне нормальное творчество мальчишка восьми лет. И можно быть вполне уверенным, что, дожив до одиннадцати лет, такой мальчик не станет рассуждать о «коварстве женщин, о роли мужчины в браке и так далее». Вероятно, он найдёт место для своих сочинений на страницах журнала и газеты «Дружные ребята».

Наши ребята весьма сильно тяготеют к литературной работе, и очень хорошо, что у них есть свой журнал, своя газета – место, где они учатся говорить о жизни, изображать жизнь. Недавно «Крестьянская газета» издала маленький-сборничек «Мы живём в «Гиганте». Этот сборник организовал Всеволод Лебедев, автор талантливо написанной книжки «Полярное солнце». В сборнике этом ребята рассказывают в стихах и прозе о том, как они живут в «Гиганте». Приведу несколько строк из предисловия Лебедева к этой книжке, заслуживающей серьёзного внимания:

«Писалась она учениками двух школ в селе Елани: школы первой ступени и ШКМ. Елань – крупное село в Ирбитском округе. Население в этих местах сплошь

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
земледельцы. Писавшие эту книгу ребята двенадцати – семнадцатилетнего возраста помнят гражданскую войну. Детство раннее им пришлось провести в тяжёлых условиях бедности, батрачества. У многих отцы – инвалиды войны. Начинать работу в сельском хозяйстве ребятам приходилось с шести – семи лет. И часто не в родной семье, а в найме у кулака. И ребята хорошо запомнили гнёт хозяина. После изгнания белых из края – партизанской войны крестьян с колчаковцами – наиболее активные хозяева стали объединяться в коммуны.

Вывозили из деревень старенькие избышки, из последних сил ставили на пустых, далёких от единоличных хозяйств местах новые дома, – и появлялась коммуна.

Население коммун было готово навсегда распрощаться с прошлым: скот, орудия сдавались в общее хозяйство. Устроили общественную столовую. Детей стали держать не в семьях, а на площадках и в яслях.

Для хозяйства нужен трактор. У коммуны было мало сил приобрести трактор. Существовали коммуны далеко одна от другой и искали общего руководства.

В 1929 году съезд коммун и артелей трёх районов – Еланского, Байкаловского и Знаменского – постановил организовать в один колхоз с центром в селе Краснополянском.

Так возник Краснополянский район сплошной коллективизации.

В нём ещё много единоличных хозяев. В то время как объединённый колхоз достаёт тракторы для всех артелей и коммун, выписывает агрономов, чтобы наладить одно организованное огромное хозяйство, в отдельных углах «Гиганта» хозяева пашут старыми плугами, не решаются пока войти в колхоз и думают, что крестьянское имущество в «Гиганте» пойдёт на ветер.

Крестьянин цепляется за своё отдельное хозяйство потому, что оно у него наследственное, от отцов – он к нему привык; потому что в «Гиганте» мало ещё людей, которые могут рассказать ему о силе нового хозяйства...

Ребята приехали учиться в Еланскую ШКМ из бедняцких хозяйств, из коммун. Они видели в своём хозяйстве борьбу коммунаров с кулачеством и воспитывались на этой борьбе.

Живут ребята небогато – в общежитиях, питаются из общего котла продуктами, которые посылают им колхозы. Учебников у них мало, а книг для чтения почти совсем нет...

Ребята, только приехавшие от хозяйств, везде слышавшие о готовящемся подъёме сельского хозяйства и всей культуры, желали узнать и слушали о чужих странах, о Москве, о строительстве заводов. Приехавшего товарища спросили, живы ли товарищи Пушкин и Тургенев.

Кроме имён Ленина, Сталина, Калинина, им приходилось слышать и их имена, но читать приходилось мало. У некоторых ребят есть вырванные места из книжек – по ним они заучивают писателей.

Учителя в «Гиганте» из Москвы всё-таки приезжали: открыли две ШКМ, школу колхозного ученичества и высшее учебное заведение – крестьянский университет, куда съехалось учиться сто пятьдесят взрослых колхозников.

Одного учителя этого университета, молодого товарища Гончарова, одна девочка приняла за писателя Гончарова, который сочинил романы «Обрыв» и «Обломов» и давно умер.

У ребят нет точного представления о том, что делается в Москве и живы ли те люди, о которых им приходилось читать и слышать, но они знают, что всё, что писалось и делалось в Москве и других городах, должно стать их достоянием, пойти на пользу коммуна.

Ясно, что ребята ждут полного изменения жизни, требуют от учителей научить их новой жизни...

Я видел, как в коммуны «Путеводная звезда» пришёл подросток-батрак, уволенный

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyua
хозяином.

Коммуна ничего о нём не знала. Он не был родственником коммунарам, но каждый батрак здесь – свой. Подростка накормили в столовой и дали ему угол в общем доме. Он начал жить со всеми. Для него сделали больше – его отправили учиться в село. Одним парнем в общежитии детей коммунаров прибавилось.

Так попадают дети в коммуны: один с отцом, другой – бросив отца, третий уходит от хозяина, – со старой деревенской жизнью у них все связи порваны. Бывают случаи, когда дети уговаривают родителей идти в колхоз, иначе угрожают уйти из семьи.

В этой книге ребята написали и об упорных стариках, отказывающихся от всякого родства для того, чтобы жить вне колхоза, по старинке, о старухах, живущих сказками. Трактор для них – «кончина мира», «антихристовая печать». В «Гиганте» – большинство церквей закрыто самим населением. Они превращены в клубы, и население не вспоминает о церковных службах. Воскресенье упразднено.

Начали писать книгу ученики ШКМ.»

В этом предисловии особенно высокую цену имеют, конечно, слова: «Дети уговаривают родителей идти в колхоз, иначе угрожают уйти из семьи». Лично я делаю из этих слов такой вывод: дети начинают оправдывать и утверждать в титуле «Союз Социалистических Советов» понятие «социалистических».

А дальше мне кажется, что нам пора создать специальный орган, который рассказывал бы всесоюзным отцам и матерям, как думают и работают дети на всём пространстве необъятного Союза.

Древняя поговорка «яйца курицу не учат», очевидно, потеряла свой затхлый, консервативный смысл. И – во-первых, «всё возникает из яйца», а во-вторых, речь идёт о цыплятах, среди которых многие вышли из орлиных гнёзд, а большинство воспитано суровой рукой самой жизни. Воспитано жизнью и принимает активное участие в деле строительства нового мира. Доказательств этого участия – много, отмечу одно из них: к весне 30-го, то есть тринадцатого года революции, сельскохозяйственная лаборатория «Бедноты» и Центральная детская сельскохозяйственная станция выпустила программу массовой опытнической работы пионеров, школьников, юных опытников, юных изобретателей в области сельского хозяйства. Программа эта организует разнообразную работу детей в различных пунктах Союза Советов, работу по химизации сельского хозяйства, по новым культурам, простейшим агроприемам, огородничеству, садоводству, борьбе с растительными и другими паразитами. Пионеротрядам разосланы лабораторией «Бедноты» материалы для 21 500 опытов. Лаборатория ставит своей задачей развернуть «зелёное изобретательство» (жизнь ещё не выдвинула нового, более удачного термина – слова, определяющего весь глубокий смысл этого дела) в Советском Союзе в таких же размерах, как развернуто изобретательство на фабриках и заводах.

«Мы верим, что из пионеров и школьников, юных опытников, Советская Страна получит десятки, а может быть, и сотни Мичуриных, Дуниных, Бербанков, которые дадут человечеству не только новые приёмы возделывания сельскохозяйственных культур, стимулирующих урожайность, но и изобретут новые культуры и сорта растений. Они произведут революцию на полях, садах и огородах.»

Это не единственный факт привлечения детей к широкой активной работе культурно-революционного характера. И следует отметить, что инициаторами непосредственного участия в делах жизни являются сами дети. Как правило – отцы вообще плохо знают своих детей, но у нас они знают, кажется, несколько лучше, чем в государствах буржуазных. Лучше, но не в той степени, как следовало бы знать. И поэтому я ещё раз повторю: необходимо издание органа, который рассказывал бы отцам о работе детей.

Разумеется, и в буржуазных государствах дети принимают посильное участие в делах жизни, – в делах отцов. Летом в Англии, в Норфольке,

«...во время избирательной агитации двухлетняя дочь консерватора Кука, верхом на шотландском пони, появлялась в рыночные дни на площадях, причем на попоне её маленького коня было написано: «Выбирайте папу».

«Из Канзаса сообщают, что Джек Ричардс, четырнадцать лет, просидел на суку в течение ста сорока часов и отец его и мать никак не могли стащить сына с дерева. Несколько десятков мальчиков и девочек сейчас следуют его примеру, и некоторые рассчитывают побить установленный Ричардсом рекорд. Родителям этих «спортсменов» ничего не остаётся, как стоять под деревьями и поддерживать их мужество».

«В Нью-Джерси четыре мальчика едут посменно на одном и том же велосипеде вот уже в течение девяти суток и заявляют, что будут продолжать это занятие до тех пор, пока у велосипеда не сотрутся шины».

«Взрослые не отстают от малолетних. Четверо молодых людей из Сан-Луи отправились в Нью-Йорк на автомобиле задом наперёд и рассчитывают покрыть всё расстояние в двадцать шесть дней».

«Этими странными рекордами заразились, кажется, даже звери в зоологическом саду. По крайней мере газеты отмечают, что одна из обезьян вот уже три дня как висит на дереве на хвосте».

После биржевого краха в Нью-Йорке семилетний мистер сказал своему отцу:

«– Если ты застрелишься, как это сделал мистер Г.Р., то дай мне сто долларов, чтобы я мог начать своё дело.»

Я мог бы привести десятка три таких анекдотических фактов, извлечённых мною из эмигрантских газет, но думаю, что этого не следует делать. О своих детях эмигранты пишут с грустью.

Вот, например, обстановка русского приюта для девочек:

«На стенах – карточки: покойный государь (с портрета Серова); великий князь Павел Александрович; княгиня Палей... Тут же девичье задумчивое лицо княгини Ирины Павловны. Посредине круглая серебряная рама с датами 1841–1866. Император Александр II со своими детьми; главнейшие моменты его царствования; Петербург, Кавказ, Севастополь, и рядом с блеском двора – сермяжные толпы слушают манифест.»

Кажется – «всё в порядке», но по-русски девочки говорят так:

««Знаете, она умерла, её похоронили, и вдруг она оживела».

Между собой дети предпочитают говорить по-французски: «по-русски всё трудно и непонятно». Очень распространены французские иллюстрированные журналы. Часто можно слышать такие фразы: «Я – иси!» 12, «Ты – депеше ву» 13, «Дай сюкр, сильвупле» 14 и так далее. Грамотно писать по-русски уже не умеет почти никто.

– Скажите, пожалуйста, – спрашивала на днях взрослая девушка, без акцента говорящая по-русски, – мне нужно написать «а теперь» – правда, после «а» твёрдый знак?

– Смешно всё как-то по-русски, вот такое распространённое имя Сюзанна, а по-русски так называют мужчин!

– Откуда ты это взяла?

– А как же, какой-то Сюзанн недавно спас русского царя?»

«Сюзанн» – это известный оперный герой Иван Сусанин.

«– Какой, по-вашему, смысл жизни? – спрашивают они.

– А по-вашему?

– Ох, разное. У нас некоторые говорят: надо жить для семьи, выйти замуж, детей воспитывать. А есть ещё – для бога и чтобы добрые дела делать... А я думаю, ничего этого нет, и надо жить для себя, для своего удовольствия...

В девочках смесь житейской опытности и полного неумения разобраться в

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma прочитанном,»

– констатирует автор-эмигрант.

Но это не так интересно и поучительно, как, например, отношение к детям в Англии.

18 июля в Лондоне,

«в палате общин произошёл крупный скандал, небывалый в летописях этого учреждения. Заседание началось с того, что один из депутатов спросил министра внутренних дел, правда ли, что девятилетний мальчик был наказан по приговору суда четырьмя ударами плётки? Министр внутренних дел ответил на этот вопрос утвердительно, но отказался критиковать действия суда.»

По знаменитым романам Диккенса нам известно, как воспитывались английские школьники. Диккенс умер в 1870 году. С той поры прошло шестьдесят лет. Но вот известный сотрудник либеральных «Русских ведомостей», а ныне яростный враг наш, Шкловский-Дионео сообщил в парижской газете эмигрантов следующее:

«В Бромлее – маленьком сонном городке, в двадцати пяти минутах езды по железной дороге от станции «Виктория» в Лондоне в полицейском суде разбирается дело, поднятое обществом покровительства детям. Ответчиком является содержательница «высшей школы для мальчиков и девочек» госпожа Гильда Фирн. В школе этой одиннадцать пансионеров в возрасте от восьми до пяти лет были больны серьёзной кожной болезнью на голове¹⁵. Родители детей, отданных в школу-пансион госпожи Фирн, – провинциальные адвокаты, доктора и клерки. Это люди с маленькими доходами, старающиеся всеми силами сохранить «респектабельность». Один из параграфов кодекса «респектабельности» требует, чтобы дети учились в закрытой школе. В результате явилась госпожа Фирн. Она основала закрытую школу в помещении, которое люди с маленькими доходами могут показать знакомым с гордостью: «Вот где учатся наши дети». Школа помещается в большом, красивом доме, окружённом парком. Дом принадлежал прежде сквайру, которому теперь помещение это не по карману. Но директорисе есть на чём выгадать. «Выгадывание» происходит за счёт питания и учения детей. В 1930 году вполне воскресают обычаи, описанные Диккенсом. Дети в «высшей» школе госпожи Фирн плохо одеты и вечно полуголодны, зато отлично одета и очень сыта директориса. В великолепном помещении школы нет врача, потому что врачу больше года не платят и он не посещает школы. Тяжело заболевшие дети лежат без всякой помощи. «Директрисе» некогда, – она отправляется на скачки. И больные маленькие дети, в возрасте от восьми до пяти лет, остаются одни, неумытые, полуголодные. Почему же однако в закрытой школе живут такие маленькие дети, когда им ещё надо быть дома? А потому, что дети «мешают» дома матерям, желающим «жить». Скромные жёны провинциальных врачей и адвокатов так же желают танцевать, как и богатые женщины в Лондоне. Дело госпожи Фирн свидетельствует не только о том, что диккенсовская «академия Сквирса» ещё жива, но и о том, что существует ещё много родителей, которые из-за «респектабельности» или из-за других причин отдают детей в эти «академии».

Очевидно, мелкое мещанство окончательно решило жить по «принципу»: «хоть день, да наш». Это – принцип людей, разочарованных в возможности длительного и прочного существования. Семья для них уже перестала быть «основой государства».

Тот же Дионео, но уже в замечательно пошлой газете «Сегодня», напечатал фельетон о диком обычае английских школ, – обычае, называемом «фэччинч».

«Что такое – «фэччинч»? Каждый мальчик, поступающий в английскую закрытую среднюю школу, на известный срок попадает в распоряжение «монитора», то есть мальчика, занимающего первое место в классе не по успехам в науках. «Фэч» исполняет поручения «монитора», приносит ему чай и бегаёт у него на посылках. И, если поручение «монитора» не исполнено быстро и точно, «фэча» бьют. Через год новичок сам становится «стариком» в школе, и тогда он, в свою очередь, муштрует новичка.

Телесные наказания в более смягчённом виде удержались почти во всех английских школах, как средних, так и низших. Изредка это кончается трагедией, и тогда происшествия подобного рода имеют отражение в суде. Родители привлекают к суду учителя, выпоровшего их мальчика. Жалуются родители обыкновенно не вообще на

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma систему телесного наказания, а только на чрезмерную суровость наказания. И, хотя я могу назвать несколько судебных процессов о «порке» в школах, я не припоминаю случая, когда судья выступил бы против системы порки в школах. Обыкновенно приговор кончается против родителей, хотя иногда суд признаёт, что наказание было несколько «сурово».

Система «фэччинча» тоже составляет старинный английский обычай, который ревниво охраняется в школах. Тогда возникает в печати шум. Назначается следственная комиссия, всесторонне исследующая систему «фэччинча», причём выясняется следующее: среди свидетелей, дающих показания, некоторые абсолютно против «фэччинча». Они приводят поразительные примеры грубого издевательства над новичками, но наряду с этим выступают другие свидетели, показания которых склоняются к тому, что «фэччинч» очень хорошая система, необходимая при образовании характера.

В Нельсоне (в графстве Ланкашир) присяжные и судьи обсуждали самоубийство четырнадцатилетнего мальчика Джеффри Ферхерста, сына пастора. В Англии, как, вероятно, читателям известно, деревенские священники принадлежат обыкновенно к высшему классу. Обыкновенно такой священник – младший сын лорда. Получает он в год 1800–2000 фунтов стерлингов. Джеффри Ферхерст был в пасхальном отпуске дома. В школе он учился не только хорошо, но даже блестяще. И вот наступил канун того дня, когда мальчик должен был уехать из дома в закрытую школу. В этой школе мальчик учился только с сентября 1929 года. Он был весел всё время, когда был дома, распрощался накануне отъезда с матерью и с отцом и ушёл к себе в комнату. Когда мать заглянула в одиннадцать часов вечера к мальчику, она нашла его уже мёртвым. Он повесился.

– Он был самый счастливый мальчик, – показал на суде его отец. – Я могу привести сотню свидетелей, которые подтвердят это. Где только был Джеффри, гремел смех. Всё, что он делал, сопровождалось весельем. Мальчик всегда был в самом жизнерадостном настроении, и меньше всего можно было думать, что он кончит самоубийством.

Свидетель объяснил, что смерть мальчика была вызвана только нежеланием возвращаться в школу и отвращением его к системе «фэччинча».

Каждый новичок, по этой системе, обязан был выполнить двадцать приказаний «монитора» (то есть старшего ученика) в неделю. Приказания отдавались в категорической форме. «Фэччинч» заключалось в прислуживании «монитору», «Фэч», то есть новичок, обязан был послушно бежать по зову «монитора» и исполнять разные поручения его. Если «фэч» недостаточно быстро исполнял, что ему приказал «монитор», то его били. «Фэч» обязан был, между прочим, приносить «монитору» чай, поджаривать для него тартинки и прочее. Покойный Джеффри не мог исполнять достаточно проворно приказы «монитора», так как учился очень серьёзно и усиленно готовился к предстоящим экзаменам в июле. Некоторые «мониторы» были очень грубы с новичками. Таков был мальчик, «командовавший» над Джеффри.

– Таким образом, вы уверены, что Джеффри покончил с собой единственно потому, что его страшила роль «фэча» в школе? – спросил судья у отца покойного.

– Да, таково моё глубокое убеждение, – ответил свидетель. – Мальчик был вполне счастлив дома, очень хорошо учился, и у него никаких других причин покончить с собой, кроме чрезмерной грубости «монитора», не было.

Свидетелями выступали также директор седбергской школы и некоторые учителя.

Директор защищал систему «фэччинча». Она, по словам его, не только не заключает в себе ничего ужасного, но, напротив, очень «любима» всеми в школах. «Фэччинч» прямо необходим в системе английского воспитания, – объяснил директор. – По нашему мнению, – продолжал он, – обучить такого мальчика дисциплине совсем не плохо». После показания директора осталось невыясненным следующее: почему же Джеффри повесился, если система «фэччинча» так хороша? Присяжные, по-видимому, не вполне согласились с мнением директора. Они вынесли приговор о причинах смерти Джеффри. И в этом вердикте говорится, что смерть мальчика вызвана грубой системой «фэччинча». Самоубийство Джеффри вызвало передовые статьи в английских газетах, но опять число этих статей против системы «фэччинча» неизмеримо меньше, чем число в защиту системы.»

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Вот какие факты печатаются в газетах эмигрантов, поклонников буржуазной культуры, яростных врагов культуры социалистической, – в газетах людей, которые изо дня в день цинически клеветают на свою родину, где для них нет и не будет места. Они же печатают в газетах своих сообщения о немецких детях, такие, например:

«Ученикам одной из берлинских начальных школ был предложен в качестве темы для классной работы вопрос:

«Как вы представляете себе рай?»

Отказаться от писания «работы» нельзя. Волей-неволей бедные школьники, дети лет десяти – одиннадцати, стали ломать себе голову над тем, какие блаженства ожидают их в будущей жизни.

Вот что некоторые из них написали.

«Рай – это место, где всегда тишина. Птицы поют на ветках, и светит яркое солнце. Тот, кто туда попадает, никогда больше этого места не покинет. Бог поочерёдно обходит райских жителей и со всеми разговаривает».

«В раю можно играть, петь, танцевать, бегать сколько хочется. Самые вкусные вещи лежат грудками на столах. Больше я ничего не могу сочинить, потому что это самое лучшее. Наверное, так будет в раю».

«Рай находится на небе, за облаками. Люди ещё не знают, как туда долететь. Но я думаю, что те аэропланы, которые поднялись и потом исчезли, – может быть, улетели в рай. Они не хотели этого говорить, чтобы им другие не помешали».

Наконец, самый маленький ученик в классе ответил лаконично и просто:

«Рай – это там, где всё есть».

Ответы так красноречивы, что не нуждаются в объяснении их печального смысла.

В дополнение к ним можно привести из «Берлинского биржевого курьера» ещё несколько изречений детей.

«Маленького Петера, усердно собирающего пфенниги в копилку, спрашивают, что он собирает приобрести на собранные деньги.

Петер отвечает: «Только продовольствие, мне ужасно хочется долго жить!»

На уроке закона божия учительница наставляет детей, что не следует ничего бояться. Если страх нами овладевает, нужно призвать бога. Рассказывая об этом родителям, мальчик прибавляет: «Учительница однако не сказала нам, под каким номером можно его вызвать».

Подписчица этой же газеты сообщает, что она

«посетила со своим маленьким сыном Фрицем диораму, в которой, между прочим, показывался римский цирк, где христиан травили дикими зверями. На вопрос малыша, что это значит, мать пояснила, что было время, когда жестокие люди отдавали христиан на растерзание тиграм и львам. Фриц впился глазами в развернувшуюся перед ним картину и замечает: «Но вот тот бедный тигр, который совсем сзади находится, остался без еды».

Допустим, что это – образцы тяжеловесного немецкого остроумия, а не «факты жизни». Но тот факт, что немецким детям живётся тяжело, всё более часто и солидно утверждается немецкой литературой. Уродующая детей тяжесть жизни в семье – тема десятков книг, напечатанных немцами за последние двенадцать лет. Якоб Вассерман в романе «Семья», вышедшем, кажется, в 26 году, особенно чётко изобразил настроение детей буржуазного общества. В этом романе дочь знаменитого адвоката Фридриха Лаудин говорит отцу, что вся система воспитания и образования совершенно фальшива. Она, девушка шестнадцати лет, не верит учителям, не верит в пользу школы. Ей кажется, что «перед её носом закрыли дверь, через которую она непременно должна пройти». Большинство её сверстников испытывает такое же недовольство жизнью. «Они хотят чего-то нового, действительно нового. Они хотят

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
во что бы то ни стало сделать мир счастливее и лучше... Хотят уничтожить всю старую ложь, все устаревшие законы... Ей часто представляется, что она со своими товарищами-единомышленниками образует какой-то вражеский лагерь в мире взрослых...» Она, как многие, «ходит в доме отца и матери, точно солдат чужой страны».

Разумеется, всё это не очень определённо, однако это – бунт, и общие условия жизни таковы, что едва ли этот бунт может оказаться безрезультатным. Во всяком случае, он всё более должен расшатывать «семью, основу государства» мещан.

Мне кажется, что заметки эти вполне уместно заключить следующим сообщением из Нью-Йорка от 23 июля:

«Несколько членов Конгресса, принадлежащих к комиссии, которой поручено обследовать деятельность коммунистов в Америке, посетили детскую колонию, содержащуюся на средства коммунистов.

При появлении членов Конгресса дети стали петь «Интернационал», свистать и выкрикивать по адресу пришедших разные оскорбительные словечки.

Затем детский хор, к которому присоединились и взрослые, находящиеся в лагере, запел песню:

«Мы вас ненавидим! Убирайтесь!

Убирайтесь к чёрту и не возвращайтесь обратно!..»

Некоторые из членов комиссии старались обратить всё это в шутку и даже пытались отвечать ораторам, которые обвинили правительство в враждебных намерениях по отношению к СССР.

Посещение окончилось без особых инцидентов, но только потому, что к депутатам подоспели на помощь полицейские.»

На всесоюзном слёте пионеров в Москве некий зритель спросил детей одной из групп Средней Азии:

– Вы – какого народа?

Ему ответили:

– Пионеры.

Это похоже на анекдот, но это – было. И за этим последовало сказанное вполголоса замечание другого зрителя:

– Вот когда действительно началось стачивание национальных предрассудков!

Большой этот вывод сделан был не из маленького слова, а из великолепного зрелища четырёх десятков тысяч детей, собранных со всего Союза Социалистических Советов на стадион Москвы, – зрелища небывалого слёта «новых птиц».

Это поразительное зрелище и заставило ребят из Средней Азии забыть своё племенное имя и ответить новым словом:

«Пионеры!»

По поводу одной легенды
«Непрерывно разрастается экономический кризис».

«Безработица принимает размеры мировой катастрофы».

«Голод вызывает среди рабочих эпидемию самоубийств, усиливает преступления против собственности и проституцию, в том числе детскую».

«В С.Ш.С.Америки ежедневно умирает от голода не менее тысячи рабочих».

Это – не мои слова, я взял их из буржуазных газет. Капиталисты всё более

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma единодушно заявляют, что у них нет средств кормить рабочих и что государственная помощь безработным – невозможна. Президент С.Ш.С.Америки отказался утвердить ассигновку «Красного Креста» в помощь безработным, находя, что эта помощь – «социалистическая мера». В Перемышле заведующий биржей труда сказал депутации безработных:

«Денег в кассе у меня нет. Я могу вам предложить лишь некоторую сумму на верёвку, чтобы повеситься.»

Ещё более красноречиво и цинично выразился один из крупных немецких политиков; он сказал: «Нужно, чтоб 20 миллионов немцев издохло, потому что государство не в силах кормить их». Этот дикий рёв отчаяния слуги капитализма не вызвал никаких «комментариев» буржуазной прессы, которая – как утверждают специалисты лжи и клеветы – пользуется «свободой слова». В благородных сердцах интеллигентов–«гуманистов» рёв этот тоже не вызвал отзвука так же, как и в пустоте душ лордов, епископов и различных авантюристов, безответственно и преступно командующих жизнью рабочего класса Европы, Америки, Азии, Африки. Рабочие всей земли ещё раз могут убедиться в том, что ожидать помощи капиталистов, буржуазии, гуманитарного «свободного слова» – дело столь же безнадежное, как ждать молока от быка. Пролетариям всех капиталистических стран пора, наконец, понять, что в словах «у пролетария – нет отечества» заключена суровая, неоспоримая, пролетарская истина. В своё время эту истину провозгласил Карл Маркс, её многократно повторял создатель большевизма Владимир Ленин. Буржуазные «мыслители», защитники власти капитализма и экономического рабства для трудового народа, оспаривали эту истину. Но вот наступило время, когда капиталисты сами, и не словом, а на деле, утверждают, что рабочие – действительно чужие люди в странах своего языка, что капиталистический строй не может помочь десяткам миллионов безработных, созданных его бессмысленной страстью к наживе, и нужно, чтоб 20 миллионов «издохли».

Эти «смелые» слова вырвались из глотки циника-немца, но они, разумеется, сочувственно приняты всеми циниками Европы и Америки, «хозяевами» жизни пролетариев.

Пролетариям всех стран давно пора развернуть пред своим разумом смысл слов «экономический кризис», – смысл этот – прост и ясен: экономический кризис создан жадностью капиталистов, анархией производства, полным безразличием командующего класса к жизни рабочего народа. Уже нет таких буржуазных мыслителей, которые, при всём их умении исказить истину, могли бы опровергнуть этот факт, прикрыть его трагизм.

Факт есть факт: капиталистический строй создал условия, при которых десятки миллионов не имеют работы и должны «издохнуть» от голода. Это тем более неоспоримо, что утверждает самими же организаторами голода.

Организаторы голода отказываются от помощи голодающим рабочим, они озабочены делом, гораздо более важным для них, чем вымирание безработных от голода: они озабочены решением вопроса, как и кому продать накопленный ими хлеб без убытка? Они принимают все меры для того, чтобы не допустить на рынки Европы и Америки хлеб из Союза Советов.

Они могли бы дать рабочим достаточное количество хлеба, но, конечно, это не разрешает кризиса и это – не их задача. Их силы, их внимание направлены в другую сторону.

Дело в том, что в Союзе Советов безработных нет, рабочей силы – не хватает для строительства государства на подлинных основах социализма. Весьма возможно, что в недалёком будущем Советская власть принуждена будет пополнять недостаток рабочей силы извне, частично она уже делает это.

Так как этот факт является неоспоримым свидетельством разумности социалистического хозяйства, капиталистам пришлось выдумать гнусенькую клевету о «принудительном труде» в Союзе Советов. Возражать капиталистам, опровергать эту дрянную клевету, в сущности, бесполезно, ибо капиталист обычно не человек, а «трест», то есть частица бездушной, механически действующей машины, которую приводит в движение сила жадности и зависти. И что бы ни говорила трестированная, купленная целиком, с мозгами и кишками, пресса буржуазии, как бы красноречиво и многословно ни писала она о «рабском», о «принудительном труде» в

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Союзе Советов, – она не может продажными словами затушевать, засыпать, сделать невидимым тот факт, что именно сила жадности и зависти капиталистов разрушает культуру, анархизирует жизнь, всё решительнее способствует бессмысленному истощению физической силы трудового народа.

Явная бессмысленность и преступность капиталистического «хозяйствования» лучше всего характеризуется тем, что труд, создающий ценности, всё более и более расходуется на «военную промышленность», то есть на производство орудий человекоистребления и на разрушение действительно трудовых, культурных ценностей, назначение которых – облегчить условия жизни и работы людей. Рабочему классу Европы давно пора бы понять, что, в сущности и в конце концов, капитализм заставляет их трудиться именно на разрушение, и это – не «парадокс»; войны организуются в интересах торговли: чем больше разрушишь, тем больше продашь; война 1914–18 годов увеличила количество миллионеров.

Создаваемая капиталистами легенда о «принудительном труде» в Союзе Советов ставит своей конечной целью разбойничье нападение на Союз Советов, – нападение, в котором капиталисты заставят принять участие свой безработный пролетариат и нищенствующее крестьянство.

В этом случае пролетариат Европы должен будет выступить с оружием в руках против своего передового отряда, против рабочих и крестьян Союза Советов, которые мужественно и успешно создают социалистическое государство в условиях величайшего напряжения сил, с изумительным энтузиазмом и, тем самым, работают на пролетариев всей земли, ибо осуществление социализма в стране с населением в 160 миллионов – будет окончательным крахом капиталистического строя во всём мире.

Надо ли говорить вам, рабочие Европы и Америки, что именно в этом страхе конца скрыта и коренится основа ненависти капиталистов к Союзу Советов? Что именно из этого страха, из этой ненависти возникла легенда о «принудительном труде», так же, как и легенда о демпинге? «Демпинг» сочинили потому, что не хотят дать голодным людям дешёвый хлеб, чтобы не «понести убытков», а хлеба – избыток, он гниёт, его сжигают в топках паровозов. «Принудительный труд» выдуман в целях организации экономической блокады Союза Советов, в целях затруднить государственно-организационную работу пролетариата Союза Советов, помешать осуществлению пятилетки, коллективизации деревни, ослабить Союз, бросить вас на его людей и превратить всю Страну Советов в колонию европейского капитала. Всё это очень просто, понятно и малому ребёнку, это должны понять и вы. Пора!

В игре, которая затеяна против рабочих и крестьян Союза Советов, больше всех проиграете вы.

«Принудительный труд»? В Союзе Советов труд – обязателен, ибо «не работающий – не ест», это – основной лозунг правильно понятого социализма. При социализме должны работать все, а хищникам и паразитам нет места и не должно быть условий, которые могли бы создать хищников, паразитов, лентяев, шкурников, авантюристов и прочих негодяев. Принудительный труд Советская власть не применяет даже в домах заключения, где безграмотные преступники обязаны учиться грамоте и где крестьяне пользуются правом отпуска на сельскохозяйственные работы в деревню, к своим семьям.

Насколько ценится человек в Союзе Советов, об этом, может быть, лучше всего говорит факт существования трудовых коммун, члены которых исключительно бывшие «социально опасные».

В Союзе Советов с удивительной быстротой развивается процесс культурного возрождения рабоче-крестьянской массы, крайне пёстрой по своему национальному составу. Невозможно было ожидать, что процесс этот пойдёт так быстро и успешно, что даже кочевые племена среднеазиатских степей свободно и охотно вольются в этот грандиозный процесс. В Стране Советов люди, которые хотят работать и понимают высокую цель труда в Союзе Социалистических Советов, – эти люди, чем бы они ни были в прошлом, пользуются серьёзным вниманием и заботами рабоче-крестьянской Советской власти.

В буржуазном государстве человек, который пошатнулся, неизбежно падает под ударом «закона», вышвыривается из «общества» и растаптывается копытами мещан или становится в ряды профессиональных преступников против «священного института» частной собственности. Конечно, и в Союзе Советов есть неизлечимые преступники,

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
вот, например, недавно с лесозаготовок на севере бежали в Англию двое убийц и
растлитель малолетних, – именно они сообщили лорду Ньютону и какому-то епископу
о якобы «принудительном труде» на лесозаготовках. Как известно, лорды и епископы
оказались небрезгливы и повторили ложь убийц и растлителя в стенах английского
парламента.

Казалось бы, что даже в чине лорда или епископа человек не обязан быть
противоестественно глупым. Но глупость их явно противоестественна, потому что
они притворяются чрезмерно глупыми, потому что это им выгодно, на самом же деле
они глупы вполне нормально, как и надлежит быть лордам и епископам, которые к
тому же – англичане, то есть люди, для которых лицемерие – тоже спорт.

Доказывать, что принудительный труд не может существовать в стране, где
хозяевами являются рабочие и крестьяне, где они, не щадя сил, создают
социалистическую культуру, где бурно кипит соревнование в труде между группами и
единицами, где возможно такое явление, как «ударничество», и рабочие сами
выдвигают против планов своей власти встречный свой промфинплан, всячески
стараясь ускорить и расширить производства, – доказывать невозможность
принудительного труда при наличии таких условий – скучно и бесполезно. Те люди,
которым необходимо клеветать на Союз Советов, разумеется, не поверят никаким
доказательствам. Они прекрасно понимают, чем грозит им строительство социализма,
им необходимо кричать, что пятилетка осуществляется именно принудительным
трудом, а не классовым разумом и не дисциплинированной волей рабочих и крестьян,
которые работают на себя, для себя и знают, что их власть – это они сами.

Капиталисты в свою очередь хорошо чувствуют, что именно этим знанием объясняется
массовый порыв ударников в партию, после того как был обнаружен обширный заговор
вредителей, которые хотели продать и предать страну Союза Советов капиталистам
Европы. Капиталисты давно поняли, что большевики – это вовсе не «кучка»
захватчиков политической «власти», а хороший десяток миллионов людей, более или
менее грамотных политически, что идеологическое и практическое – культурное,
трудовое влияние этих миллионов на всю остальную массу населения совершается с
поразительной быстротой. Капиталисты догадываются, что недалеко уже время, когда
весь трудовой народ Союза Советов станет большевиком – его уже не сломишь, и его
примеру последует «весь мир голодных и рабов».

Капиталисты, власть которых утверждена на рабском труде не только в колониях, но
и у себя дома, где они почти ежедневно избивают и расстреливают на улицах
безработных и стачечников, – капиталисты говорят, что «принудительный труд»
противен их морали христиан. Они, конечно, лгут. Но они сами же и опровергают
свою ложь. Вот, например, поправка, внесённая американцами к 307 статье
таможенного закона; её следует хорошо прочитать:

«Вашингтон, 12 февраля

Принятая таможенно-финансовой комиссией палаты представителей поправка к статье
307 таможенного закона гласит: «Всякого рода товары, изделия и предметы
торговли, добытые, произведённые, сфабрикованные, транспортированные,
перенесённые, погруженные или разгруженные – в целом или в части – в любом
иностранном государстве при помощи труда заключённых, или принудительного труда,
или законтрактованного труда, обусловленного угрозой карательных санкций, – не
могут быть допущены ни в один из портов САСШ; их ввоз в САСШ безусловно
воспрещается; министр финансов уполномочен и ему предлагается издавать правила,
которые окажутся необходимыми для проведения в жизнь этого закона. Предписания
этого закона, касающиеся всякого рода товаров, изделий и предметов торговли,
добытых, произведённых, сфабрикованных, транспортированных, перенесённых,
погруженных или разгруженных при помощи принудительного труда или обусловленного
санкциями законтрактованного труда, вступают в силу 1 апреля 1931 года и
останутся в полном действии, пока конгресс не решит иначе. Однако эти
предписания не должны иметь применения ко всякого рода товарам, изделиям,
предметам торговли, хотя бы они и были добыты, произведены, сфабрикованы,
транспортированы, перенесены, погружены или разгружены с помощью труда
заключённых или принудительного труда, или законтрактованного труда,
обусловленного угрозой карательных санкций, которые не производятся или не
фабрикуются в САСШ в количествах, достаточных для удовлетворения
потребительского спроса в САСШ.

Как видите, дело не в морали, а в том: выгодно или невыгодно?

В подлом деле создания атмосферы клеветы и лжи вокруг Союза Советов капиталистам усердно помогают «социалисты» II Интернационала и особенно усердно – германские. Это вполне понятно: в то время как «рабочему нечего терять, кроме своих цепей», немецкие социалисты могут потерять нечто гораздо более приятное, чем цепи. Дело в том, что социал-демократы Германии – это прежде всего 300 тысяч – если не больше – государственных, муниципальных и профсоюзных чиновников. Они – у власти, и они желают сохранить свои позиции. Именуя себя социалистами, они вполне хладнокровно относятся к случаям продажи муниципальных предприятий в частные руки, и уже одним этим достаточно ярко характеризуется их «социализм». А об отношении этих «социалистов» к рабочим хорошо говорит такой факт: забастовали рабочие и служащие Лейзера, владельца множества магазинов. В «Форвертсе», органе социал-демократической партии, появилась статья под заголовком «Дикая стачка», и Лейзер приказал расклеить её на стенах своих магазинов в доказательство правильности его хозяйской позиции. Совершенно ясно, что «социалистам» такого типа Союз Советов не может быть приятен. Особенно же неприятны им коммунисты, вследствие чего возможны такие случаи: коммунист служит в правлении районного кооператива и, значит, является «козлицем» в стаде овец. Ему предлагают выйти из партии коммунистов, если он не хочет потерять заработок, и записаться в партию социал-демократов. Он – человек семейный, он уступает давлению и таким образом партия «социалистов» увеличивается на единицу, увеличивается партийная касса на несколько марок, и возможно, что из этой кассы некоторая частица деньжонок поступает на содержание газетки «Социалистический вестник», наполненной злокозненной ложью на Союз Советов, издаваемой господами Даном, Абрамовичем и подобными. И допустимо, что немецкие рабочие-эсдеки помогают, не зная этого, распространению лжи и клеветы на рабоче-крестьянскую власть Союза Советов.

Социалистическая пресса является любимым информатором прессы русских эмигрантов-белогвардейцев, хотя и сами эмигранты отлично специализировались на производстве лжи, клеветы, причем эта их продукция становится всё более дрянным браком. Например, в газете профессора Милюкова напечатано, что в Соловках живёт с лишком 600 тысяч ссыльных.

Это было бы ужасно, если б не было наврано. Самый крупный из Соловецких островов имеет 23 километра в длину и 15 в ширину. Почти четверть этой площади занята озёрами. Следующий по величине за Большим – Анзерский остров втрое меньше. Один из островов целиком отведён под питомник соболей, песцов, лис, и на нём живёт не более десяти человек. Остальные острова ещё меньше и не заселены. На всех этих островах, разумеется, нельзя поместить 600 тысяч, да едва ли поместишь и 20.

В той же газете одна излишне энергичная и не очень умная старушка насчитала в Союзе Советов 15 миллионов людей, которые будто бы лишены работы. Это – в стране, где закрываются биржи труда, потому что им некого обслуживать, – в стране, где не хватает рабочей силы!

Газета монархистов печатает сообщение какого-то враня о том, что «иностранцам особенно плохо живётся в колхозах». Каким иностранцам? Зачем они попали в колхозы?

Сообщая о тиражах советских газет, они уменьшают цифры тиражей в несколько раз и умалчивают о том, что, например, «Крестьянская газета» печатается в 2 500 000 экземплярах и даёт не менее 3 миллионов других изданий; «Дружные ребята» – 750 тысяч, «Газета для начинающих читать» – 750 тысяч, «На страже» – 450 тысяч, «Кустарь и артель» – 200 тысяч. Журналы: «Крестьянка» – 80 тысяч, «Крестьянская молодёжь» – 40 тысяч, «Изба-читальня» – 40 тысяч, «Деревенский театр» – 20 тысяч, «Селькор» – 12 тысяч, и прочие расходятся в десятках тысяч; юмористический журнал для деревни – «Лапоть» – 245 тысяч, центральные газеты Союза Советов – «Правда» – 1530 тысяч, «Известия» – 1100 тысяч, «Комсомольская правда» – 567 тысяч экземпляров. Эмигранты знают, что это – верные цифры. Но – надобно лгать. Ложь и клевета – единственное их оружие. Такое и подобное злостное враньё людей, одичавших от «скуки жизни», можно найти в любой газете эмигрантов. Так они информируют буржуазную и «социалистическую» прессу Европы. Но изредка они сами чувствуют, что их враньё доходит до нелепости, и тогда получают курьёзы. Берлинская газета «Руль» – одна из наиболее обозлённых на что-то, очень глупая и хвастливая, – печатает небольшое самовосхваление:

«По поводу разнообразных слухов, вызванных последними событиями в Москве,

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma авторитетная «Кельнише фольксцейтунг» приводит выдержки из парижской газеты «Круа», которая обращает внимание на ложные информации, идущие большей частью из Риги и Ревеля, и противопоставляет им добросовестную информацию некоторых газет, в особенности берлинского «Руля», имеющего возможность получать сообщения из России и благодаря серьёзной литературной опытности, восходящей ещё к изданию «Речи» в Петербурге, умеющего отличить фальшивые сведения от подлинных.»

В том же номере и на той же странице «Руля»:

«Из Москвы сообщают, что там очень недовольны нынешним «ректором» Казанского университета тов. Григорием Зиновьевым; партийная контрольная комиссия настаивает на его немедленном удалении из Казани. Правда, «академическая» деятельность Зиновьева особых нареканий не вызывает: благодаря многократным чисткам среди профессуры и студенчества, а также энергичному проведению «ленинско-марксистской линии» в научно-учебной работе несчастный Казанский университет доведён ныне до такого плачевного состояния, что пережитые им некогда приснопамятные времена Аракчеева и Магницкого представляются эпохой процветания... Зато широкая жизнь разгулявшегося на волжском просторе тов. ректора, его барские, «помещичьи» привычки... и т. д.»

Но Г.Е. Зиновьев в Казани не был, а в день сочинения этой заметки находился в Берлине. «Несчастный Казанский университет» за последние годы сильно разросся, организовав ряд специальных институтов по изучению трахомы, туберкулёза, а в истекшем году вырос «Институт анатомии».

Газетку «Руль» не однажды уличали во лжи и эмигрантские газеты; так, например, парижская газета Милюкова доказала, что письма «Красного командира» сочинялись в редакции «Руля», и сочинялись безграмотно.

Всё это – ничтожные пылинки, но, когда их много, они образуют облако пыли, и людям, которые искренно хотели бы знать правду о жизни в Союзе Советов, приходится смотреть сквозь грязное облако. Но дело не только в этих людях, а в массе рабочих Европы и Америки, – этой пылью клеветы и лжи хотят ослепить именно пролетариат. Легенды о «принудительном труде» созданы не только для целей экономического бойкота Союза Советов, но и для того, чтоб попытаться скомпрометировать в глазах пролетариата социалистическое строительство рабочих и крестьян Союза Советов.

Его понемножку готовят к участию в новой бойне. В 1914 году социал-демократы толкнули его на поля смерти, в 18-м «социалисты» расстреливали рабочих на улицах Берлина. Это следует крепко помнить.

Недавно я слышал в граммофоне песенку хора негров, в ней есть такая фраза:

Мы снова идём куда-то драться,
Но, как в прошлый раз, мы не знаем – зачем?
Если пролетарии Европы и Америки не хотят, чтоб ещё раз десятки миллионов их были уничтожены, они должны твёрдо знать, куда и зачем их толкают, и должны знать, за кем идти следует им.

Клевета и лицемерие. Товарищам просвещенцам Орехово-Зуева
Получил ваше письмо, горячо благодарю вас за внимание к моей работе.

Легко работать, когда знаешь, что труд твой ценят энергичные строители нового мира, новой культуры. Но мне думается, товарищи, что вам не следует особенно возмущаться тем бездарным и тусклым шумом, который подняла пресса буржуазии и эмигрантов и который вы называете «травлей Горького». Шум этот начат не вчера и, я надеюсь, кончится не раньше моей смерти, потому что раньше этого срока я не сойду с позиции, на которую меня поставила ваша боевая энергия.

«Руки прочь от Горького!» Зачем? Пускай касаются, я умею бить и по рукам и по щекам. Пусть наши враги как можно больше и бесплодней тратят остаток своих сил.

Горький же раздражает их постольку, поскольку он служит эхом музыки победоносного марша рабочих и крестьян Союза Социалистических Советов, – марша к великой цели, поставленной ими перед собой. Врагам нашим в истории «не везёт». Что они выдвигают против нас? Мобилизовали свою прессу, и она ежедневно чадит клеветой, ложью. Но без советского «сырья» капиталистам неудобно жить, и они

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma сами же принуждены опровергать грязные выдумки своих «разбойников пера и мошенников печати». Давно ли их пресса доказывала, что «пятилетка» – фантазия? Теперь они всё чаще повторяют, что она осуществима. Давно ли придумали глупую сказку о «принудительном труде»? И уже понемножку сами начинают опровергать её. Они, конечно, могут двинуть, против Союза Советов своих рабочих и крестьян, вооружённых от пяток до зубов наилучшими орудиями человекоистребления. Но чем они замажут глаза и уши своих солдат – людей, которые тоже желают быть свободными и уже знают, что это возможно, что в Союзе Советов нет рабов, нет безработных.

Две недели тому назад европейский капитал пустил в современную действительность серое облако той старой словесной пыли, которой он на протяжении многих веков портил слух и зрение рабочего народа. Устами главы католической церкви, папы римского, хозяина «Града Ватикана», капитализм по радиотелеграфу провозгласил «Городу и миру»:

«Богачи должны рассматривать себя как служителей божественного провидения, как хранителей и распределителей его добра, которым сам Иисус Христос вверил судьбу неимущих.»

Так как, в конечном счёте, это не что иное, как голос самих же богачей, то они, служа «божественному провидению» и пользуясь безработицей, не только отказываются кормить 35 миллионов безработных, а начинают играть на понижении заработной платы. Они устами «князя церкви» мудро советуют «неимущим»:

«Не пренебрегать, – помня пример спасителя нашего Иисуса Христа, его бедность и обещания, – не пренебрегать накоплением духовных богатств, столь доступных им в наше время. И, стремясь к улучшению, в позволительной мере, своего положения» сердечной добротой и прямоотой заслужить милосердие господи и, не творить неправедных дел.»

Далее «князь церкви» обращается к

«РАБОЧИМ И РАБОТОДАТЕЛЯМ

Как рабочих, так и работодателей просим избегать всяких враждебных действий и взаимной борьбы и в братском и дружественном единении взаимно поддерживать друг друга: одни – своими средствами и руководством, другие – своим трудом и сноровкой, и, требуя лишь того, что справедливо, и не отвергая ничего справедливого, достигнуть, не нарушая установленного порядка, не одной только личной выгоды, но и, в неменьшей мере, общего блага.»

Вот как, товарищи просвещенцы, просвещает «неимущих» и «рабочих» римско-католическая церковь, выполняя своё «задание» – утверждать и поддерживать капиталистический строй, основанный на бессмысленной и бесчеловечной эксплуатации рабочих и крестьян. Человек, который говорит эти слова, давно лишённый смысла, – человек этот знает, что церковь бедного Христа диавольски богата, что в Италии существует «Банк Санто Спирито» – банк святого духа. Знает он и то, что церкви Христовы отличаются от настоящих банков только тем, что вклады клиентов – в церкви – не возвращают клиентам. Ему, разумеется, известно и то, что «бедные» лишены возможности «накапливать духовные богатства» в условиях капиталистического строя. «Добрый» совет «бедным» князя богатейшей из церковных организаций даёт отличную тему сатирическим журналам, и очень жаль, что буржуазная пресса, при её «свободе слова», лишена свободы смеха.

«Властителям» судеб рабочего народа «князь церкви» очень мило посоветовал «руководствоваться справедливостью, творить благо, а не зло». Это даёт нам право ожидать, что английские твердолобые лорды, так же как закоренелые мещане Франции во главе с Аристидом Брианом, отнесутся к совету из Рима вполне серьёзно; со свойственным этим людям великодушием и «душевной прямоотой». Лично я жду, что они немедленно прекратят вооружения, откажутся от своего намерения устроить разбойничий набег на Союз Советов и скажут нашим рабочим, нашим крестьянам: «Ну, ребята, – ничего не поделаешь с вами! Папа не желает, чтоб мы делали зло, так уж, если вы начали создавать добро, – продолжайте, мы вам мешать не будем!»

После этого, дома у себя они предложат рабочим «перековать мечи на орала» и начнут кормить миллионы рабочих, умирающих с голода.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Но – если отбросить «шутки» в сторону и вслушаться в кроткий голос капитала из Рима серьёзно? Какая скудость мысли звучит в этом голосе, какая нищета духа! И – какое лицемерие!

Сердечно приветствую вас, товарищи борцы за прекрасное будущее!

Привет победителям

Горячо поздравляю товарищей рабочих-мазутчиков Баку с прекраснейшей победой!

Товарищ Сталин сказал, что у нас есть все объективные условия для победы социализма и дело за условиями субъективными. Эти условия целиком сводятся к двум: одно из них – сознание рабочим классом цели своего героического труда, другое – сознание, что для концентрированной трудовой энергии нет препятствий, которые она не могла бы преодолеть.

Вы, товарищи, выполнив пятилетку в два с половиной года, доказали, что оба эти условия у нас налицо. Ваша победа послужит вдохновляющим примером для рабочих всех областей промышленности, добывающей и обрабатывающей. Вашей победой вы ещё раз сказали врагам Союза Советов, как богатырски выросли вы за тринадцать лет, как велика ваша сила, как организована воля.

Привет победителям! Путь от победы к победе становится всё свободнее, шире!

Да здравствуют победители и вожди их!

Ответ костромским рабочим типографии «Красный печатник»

Получил ваше письмо, дорогие товарищи. Очень благодарю Вас за дружеские чувства, выраженные Вами в этом письме, и, конечно, горжусь тем, что Вы хотите дать «Красному печатнику» моё имя.

Каждый раз, получая письма, подобные Вашему, чувствуешь точно ожог энергии, которая притекает из Союза Советов, где эта энергия творит чудеса, создавая новую жизнь, новых людей. А вместе с этим становится грустно, что вот здесь, в Италии, рабочий класс ещё не создал писателей, которые могли бы честно, свободно и с радостью служить ему. Но эта грусть ненадолго, на минуту. Сияние северной энергии достигает и сюда...

Бывают случаи, когда и здесь встречаются люди, чувствующие «по-советски», случаи такие наблюдаешь всё чаще. Здесь много ходит по деревням немецких рабочих безработных; они работают у крестьян за кусок хлеба, за лиру – за две в день, лира – 10 копеек.

Есть тут и свои безработные. Люди разного языка неплохо понимают друг друга потому, что есть слова, которые на всех языках звучат одинаково. Слова эти: Ленин, Сталин, Советы. В церквях здесь по приказу папы римского попы молятся за «страдающий русский народ». Но бывает так, что прихожане спрашивают попа: «А Вы знаете, что русские рабочие – хозяева в своей стране и безработных там нет?» За такие вопросы, конечно, арестуют.

Вот на днях я получил письмо от рабочих из Сибири, с Кузнецкого строительства; автор письма жалуется на тяжёлые жилищные условия, а пожаловавшись, пишет: «Впрочем – наплевать, потерпим. Начали строить дома для нас, кино строят, ФЗУ. Можно потерпеть, работаем на себя, а не на чужого дядю». Всё глубже вращается в сознание советского рабочего то, что он работает именно на себя и что его примеру последует пролетариат всего мира.

Это – самое главное, что нам надо, товарищи. В этом сознании смысла работы – неисчерпаемый источник творческой энергии.

Крепко жму железные Ваши руки, строители нового мира!

Может быть, летом увидимся.

О действительности

На процессе меньшевиков подсудимый Залкинд, между прочим, весьма скромно сказал т. Крыленко:

«Да, вы – правы, было преувеличение затруднений и преуменьшение положительных

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma «достижений». Подсудимый Якубович с пафосом кающегося грешника признал, что его корреспонденции в «Социалистический вестник» были «сплошной выдумкой». Комическая фигура процесса, безгранично самовлюбленный «учёный» Суханов сознался, что он пять лет – с 1925 года – печатал в грязненьком журнальчике Дана и Абрамовича «выдуманные статьи». Напомню, что Дан и Абрамович – это те самые «социалисты», которые в числе двадцати шести ходили в 1905 году «на чашку чая» к Павлу Милюкову и Ко, за что Владимир Ильич преждеостоко надрал им уши. Все преступники – осуждённые и те, которые ещё ждут своей очереди явиться на суд рабочего класса, – все они на протяжении нескольких лет, кроме прямой своей деятельности – вредительства, которое принесло стране огромные материальные убытки, занимались ещё и тем, что, свободно вращаясь в среде советских граждан и партийцев, сеяли вокруг себя сомнения, уныние, панику. Эта их деятельность тоже преступна, она тоже вредительство, но уже, так сказать, «моральное». Это игра на понижение настроения людей, которые, не щадя своих сил, живя в тяжёлых бытовых условиях, делают великое дело общемирового значения. На днях я прочитал в рукописи весьма яркую пьесу Марианны Яхонтовой «Уот Тайлер»; в этой пьесе кузнец Тайлер, организатор в 1381 году восстания крестьян против феодалов Англии, отлично говорит:

...каждый из врагов

В себе хранит прошедшего заразу

И речью, полной яда, красотой

Отживших форм её разносит всюду.

Это – правильно и неоспоримо. Каждый из вредителей заражал среду, в которой он вращался, и мы знаем, как разнообразно заболели партийцы и беспартийные, которым эта зараза прививалась. Далеко не все люди настолько здоровы, чтобы сопротивляться ядовитому дыханию врагов, которые загнили и разлагаются. Не все достаточно хорошо вооружены теоретически для того, чтоб отражать речи, «полные яда» и облечённые в красивую форму. А главное, далеко не все умеют видеть действительность такой, какова она есть, многие всё ещё смотрят в настоящее из прошлого, издали, искоса, и для многих невидим, непонятен главный деятель настоящего – свободная, социалистически организуемая, поразительно продуктивная энергия рабочей массы. Как действует зараза? Я помню такой случай: в 1928 году была напечатана моя статья о «механических гражданах». Человек, которого я – как и многие другие – издавна привык считать честным, искренним революционером, но который сейчас арестован вместе с другими вредителями, – человек этот сказал мне: «Вы полемизируете с дураками, но ведь есть неглупые люди, которые думают и чувствуют так же, как эти ваши «механические». Я возразил, что полемизирую с людьми, которые кажутся мне достаточно типичными для их среды. «Да, конечно, – сказал он. – Но их мысли вы могли бы найти в форме более сильной».

Через несколько дней я услышал этот же упрёк от одного поэта. Затем упрёк этот был повторён ещё несколькими людьми в ряде анонимных писем по моему адресу. Некоторые из мыслей механических граждан были облечены действительно в «красивую» и потому – сильную форму. Но по смыслу они всё-таки оставались мыслями механически думающих людей, которым действительность, творимая рабочим классом и её вождём – партией, органически враждебна и неприемлема.

Процесс меньшевиков развернул цепь этих мыслей во всей её полноте, звено за звеном. Это, разумеется, так и должно было случиться.

Наш воспитатель – наша действительность. Враги преувеличивают силу её отрицательных явлений и преуменьшают значение положительных достижений. Но когда сами они достигли скамьи подсудимых, они немедленно признали, что достижения преобладают над отрицательными явлениями нашей действительности. Так как сами они – отрицательное явление, то следует верить им: голосом их говорит именно та мерзость жизни, которую рабочий класс должен победить и – побеждает. Да, этим голосам следует верить. Один из моих знакомых, человек прямой и честный, хотя и не партиец, просидев три дня в зале суда, написал мне: «Впечатление такое: люди эти давно искали удобного случая заявить, что они – мерзавцы, наконец получили эту возможность и заговорили о себе с полной искренностью».

Разумеется, это – искренность преступников, ущемлённых действительностью, вызванная страхом уничтожения. И всё же это – искренность. Один из них признался, что он «как-то не заметил того, что заметили миллионы». Вот это – «ложь во спасение», это – явная ложь: нельзя не заметить того, насколько сильно концентрированная энергия рабоче-крестьянской массы изменила в тринадцать лет

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
бывшую действительность и какие солидные, несокрушимые заложила она основы для действительности будущей. Нельзя, «не замечая» достижений, заниматься в течение пяти лет «преуменьшением» значения достижений. Но – покаяние грешников всегда имеет нечто весьма сходное с рвотой, процессом механическим, и всегда содержит в себе то или иное количество лжи. Раскаиваясь, жулик иногда говорит: «Я гораздо хуже, чем вы думаете, вот до чего я искренно говорю о себе, и поэтому вы должны пощадить меня».

Это – противно, но от этого показания осуждённых меньшевиков не лишаются их ценности: они единогласно подтвердили, что достижения рабоче-крестьянской власти в деле строительства социализма уже преобладают над затруднениями, и этот факт подтверждается, между прочим, тем, что вредители, организаторы затруднений, успешно вылавливаются, выдёргиваются из действительности. Она развивается с бесподобной быстротой по пути к полной победе над прошлым и тысячами голосов внушительно говорит о своих завоеваниях. Вот крестьянин И.Новиков, автор брошюры «Факты, зовущие в колхоз», сообщает мне:

«Географ П.Семенов-Тяньшанский в известной работе «Россия» (издание 1902 года, т.2) указывал, как крестьянство Центральной чернозёмной области, не имея возможности прокормиться на своих нищенских наделах, придавленное помещичьей арендой и царскими налогами, ещё до семидесятих годов прошлого столетия ринулось в переселение.

«Дома мы наверно помрём с голоду, а там, на окраинах, может быть, и не погибнем», – говорили крестьяне – и гибли на окраинах; гибли, возвращаясь ни с чем с окраин, и у себя дома..

Теперь это звучит для ЦЧО анахронизмом. Если в 1928 году в области было 81 тысяча безработных, там теперь неудовлетворённый спрос на рабочую силу превышает 181 тысячу человек. Всё это и многое другое, – ЦЧО на каждую сотню жителей имела два года назад грамотных 38 человек, к концу этого года неграмотность будет в основном ликвидирована полностью, – достигнуто тремя причинами: партией, Советской властью, индустриализацией и коллективизацией. Если раньше ЦЧО была богата преимущественно помещиками и голодными, безработными, неграмотными людьми, то теперь ЦЧО становится богатой промышленностью, колхозами и хозяйственно здоровыми, культурно неузнаваемыми людьми. Приходится удивляться, как все эти простые, но колоссальные по своему политическому значению факты ускользают из внимания таких «граммотеев» сельского хозяйства, как Кондратьевы, Чайановы и Ко.»

Вот голос Осетии:

«...Мы принимаем все меры по укреплению обороны страны Советского Союза, мы выполним пятилетку в четыре года, завершим в Осетии к весне 1931 года сплошную коллективизацию (на 6 февраля Осетия коллективизирована на 75 процентов), проведём на этой основе полную ликвидацию кулачества как класса – этого последнего паразитического оплота капитализма в СССР. В то время как в странах капитала национальные меньшинства и рабоче-крестьянские массы живут под жесточайшим гнётom империалистических хищников, когда происходит одичание буржуазного общества на фоне нарастающего кризиса капитализма, в Стране Советов вся масса дружно, по-ленински строит новую социалистическую культуру. В прошлом жестоко угнетаемая царизмом отсталая Осетия, имевшая в 1913 году 10 процентов грамотных, теперь добилась 65 процентов общей грамотности, введено всеобщее начальное обучение. В 1931 году заканчиваем полную ликвидацию неграмотности. За один 1930 год Осетия выпустила литературы столько, сколько было выпущено за 125 лет существования осетинской письменности.»

Вот Березовщина – бывший Одесский округ, –

«...которая имеет уже 96 процентов всех бедняцко-батрацко-средняцких хозяйств всего района в колхозах, подходит ко второй большевистской весне сплошь коллективизированной, которая добывает уже окончательно как класс извечного врага трудового селянства – кулака.»

Вот Амвросиевка – Донбасс – извещает:

«Как и в СССР в целом, мы имеем развёрнутое наступление социализма по всему фронту. К весне 1931 года мы будем иметь не меньше 80 процентов

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma беднячко–середнячких хозяйств в колхозах и исключительно социалистическую промышленность в районе. Пролетариат ещё больше укрепляет свои позиции, заимев мощную и многочисленную опору в лице колхозников, ликвидируя своего основного внутри страны противника – кулачество как класс.»

Вот говорит далёкая окраина Сибири:

«...Мы, батраки, бедняки и середняки посёлка Плоско–Сенишского, Ребрихинского района, Западносибирского края, активно участвовали в ликвидации царского генерала Колчака, восстанавливали разгромленное, сожжённое индивидуальное хозяйство, работая веками по старому способу; восстановив хозяйство полностью, признали, что мы, восстанавливая единоличное хозяйство, неизбежно должны растить кулаков и рядом пролетариев, и ту пролитую кровь на наших полях за дело социализма будто бы забываем, убедившись полностью в этом, сегодня собрались сами, свободно обсудили этот вопрос и решили организовать сельскохозяйственную артель из 13 домохозяев, обобществить средства производства, земельную территорию, рабочих лошадей и семена, намечаем вовлечь в нашу артель остальных членов–единоличников и всю площадь земли засеять общественным способом, в текущую весеннюю сельскохозяйственную кампанию увеличить посевную площадь против прошлого года на 90 процентов и этим самым выкорчевать окончательно частную собственность.»

Вот пишет Старорусский съезд советов:

«Мы, собравшись на съезд советов, объявили себя ударниками по выполнению всех задач третьего, решающего года пятилетки. Мы взяли обязательства по промышленности выполнить и перевыполнить промфинплан, успешно провести весенний сев, коллективизировать к весне одну четвёртую часть всех крестьянских хозяйств района и крепить оборону нашей страны. Мы хорошо знаем, что, выполняя эти задачи, мы будем сильнее и крепче. Товарищ Сталин на днях хорошо сказал, что отсталых бьют. А мы не хотим оказаться битыми.»

913 рабфаковцев и 52 курсанта, люди 28 национальностей, пишут из Владикавказа:

«На днях 160 добровольцев–рабфаковцев ударными бригадами пошли в отдельные уголки национальных областей Северного Кавказа, имея перед собой определённые задачи: довести до каждого трудящегося великие реальные задачи ВКП(б) о втором большевистском севе, завербовать националов в рабфак, заняться ликвидацией неграмотности, провести политехнизацию рабфака.»

А вот ещё голос из белорусских болот:

«В большие метели и трескучие морозы «Страна Советов» окончила работу и подвела итоги. В колхозе 240 га. Из них – 200 пахотной земли. Урожай полностью был засеян по райколхозсоюзному заданию. Ржи намолотили 175 центнеров, пшеницы – 8,33 центнера, овса – 910 центнеров, ячменя – 99,2 центнера, картофеля – 1929 центнеров, валовой прирост 22 937 руб. 23 коп. Засеяно ржи 35 гектаров. Осталось от сдачи государству и еды 560 центнеров, какой поделён меж членов колхоза. В колхозе личится 16 кредита 1885 рублей. Сейчас колхоз вступил в другой год существования и с энтузиазмом взялся за подрихтовку 17 другой большевистской весенней кампании. Сейчас колхоз вместе с крестьянством неколхозниками проводит сбор средств на постройку воздушного флота – на дирижабли «Клим Ворошилов», «Колхозник», «ОГПУ» и другие в ответ интервентам Запада, и усиливаем военную подготовку, строим осоавиахимовские отряды. Привет из Белорусских болот.»

А вот:

«В 250 километрах от Свердловска находится небольшой городок Шадринск, – лет тринадцать назад «городок Окуров». В этом городке теперь имеется ФЭС, школа взрослых, педтехникум, сельхозтехникум, рабфак, целый ряд школ первой ступени и различных курсов, в том числе и наши курсы, готовящие рабочих к поступлению во втуз.

Наши курсы готовят будущих пролетарских специалистов. Опыт работы наших курсов полностью доказывает правильность слов товарища Сталина, что мы овладеем наукой, чтоб ещё успешнее, ещё более быстрыми темпами строить социализм. За десять месяцев на курсах рабочие, не имевшие почти никакой подготовки, преодолевают

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyта ударной работой и упорным большевистским желанием курс средней школы.

1 марта исполнилась годовщина существования курсов. За это время выпущено 213 человек, которые уже учатся в уральских втузах. Первого апреля состоится очередной выпуск в 45 человек.

Мы надеемся, что осуществили связь науки и труда, что в своей работе по окончании втуза соединим качественно высокую научную подготовку с чёткими, марксистско-ленинскими революционными перспективами. В противоположность вырождающемуся капиталистическому Западу, проповедующему отказ от науки, мы глубоко понимаем ценность культурного наследия и необходимость создания пролетарской культуры.

Мы полны уверенности, что создадим такие культурные ценности, каких не знала история человечества.

На наших глазах меняется отношение к труду, создаётся новый прекрасный тип человека – строителя социализма, в корне реконструируются на коммунистической основе человеческий быт, человеческие взаимоотношения. Героизм делается бытовым фактом.

В нынешнем году в хозяйство Урала вкладывается 1600 миллионов рублей. Запроектирован прирост валовой продукции по чугуну на 77 процентов, по углю – на 99 процентов, по меди – на 130 процентов, по железной руде – 145 процентов против прошлого года. Вводится в действие 39 новых заводов с общей стоимостью в 650 миллионов рублей. Это такие темпы, каких никогда ещё не знал мир, а пролетариат Советского Союза, и в частности нашего Урала, твёрдо уверен, что эти задания им будут выполнены. В текущем году в нашу уральскую промышленность вовлекается 385 тысяч новых рабочих, безработицы у нас уже нет, каждая свободная пара рук у нас дорога, тогда как за рубежом миллионы трудящихся вынуждены голодать и за бесценок продавать свой труд.»

За два месяца, январь – февраль, я получил из разных концов Союза Советов двадцать три таких письма от создателей новой действительности, в которой трудовой героизм становится «бытовым фактом». Этот «бытовой факт» ежедневно подчёркивает вся наша пресса.

Отлично знакомые нам городки Окуровы превращаются в центры социалистической культуры. Это похоже на сказку, но это – факт. Башкирия и Узбекистан, глухая тайга Сибири и Карелия, Молдавия и Чувашия – все в один голос радостно и гордо заявляют: воскресли к новой жизни, встали на ноги, работаем, понимаем глубокий смысл нашей работы, да здравствует партия, наш вождь!

Слышит ли старый мир эти голоса и шум грандиозной работы нашей? Есть много признаков, что слышит. Враждебная непримиримость этого мира в отношении его к нам хорошо известна. Но этот старый мир не единодушен, и всё чаще доходят из него свидетельства о другом отношении к Союзу Советов. На днях я получил письмо, в котором человек, хорошо знающий Европу и наблюдательный, пишет об её интеллигенции:

«Очень любопытно видеть, с каким интересом и вниманием, вовсе не похожим на злобный скрежет зубов, следят во Франции и Англии за Россией, как искренно удивляются громадным шагам, которые она делает.»

Этот «интерес» и это «удивление» можно бы подтвердить фактами, но – подождём. Пусть их накопится больше.

Сеятели сомнений и уныния, мелкие честолюбцы, лентяи, кандидаты на должность новых паразитов рабочего класса должны внимательно прислушаться к этим голосам. Они все говорят одно и то же: в Союзе Советов власть, разум и воля рабочих и крестьян создают новую действительность. Она вся – в наших достижениях, которые растут и развиваются непрерывно. Старая действительность быстро издыхает, исчезает. Нет никаких сил, которые могли бы оживить и возродить её. Все, кто хочет научиться честно жить и продуктивно работать, должны учиться именно на достижениях наших, именно в них действительный и действенный смысл жизни. Никогда ещё понятие самообразования не имело такого глубокого значения, какое получило оно в наши дни, когда трудовой народ всего Союза Советов, создавая первое в мире государство социалистов, организуется как та сила, которая

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma призвана историей преобразовать весь мир.

Учитесь на новой действительности, которую вы сами же создаёте. Ошибки тоже поучительны. Владимир Ильич часто говорил: «Не ошибается только тот, кто ничего не делает». Но надо помнить, что нам гораздо усерднее и более ловко помогали ошибаться и очень искусно мешали строить. Нам вредила старая действительность в лице тех людей, которые хотели установить её. Нам она будет вредить до той поры, пока мы её не вышвырнем из бытовых условий, а это значит – надобно вышвыривать её изнутри самих себя. Но мы её вышвыриваем так же, как вышвыриваем из жизни вредителей по ремеслу, покорнейших слуг грязного, жестокого и пошлейшего старого мира, гнилостное разложение которого идёт с быстротой гораздо большей, чем строительство нового мира в Союзе Советов.;

Руководителям журнала «Лиги против империализма»
Уважаемые товарищи!

Вы предложили мне написать статью для журнала «Лиги против империализма». Я не знаком с программой журнала, и предложение ваше возбудило у меня вполне естественный вопрос: кто читатель, на разум и социальное чувство которого хочет воздействовать ваш журнал?

Вероятно, это не капиталист, уродливое существо, которое, подчиняясь маниакальной страсти к наживе, создало политику империализма, то есть систему грабежа и угнетения слабых. Мы, конечно, не станем убеждать крупного хищного зверя: не пожирай телят, ешь капусту!

Империализм является логическим завершением капитализма, это – гипертрофия капитализма, его болезнь, и, разумеется, не наше дело лечить её. Как честные люди и революционеры, мы желаем, чтоб болезнь эта как можно скорее приняла характер неизлечимый. Кажется, это уже так и есть: по всем признакам – болезнь смертельна. И бесполезно убеждать больного: ты живёшь плохо, – он уже органически не способен жить лучше.

Значит – не он читатель журнала «Лиги». Тогда – интеллигенция, которая служит интересам капитала? Роль этой интеллигенции совпадает с ролью «лоцманов», особой породы рыб из разряда колючепёрых, эти рыбы живут в симбиозе с акулами, они сопровождают акул в поисках пищи, и возможно, что именно они находят пищу – акулам. Питаются «лоцманы» не только тем, чего акулы не успевают пожрать, но и экскрементами акул. В «интересах справедливости» должен упомянуть, что некоторые из учёных «рыбоведов» не уверены в том, что «лоцманы» кушают экскременты хищных рыб. Неоспоримым различием между интеллигентом и рыбами служит тот факт, что рыба – не лжёт.

Роль интеллигенции в капиталистическом обществе превосходно характеризуется деятельностью вождей II Интернационала и таких бывших социалистов, как, например, Аристид Бриан, Карл Каутский, де Брукер, Вандервельде и значительное количество других «лоцманов», которые ведут грязный корабль империалистов, так скверно и наглядно бронированный лицемерием, ложью, цинической жестокостью.

Роль интеллигенции отлично выяснена на московских процессах вредителей; процессы эти показали, что сотрудничество «лоцманов» с акулами весьма прочно. Людей типа русских меньшевиков Дана и Абрамовича не стоит убеждать в том, что империализм – бесчеловечен, и в том, что подлость есть подлость, – они не поверят. Вообще же мне кажется, что по мере того как революционные настроения рабочего класса повышаются, количество честных людей среди интеллигенции катастрофически падает.

Есть только один читатель, который всё ещё нуждается в ярком и подробном освещении мерзостей капиталистического мира, читатель этот – рабочий буржуазных государств. Он служит до известной степени участником политики империалистов, – участником, разумеется, невольным, автоматическим. Рабочая масса Европы всё ещё безвластна и не самоуправляется, как это мы видим в Союзе Советов, а её разумом и волею всё ещё безнаказанно управляют, как это особенно ярко выражено в Англии.

Целый ряд очевидностей позволяет считать командующий слой британской нации людьми, мозги которых особенно густо засорены и отравлены грязноватой пылью капиталистической идеологии. Некоторые из англичан – весьма немногие – сами понимают это: например, некто Аллан Картхилль в книге «Потерянная империя» откровенно и не без юмора говорит:

«Я не считаю верными частые утверждения, что британцы не способны стать хорошими лжецами или интриганами. Есть серьёзное основание утверждать обратное». Он же говорит: «Предоставьте человеку случай быть Калигулой, и он станет им. Это особенно верно относительно англичан».

Известно, что Калигула был существом весьма отвратительным и за четыре года царствования своего в Риме прославился на века как человек садический, жестокий. Это его качество – в наше время и будь он англичанином – вероятно, сделало бы Калигулу вице-королем Индии.

По Картхиллю – «англичанин вообще склонен смотреть на всех иностранцев как на какую-то невменяемую массу, несомненно, низшего сорта», – вероятно, это качество не столь «национальное», как классовое качество, одинаково присущее хозяевам всех наций.

Английский империалист твёрдо убеждён, что, например, индусы сами по себе «настолько бездейственны, насколько их могли сделать такими тысячелетия деспотизма. Деспотизм не дискредитировал себя в глазах индусов; люди Востока не понимают других форм правления, они требуют власти хозяина».

Это говорит всё тот же Картхилль, английский администратор в Индии, и это он говорит в 1925 году, когда национальная революция в Индии заявила о себе достаточно определённо. В прошлом, более отдалённом, восстание сипаев тоже очень трудно объяснить привычкой индусов к деспотизму англичан.

То же самое, что английский империалист говорит об индусах, француз скажет о населении Индо-Китая и любой из европейских капиталистов – о Китае. И акулы, ораторствуя в парламентах, и «лоцманы», защищая на страницах газет классовые интересы акул, одинаково усердно вбивают в мозги европейского пролетариата затхлые мыслишки, вроде таких: «Нация способна достигнуть только известного уровня цивилизации; когда этот уровень достигнут – неизбежно наступает упадок».

Внушая эту мысль, англичанин думает, разумеется, не о культурном упадке и разложении Англии, а о Турции, Персии, Индии, Китае, о «людях Востока», которые «требуют власти хозяина». Он всё ещё хочет быть хозяином мира, хотя уже чувствует, что эта привычная роль не по силам ему. Начиная хотя бы с Мальтуса, продолжая Спенсером, англичанин убеждён, что «из свинцовых инстинктов не сделаешь золотого поведения», «Невозможно превратить путём воспитания человека типа С в человека типа А», – убеждённо заявляет Картхилль, гражданин государства, в котором принято делать лордов из лавочников и даже давать аристократический этот титул членам рабочей партии, если они делают хорошую капиталистическую политику.

«Заблуждением XVIII века – заблуждение ещё и теперь достаточно живучее – была идея «человеческого совершенствования». Эта доктрина, оставляя в стороне влияние наследственности, – совершенно ложна и потому крайне опасна для политика».

Полагаю, что приведённые цитаты с достаточной ясностью обнажают изгнившие корни идеологии не только твердолобых англичан, а вообще основные корни философии всех империалистов Европы и Америки, – англичане только откровеннее других договаривают мысли до конца. К чему бы разбойнику философия, когда у него есть очень хорошие орудия для сдирания кожи с живых людей в колониях и метрополиях? Но творчество философии акул – профессия «лоцманов».

Повторяю: мне неизвестна программа журнала «Лиги против империализма», но я уверен, что редакция, наверное, поставит целью своей вскрывать пред пролетариатом именно ложь основных посылок идеологии империализма, вскрывать её в форме предельно популярной и всегда опираясь на факты текущей действительности. Действительность, создаваемая концентрированной энергией рабочих и крестьян Союза Советов, изобилует фактами, сила которых вполне способна разрушить любую ложь «империализма как политической философии» и обнажить гнусность её как практики капитализма. Особенно обильные факты этого рода можно почерпнуть в области достижений рабоче-крестьянской власти на территориях бывших колоний царя и капиталистов в Средней Азии: в Азербайджане, Туркменистане, Узбекистане и т. д. Эти факты будут бесспорно поучительны для пролетариата, а культурно-революционное воспитание пролетариата – это и есть насущная и великая задача всех искренних социалистов.

Редакции газеты «Канадский гудок»

Горячо приветствую рождение первой в Канаде рабочей газеты на русском языке; приветствую её решение «мужественно бороться за власть рабочего класса и торжество мирового Октября».

Это революционное решение более чем когда-либо повелительно диктуется силой современных условий рабочим всех стран и наций. Мировой экономический кризис не что иное, как один из тех припадков смертельной болезни, которая неизлечима и неизбежно убьёт капитализм. Насколько силен этот припадок, о том вполне убедительно говорит факт существования в наши дни двадцатимиллионной армии безработных, созданной капиталистами и непрерывно растущей.

Это – небывало мощный удар по системе капиталистического хозяйства и яркое доказательство банкротства системы, основанной на хищнической, безответственной, бесчеловечной эксплуатации труда рабочих, это – неоспоримое свидетельство преступности капиталистического строя. Разве не преступно – обладая огромными запасами хлеба и других продуктов питания, осуждать миллионы рабочих с их детьми на голод?

Угрожая рабочим нищетой и вымиранием от голода, капитализм сам указывает рабочим Европы, С.Ш.С.Америки, Канады и колоний единственный выход из этой трагической позиции, в которую он, капитализм, поставил трудовой народ всей земли. Выход этот – единодушное объединение рабочих масс вокруг III Интернационала, борьба за мировую революцию, за власть пролетариата, за организацию Всемирного Союза Социалистических Советов. Только этот выход, предуказанный гением Владимира Ленина и ныне утверждаемый всею силой политико-экономических условий, сложившихся в наши дни, может спасти трудовой народ мира от рабства и гибели.

Только борьба за диктатуру пролетариата является классовой обязанностью каждого рабочего, который способен чувствовать и мыслить, как настоящий революционер, как подлинный, неподкупный и мужественный боец за интересы своего класса.

И следует хорошо понять, что всякий, кто внушает рабочему классу иные, половинчатые, трусливые приёмы борьбы, иную цель её, – это враг рабочих и сознательный или бессознательный сторонник капиталистов. Желая быть правильно понятым, добавлю, что, говоря о сторонниках капиталистов и предателях рабочего класса, я говорю о социал-демократах II Интернационала.

Капитализм издыхает, но он ещё жив и судорожно защищается от неизбежного. Перестраивает промышленность, монополизировав её, применяя новейшие технические изобретения, сокращая количество рабочих на фабриках, выбрасывая тысячи их на улицу, понижая заработную плату масс, повышая её для высококвалифицированных единиц, отрывая этим от тела рабочей массы живые её куски, всячески стараясь развратить её, обессилить, задержать развитие её классового, революционного самосознания. Не брезгают ни религией, ни оружием, действуют против рабочих одновременно «и крестом и мечом». Понимая, что мировая революция неизбежна, капиталистические государства продолжают и дома у себя и в колониях сажать рабочих в тюрьмы, ссылают на каторгу, расстреливают их тысячами.

Царское правительство в России тоже делало всё это и – воспитало большевиков, которые свернули ему шею, организовали рабочих в непобедимую силу, выгнали капиталистов вон из своей страны, разбили армии офицеров, вооружённые европейскими капиталистами, которые хотели сделать Россию своей колонией и которым битые рабочими русские помещики и фабриканты готовы были продать её.

И вот уже тринадцать лет партия закалённых в тюрьмах и боях большевиков, возглавляя рабоче-крестьянскую массу Союза Советов, организовала на огромном пространстве Союза могучую армию строителей социалистического государства.

Русские рабочие и крестьяне, коммунисты Союза Советов, работают в атмосфере ненависти к ним со стороны мещан всего мира, в атмосфере предательства и вредительства со стороны холопов капитала, в тяжёлых бытовых условиях, ибо им необходимо хорошо одеть, обусть, накормить, научить новым формам жизни 160 миллионов единиц.

Только классовые враги, наёмные клеветники, «разбойники пера, мошенники печати» смеют отрицать успехи рабоче-крестьянской власти в деле строительства

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma социалистического государства. В Союзе Советов – безработных нет, нам не хватает рабочих, и постепенно их приглашают из Европы. Рабочий класс и крестьянство Союза Советов строит на свои рубли, на свой заработок величайшие в мире фабрики, энергично электрифицирует всю страну от Закавказья до окраин Сибири и от берегов Ледовитого океана до Гималаев. Рабочий класс Союза Советов успешно разрешает самую тяжёлую и трудную, наиболее революционную задачу – он вырывает из жизни основной и глубочайший корень индивидуализма, уничтожая мелкие крестьянские хозяйства, которые одинаково бессмысленно истощали и плодородие земли и силы крестьянства, покорного раба земли.

Из раба создают властелина; крестьянство вооружается машинами, удобрением, в текущем году 50 процентов всех мелких хозяйств будет коллективизировано. Крестьянство уже прекрасно видит выгоду колхозов, где урожай в три-четыре раза выше, чем на поле единоличного хозяина, и где труд в десять раз легче.

Крестьянство видит своих детей студентами высших учебных заведений, видит их инженерами, агрономами, врачами, видит на командных должностях в администрации, командирами Красной Армии. Крестьянство начинает чувствовать себя наравне с рабочими законнейшим хозяином всей страны, оно утрачивает свою специфическую глубоко консервативную психику, крестьянин становится таким же рабочим на полях, каков рабочий на фабриках и заводах. В крестьянстве бурно проснулась жажда знаний, стремление учиться. Организованы школы крестьянской молодёжи, школы для взрослых, всюду развивается культурно-революционная самодеятельность.

Старший и наиболее энергичный брат крестьянина, рабочий, прекрасно понимает свою ответственность перед деревней. Стремясь как можно скорее вовлечь всю массу крестьян в процесс создания социалистической культуры, стремясь вооружить её машинами и всеми предметами первой необходимости, рабочий, не щадя своих сил, организует социалистическое соревнование в труде на фабриках, организует ударные бригады, создаёт встречные промфинпланы, – скоро в Союзе Советов совершенно исчезнет деление трудового народа на рабочих и на крестьян.

Юношество – комсомольцы и тем более дети – пионеры – уже не чувствуют этого деления.

Товарищи рабочие Канады! Пред вами – пример, которому вы должны следовать, если только чувство классовой солидарности знакомо вам и сознание единства интересов пролетариата всех стран не чуждо разуму вашему. В стране, где вы живёте и работаете рядом с рабочими другого языка, вы должны не только учиться, но и учить.

Вам нужно знать о жизни Союза Советов больше, чем вы знаете, нужно знать по возможности всё о том, как живёт и что именно строит рабочий класс и крестьянство Союза Советов. Шесть ваших клубов вы должны вооружить литературой Союза. Вам надо знать, что и как пишут молодые литераторы – крестьяне и рабочие. Вы узнаете многое, что вас и удивит и порадует и что повысит вашу энергию революционеров.

Будьте здоровы, товарищи! Для этого надобно быть прежде всего большевиками, потому что именно большевизм оздоравливает пролетариат всех стран, именно он создаёт неутомимых борцов за социализм, за власть рабочих.

О работе неумелой, небрежной, недобросовестной и т. д. Издательство «Молодая гвардия» выпустило на рынок знаменитую книгу А.Э. Брема «Жизнь животных». Книга эта издана под таким титулом:

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ

по А.Э. Брему в переработке В.И. Язвицкого и М.А. Гремяцкого

под редакцией профессора Н.С. Понятского.

Несколько ниже напечатано ещё четыре слова:

Допущено Государственным Учёным Советом.

Куда «допущено» – об этом не говорится. Посмотрим, что «допущено». Предо мной третий том этой книги – «Животные млекопитающие». Советские граждане Язвицкий и

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Гремяцкий не сговорились, как нужно писать: лазить или лазать? Они пишут этот глагол и так и эдак. Это, конечно, пустяки для грамотных людей. Читателю важно, что и как рассказывают эти люди о животных.

Прибавив муравьеде ещё одно, совершенно лишнее наименование – мурашеед и признавая его «наиболее красивым из сумчатых животных», они говорят о нём: «животное производит приятное впечатление особенно живым». Итак, читатель узнаёт, что «красивое животное производит приятное впечатление». Но что значит: «особенно живым»?

Тафа: «так больно кусается, что даже туземцы не решаются подставить руку живому животному». Что значит здесь словечко: «даже»? И неужели туземцы решаются «подставлять» свои руки укусам других животных?

У сумчатой куницы «хвост длинный, со всех сторон густо покрытый волосами». Этот всесторонне волосатый хвост возбуждает сомнение в грамотности граждан, которые «переделали» Брема. Далее сомнение усиливается.

О кроте мы узнаём, что «жизнь он проводит в постоянном рытье». Не спит, не ест, а «постоянно» роет. Вамбат вырывает корни «усилиями морды». «Движения его медлительны, но постоянны и сильны». Если его схватить за ноги, он «обнаруживает большую злобу и кусается очень решительно». А разве есть зверюшки, которые кусают не решительно?

О насекомоядных читатель узнаёт, что: «Насекомоядное не умерщвляет сначала добычу, а сразу начинает пожирать её живьём. При его зубах оно в сущности и не может поступать иначе, эти зубы сразу впиваются в тело добычи, а пила, как известно, всегда очень болезненная вещь».

Землеройки: «Человек не может извлечь непосредственной пользы из этих животных, остаётся только косвенная польза, которую приносят землеройки. Пользу эту создавали, вероятно, уже древние египтяне, потому что они бальзамировали один вид землероек и хоронили их вместе со своими покойниками». Вот такая чепуха «допущена» «Учёным советом» к обращению среди советских читателей.

«Крот имеет тело формы валька», – сообщают граждане Язвицкий и Гремяцкий, причём оказывается, что они видели валёк только одной, наименее распространённой формы. Ибо, по их словам: «Валёк – тело одинакового поперечника по всей длине», а в действительности наиболее удобный и распространённый валёк расширяется от ручки до конца. «Благодаря форме своего тела крот никогда не может быть ущемлён в своих шахтах и сколько нужно вертится вокруг длинной оси своего тела, не имея для этого надобности рыть снова». Затем, в опровержение сказанного об одинаковом поперечнике, авторы этой ерунды говорят: «передняя часть тела крота гораздо толще задней».

О шиншиллах сказано так: «С изумительной лёгкостью лазят они туда и сюда по отвесным скалам, на которых, казалось бы, не за что уцепиться». «Самки, которых легко отличить по меньшей величине, усаживаются на пятки и издают особые звуки». По Язвицкому и Гремяцкому, у прыгающих грызунов: «Не только кости ног, но и все длинные кости тела этих животных во взрослом состоянии пусты внутри и лишены костного мозга». Ну, а в младенческом состоянии костный мозг есть в костях?

О тушканчиках говорится: «Тушканчик на всём скаку мчится так быстро, что лучший конь не в силах догнать его». «Нельзя сказать, что они чересчур боязливы, но они беспокойны и трусливы». «Если увидеть зверька, бегущего в некотором отдалении, то можно принять его за снаряд, пущенный из орудия». Острое зрение у Язвицкого и Гремяцкого: эти граждане видят даже «снаряды, пущенные из орудия».

О «мышях-малютках» они рассказывают так: «Детёныши уже на первом году строят себе довольно затейливые гнёзда и отдыхают в них. В своей великолепной колыбели они остаются обыкновенно до той поры, пока не сделаются зрячими». Читатель имеет право удивиться: слепые мышата строят затейливые и даже великолепные гнёзда!

Интересно по малограмотности рассказано о тюленях (страница 327). Так же интересно и о китах: кит, утомлённый погоней, останавливается «и начинает валяться по волнам» (страница 348). На 358 странице, выписав откуда-то рассказ об охоте на китов, Язвицкий и Гремяцкий добавляют от себя: «Ловля кончилась благополучно, хотя на неё смотрели с берега пастор и несколько беременных

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyта женщин». Здесь слово «хотя» даёт читателю право умозаключить, что попы и беременные женщины действуют на китобойный промысел «не благополучно».

Кашалот «поражает своей ассиметричностью, которая стоит на границе возможного». «В одном случае кашалот, ударяясь о судно, так сильно разбился, что стал в бешенстве валяться по волнам».

«Виверы – хищники, родственные кошкам, – по заднепроходным отверстиям имеют сильно развитые железы с круглыми зрачками».

У гималайского медведя «зубы доходят длиной до 1 метра».

«Каир является высшей школой для ослов», – утверждают Язвицкий и Гремяцкий. О, граждане! Разве только один Каир! «Езда на ослах в Каире происходит через толпу всадников и животных», – через, а не сквозь! «Буржуазные государства мулов запрягают в государственные повозки».

«Дикие быки, будучи убиты человеком, используются им всесторонне». О симментальских быках сказано, что «их молочность далеко уступает той, которой отличаются расы низменностей».

Язвицкий и Гремяцкий при всей их поразительной малограмотности любят точность и проявляют её в форме весьма оригинальной, например, на странице 675 они сделали такое примечание:

«Характеристика, данная Бремом павианам, проникнута резким и странным чувством личной антипатии. Мы даём её в сильно смягчённом виде».

Возможно, что читатели упрекнут меня: слишком много выписано глупостей! Но в книге – 693 страницы, и глупости посеяны почти на каждой из них. Я считаю себя достаточно хорошо знакомым с небрежностью работы наших издательств. Небрежность эту нельзя объяснить только малограмотностью, ибо она весьма часто вызывает впечатление явной недобросовестности.

Но из всей чепухи, которая издана, издаётся у нас, работа Язвицкого и Гремяцкого является особенно постыдной. Книга очень хорошо оформлена, но отличный, яркий текст Брема испортили, как будто «на смех людям». Не сомневаюсь, что переработка Язвицкого будет встречена как праздник злопыхателями и врагами рабоче-крестьянской власти. Но суть, разумеется, не в том, что издыхающие похихикают, – суть в том, что у наших издательств как будто всё более понижается чувство ответственности перед советским читателем, а ведь читатель этот тяжёлой жизнью и героической работой своей, казалось бы, заслуживает всё более внимания и уважения к нему со стороны граждан «делателей книги».

В этом скандальном случае есть странность: второй том «Жизни животных», посвящённый птицам, переработан Язвицким более грамотно, нелепостей, вроде приведённых выше, во втором томе почти нет. Язвицкий обильно и умело пользовался солиднейшим трудом профессора Мензбира, читал Кайгородова и других, они хорошо помогли ему спрятать его суконный язык, пренебрежение к русской грамматике и прочие грехи. Для работы над третьим томом, над «Млекопитающими», он мог бы использовать ряд новых источников по исследованию жизни животных, но он этого почему-то не сделал. Почему? По малограмотности, небрежности или по недобросовестному пренебрежению к интересам читателя?

Вступительную статью к третьему тому писал, очевидно, профессор Понятский: это – хорошая, толковая статья. Но позволительно спросить профессора Понятского: читал ли он, как редактор издания, текст Язвицкого и Гремяцкого? И читает ли Государственный учёный совет книги, «допускаемые» им, – куда?

Преодо мной несколько книг, изданных в 1931 году Государственным издательством художественной литературы, сокращенно ГИХЛом. Вот, например, книга Алексея Окулова «Камо». Автор в маленьком предисловии заявляет, что:

«В основе своей рассказ, поскольку он касается Камо, совершенно точен. Полная точность оказалась недостижимой в силу отсутствия соответственных материалов».

Прежде чем сдавать рукопись в типографию, редактор должен внимательно прочитать

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma её: уверяю вас, граждане редакторы, что именно в этом ваша обязанность! Если б редактор ГИХЛА прочитал рукопись Окулова, он убедился бы, что это пошлое сочинение компрометирует фигуру Камо, революционера, который обладал почти легендарным бесстрашием, был изумительно ловок, удачлив и в то же время детски наивен. «Историческая точность» Окулова – неправда: он не мог знать, как и что говорил Камо в Моабитской тюрьме Берлина и в психиатрической больнице Герберга врачам-психиатрам, симулируя безумие. Сам Камо, не зная немецкого языка, тоже не мог знать, о чём спрашивали его врачи, а, по Окулову, Камо допрашивали без переводчика. Неправда, что «отсутствуют» материалы, – Камо в 1921 году работал над своей автобиографией и написал очень много, – материал этот, вероятно, находится у его жены, Медведевой. Вообще в книжке Окулова «исторической точности», которой похвастался он, нет, её заменяют несколько рассказов о Камо, известных всем старым подпольщикам, рассказы эти запутаны и уже далеки от истории. Люди типа Камо всё ещё не имеют истории их деяний, а люди, подобные Окулову, не в силах писать её. Рядом с рассказом о Камо Окулов поместил автобиографический очерк «Вологодская республика». В этом очерке автор совершает многие героические подвиги и между прочим выдавливает ногтем пулю из-под кожи раненого. Оба сочинения не имеют ничего общего с художественной литературой и включены в неё редактором ГИХЛА по соображениям, понятным только ему, да и то едва ли! Во всяком случае, редактор должен был знать, кто такой «Камо», и не должен был выпускать книжку, в которой революционеру придан характер удалого молодца из пошлого бульварного романа.

Затем ГИХЛ выпустил книжку «Великий обманщик», сочинённую Иосифом Ландсбергом. В предисловии к этой ничтожной книжке некто Сергей Аянов заявляет, что книжка эта «не лишена весьма существенных недостатков». Это заявление обязывало редактора возвратить рукопись автору для того, чтобы сей последний или устранил существенные недостатки, или превратил их в несущественные. Далее в предисловии говорится, что «у нас на кинематографическом фронте не всё спокойно». А почему на этом фронте всё должно быть спокойно? Фронт этот, как и все другие, не должен иметь ничего общего с кладбищем. Предисловие вызывает впечатление написанного «по долгу дружбы». Кстати, предисловия такого рода пишутся у нас весьма часто. Забыты хорошие старинные слова: «Ты, Платон, друг мой, но – правда дороже». Следуя примеру наших любителей цитат, поговорку эту я немножко искажил, это для того, чтобы напомнить: «Дурные примеры заразительны».

Сочинение «Великий обманщик» названо романом, но с этой формой не имеет ничего общего. Это – дневник киноактрисы, которая хочет быть «звездой экрана», но злодеи-режиссёры и прочие вампиры не допускают её к сей высокой цели. Описывая свои неудачи и волнения языком И. Ландсберга, она жалуется, изображает «кинофронт» мрачными красками для удовольствия профессиональных злопыхателей. Из этой книжки можно сделать только один вывод: И. Ландсберг знает одну неудачливую актрису, он считает её талантливой, но показать читателю, что она именно такова, – не мог. И, движимый похвальным, но бесплодным чувством сожаления к неудачнице, он сочинил весьма бездарную книжку. Сочинить такую книжку – дело не трудное, у нас такие сочиняются сотнями, многие авторы так привыкли к этой лёгкой работе, что, ежегодно истребляя тысячи тонн бумаги, наносят государству рабочего класса весьма существенный ущерб материального, да и культурно-воспитательного характера.

В книжке Ландсберга есть кое-какие детали, которые могли бы послужить материалом для серьёзной обличительной статьи, но публицистика не так быстро ведёт к славе, как упражнения в беллетристике. Эти детали засорены словесным мусором. «Общественное содержание» книжки почти неуловимо, и очень трудно представить, что может почерпнуть из такого сочинения наш массовый читатель, создающий новую действительность?

У нас не хватает бумаги. Вследствие этого пятилетний план Госиздата не выполнен в 1929–1930 годах, не выполняется и в 1931 году. По плану, в эти годы должен был выйти ряд ценнейших книг иностранной и русской литературы. В 1929–1930 годах издано несколько десятков книг вне плана, и большинство их совершенно не оправдывается. Ненужные и даже бездарные книги. Что издаёт ГИХЛ в 1931 году?

«Смерть» – роман армянского писателя Нар-Доса, написанный в девяностых годах прошлого столетия. В предисловии к этой книге подробно рассказано, что герой её «человек со слабо развитыми общественными импульсами, безвольный, бессильный,

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma бездеятельный неврастеник, занятый самоанализом, одержимый себялюбием, мнительностью, робостью и нерешительностью». Лицо – весьма хорошо знакомое. Литература Запада и наша стала рисовать портреты этого красавца с двадцатых годов XIX века; первый, кому портрет этого «человека без догмата» особенно удался, был Стендаль, его примеру последовали десятки крупнейших писателей Европы и России. Главной, блестяще разработанной темой литературы на протяжении столетия было именно описание жизни и приключений молодого человека, у которого более или менее уродливо разрослось – гипертрофировалось – его «я» и который, не находя для себя удобного места в условиях мещанской жизни, не находил в себе ни сил, ни желания попытаться изменить эти условия.

Роман Нар-Доса показывает нам, что и литературе Армении знаком этот унылый тип. Историко-литературное значение романа неоспоримо, хотя роман слабый; может быть, он кажется таким потому, что перевод сделан плохо, как вообще у нас за последнее время принято делать переводы с иностранных языков. Перевод романа Нар-Доса не редактирован. На одной странице встречаются такие, например, штуки:

«Прошли один, два, три... десять дней». «Так прошло около двух недель». «Прошло ещё несколько дней». Есть примечание: «Смысл поговорки не поддаётся переводу». Редактору, видимо, не известно, что нет такой поговорки, смысл которой нельзя было бы перевести на любой язык. Трудно переводится или совсем не переводима «игра слов». Язык перевода: «Сжатый в атлас роскошный стан её, высокая грудь, пышные плечи, гордо возвышающаяся голова с роскошными волосами, лицо с благородными пластическими чертами, в которых, несмотря на лета, видна была сохранённая в холе свежесть, – всё это придавало ей величие и силу непобедимой прелести».

Издана ГИХЛОМ книга болгарина А. Константинова «Бай Ганю». Предисловие рекомендует её как «самую популярную книгу» болгарской литературы. Если это правда, это – очень грустно. Но как-то не верится, что именно эта книга является самой популярной в литературе, где работали Вазов, Славейков, Тодоров и другие высокоталантливые люди. Впрочем, «о вкусах не спорят» и, может быть, мои оценки неуместны. Но возникает вопрос о своевременности издания у нас этих книг. У нас в плане изданий на 1929–30–31 года стоят, повторяю, крупнейшие произведения мировой литературы, а мы тратим бумагу на издание таких бездарных книг, как, например: «Я – бродяга» Жоржа Лефевра, «Парад» Жоржа Давида, «Клиньянккурские ворота» – неумелая имитация Гонкуров – и множество ещё более пустых книг. В переводах обычны такие перлы и алмазы: Оптошу, «В польских лесах»: «дубы стреляют продолговатыми шишками», «ягоды процеживают через солому», «соломенная мочалка», «зубы кровоточат»; Лукнер, «Зов моря» – «Дезертиры и маорисы – дикие племена Новой Зеландии»; Дж. Конрад, «Ностромо» – «пустились через шею острова», «захохотал сам с собою».

Почти в каждом переводе иностранных авторов можно подобрать такие и подобные демонстрации малограмотности, небрежности – и вообще недобросовестной работы. Чем же заняты, что делают редакторы издательств? И – наконец – кто они? Почему они редакторы?

Тратится бумага на издание таких книжек, как, например: издание «Федерации», «Кривая» Долгих – возмутительно безграмотная, почти бредовая, но претенциозная повесть о гениальном маляре, который живёт как будто в наши дни, но в пустом пространстве.

«Хамовники» Ломтатидзе – плохенькие, беспомощные очерки, как будто списанные у кого-то. Своего отношения к материалу автор не имеет.

«Время, дела, люди» Анибала – вялое и поверхностное описание пошивочной фабрики, причём автор «ни к селу ни к городу» блещет знанием мифологии.

«Лазурные берега» Павлова – грубое подражание Аверченке.

«На перекате» Смирнова – это довольно грамотный писатель, но живёт он где-то в стороне от настоящей, подлинной и новой действительности. В его рассказе «Косари» бездельник, болтун отбивает девицу у «хозяйственного» парня, парень убил болтуна. В рассказе «Герои» выбрали героями труда двух стариков и смеются над ними, у героев падает работоспособность, они отказываются от пенсии и

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma возвращаются на работу, с которой были сняты.

Я мог бы назвать не один десяток таких же пустых книжек, но не стоит. Следует отметить, что у нас образовалась весьма обширная группа людей, которые, выхватывая из действительности анекдоты, уже не характерные для неё, обрабатывают их в тоне более или менее усмешливом и дают полную свободу своему скептицизму невежд. Эти выходки свойственны и многим из тех писателей, которые присваивают себе наименование пролетарских. У некоторых скептицизм и глупенькие гримаски возникают, очевидно, на почве своеобразно понятого значения самокритики и являются не чем иным, как рабским подчинением работника материалу, над которым он работает. Но самокритика – это критика созданного с точки зрения желаемого: самокритика – стремление к совершенству, именно такова самокритика рабочих в лице передовой, активной их массы, которая творит социалистическую революцию. Эта масса не боится материала, который она перерабатывает, она ему не подчиняется, а лепит из него всё, что хочет. Эта масса чувствует, думает, работает, как целостная, могучая сила, творящая новую историю человечества.

Рабочий, искренно влюблённый в революцию, любит её не только по разуму, но и всей силой своих эмоций, как он любил бы женщину, не закрывая глаз на некоторые тяжёлые, противоречивые черты её характера, строгость требований и даже, скажем, её рябоватое лицо. Мне кажется, что большинство писателей наших эмоционального, даже скажу эротического стремления оплодотворить революцию всей силой своей – не чувствует, относится к ней хладнокровно, от ума и прежде всего обращает внимание именно на её рябоватое лицо, на строгость её требований и неудобные лично для них черты её характера. Этим самым они оправдывают мысль одного из древних философов, Гераклита, который утверждал, что «человек неразумен, разумом обладает только окружающая среда».

В наши дни масса революционно активнее личности. Я думаю, что гражданам редакторам пора бы обратить должное внимание на требования и настроения массы. Но изучать её настроение следует не по анкетам, не по словесным отзывам массового читателя о книгах, потому что наш читатель пока ещё косноязычен и укладывает свои мысли чаще всего в чужие слова. Изучать его настроение нужно по всей сумме его активной социалистической деятельности. Читатель наш стал неимоверно жаден на книгу, он поглощает все, что предлагают ему издательства, он покупает миллионы экземпляров книг, написанных малограмотно, неинтересно, равнодушно. Эти сочинения равнодушных ремесленников, высасывая его свободное время, засоряя его мозг, нисколько не могут способствовать его культурному росту.

Известно, что время познаётся только посредством движения, истину эту знают даже тараканы. Когда часы не идут, они показывают одно и то же время; в этом случае часы вполне подобны мозгам, которые засорены пылью какого-то определённого момента и, отметив его, остановились на нём. Крайне трудно понять, на каком именно моменте остановилось развитие мозговой деятельности редакторов советских издательств, но работа их имеет очень мало общего с культурно-революционными запросами непрерывно текущей действительности и с той жадной жаждой познания, которая волнует массового читателя. В колхозах быстро растут миллионы читателей, они понимают, что нужно учиться, им необходимо знать прошлое для того, чтоб избежать его заразных влияний, они обладают свободным временем в большем объёме, чем горожане, и обладают уже хорошей покупательной способностью.

Наши издательства работают анархически, без плана, и работа их очень напоминает дореволюционное время, когда книжный рынок держали в своих руках Сытины, Ефремовы, Суворины и прочие торговцы книгой, которая была для них только «товаром», как и всякий другой товар: баварский квас, уксус, вакса, пряники и т. д.

Анархизм явно заметен и в работе Госиздата. Мне известны такие, например, факты: книга Миндлина «Рождение города» издавалась гораздо медленнее, чем строился город, в ней описанный. Маленькая книжка Шиллера в «Дешёвой библиотеке классиков» издавалась 28 месяцев. Книжки Шекспира «Король Лир» и «Юлий Цезарь», объёмом по 4 листа каждая, находятся в производстве: одна 16 месяцев, другая – 14 месяцев. Подписные издания классиков, которые в хороших оформлениях могут рассчитывать на немедленное распространение, до сих пор не только не выпущены, но даже не дошли до типографии, хотя рукописи лежат в шкафах производственной части около года. Книги стареют на корню, так как выходят новые, дополнительные материалы, истекают сроки договоров, списываются огромные суммы в убыток.

Бумажные ресурсы Госиздата и других издательств – 380 миллионов листов-оттисков на всю художественную продукцию страны – это менее, чем мало, и эту голодную норму уже в марте сократили до 130 миллионов оттисков. Незавершённость типизации и либеральное отношение к бумажным ресурсам издательств, не связанных с ОГИЗом, привело к тому, что вещи, безукоризненно проработанные редакционно, остаются в пассивном портфеле ГИХЛа, а те же имена и те же названия книг выходят в других издательствах в отвратительном, безграмотном, искажённом царской цензурой оформлении. ГИХЛ не может издать прекрасно сделанного Бальзака. И сейчас поставлено под угрозу самое осуществление этого издания. Однако «Красная газета» выпускает большими тиражами на скверной бумаге один за другим романы этого замечательного автора. Прекрасно сделанное, хорошо подготовленное издание Беранже ГИХЛ принял по наследству от Литхуда ГИЗа и в четвёртый раз попытался двинуть его в производство. Получил отказ, а тем временем на рынке появилось очень плохо оформленное издание Беранже в старых переводах той же «Красной газеты». ГИХЛ не может выпустить Шекспира. Однако «Красная газета» выпустила Шекспира в приложении, не позаботившись даже хоть сколько-нибудь «причесать» текст. В «Школьной библиотеке» в Ленинграде намечалось в числе прочих сокращённое издание романа о Лассале Шпильгагена «Один в поле не воин». На это издание бумаги не хватило, а «Красная газета» благополучно выпустила этот роман полностью в папковом переплёте, ценою в рубль, объёмом в 700 страниц. В ГИХЛе четыре месяца идёт обсуждение форматов больших классиков. До сих пор Флобер не сдан в производство, однако та же «Красная газета» ухитряется без проверки текстов выпустить два романа Флобера, которые расходятся с колоссальной быстротой, это – «Бувар и Пекюше» и «Воспитание чувств», почему-то безграмотно озаглавленное «Сентиментальное воспитание».

Этот список можно продолжать без конца, можно найти целый ряд совершенно ненужных справочников, вроде справочника «Физкультурная Москва» в 512 страниц или «Спутник ленинградского радиовещателя», можно без конца продолжать этот список и закончить его огоньковской библиотекой в 24 романа – предпринятие, которое потребовало при стотысячном и шестидесятитысячном тираже гигантского расхода бумаги и которое, к сожалению, зарезав классическую пятилетку ГИЗа, дало читателю не совсем доброкачественный по выполнению материал 18. Лучшие романы огоньковской программы выпущены в совершенно диком и безобразном сокращении, непозволительном ни с какой стороны.

Так, например, «Капитан Фракас» Теофила Готье сокращён на одну треть, «Пармская обитель» Стендаля сокращена в половину и т. д. Было бы целесообразнее осуществить программу, намеченную ГИЗом, присоединив сюда энергию и быстроту огоньковских работников, их уметь осуществлять производственные процессы и распространять книгу молниеносно.

В социалистическом государстве не должны иметь места такие «журналы», как «Советский следопыт», «Природа и люди». Серенький «Огонёк» печатается в количестве четырёмсот тысяч экземпляров, а что он даёт читателю? И чем отличается от «Красной нивы»? У нас много параллельных изданий. И, наконец, все ли ведомственные журналы необходимы? Можно поставить и ещё ряд таких вопросов.

Анархия в деле издательства должна быть прекращена. Кроме того, что ею бесполезно истребляется бумага, она создаёт сотни бесполезных людей. Это – люди, которым нравится лёгкий труд и приятен чин литераторов, но они ещё не литераторы и заслужить чин этот пока ещё не могут, ибо они малограмотны, равнодушны, работают небрежно, даже недобросовестно и, очевидно, не чувствуют желания быть лучше, чем они есть. А если они не станут лучше – рабочий класс, Советская власть может получить в их лице на хребет свой десятки и даже сотни непризнанных гениев, жалобщиков, нытиков, «униженных и оскорблённых», злопыхателей, вообще бесполезных людей. Им необходимо учиться, их необходимо учить. Рабочий класс имеет законнейшее право предъявлять к любой своей единице самые суровые требования. Он предъявляет их к заслуженным бойцам революции, к старым членам партии. У него не может быть никаких оснований церемониться с людьми, которые уже становятся несколько похожими на кандидатов в паразиты.

Задачи Государственного издательства – задачи социально-воспитательные. Если это так, книги должны издаваться по строго выработанному плану. Социалистическое государство должно, обязано включить в свой план культурного воспитания масс борьбу против уродливого разрастания «ячности» и «самости», против того, в

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
сущности, паразитивного «я», которое возвращено буржуазным обществом и привыкло
ставить интересы «частного хозяйства» своей «души» выше интересов мира,
интересов трудовых масс.

В нашем ещё не организованном быту, в хаосе нашей стройки, величественном и героическом, всё ещё не исчезли те условия, в коих развивается болезнь мещанской «ячности», наша молодёжь всё ещё легко способна заражаться болезнью мещанства. Мы живём в состоянии непрерывной войны. «Война родит героев», но она их родит только потому, что война есть активная деятельность масс и что герой всегда производное от массы, фокус, в коем сосредоточивается её энергия и который отражает её обратно в массу. Это – диалектика драки.

Философия воспитывает интеллект, но плохо действует на социальные эмоции, на чувство органической связи единицы с массой. Философам свойственно изображать себя сверхчеловеками. Критика? Она действует приблизительно так же. Критик воображает себя слишком учителем, а учителя в огромном большинстве – это люди, которые, поучая, забывают необходимость учиться самим. Они слишком часто гложут и слепнут от словесного шума нахватанных знаний, от мишурного блеска мысли, которую они наскоро усвоили. Это очень относится к нашим критикам.

Воспитательное значение художественной литературы огромно, потому что она действует одновременно и одинаково сильно на мысль и чувство. Именно влиянием художественного образа надобно объяснить тот факт, что икона действовала на массу всегда более сильно, чем молитва.

Практический вывод из сказанного здесь такой: для успешной борьбы против заболевания «ячностью», против вкоренённого веками индивидуализма необходимо дать массе наших молодых читателей историю индивидуалистов в XIX веке. Эта история – драматическая, но и смешная – «трагикомическая» история, – великолепно написана крупнейшими художниками Европы и России в художественных образах огромной и убедительной силы.

Госиздат должен организовать выпуск серии книг, посвящённых молодому человеку XIX столетия. Эти книги покажут молодым нашим людям, заболевающим «ячностью», что переживали их предшественники и в каком болоте утонули они, покажут воочию, как даже и талантливые люди, защищая неприкосновенность частного хозяйства своей души, бесплодно жили, бессмысленно погибали.

Комментарии

Ответ на анкету американского журнала

Впервые напечатано после смерти автора в журнале «Интернациональная литература», 1941, номер 6, июнь.

Статья не закончена; по содержанию и внешним признакам рукописи она датируется концом 1928 – началом 1929 года.

В авторизованные сборники статья не включалась.

Печатается по тексту журнала «Интернациональная литература», сверенному с рукописью (Архив А. М. Горького)

...убийство Сакко и Ванцетти. – Итальянские рабочие Сакко и Ванцетти, работавшие в США, 5 мая 1920 года были арестованы в штате Массачусетс по ложному обвинению в ограблении и убийстве, сфабрикованному американскими охранниками. В следующем году американский суд приговорил их к смертной казни. Приговор вызвал возмущение трудящихся всего мира. В течение нескольких лет честные люди всех стран требовали отмены приговора. Тем не менее приговор был приведён в исполнение: 23 августа 1927 года Сакко и Ванцетти были казнены на электрическом стуле

«дело Дрейфуса»... – см. примечание к статье «Поль Верлен и декаденты» в томе 23 настоящего издания

...сухой режим. – Речь идёт о принятом в США в 1920 году законе, запрещавшем изготовление и продажу спиртных напитков. Принятие закона породило в США невиданную спекуляцию спиртными напитками, ввозившимися контрабандным путём. Ввоз контрабанды нередко сопровождался вооружёнными столкновениями контрабандистов с полицией. В 1933 году закон о «сухом режиме» был отменён.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
О «маленьких» людях и о великой их работе
Первая часть статьи, кончая словами: «...имеют право на титул великих людей нашего мира», впервые напечатана в виде редакционной статьи в журнале «Наши достижения», 1929, книга первая январь–февраль. Вторая часть – в журнале «Наши достижения», 1929, книга вторая март – апрель.

Написано в конце 1928 – начале 1929 года.

Идея создания журнала «Наши достижения» возникла у М. Горького в 1927 году, до его приезда из Италии в СССР. Журнал «Наши достижения» издавался под редакцией М. Горького с 1929 по 1936 год.

Статья «О «маленьких» людях и о великой их работе» включалась во все издания сборника статей М. Горького «О литературе».

Печатается по тексту второго издания указанного сборника, сверенному с рукописью и другими авторизованными текстами (Архив А. М. Горького).

«Чем беспощадней и свободнее становится наука, тем больше приходит она в согласие с интересами и стремлениями рабочих». – Изменённая цитата из книги Ф.Энгельса «Людвиг Фейербах» (см. К.Маркс и Ф.Энгельс, Сочинения, т. XIV, М.–Л. 1931, стр.677–678).

«Религия – дурман для народа». – М. Горький, по-видимому, имеет в виду следующее место из статьи В.И. Ленина «Социализм и религия» (1905): «Религия есть опиум народа. Религия – род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь» (В.И. Ленин, Сочинения, изд.4-е, т.10, стр.66).

«Рабочий народ должен овладеть наукой», – многократно повторял Ленин... – См., например, статьи и речи В.И.Ленина: «О чём думают наши министры?» (В.И. Ленин, Сочинения, изд.4-е, т.2), «Очередные задачи Советской власти» (там же, т.27), «Задачи Союзов Молодёжи» (там же, т.31), «Лучше меньше, да лучше» (там же, т.33) и др.

О мещанстве

Впервые напечатано в журнале «На литературном посту», 1929, номера 4–5, февраль–март.

Статья написана не позднее 20 февраля 1929 года, о чём свидетельствует письмо М. Горького к одному из его корреспондентов (Архив А. М. Горького).

Статья включалась в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги. Текст сверен с рукописью, авторизованными машинописями (Архив А.М. Горького) и печатным текстом.

Когда Советская власть предложила... – В 1927 году на подготовительной Комиссии к конференции по разоружению в Женеве Советским правительством был предложен проект всеобщего, полного и немедленного разоружения. Правительства Европы отклонили предложение СССР; последующее предложение Советского правительства – принять решение о частичном (до 50%) всеобщем разоружении – было также отвергнуто империалистами

...такие слова... – М. Горький приводит слова мещанина Чикилева – героя романа Л. Леонова «Вор».

...снабжает его психологией Ивана Ильича... – главный персонаж повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича».

Макар Девушкин – главный персонаж романа Ф.М. Достоевского.

Президиуму Серпуховского вечернего рабфака имени М. Горького
Впервые напечатано в газете «Правда», 1929, номер 77 от 4 апреля.

В авторизованные сборники не включалось.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiu.ta

Печатается по тексту газеты «Правда», сверенному с рукописью и авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького).

См. также письмо М. Горького серпуховским рабфаковцам.

Речь на открытии II Всесоюзного съезда Союза воинствующих безбожников
Впервые напечатано в стенографическом отчете Всесоюзного съезда воинствующих безбожников в 1930 году.

Речь произнесена М. Горьким 10 июня 1929 года в Москве.

В авторизованные сборники не включалась.

Печатается по тексту первой публикации.

Предисловие к брошюре о дне индустриализации
Впервые напечатано в 1929 году.

Под статьей имеется дата: 10/VII 1929.

В авторизованные сборники статья не включалась.

Печатается по рукописи (Архив А.М. Горького).

Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры
Впервые напечатано в виде вступительной статьи к «Книге тысячи и одной ночи», том I, издание, л. 1929.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту указанной книги, сверенному с правленными автором двумя рукописями, авторизованными машинописями и корректурой (Архив А.М. Горького).

О бесчеловечии

Впервые, под заглавием «Циничное бесчеловечие...», напечатано в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1929, номер 171 от 28 июля.

Под заглавием «О бесчеловечии» включено в первое издание книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту указанной книги. Текст сверен с рукописью и авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького).

День индустриализации

Впервые, под заглавием «Пальцы могучей руки рабочего класса», напечатано в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1929, номер 178 от 6 августа.

Под заглавием «День индустриализации» включалось в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги. Текст сверен с авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького).

...тем скорее будет выполнен боевой завет Владимира Ильича Ленина... – М. Горький имеет в виду следующие слова В.И.Ленина из статьи «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» (сентябрь 1917 г.): «В силу ряда исторических причин... в России раньше других стран вспыхнула революция. Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему политическому строю догнала передовые страны.

Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически» (В.И.Ленин, Сочинения, изд.4-е, т.25, стр.338).

О том, как надобно писать для журнала «Наши достижения»

Впервые напечатано в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1929, номер 193 от 23 августа.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту газеты «Известия», сверенному с авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького).

«Чем ночь темней, тем звёзды ярче»... – см. примечание к статье «Десять лет» в томе 24 настоящего издания.

...«чтобы словам было тесно, мыслям – просторно». – Из стихотворения Н.А. Некрасова «Форма».

Пионерам

Впервые напечатано в журнале «Пионер», 1929, номер 16 от августа.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту журнала «Пионер».

О Викторине Арефьеве

Впервые напечатано в журнале «Сибирская живая старина», издание Восточно-Сибирского отдела государственного русского географического общества, вып. VIII–IX, Иркутск, 1929.

Арефьев Викторин Севастьянович был в ссылке в Сибири; ему принадлежит ряд работ по этнографии Сибири, имеющих научное значение и содержащих много записанных В. Арефьевым песенных текстов. Ленинская «Искра» (номер 9, 1901, октябрь) в связи со смертью В.С. Арефьева опубликовала некролог.

В авторизованные сборники статья не включалась.

Печатается по тексту журнала «Сибирская живая старина»

...целое исследование о саратовской «Матане»... – напечатано в «Саратовском дневнике», 1893, номер 285, 30 декабря; номер 286, 31 декабря, под названием «Новые народные песни. Деревенские думы и дела». Подпись: Н.А.-ф-в

...забыл их в лодке Изота... – Изот – крестьянин села Красновидова; см. о нём в повести М. Горького «Мои университеты».

Хорошая книга

Впервые напечатано в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1929, номер 290 от 10 декабря. Тот же текст опубликован в виде предисловия к книге К. Горбунова «Ледолом», М.-Л. 1930.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту газеты «Известия», сверенному с рукописью и авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького).

Ответ

Впервые напечатано в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1929, номер 292 от 12 декабря; номер 293 от 13 декабря.

Включалось в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги.

Текст сверен с рукописью и авторизованными машинописями (Архив А.М. Горького).

...«величайшее дело нашего века»... – выражение принадлежит французскому писателю Р. Роллану. См. примечание к статье «О белоэмигрантской литературе» в томе 24 настоящего издания.

«Высшее существо для человека – сам человек...» – По всей вероятности, М. Горький цитирует по памяти следующее место из статьи К. Маркса «К критике гегелевской философии права» «Критика религии заканчивается учением, что человек есть высшее

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyта существо для человека, следовательно категорическим императивом ниспровергнуть все отношения, в которых человек является униженным, поработённым, обременённым, презренным существом...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. I, стр. 406).

О сказках

Впервые напечатано в виде вступительной статьи к «Книге тысячи и одной ночи», том I, издание, л. 1929.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту указанной книги, сверенному с правленными автором двумя рукописями, авторизованными машинописями и корректурой (Архив А.М. Горького).

Предисловие к книге писем и речей крестьян о Советской власти
Впервые напечатано в 1929 году.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту первой публикации, сверенному с рукописью и авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького).

Молодая литература и её задачи

Впервые напечатано в извлечениях после смерти автора в газете «Правда», 1941, номер 167 от 18 июня. Полностью – в книге «Архив А.М. Горького, т. III. Повести, воспоминания, публицистика, статьи о литературе», Гослитиздат, М. 1951.

Статья написана в виде предисловия к сборнику рассказов молодых авторов (издание не было осуществлено).

По содержанию датируется 1929 годом.

В авторизованные сборники статья не включалась.

Печатается по тексту авторизованной машинописи (Архив А.М. Горького).

«Карл Маркс признавал, что многому научился у Бальзака.» – К.Маркс неоднократно ссылаясь в своих произведениях на Бальзака. Ф. Энгельс говорил, что о французском обществе из «Человеческой комедии» Бальзака он «даже в смысле экономических деталей узнал больше... чем из книг всех специалистов – историков, экономистов, статистиков этого периода, вместе взятых» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVIII, стр. 28).

Поэма в прозе

Впервые напечатано после смерти автора в газете «Правда», 1949, номер 92 от 2 апреля.

По содержанию предположительно датируется 1929–1930 годами.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по рукописи (Архив А.М. Горького).

...о губернаторе Фуллере, об убитых им Сакко и Вацетти, о невинно осуждённых мальчиках-неграх... – см. статью «Логика истории» в томе 26 настоящего издания.

Цели нашего журнала

Впервые напечатано не полностью в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1930, номер 4 от 4 января (под заглавием «О журнале «Литературная учёба»; полностью – в журнале «Литературная учёба», 1930, номер 1 январь.

Вторая часть статьи (начиная со слов: «Литератор – глаза, уши и голос класса...») под заглавием «О действительности» включалась во все издания сборника статей М. Горького «О литературе».

Печатается по тексту журнала «Литературная учёба», сверенному с рукописью и последующими авторизованными текстами (Архив А.М. Горького).

Человек, уши которого заткнуты ватой

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Впервые напечатано в газете «Правда», 1930, номер 19 от 19 января.

В статье имеется в виду дискуссия по вопросам детской литературы, происходившая, в конце 1929 года.

В декабрьских номерах «Литературной газеты» за 1929 год напечатаны: информация о докладе А.В. Луначарского в Доме печати, статья С.Болотина и В.Смирновой «Детская книга в реконструктивный период», статья Д. Кальма «Против халтуры в детской литературе!», отчёт о специальном докладе и его обсуждении на собрании детской секции ВССП.

Статья Е. Флериной «С ребёнком надо говорить всерьёз» была опубликована в «Литературной газете», 1929, номер 37 от 30 декабря, в разделе «За действительно советскую детскую книгу». В том же разделе напечатаны письма советских писателей (К. Федина, Б. Житкова, Б. Лавренева, В. Смирновой и др.) в редакцию с протестом против указанной статьи Д. Кальма. Выступление Кальма имеет в виду и М. Горький в публикуемой статье.

Статья «Человек, уши которого заткнуты ватой» в авторизованные сборники не включалась.

Печатается по тексту газеты «Правда», сверенному с рукописью (Архив А.М. Горького).

Письма начинающим литераторам

Впервые в составе семнадцати писем под общим редакционным заголовком «Письма из редакции» напечатаны в журнале «Литературная учёба», 1930, номера 1–3 январь–март, с подзаголовками в каждом номере: «Письмо первое», «Письмо второе» и т. д., и одно письмо – 1932, номер 5, май, без подзаголовка.

В сборник статей «О литературе» М. Горький включил одиннадцать из этих писем и озаглавил их «Письма начинающим литераторам», сняв инициалы имён и фамилий адресатов и заменив подзаголовки римской нумерацией.

Письма I–VI соответствуют «Письму первому» – «Письму шестому» – «Литературная учёба», 1930, номер 1 январь; письма VII–IX – «Письму третьему» – «Письму пятому» – «Литературная учёба», 1930, номер 2 февраль; письма X и XI – «Письму второму» и «Письму четвёртому» – «Литературная учёба», 1930, номер 3 март.

«Письма начинающим литераторам» включались во все издания сборника статей М. Горького «О литературе».

Печатаются по тексту второго издания указанного сборника, сверенному с рукописями (письма I, III и V) и авторизованной машинописью (письма I–XI) (Архив А.М. Горького).

«ОСВАГ» – «Осведомительное агентство» – контрреволюционная белогвардейская разведка.

Письма из редакции

Впервые напечатаны: I – в журнале «Литературная учёба», 1930, номер 1 январь, с подзаголовком «Письмо седьмое»; II и III – в журнале «Литературная учёба», 1930, номер 2 февраль, с подзаголовками (соответственно) и; IV и V – в журнале «Литературная учёба», 1930, номер 3 март, с подзаголовками (соответственно) и; VI – в журнале «Литературная учёба», 1932, номер 5 май, без подзаголовка (см. примечание к «Письмам начинающим литераторам»).

В авторизованные сборники не включались.

Печатаются по журнальным текстам, сверенным с рукописью (письмо VI) и машинописью (письма I – IV) (Архив А.М. Горького). Подзаголовки, с которыми письма были опубликованы в отдельных номерах журнала «Литературная учёба», заменены римской нумерацией в редакционных скобках – в соответствии с тем, как это было сделано М. Горьким для «Писем начинающим литераторам».

О женщине

Впервые напечатано в журнале «Наши достижения», 1930, номер 3, март.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiuata
Включалось в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному М. Горьким для второго издания указанной книги.

Текст сверен с рукописью (Архив А.М. Горького).

«Три тяжкие доли имеет судьба...» – из поэмы Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос». У Некрасова: «Три тяжкие доли имела судьба...»

О безответственных людях и о детской книге наших дней
Впервые напечатано в газете «Правда», 1930, номер 68 от 10 марта.

Включалось во все издания сборника статей М. Горького «О литературе».

Печатается по тексту второго издания указанного сборника, сверенному с рукописью и авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького).

«Мы не отказываемся от наследства...» – Имеется в виду взгляд В.И. Ленина на культурное наследство, высказанный им в статье «От какого наследства мы отказываемся?» (см. В.И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т.2, стр.459–501), а также в ряде выступлений после Великой Октябрьской социалистической революции по вопросу о путях построения социалистической культуры

...шум, недавно поднятый на страницах «Литературной газеты» – См. примечание к статье «Человек, уши которого заткнуты ватой» в настоящем томе. Положение, против которого направлена статья М. Горького, было сформулировано в статье Е. Флериной «С ребёнком надо говорить всерьёз».

О солитёре

Впервые напечатано в журнале «Наши достижения», 1930, номер 6 за июнь.

Включалось в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги. Текст сверен с рукописью и авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького).

Освещать быт, обнажать скрытую в нём политику!

Впервые напечатано в журнале «За рубежом», 1930, номер 1, июль. В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту журнала «За рубежом», сверенному с рукописью (Архив А.М. Горького).

О предателях

Впервые напечатано в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1930, номер 209 от 31 июля.

Включалось в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги.

Текст сверен с рукописью и авторизованной машинописью (Архив А. М. Горького)

...как формулировал сущность «истории» ренегатов В.В. Воровский – М. Горький цитирует с незначительными отклонениями статью В.В. Воровского «Базаров и Санин» (см. В.В. Воровский, Сочинения, т. II, Соцэкгиз, 1931, стр. 100).

Редакции газеты «Коммунист Таджикистана»

Напечатано в газете «Коммунист Таджикистана» (Сталинабад), 30 сентября 1930 года.

Датируется на основании авторской пометки: Сорренто, 13 сентября 1930 года.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyua

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту газеты «Коммунист Таджикистана».

Об умниках

Впервые напечатано в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1930, номер 286 от 16 октября, и одновременно в журнале «Наши достижения», 1930, номера 10–11, октябрь–ноябрь.

Включалось в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги. Текст сверен с рукописью (Архив А.М. Горького).

«В минуту жизни трудную»... – из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Молитва».

13 лет

Впервые напечатано в виде редакционной статьи в журнале «Наши достижения», 1930, номера 10–11, октябрь–ноябрь. В рукописи имеется подпись «Редакция», сделанная рукой М. Горького.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту журнала «Наши достижения», сверенному с рукописью (Архив А.М. Горького).

«Даром – ничто не даётся» – из стихотворения Н.А. Некрасова «В больнице».

Переписка с читателями

Впервые напечатано в журнале «Наши достижения», 1930, номера 10–11, октябрь–ноябрь.

Под заглавием «Переписка с читателями» включалось в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, просмотренному автором при подготовке второго издания указанной книги. Текст сверен с рукописью и авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького).

Если враг не сдаётся, – его уничтожают

Впервые напечатано в газете «Правда», 1930, номер 314 от 15 ноября. В тот же день под заглавием «Если враг не сдаётся, – его истребляют» опубликовано в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК».

В годы Великой Отечественной войны Советского Союза слова М. Горького «Если враг не сдаётся, – его уничтожают» напомнил нашему народу И.В. Сталин. Обращаясь к красноармейцам и краснофлотцам, командирам и политработникам, партизанам и партизанкам, И.В. Сталин писал в приказе номер 55 от 23 февраля 1942 года:

«Война есть война. Красная Армия берёт в плен немецких солдат и офицеров, если они сдаются в плен, и сохраняет им жизнь. Красная Армия уничтожает немецких солдат и офицеров, если они отказываются сложить оружие и с оружием в руках пытаются поработить нашу Родину. Вспомните слова великого русского писателя Максима Горького: «если враг не сдаётся, – его уничтожают» (И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, М. 1950, стр.86–87).

Под заглавием «Если враг не сдаётся, – его истребляют» статья включалась в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту газеты «Правда», сверенному с авторизованными печатными текстами (Архив А.М. Горького).

К рабочим и крестьянам

Впервые напечатано одновременно в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1930, номер 324 от 25 ноября.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiuua
Статья написана в связи с разоблачением и преданием суду контрреволюционной вредительской группировки «Промпартия» и опубликована в день начала судебного процесса.

Включалась в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, просмотренному автором при подготовке второго издания указанной книги (Архив А.М. Горького).

Гуманистам

Впервые напечатано одновременно в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1930, номер 340 от 11 декабря.

Включалось в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги. Текст сверен с рукописью и авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького).

Советский проект полного и всеобщего разоружения... – см. примечание к статье «О мещанстве» в настоящем томе.

Вместо приветствия

Впервые напечатано в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1930, номер 346 от 17 декабря.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту газеты «Известия», сверенному с рукописью (Архив А.М. Горького).

Письмо редакции журнала «Будущая Сибирь»

Впервые напечатано в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1931, номер 24 от 25 января, с датой под текстом: Сорренто, 20 декабря 1930 г.

Включалось в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги (Архив А.М. Горького).

О литературе

Впервые напечатано в журнале «Наши достижения», 1930, номер 12 за декабрь.

Включалось во все издания сборника статей М. Горького «О литературе».

Печатается по тексту второго издания указанного сборника, сверенному с рукописью и авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького)

...роман Куцевского о «благополучном россияnine»... – Имеется в виду роман писателя-демократа И.А. Куцевского «Николай Негорев, или Благополучный россиянин»

...повесть Слепцова о «трудном времени»... – Речь идёт о повести писателя-демократа В.А. Слепцова «Трудное время».

«Мультианское жертвоприношение»... – В 1892 году царские чиновники обвинили 8 удмуртов (устарелое название – вотяки) из села Старый Мультиан в убийстве нищего Матюшина с целью совершения религиозного (ритуального) обряда. Эту провокацию поддержал царский суд, приговоривший всех обвиняемых к долгосрочной каторге. В 1895 году кассационный суд утвердил приговор. В.Г. Короленко выступил с резким разоблачением несправедливого обвинения, организовал мощный протест общественного мнения против суда и добился оправдания всех обвиняемых

...«дело Бейлиса»... – провокационный судебный процесс, организованный царизмом в 1913 году в Киеве над евреем Бейлисом с целью разжигания национальной розни

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyта между народами России и отвлечения трудящихся масс от нараставшего в стране революционного движения. Бейлиса обвиняли в ритуальном убийстве христианского мальчика. Под давлением протеста рабочего класса и всех честных людей России, организованного большевистской партией, суд вынужден был вынести оправдательный приговор

...Брайан, герой «обезьяньего процесса»... – Имеется в виду реакционный политический деятель США, выступивший в качестве обвинителя на так называемом «обезьяньем процессе». 11–21 июля 1925 года в Дейтоне (штат Теннесси) происходил организованный американскими реакционерами–мракобесами суд над учителем Джоном Скопсом. Его осудили за преподавание в колледже теории происхождения видов и человека, созданной Ч. Дарвином.

Предисловие к книге Е. Новиковой–Вашенцевой «Маринкина жизнь»
Впервые напечатано в книге Е. Новиковой–Вашенцевой «Маринкина жизнь», М.–Л. 1930.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту названной книги, сверенному с рукописью и авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького).

Предисловие к книге Дм. Семеновского «Земля в цветах»
Впервые напечатано в книге Дм. Семеновского «Земля в цветах», издание «Недра», М. 1930.

Предисловие к ещё одному произведению Дм. Семеновского «Страна плодородия» М. Горький написал в 1935 году.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту названной книги, сверенному с рукописью (Архив А.М. Горького).

Письмо селькору–колхознику
Впервые напечатано в первом издании книги М. Горького «Публицистические статьи».

Статья написана в декабре 1930 года.

Включалась во второе издание книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги (Архив А.М. Горького).

Недавно я видел 300 человек ударников... – 26–28 ноября в Неаполе (Италия) М. Горький встречался с ударниками советских предприятий, премированными заграничной поездкой на теплоходе «Абхазия».

«Народ должен знать свою историю»
Впервые напечатано в журнале «Борьба классов», 1931, номер 1 за март.

Написано в конце 1930 года.

Включалось во второе издание книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту указанной книги (Архив А.М. Горького).

Эта «История» необходима... – В 1937 году вышел из печати первый том «Истории гражданской войны» под редакцией М. Горького, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, С.М. Кирова, А.А. Жданова, И.В. Сталина.

В 1942 году издан второй том.

О старичках
Впервые напечатано в журнале «За рубежом», 1931, номер 1 за январь.

Написано в конце 1930 года.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiuata
Включалось в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, просмотренному автором для второго издания указанной книги (Архив А.М. Горького).

О буржуазной прессе

Впервые напечатано после смерти автора в газете «Культура и жизнь», 1947, номер 17 от 20 июня.

Статья не была закончена. По содержанию датируется 1930 годом.

Печатается по рукописи (Архив А.М. Горького).

Раньше, до войны... – Имеется в виду мировая война 1914–1918 годов

...книга «Преступное ремесло» издана у нас в прошлом году... – А. Лондр, «Преступное ремесло», издание «Федерация», М. 1929.

Рузвельт – имеется в виду Теодор Рузвельт, президент США в 1901–1909 годах.

– А почему дают Брешковской? – Имеется в виду Е.К. Брешко-Брешковская – одна из организаторов партии эсеров и руководителей её крайне правого крыла. Являясь ярким врагом большевиков, участвовала в клеветнической кампании, организованной в 1906 году реакционной американской прессой против М. Горького. После Великой Октябрьской социалистической революции была злейшим врагом Советской власти, активно поддерживала антисоветские кампании международного империализма.

Беседы о ремесле

Статьи I–III впервые напечатаны:

статья I, с подзаголовком «О материале фактическом», в журнале «Литературная учёба», 1930, номер 6 июнь;

статья II – в журнале «Литературная учёба», 1931, номер 7 июль;

статья III – в журнале «Литературная учёба», 1931, номер 9 сентябрь.

Статьи включались во все издания сборника статей М. Горького «О литературе».

Печатаются по тексту второго издания указанного сборника, сверенному с рукописью, авторизованной машинописью статьи III (Архив А.М. Горького) и с первопечатным текстом.

Об Игоше Смерть в Кармане я уже рассказывал где-то... – в рассказе «Зрители» (см. том 11 настоящего издания), в повести «Детство» (см. том 13 настоящего издания) и в статье «О разных разностях» (см. том 24 настоящего издания).

Я уже где-то рассказал о том, как Зарубин начал дело против полиции о незаконно взысканной с него одной копейке... – в очерке «Время Короленко» (см. том 15 настоящего издания).

«Ничего мне на свете не надо...» – из песни «Чудный месяц плывёт над рекою». Следующая строка изменена; в песне: «Только видеть тебя, милый мой».

Бельтов – герой романа А.И. Герцена «Кто виноват?».

Рябинин – главный персонаж рассказа В.М. Гаршина «Художники».

«Записки ни павы, ни вороны» – рассказ А. Осиповича (псевдоним А.О. Новодворского) «Эпизод из жизни ни павы, ни вороны», напечатанный в журнале «Отечественные записки», 1877, номер 6 за июнь. Под таким же названием рассказ вошёл в собрание сочинений А.Осиповича (СПб. 1897)

...фигурки Светлова, Стожарова, Володина... – Светлов – герой романа Оммулевского «Шаг за шагом»; Стожаров – герой романа Д. Мордовцева «Знаменья времени»; Володин – по-видимому, Волжин – герой повести П.В. Засодимского «Спасайся, кто может!»

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyua

...певчего в пьесе «Мещане». – Имеется в виду Тетерев – персонаж пьесы М. Горького.

«Записки из подполья» – реакционное произведение Ф.М. Достоевского.

«Дерзновенны наши речи...» – из стихотворения поэта-декадента Д.С. Мережковского «Дети ночи».

«Прибежали в избу дети...» – из стихотворения А.С. Пушкина «Утопленник». Далее («И в «утопленное» тело...») – искажение; у Пушкина: «И в распухнувшее тело...»

...«Азбука социальных наук» В.В. Берви-Флеровского... – книга в трёх частях, пользовавшаяся в своё время широкой известностью среди революционной молодёжи. Издания: Азбука социальных наук. Части 1–2. СПб. 1871; Азбука социальных наук Н.Флеровского (псевдоним). Вып. 1–3. Лондон, 1894.

«Удручённый ношей крестной...» – из стихотворения Ф.И.Тютчева: «Эти бедные селенья...»

...в сборнике пословиц Снегирева... – см. «Русские народные пословицы и притчи, изданные И.Снегиревым», М. 1848, а также «Новый сборник русских пословиц и притчей, служащий дополнением к собранию русских народных пословиц и притчей, изданных в 1848 году И. Снегиревым». М. 1857.

«История крестьянских войн в Германии» Циммермана... – «История крестьянской войны в Германии по летописям и рассказам очевидцев. Д-ра В. Циммермана». Перевод с немецкого. Издание второе, тт. I и II, СПб. 1872

...сказку Щедрина «О двух генералах». – Имеется в виду «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил»

...слушал чтение Милля с «примечаниями» Чернышевского... – Имеется в виду книга «Основания политической экономии Д.-С. Милля. Перевод с примечаниями Н.Г. Чернышевского». Книга вышла в переводе на русский язык в 1860 году. Переиздана в 1909 году (СПб.)

...книга Ядринцева «Община в тюрьме и ссылке»... – Книга эта вышла под названием «Русская община в тюрьме и ссылке. Исследования и наблюдения над жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. Исторический очерк сибирской ссылки. Сравнения разных систем наказания у нас и в Западной Европе. Основы новой рациональной системы исправления согласно выводам пенитенциарной науки и опытам русской тюремной общины. Н.М. Ядринцева», СПб. 1872.

«Тьмы низких истин нам дороже...» – из стихотворения А.С. Пушкина. В новейших изданиях стихотворение напечатано под заглавием «Герой»

...вовсе не святые «подлиповцы» Решетникова... – имеются в виду герои повести писателя-демократа Ф.М. Решетникова «Подлиповцы»

...мужики Николая Успенского... – имеются в виду герои ранних рассказов Н.Успенского: «Обоз», «Сельская аптека», «На пути», «Старуха», «Поросёнок», «Грушка», «Змей», «Хорошее житьё» и др

...в «Растеряевой улице»... – имеются в виду «Нравы Растеряевой улицы» Г.И.Успенского

...дикие «поречане»... – имеются в виду герои рассказа Н.Г. Помяловского «Поречане»

...в книге своей «Кулачество-ростовщичество»... – Р.Гвоздев, «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение». Издание Н. Гарина, СПб. 1899. Оценку этой книги В.И.Лениным см.: В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т.4, стр. 53–55

...студент Раскольников убил старуху... – Имеется в виду роман Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание»

...герой Помяловского Череванин... – персонаж повести Н.Г. Помяловского «Молотов».

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyua

«Гамлеты – пара на грош» – рассказ писателя-народника Я. Абрамова, напечатан в журнале «Устой», СПб. 1882, номер 12, декабрь.

«Гамлет Щигровского уезда» – рассказ И.С. Тургенева

...Помяловский с его очерками «бурсы»... – имеется в виду книга Н.Г. Помяловского «Очерки бурсы»

...Каронин-Петропавловский его первых рассказов о Миняях и Митяях... – М. Горький, вероятно, имеет в виду циклы рассказов С. Каронина (псевдоним Н.Е. Петропавловского) из крестьянской жизни: «Рассказы о парашкинцах» (1879–1881) и «Рассказы о пустяках» (1881–1883).

Разуваев и Колупаев – персонажи ряда произведений М.Е.Салтыкова-Щедрина.

«Декамерон» – произведение итальянского писателя Д.Бокаччио (1313–1375)

...услыхал его речи на съезде в Лондоне. – М. Горький имеет в виду V съезд РСДРП (см. примечания к очерку «В.И. Ленин» в томе 17 настоящего издания)

...Чернышевский в «Эстетических отношениях». – Имеется в виду книга Н.Г.Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности»

...о которой красиво рассказал Тургенев... – в романе «Отцы и дети».

Куцевский написал рассказ... – Речь идёт о рассказе «Самоубийца».

Добролюбов печально и правильно сказал: «Массе народа чужды...» – неточная цитата из статьи Н.А. Добролюбова «О степени участия народности в развитии русской литературы». «Массе народа чужды наши интересы, непонятны наши страдания, забавны наши восторги. Мы действуем и пишем, за немногими исключениями, в интересах кружка, более или менее незначительного...» (Н.А. Добролюбов, Собрание сочинений в трёх томах, том I, М. 1950, стр. 284).

Ответ на анкету журнала «Vi»

Впервые напечатано одновременно в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1931, номер 32 от 2 февраля.

Написано в Сорренто 3 января 1931 года, о чём свидетельствует пометка на одной из машинописных копий статьи.

Статья включалась в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги (Архив А.М. Горького)

...родит своих «низколобых» Брайанов... – См. примечание к статье «О литературе» в настоящем томе.

Письмо серпуховским рабфаковцам

Впервые напечатано одновременно в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1931, номер 20 от 20 января, под заглавием «Письмо студентам и педагогам Серпуховского рабфака».

Письмо датировано автором «5. I. 31» и является ответом на письмо студентов и преподавателей Серпуховского рабфака, шефом и почётным студентом которого состоял М. Горький (см. письмо М. Горького Президиуму Серпуховского вечернего рабфака и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1931, номер 20 от 20 января).

Письмо включалось в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги. Текст сверен с рукописью (Архив А.М. Горького).

Письмо ЛОКАФу Белорусского военного округа

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma. Впервые напечатано одновременно в газетах «Правда» и «Красная звезда», 1931, номер 21 от 21 января. Письмо датировано автором: 9 января 1931 г.

ЛОКАФ – Литературное объединение Красной Армии и Флота. Письмо является ответом на «Открытое письмо Максиму Горькому» ЛОКАФа Белорусского военного округа, опубликованное в газете «Красная звезда», 1931, номер 21 от 21 января:

«Дорогой Алексей Максимович! Бойцы и начальствующий состав Красной Армии с неослабевающим вниманием и по-товарищески тепло встречают каждую Вашу строку, неизменно направленную на борьбу за наше общее дело, за социалистическую стройку, за мирный труд Советского Союза, против нашего классового врага, идущего в ответ на наше социалистическое наступление в открытую на нас либо скрывающегося под маской представителя «культурного капиталистического мира» – «гуманиста», против механических граждан в нашей стране, шипящих в неистощимой злобе и пытающихся ужалить рабочего, колхозника, красного бойца, воюющих за социализм.

Нет ни одной воинской части, ни одного подразделения, где не читали бы Ваших статей о враге, который не сдаётся, где бы красноармейцы и командиры не выражали полного согласия с тем, что Вы писали об интервентах и их пособниках.

Понятно поэтому, с каким глубоким и искренним возмущением мы, красноармейские писатели Белорусского военного округа, прочли в газетах извещение о гнусной провокации корреспондента газеты «Германия» Кнехта, провокации, пытающейся натравить на Вас жандармерию «культурного мира» буржуазии и помещиков.

«Кнехт» – это значит наёмник. Наёмники капиталистов брызжут бешеной слюной.

Памятуя слова Ильича, мы с гордостью ощущаем свою правоту, когда классовый враг нас бранит, клеветает на нас.

В ответ на травлю, организуемую против Вас, мы заявляем, что нашего Максима Горького никому в обиду не дадим, что с радостью закрепляем за Вами звание «тарана против капиталистической культуры», кличку, которою хотел Вас «сокрушить» буржуазный писака Кнехт.

Алексей Максимович! В наше Литературное объединение Красной Армии и Флота (ЛОКАФ) входят писатели, разделяющие взгляды большевистской партии на литературу и отдающие перо на службу социалистической обороне. Мы бережно и внимательно выращиваем писательский молодняк из рядов бойцов и командиров-ударников. В нашем округе уже работают, учатся, творчески крепнут несколько десятков красноармейских писателей. От имени их, от имени ЛОКАФ БВО мы обращаемся к Вам с просьбой.

Вы во время Вашего последнего пребывания на родине побывали среди красных бойцов. Вы получаете, вероятно, сотни писем из красноармейских частей. К Вам, наконец, приезжали в Сорренто наши моряки. Короче, Вы знакомы с жизнью и задачами армии рабочих и крестьян, Красной Армии.

Нам кажется, что мы вправе просить у Вас, чтобы Вы написали для ЛОКАФ письмо к начинающим красноармейским писателям, чтобы Вы дали им несколько советов о том, как следует писать, чтобы слово было метким оружием, чтобы оно содействовало осуществлению плана социалистического строительства и обороны СССР.

Мы надеемся, что эту просьбу Вы исполните, когда Вам представится возможность.

Горячо, по-красноармейски приветствуем Вас!»

Письмо М. Горького ЛОКАФу в авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту газеты «Правда», сверенному, с авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького).

Письмо золоторазведчиков

Впервые, под заглавием «Ответ Максима Горького Павлу Матвееву Шатунову с товарищами и «мамкой», напечатано в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1931, номер 89 от 31 марта, а также в журнале «Наши достижения», 1931, номер 3, март.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiu.ru
На основании авторской пометки датируется 23 января 1931 года.

Под заглавием «Письмо золоторазведчиков» включалось в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, просмотренному автором при подготовке второго издания указанной книги (Архив А.М. Горького).

О цинизме. Ответ корреспонденту
Впервые напечатано одновременно в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1931, номер 29 от 30 января.

Включалось в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги (Архив А.М. Горького). Текст сверен с рукописью

...300 наиболее энергичных работников... – см. примечание к статье «Письмо селькору–колхознику» в настоящем томе

...«идут вперёд, обратив свои лица назад» – выражение из 20-й песни «Ада» Данте, в которой рассказывается о муках предсказателей и колдунов.

Школе взрослых в Смоленске
Впервые напечатано одновременно в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1931, номер 36 от 6 февраля.

Написано в январе 1931 года в Сорренто.

Включалось в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги. Текст сверен с рукописью и авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького)

...«догнать и перегнать»... – см. примечание к статье «День индустриализации» в настоящем томе.

Наши задачи
Впервые напечатано в журнале «Наши достижения», 1931, номер 1, январь.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту журнала «Наши достижения», сверенному с авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького)

...редакция журнала... – Речь идёт о журнале «Наши достижения»

...один из героев наших и сотрудников по журналу, рабкор... – Речь идёт об очеркисте К.А. Гудке–Еремееве. См. статью «Книга рабкора Гудка–Еремеева» в настоящем томе

...книжка Салова, ударника... – Имеется в виду книга: А. П. Салов. Рождение цеха, М. 1930. Эту книгу автор вручил М. Горькому в Неаполе 26 ноября 1930 года.

Недавно один из членов нашей редакции имел счастье видеть группу ударников... – см. примечание к статье «Письмо селькору–колхознику» в настоящем томе.

Книга рабкора Гудка–Еремеева
Впервые напечатано одновременно в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1931, номер 31 от 1 февраля, с примечанием от редакции: «Предисловие к книге Гудка–Еремеева «Донбасс героический». Книга выходит в издании Московского товарищества писателей». С этим предисловием книга К. Гудка–Еремеева вышла в свет в 1931 году.

В авторизованные сборники не включалось.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiu.ru
Печатается по тексту газеты «Правда», сверенному с рукописью и авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького).

Товарищам-литераторам и редакционному совету издательства ВЦСПС
Впервые напечатано в газете «Правда», 1931, номер 37 от 7 февраля.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту газеты «Правда», сверенному с авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького).

Ураган, старый мир разрушающий
Впервые напечатано одновременно в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1931, номер 51 от 21 февраля.

Написано в ответ на обращение «Международной лиги авиаторов».

Включалось в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, просмотренному автором для второго издания указанной книги. Текст сверен с рукописью и авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького)

...совестливого чиновника Черепкова... – персонаж рассказа А.П.Чехова «Смерть чиновника».

«Заре Востока»

Впервые напечатано под заглавием «10 лет Советской Грузии» – в газете «Правда», 1931, номер 55 от 25 февраля; под заглавием «Заре Востока» – в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1931, номер 55 от 25 февраля, и под заглавием «Да здравствует Советская Грузия!» – в газете «Заря Востока», 1931, номер 58 от 1 марта.

Под названием «Заре Востока» включалось в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги. Текст сверен с рукописью (Архив А.М. Горького)

...сделан мною первый неуверенный шаг... – Имеется в виду первое выступление М. Горького в печати: 12 сентября 1892 года в номере 242 газеты «Кавказ» (Тифлис) был опубликован рассказ М. Горького «Макар Чудра» (см. томе 1 настоящего издания).

О детях

Впервые напечатано в журнале «Наши достижения», 1931, номер 2, февраль.

Включалось в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги. Текст сверен с рукописью (Архив А.М. Горького).

«Мы живём в «Гиганте» – название сборника рассказов, написанных учениками школ села Елани (Ирбитский округ, «Гигант»). Составил Всеv. Лебедев, издание «Крестьянской газеты», М. 1930.

По поводу одной легенды

Впервые напечатано одновременно в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1931, номер 63 от 5 марта.

Включалось в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги. Текст сверен с рукописью и авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького)

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyua...«у пролетария – нет отечества»... – несколько изменённая цитата из «Манифеста Коммунистической партии»: «Рабочие не имеют отечества. Нельзя лишить их того, чего у них нет. Стремясь прежде всего завоевать политическое господство, организовать в один национальный класс и конституироваться как нация, пролетариат пока всё ещё остаётся национальным, хотя совершенно не в том смысле, как понимает это слово буржуазия» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. V, стр.500)

...её многократно повторял создатель большевизма Владимир Ленин. – См., например, статью В.И.Ленина «Марксизм и ревизионизм» (В. И. Ленин, Сочинения, изд.4-е, т.15, стр.22–23). 20 ноября 1916 года В.И.Ленин писал Инессе Арманд:

«У рабочего нет отечества» – это значит, что (альфа) экономическое положение его (le salariat) не национально, а интернационально; (бета) его классовый враг интернационален; (гамма) условия его освобождения тоже; (дзета) интернациональное единство рабочих важнее национального.

Значит ли это, вытекает ли отсюда, что не надо воевать, когда дело идёт о свержении чуженационального ига?? Да или нет?

Война колоний за освобождение?

– Ирландии против Англии?

А восстание (национальное) разве не есть защита отечества?»

(В. И. Ленин, Сочинения, изд.4-е, т.35, стр.196).

30 ноября 1916 года в письме к Инессе Арманд В.И. Ленин вновь вернулся к этому вопросу. Он писал:

«В «Коммунистическом манифесте» сказано, что рабочие не имеют отечества. Справедливо. Но там сказано не только это. Там сказано ещё, что при образовании национальных государств роль пролетариата несколько особая. Если брать первое положение (рабочие не имеют отечества) и забывать его связь со вторым (рабочие конституируются как класс национально, но не в том смысле, как буржуазия), то это будет архинеправильно. В чём же состоит эта связь? По-моему, именно в том, что в демократическом движении (в такой момент, в такой конкретной обстановке) пролетариат не может отказаться от поддержки его (следовательно, и от защиты отечества в войне национальной).

Маркс и Энгельс сказали в «Коммунистическом манифесте», что рабочие не имеют отечества. Но тот же Маркс звал к национальной войне не раз: Маркс в 1848 г., Энгельс в 1859 г. (конец его брошюры «По и Рейн», где прямо разжигается национальное чувство немцев, прямо зовут их к войне национальной)»

(там же, т.35, стр.200–201)

...«рабочему нечего терять, кроме своих цепей»... – цитата из «Манифеста Коммунистической партии» К.Маркса и Ф.Энгельса.

Клевета и лицемерие. Товарищам просвещенцам Орехово-Зуева Впервые напечатано одновременно в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1931, номер 77 от 19 марта.

Включалось в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги. Текст сверен с авторизованной машинописью и рукописью статьи (Архив А.М. Горького).

Привет победителям

Впервые напечатано в газетах «Бакинский рабочий», 1931, номер 74 от 1 апреля, и «Правда», 1931, номер 92 от 3 апреля.

В авторизованные сборники не включалось.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma
Печатается по тексту газеты «Бакинский рабочий».

Товарищ Сталин сказал, что у нас есть все объективные условия для победы социализма и дело за условиями субъективными. – М. Горький имеет в виду следующие слова И.В. Сталина, сказанные им в речи «О задачах хозяйственников» (1931): «Максимум в десять лет мы должны пробежать то расстояние, на которое мы отстали от передовых стран капитализма. Для этого есть у нас все «объективные» возможности. Не хватает только умения использовать по-настоящему эти возможности. А это зависит от нас. Только от нас! Пора нам научиться использовать эти возможности» (И. В. Сталин, Сочинения, т.13, стр.41).

Ответ костромским рабочим типографии «Красный печатник»
Напечатано в газете «Северная правда», 1931, номер 74 от 2 апреля.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту газеты «Северная правда».

О действительности

Впервые напечатано одновременно в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1931, номер 99 от 10 апреля.

Включалось в первое и второе издания книги М. Горького «Публицистические статьи».

Печатается по тексту, подготовленному автором для второго издания указанной книги. Текст сверен с авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького) и первопечатным текстом.

На процессе меньшевиков... – Имеется в виду суд над контрреволюционной группой российских социал-демократов меньшевиков, возглавлявшейся так называемым «Союзным бюро» ЦК РСДРП. Суд происходил с 1 по 8 марта 1931 года. Он вскрыл антисоветскую заговорщическую деятельность партии меньшевиков и её связи с белоэмиграцией и с агрессивными кругами международного империализма

...Владимир Ильич презестостоко надрал им уши. – Имеется, очевидно, в виду выступление В.И. Ленина на V съезде РСДРП (В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 12, стр. 407).

«Дома мы наверно помрём с голоду...» – цитата из книги «Россия. Полное географическое описание нашего отечества... Под редакцией В.П. Семенова. Том второй. Среднерусская чернозёмная область», СПб. 1902, стр.146

...Кондратьевы, Чайновы и К°. – Имеется в виду эсеровско-кулацкая контрреволюционная вредительская группа, разоблачённая в 1930 году

...«отсталых бьют». – Из речи И.В. Сталина «О задачах хозяйственников» (И. В. Сталин, Сочинения, т.13, стр.38)

...о втором большевистском севе... – то есть о весеннем севе 1931 года

...правильность слов товарища Сталина, что мы овладеем наукой... – Имеется в виду следующее высказывание И.В. Сталина:

«Задача, стало быть, состоит в том, чтобы нам самим овладеть техникой, самим стать хозяевами дела. Только в этом гарантия того, что наши планы будут полностью выполнены, а единоначалие будет проведено. Дело это, конечно, не лёгкое, но вполне преодолимое. Наука, технический опыт, знания – всё это дело наживное. Сегодня нет их, а завтра будут. Главное тут состоит в том, чтобы иметь страстное большевистское желание овладеть техникой, овладеть наукой производства. При страстном желании можно добиться всего, можно преодолеть всё»

(«О задачах хозяйственников. Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г.». – И. В. Сталин, Сочинения, т.13, стр.38).

Руководителям журнала «Лиги против империализма»
Впервые напечатано в журнале «За рубежом», 1931, номер 4.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyua

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту журнала «За рубежом», сверенному с авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького).

Редакции газеты «Канадский гудок»
Впервые напечатано в журнале «За рубежом», 1931, номер 4.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается по тексту журнала «За рубежом», сверенному с рукописями и авторизованной машинописью (Архив А.М. Горького).

О работе неумелой, небрежной, недобросовестной и т. д.
Впервые напечатано одновременно в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1931, номер 108 от 19 апреля.

Включалось во все издания сборника статей М. Горького «О литературе».

Печатается по тексту второго издания указанного сборника, сверенному с рукописью и двумя машинописями (Архив А.М. Горького).

Примечания

1

Цитирую по брошюре Н.А. Сетницкого «Капиталистический строй в изображении Н.Ф. Федорова» – М.Г.

2

«дело» это заглохло, до суда – не дошло – прим. М.Г.

3

как смотрит на «преступника» буржуазное государство? На этот вопрос отвечает одна из газет С.Ш. Америки. Она рассказывает:

«Была прослежена жизнь 510 человек, выпущенных из Массачузетской тюрьмы в период 1921 и 1922 гг. Результат оказался поразительный – 80 процентов бывших преступников почти немедленно же возобновили прежний образ жизни.

Как выяснили исследователи, половина всех этих 500 преступников покинули родительский дом раньше, чем им исполнилось 14 лет, лишь 80 человек из всех состояли когда-либо членами кружков или религиозных обществ, остальные же были предоставлены самим себе и обществу таких же, как они, бездомных бродяг.

В некоторых случаях тюрьма действительно несколько изменила характер преступников, и хотя они остались по-прежнему бродягами, бездельниками и пьяницами, но уже не прежними глазами глядят на свой образ жизни.

Но в общем массачузетская анкета подтверждает старый вывод – тюрьма для молодых преступников является настоящим «университетом преступности»

– прим. М.Г.

4

19-го века – прим. Ред.

5

за исключением «Былого и дум» Герцена – прим. М.Г.

6

у нас недавно издана «Федерацией» хорошая книжка Льва Никулина «Письма об Испании» – прим. М.Г.

ие сочинений в тридцати томах. Том 25. Статьи, речи, приветствия 1929–1931. Максим Горький gorkiyma

7

точки – сокращённые следы копыт царского цензора – прим. М.Г.

8

снова наследил цензор – прим. М.Г.

9

не думайте, что это ошибка наборщика и бандитом назван банкир. Нет, Чикаго уже несколько лет находится во власти двух организаций бандитов: во главе одной – Аль-Капоне, другой – Дайямонд. Оба они занимаются массовой контрабандой спиртных напитков, совершили множество убийств, выдерживают битвы с полицией и т. д. – прим. М.Г.

10

Описание содержимого не было опубликовано. Аль-Капоне был арестован спустя более года после обыска – прим. М.Г.

11

очевидно – опечатка и надобно читать: 9-ти; 6-ти лет мальчик винтовку не поднимет – прим. М.Г.

12

здесь! – прим. ред.

13

поторапливайся. – прим. ред.

14

са'хару, пожалуйста. – прим. ред.

15

должно быть, парша. – прим. М.Г.

16

числится (белорусск.). – Ред.

17

подготовку (белорусск.). – Ред.

18 Моё участие в издании этой библиотеки романов выразилось только в том, что я составил список книг – прим. М.Г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!